THE Man BOOKER PRIZE 2003

ПРЕМИЯ БУКЕРА

Моника Али

ШОРТ-ЛИСТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2003 ГОДА

BRICK LANE

БРИК-ЛЕЙН

·РОСМЭН·

Брик-лейн
Моника Али

Аннотация
Моника Али. БРИК-ЛЕЙН
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая

Глава двадцать первая

Аннотация

«Брик-лейн» — дебютный роман Моники Али, английской писательницы бангладешского происхождения (родилась в Дакке).

Назнин, родившуюся в бангладешской деревне, выдают замуж за человека вдвое ее старше и увозят в Англию. В Лондоне она занимается тем, чего от нее ждут: ведет хозяйство и воспитывает детей, постоянно балансируя между убежденностью мужа в правильности традиционного мусульманского уклада и стремлением дочерей к современной европейской жизни. Это хрупкое равновесие нарушает Карим — молодой активист радикального движения «Бенгальские тигры». Карим заставляет Назнин задуматься о справедливости общественного устройства и правильности семейного положения, однако традиционный конфликт долга и страсти разрешается совершенно неожиданным для них обоих образом.

Роман вошел в шорт-лист Букеровской премии 2003 года.

Моника Али
БРИК-ЛЕЙН

Папе, с любовью

Строго и безучастно ведет каждого из нас судьба — и только на первых порах мы, занятые всякими случайностями, вздором, самими собою, не чувствуем ее черствой руки.

И. С. Тургенев

Характер — это судьба.

Гераклит

Глава первая

Округ Маймансингх, Восточный Пакистан, 1967 год

Ровно за час и сорок пять минут до того, как началась жизнь Назнин (началась словно бы на минуточку, и непонятно было, продолжится ли), ее матери Рапбан показалось, что живот ей сжали железным кулаком. Рапбан скорчилась на низенькой табуретке о трех ногах. Возле хижины-кухни она ощипывала курицу для пиршества в честь приезда из Джессура двоюродных братьев Хамида.

— Цыпа-цыпа, старая, костлявая, — приговаривала Рапбан, — ох и поем я тебя, пусть хоть какое несварение! А то завтра опять вареный рис, никаких паратхи[1].

Выдернув еще несколько перьев и глядя, как плавно опадают они к ее ногам, Рапбан вдруг закричала:

— Аааа… Аааа… Аааа…

И догадалась. Вот уже семь месяцев она налива-

[1] Примечания: 1

Паратхи — лепешки, посыпанные кунжутом и тмином, с начинкой из зеленого горошка, лука и картофеля. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

ется, как плод на манговом дереве. Но ведь всего семь месяцев! И она откинула догадки в сторону. И часа полтора, а может, и больше, сжимая мягкую и тощую шею Цыпы, на все вопросы о курице повторяла: «Скоро, скоро». Поглаживая животы, вернулись с полей пропыленные мужчины. Тени детей, что играли в шарики и дрались, стали длиннее и острее. Аромат кардамона и жареного тмина струился по поселку. Тоненько, слабо блеяли козы. И докрасна кроваво завизжала Рапбан и добела жарко.

Хамид бросился из уборной, не закончив свои дела. Он бежал к дому мимо высоченных стогов рисовой соломы (самые высокие здания и те ниже), по грязной дороге, и по пути подхватил здоровую палку, чтобы убить того, кто поднял руку на его жену. Хамид узнал ее голос. Только она визжит так, что стекла лопаются.

Рапбан была в спальне. Постель расстелена, но она не ложилась — стояла, сжимая одной рукой плечо Мамтаз, а другой — наполовину ощипанную курицу.

Мамтаз махнула Хамиду, отсылая прочь:

— Ступай, позови Банесу. Тебе что, рикшу подавать? Давай-давай, шагай.

Банеса подняла Назнин за щиколотку и, с

пренебрежением надув щеки, выдохнула на крохотное голубоватое тельце:

— И дышать-то не может. Если у людей каждый така[2]на счету, зачем акушерку звать?

Банеса покачала лысой сморщенной головой. Она утверждала, что ей сто двадцать лет; вот уже лет десять она повторяет это особенно настойчиво. В деревне никто не помнит дня ее рождения, сама Банеса суше, чем старый кокосовый орех, и никому в голову не приходит сомневаться в ее возрасте. Она заявляла, что приняла тысячу детей, из которых только трое были инвалидами, двое мутантами (один гермафродит и один горбун), один мертворожденный и еще грех-против-Бога-гибрид-обезьяно-ящерицы-которого-захоронили-далеко-в-лесу-а-мать-отправили-подальше-не-знамо-куда. Назнин не вошла в список этих неудач, потому что родилась за пару минут до того, как Банеса притащилась в хижину.

— Твоя дочка, — сказала Банеса Рапбан. — Видишь, какая хорошая. Ей всего-то нужна была помощь на пути в этот мир.

Банеса посмотрела на Цыпу возле несчастной

---

[2] Примечания: 2

Така — денежная единица Бангладеш.

матери, втянула щеки, и ее погребенные под морщинами глаза расширились от голода. Из-за двух молодых девиц, которые тоже решили стать акушерками (надо было придушить их при рождении), у нее вот уже много месяцев во рту ни кусочка мяса.

— Давай я ее вымою и одену для похорон, — сказала Банеса. — Бесплатно. Разве что вот эту курицу за беспокойство. Она такая старая, тощая.

— Дай я подержу девочку, — сказала, плача, Мамтаз, тетя Назнин.

— А я-то думала, что у меня несварение, — сказала Рапбан и тоже начала плакать.

Мамтаз взяла Назнин, которая все висела вниз головой, и вдруг маленькое хлипкое тельце выскользнуло из ее рук и шлепнулось на окровавленный тюфяк. Вопль! Крик! Рапбан схватила Назнин и дала ей имя, вдруг девочка опять умрет и опять — без имени.

Банеса запыхтела и вытерла слюну с подбородка краем пожелтевшего сари.

— Это предсмертные хрипы.

Все три женщины склонились над малышкой. Назнин отчаянно замахала руками, как будто пришла от этого зрелища в ужас. Голубизна

начала исчезать, уступая место коричневому с лиловым.

— Господь вернул ее на землю, — с отвращением сказала Банеса.

Мамтаз, засомневавшись в первоначальном диагнозе Банесы, ответила:

— Он же сам послал ее сюда пять минут назад. Он что, по-твоему, меняет решения каждые три секунды?

Банеса пробормотала что-то невразумительное. Положила руку на грудь Назнин, ее крючковатые пальцы походили на корни старого дерева, выползшие наружу.

— Ребеночек жив, но очень слаб. У тебя два выхода, — сказала она, обращаясь только к Рапбан, — отвезти его в город в больницу. Там ему поставят всякие трубочки и дадут лекарства. Это очень дорогой выход. Тебе придется продать драгоценности. Второй выход — ждать решения самой Судьбы.

Банеса едва заметно повернулась к Мамтаз, адресуя и ей свою последнюю реплику, затем снова обратилась к Рапбан:

— Все равно в итоге решит Судьба, неважно, что ты выберешь.

— Мы отвезем малышку в город, — сказала

Мамтаз, и на ее щеках от желания противостоять проступили красные пятна.

Но Рапбан, не переставая плакать, прижала свою девочку к груди и покачала головой.

— Нет, — сказала она, — нельзя противиться Судьбе. Я приму все, что бы ни случилось. Не позволю моей девочке тратить силы на сражения с Судьбой. Они ей еще понадобятся.

— Хорошо, значит, решено, — сказала Банеса.

Банеса потопталась — от голода впору ребенка съесть, но под взглядом Мамтаз пошаркала в свою лачугу.

Пришел Хамид, посмотрел на Назнин. Завернутая в грубую марлю, она лежала на старом джутовом мешке, постеленном поверх свернутого матраса. Глаза у нее были закрыты и отекли, словно по ним хорошенько заехали.

— Девочка, — сказала Рапбан.

— Я знаю. Ничего, — ответил Хамид, — что ж ты могла поделать.

И снова вышел.

Мамтаз вернулась с рисом, далом[3] и курицей карри на жестяном подносе.

— Она не ест, — сказала Рапбан, — она не знает,

---

[3] Примечания: 3

Дал — чечевица со специями.

что делать с грудью. Может, Судьбой ей предназначено умереть от голода.

Мамтаз закатила глаза:

— Поест утром. А пока поешь ты. Иначе тоже по велению Судьбы умрешь от недоедания.

И Мамтаз улыбнулась, глядя на золовку, на ее грустное личико, полное скорби и по поводу того, что уже было, и по поводу того, что еще будет.

Но и наутро Назнин не взяла грудь. И на следующий день. Еще через день она выплюнула сосок и хитро что-то пробулькала. Рапбан, которая всегда любила поплакать, снова не удержалась от соблазна. Приходили люди: тети, дяди, братья, племянники, племянницы, родственники по мужу, женщины из деревни и — Банеса. Волоча согнутые ноги по утоптанной грязи хижины, акушерка подошла к девочке:

— Знавала я одну малышку, которая не брала грудь у матери, зато сосала молоко у козы. Конечно, малышка была из *моих.* — Она улыбнулась, показав черные десны.

Пару раз приходил Хамид, но ночью спал снаружи на чоки[4]. На пятый день, когда Рапбан, не в силах этого вынести, стала молить Судьбу поторо-

---

[4] Примечания: 4

Чоки — низкая скамеечка с инкрустацией.

питься с решением, Назнин схватила ртом сосок, и в грудь Рапбан вонзились тысячи раскаленных игл, и она закричала от боли и облегчения.

Взрослея, Назнин часто слушала притчу о том, «как была предоставлена собственной Судьбе». Только благодаря мудрому решению матери Назнин выжила и превратилась в широкоскулую и осторожную девочку. В борьбе с собственной Судьбой кровь становится жиже. Иногда, впрочем почти всегда, исход известен заранее. Назнин ни разу не усомнилась в правильности притчи о том, «как была предоставлена собственной Судьбе». Она и в самом деле благодарила мать за негромкую храбрость, за обильно омываемый слезами стоицизм, который наблюдала каждый день. Хамид повторял (отводя глаза в сторону): «Твоя мать святая женщина. И все ее семейство святое». Поэтому, когда Рапбан наставляла дочь смириться разумом и сердцем, принимать милость Бога, быть настолько безразличной к жизни, насколько жизнь безразлична к ней, Назнин спокойно и внимательно слушала, откинув голову и опустив челюсть.

Росла Назнин до смешного серьезной.

— Как поживает моя драгоценная? Еще не разочаровалась, что осталась на этой земле? —

спрашивала Мамтаз, если они не виделись несколько дней.

— Мне не на что тебе пожаловаться. Я все рассказываю Богу, — отвечала Назнин.

Раз нельзя изменить, то надо принять. И раз ничего нельзя изменить, то все надо принимать. Это был главный принцип ее жизни. Основа существования, закон внутреннего мира; заклинание. И когда ей исполнилось тридцать четыре и она была уже матерью троих детей, один из которых умер, когда рядом с мужем-неудачником суждено было появиться молодому и требовательному любовнику, когда впервые в жизни она не смогла ждать, пока будущее приоткроет завесу, когда ей самой пришлось это сделать, она была поражена собственной силой, как ребенок, который, взмахнув рукой, нечаянно попадает себе в глаз.

Через три дня после ухода Банесы в мир иной (на тот момент ей было сто двадцать лет и ни годом больше) у Назнин родилась сестра Хасина, которая никого не слушала. В возрасте шестнадцати лет, не в силах справиться с собственной красотой, она сбежала в Хулну с племянником владельца лесопилки. Хамид накручивал себя, представляя, что скажет преступнику при встрече. Шестнадцать жарких дней и холодных ночей

просидел он возле двух лимонных деревьев, обозначавших вход в поселок. Все это время он только и делал, что кидался камнями в бродячих собак, рыщущих в мусорной куче по соседству, и высматривал свою дочь-шлюшку, чью понурую голову он бы тут же отрезал, если бы разглядел, как она возвращается домой. Ночью Назнин лежала и слушала, как по гофрированной жести крыши стучит дождь, и вздрагивала, когда ухала сова: каждый раз ей казалось, что кричит не сова, а девушка, в чью шею вонзаются наточенные зубы. Хасина не пришла. Хамид вернулся к своим рабочим на рисовые поля. И догадаться, что он потерял дочь, можно было только по взбучкам, которые он устраивал им по самому незначительному поводу.

Вскоре на вопрос отца, не хочет ли она посмотреть на фотографию мужчины, за которого в будущем месяце выходит замуж, Назнин покачала головой и ответила:

— Я рада, папа, что ты выбрал мне мужа. Надеюсь стать такой же хорошей женой, как мама.

Но, уходя, случайно запомнила, куда отец положил фотографию.

Так уж получилось, что Назнин увидела его лицо. Так уж получилось. Гуляя под смоковницами

с двоюродными братьями, она то и дело вспоминала его лицо. Человек, за которого она выходит замуж, стар. Ему не меньше сорока. Лицом похож на лягушку. Они поженятся и уедут в Англию, где он живет. Назнин смотрела на поля, которые в лучах скоротечного вечернего света мерцали зеленью и золотом. Высоко в небе кружил ястреб, замертво падал вниз и снова взмывал, пока небо не растворилось в темноте. Посреди рисового поля стояла хижина. Она походила на устыдившуюся старушку, которая, прячась, осела набок. Соседнюю деревню сровнял с землей ураган, но этой хижине подарил жизнь, перенеся ее в середину поля. Жители деревни до сих пор хоронят своих и ищут мертвые тела. Далеко в полях двигаются черные точки. Мужчины. В этом мире они делают все, что захотят.

Тауэр-Хэмлетс, Лондон, 1985 год

Назнин помахала даме с татуировками. Каждый раз, выглядывая на засохшую траву и разбитый тротуар возле дома напротив, она видит даму с татуировками. Почти во всех квартирах во дворе тюлевые занавески на окнах, и жизнь за ними состоит из теней и очертаний. И только у дамы с татуировками окно не занавешено.

С утра до вечера она сидит, закинув ноги на ручки кресла, слегка наклоняется, смахивая пепел, слегка откидывается, прихлебывая из баночки алкоголь. Вот и сейчас — допила и вышвырнула банку в окно.

За окном полдень. Назнин уже покончила с домашними хлопотами. Через пару часов пора будет готовить обед, а пока можно посидеть, ничего не делая. Жарко, солнце плашмя лежит на металлической раме и ослепительно преломляется в окне. В квартире на верхнем этаже дома «Роузмид» висит красно-золотое сари. Чуть ниже детские слюнявчики и крохотные брючки. На кирпичную стену намертво привинчен знак с чопорными английскими словами и с бенгальскими завитушками ниже: «Не сорить. Не парковать машину. Не играть в мяч». Два пожилых человека в белых пенджабских штанах и маленьких шапочках куда-то идут по аллее так медленно, словно не хотят туда, куда собрались. Тощий бурый пес обнюхивает газон и поднимает лапу, зайдя на середину. Ветер, пахнувший в лицо Назнин, насыщен вонью переполненной мусорки квартала.

Вот уже полгода она в Лондоне. Каждое утро перед пробуждением в голове мелькает: «Если

бы я загадывала желания, я знаю, чего пожелала бы». Она открывает глаза и видит одутловатое лицо Шану на подушке, губы его даже во сне возмущенно приоткрыты. Смотрит на розовый туалетный столик с зеркалом в ажурной оправе и на массивный черный платяной шкаф, занимающий почти всю комнату. «Неужели я обманщица? Раз я думаю: «Знаю, чего пожелала бы»? Разве это не то же самое, что загадать желание?» Если она знает свое желание, значит, где-то в глубине сердца уже его загадала.

Дама с татуировками помахала Назнин в ответ. Почесала руки, плечи, ягодицы. Зевнула и прикурила сигарету. По крайней мере две трети ее тела покрыты татуировкой. Назнин еще ни разу ближе, чем сейчас, ее не видела и не могла различить рисунки. Шану сказал, что дама с татуировками — байкерша, и Назнин расстроилась. Она думала, что на даме вытатуированы цветы или птицы, а оказалось, что рисунки — уродливее не придумаешь, но ей явно нет до этого дела. Назнин постоянно видит ее скучающий, отрешенный взгляд. Как у садху, святых людей, которые в лохмотьях бродили по мусульманским деревням, равнодушные и к милосердным людям, и к немилосердному солнцу.

Иногда Назнин хочется спуститься, пересечь двор и подняться по лестнице «Роузмид» на четвертый этаж. Наверное, придется постучать в несколько дверей, прежде чем ей откроет дама с татуировками. Назнин возьмет с собой угощение, самосы или бхаджи[5], дама с татуировками улыбнется, и Назнин улыбнется в ответ, они сядут у окна, и ничего не делать вдвоем будет легче. Но каждый раз Назнин оставалась дома. Если ошибется дверью, откроют незнакомые люди. Дама с татуировками может рассердиться, что ей внезапно помешали. И без того ясно, что она не хочет расставаться с креслом. И даже если не рассердится, какой смысл? По-английски Назнин могла сказать только *спасибо* и *извините.* Ничего страшного, если еще день она побудет одна. Еще один день погоды не сделает.

Пора готовить ужин. Ягненка карри она уже приготовила. Еще вчера, с помидорами и молодой картошкой. В морозилке до сих пор лежит цыпленок, после того как доктор Азад в последнюю минуту отменил приглашение. Надо еще приготовить дал, овощи, смолоть специи, промыть рис и сделать соус к рыбе, которую сегодня вечером

[5] Примечания: 5

Самосы — пирожки с овощной начинкой и специями; бхаджи — вафли из овощей (чаще из тыквы).

принесет Шану. Надо прополоскать хорошенько стаканы и натереть их до блеска газетной бумагой. Нужно оттереть пятна на скатерти. А вдруг ничего не получится? Вдруг рис слипнется? Вдруг она пересолит дал? А вдруг Шану забудет рыбу?

Это обед. Всего лишь обед. Придет всего лишь один гость.

Она распахнула окно. Залезла на диван и с верхней полки, которую специально соорудил Шану, достала Священный Коран. Пылко попросила защиты от сатаны, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Потом открыла первую попавшуюся страницу и начала читать:

«Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле. Мы завещали тем, кому дарована Книга до вас, и вам, чтобы вы боялись Аллаха. А если вы будете неверными, то ведь у Аллаха — все, что в небесах, и все, что на земле. Аллах богат, всехвален!»

У нее перестало сосать под ложечкой от этих слов и поднялось настроение. Доктор Азад по сравнению с Богом ничто. Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле. Она повторила это несколько раз вслух. Она спокойна. Ее ничего не может потревожить. Только Господь, если Он сам того захочет. Шану начнет психовать

и нервничать перед приходом доктора Азада. Пусть нервничает. Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле. Как это звучит на арабском? Наверное, даже лучше, чем на бенгальском, ведь это самые настоящие слова Бога.

Она закрыла книгу и огляделась: все ли в порядке? Под столом — груда бумаг и книг Шану. Надо их либо убрать, либо не приглашать сюда доктора Азада. Коврики за окном, выбитые деревянной лопаткой, надо снова положить на пол. Ковриков три: красный с оранжевым, зеленый с лиловым, коричневый с голубым. На большом желтом ковре вытканы зеленые листики. Стопроцентный нейлон и, как говорит Шану, долговечный. Обивка на диване и стульях цвета сухого коровьего навоза — очень практичный цвет. Подушечки под голову завернуты в целлофан, чтобы масло для волос Шану не запачкало ткань. Назнин никогда не видела столько мебели в одной комнате. Даже если собрать всю мебель в поселке, у тетушек с дядюшками из кухонь забрать все до последнего стульчика, все равно будет меньше. Низенький столик со стеклянной столешницей и оранжевыми пластмассовыми ножками, три небольших деревянных столика; большой стол, обеденный; книжный шкаф; в углу

буфет, подставка для газет, корзинка с файлами и папками; диван, кресла, две скамеечки для ног; шесть стульев вокруг стола и сервант. Обои на стенах желтые, на них аккуратные коричневые круги и квадратики. В Гурипуре ни у кого такого нет. И она почувствовала прилив гордости. Даже у ее отца, второго по богатству человека в деревне, мебели куда меньше. Он удачно выдал замуж свою дочь. На стенах тарелки, на крючках и проволочках, из них не едят, они для красоты. У некоторых золотая окантовка. «Фольга», — объяснил Шану. Между тарелками в рамочках его сертификаты. Здесь у нее есть все. Все эти прекрасные вещи.

Назнин положила Коран на место. Рядом в обертке самая священная книга: Коран на арабском. Она коснулась обложки.

Назнин долго смотрела на сервант с фарфоровыми фигурками животных и пластмассовыми фруктами. Их нужно протереть. Интересно, как туда попала пыль и откуда она вообще. И все это принадлежит Господу. Интересно, что Он будет делать с фарфоровыми тиграми, брелоками и пылью?

Ну вот, опять мысли унесло куда-то в сторону. Она начала проговаривать суру из Священного

Корана, которую выучила в школе. И хоть значения слов непонятны, успокаивает сам ритм. Вдох начинается где-то в желудке. Вдох и выдох. Плавно. Тихо. Назнин прилегла на диван и уснула. Перед глазами возникли нефритово-зеленые рисовые поля. Взявшись за руки, они с Хасиной идут в школу, срезают путь, падают, руками вытирают коленки. В ветвях кричат майны, беспокойно пробегают козы, большие, грустные буйволы похоронной процессией шествуют мимо. Над головой небо, широкое, пустое, впереди до самого конца, куда ни глянь, тянется земля и растекается под небом темно-голубой чертой.

Назнин проснулась. Было уже четыре. Бросилась на кухню резать лук, глядя на него спросонья, тут же порезалась, нож глубоко зашел в указательный палец под самый ноготь. Открыла холодную воду, подставила руку под струю: «Чем занимается Хасина?» Этот вопрос постоянно приходит ей в голову: «Чем сейчас занимается Хасина?» Это даже не вопрос. Скорее чувство, пронзительная боль в легких. Одному Богу известно, когда они снова увидятся.

То, что Хасина противится Судьбе, не дает ей покоя. Из этого ничего хорошего не выйдет. Так все говорят. С другой стороны, если вдуматься

и вглядеться повнимательнее, разве Хасина не покоряется Судьбе? Если Судьбу нельзя изменить, несмотря на все усилия со стороны человека, тогда, возможно, Хасина и должна была сбежать с Малеком. Кто знает, может, против *этого* она и сражалась и именно *это* не могла изменить. Иногда думаешь, что проще всего с самого начала принять решение, предоставить себя в полное распоряжение своей Судьбы, но как же узнать, куда именно она тебя зовет? А ведь жить нужно каждый день. Если Шану придет сегодня домой и увидит, что в квартире не убрано, что специи не смолоты, неужели она сложит руки и ответит: мол, не спрашивай меня, почему ничего не готово, это решаю не я, а моя Судьба. За куда меньшую провинность муж изобьет свою жену и будет прав.

Шану еще ни разу ее не бил. И ни разу не замахнулся. Он вообще добрый и мягкий человек. Хотя это не значит, что он никогда ее не ударит. Он считает свою жену «хорошей работницей» (Назнин подслушала разговор по телефону). И будет поражен, если она вдруг перестанет таковою быть.

— Девушка неиспорченная. Из деревни.

Однажды ночью Назнин встала выпить воды.

После свадьбы прошла уже неделя. Шану не спал, разговаривал по телефону.

— Нет, не сказал бы. Некрасивая, но и не уродина. Лицо широкое, большой лоб. Глаза близковато посажены.

Назнин дотронулась рукой до головы. Он прав. Лоб слишком большой. Никогда не задумывалась, как близко посажены глаза.

— Невысокая. Но и не коротышка. Примерно пять футов два дюйма. Бедра узковаты, но для вынашивания, думаю, нормально. Да, я все учел, я всем доволен. Может, в старости начнет расти борода на подбородке, сейчас ей только восемнадцать. Да и вообще, лучше со слепым дядюшкой, чем вовсе без него. Хватит мне в холостяках ходить.

«Узкие бедра! На себя посмотри», — подумала Назнин и вспомнила складки жира у него под животом. В них поместятся все его бесчисленные ручки и карандаши. И пара книжек еще влезет. Только тощие ножки не выдержат такого веса.

— К тому же она хорошая работница. Убирает, готовит, ну и все остальное. Единственное, что мне в ней не нравится — она не может разобраться в моих папках, не знает английского. Впрочем, я не жалуюсь. Повторяю: девушка из деревни,

совершенно неиспорченная.

Шану продолжал говорить, но Назнин на цыпочках вернулась в постель. «Лучше со слепым дядюшкой, чем вовсе без него». Пословиц у него — на все случаи жизни. Какая-никакая, а жена — всё лучше, чем совсем без жены. Что-то всегда лучше, чем ничего. А она себе вообразила? Что он в нее влюблен? И благодарен, что она, молодая и изящная, приняла его предложение? Что она пожертвовала собой и что ей за это причитается? Да. Да. Язвительное «да» хлынуло на все вопросы, да, именно это она себе и вообразила. Какая глупая девушка. Какие претензии. Какое самомнение.

Кровотечение остановилось. Назнин выключила воду и обмотала палец кусочком бумажного полотенца. С кем Шану тогда разговаривал? Может, ему позвонил из Бангладеш какой-нибудь родственник, которого не было на свадьбе? Может, с доктором Азадом? Сегодня вечером он сам увидит и большой лоб, и близко посаженные глаза. Из пореза опять проступила кровь. Назнин развязала палец и смотрела, как красные капли сбегают по серебристой раковине. Капли скользили, словно ртуть, и стекали в водосток. Сколько нужно времени, чтобы из пальца полностью вытекла вся кровь? А из всей руки? А из тела?

Как скучно без людей. За исключением Хасины, ни по кому конкретно она не скучает, просто скучно без людей. Если прислонить ухо к стене, слышны звуки. Телевизор. Кашель. Иногда слив бачка в туалете. Наверху шаркают стулом. Внизу вопят болельщики. Каждый у себя в клетушке, каждый подсчитывает, сколько у него вещей. За восемнадцать лет жизни Назнин ни разу не оставалась одна. Пока не вышла замуж. И пока не приехала в Лондон сидеть сиднем в этой большой коробке, вытирать пыль с мебели и слушать приглушенные и запечатанные отзвуки частной жизни сверху, снизу и вокруг.

Назнин посмотрела на палец. Кровотечение снова остановилось. В голову приходят бессвязные мысли. Надо поговорить с Шану насчет еще одного сари. Папа не попрощался. Думала, он зайдет утром, перед их отъездом в Дакку, в аэропорт. Но он с самого утра ушел на поля. Оттого, что так сильно переживал, или он совершенно не переживал? Кончилась полировка для мебели. И моющее средство для унитаза. Захочет ли Шану сегодня опять резать свои мозоли? Что сейчас делает Хасина?

Назнин отправилась в спальню и открыла шкаф. В самом низу в коробке из-под обуви лежит

письмо. Она забралась с ногами на кровать, почти упираясь ступнями в черные лакированные двери. Иногда ей снится, что шкаф падает, придавив ее к матрасу. Иногда ей снится, что она заперта внутри и стучит, стучит, но никто не слышит.

Наш кузен Ахмед дал мне твой адрес хвала Господу. Я слышала о свадьбе и молюсь о твоей свадьбе и сичас тоже. Я молюсь што твой муж хороший человек. Напиши мне и раскажи обо всем.

Я такая щасливая сичас што даже боюсь. Даже глаза открывать боюсь. Спросиш почему? Почему боюсь? Господь отправил меня на землю не только страдать. Я всегда это знала даже йесли стемнеит посреди бела дня.

Дядя Малека дал ему первокласную работу в жд компании. Этот дядя очень большой начальник на железной дороге. Малек уходит очень рано утром и поздно-поздно вечером приходит. Он плохо знает про поезда и про все но говорит што это неважно. Важно быть умным. Умнее моего мужа никово нет.

Представляеш? Мы живем в трехэтаж-

ном доме. У нас две комнаты. Нет веранды но я выхожу на крышу. Есть коричневый каменный пол на нем ноги мерзнут. У нас кровать с металическими пружинами горка и два стула в спальне. Я складываю свои сари и в коробку под кровать. В гостиной у нас три тростниковых стула коврик табуретка (Малек на них любит ложить ноги) и ящик пока мы не купим стол. И также керосиновая печка я ие накрываю шал'ю штобы был порядок. Моя кастрюля и сковородки лежит в ящике. Я не видела тараканов только может одново или двух за все это время.

Ничево што у нас ничево нет я все равно щасливая. У нас есть любовь. Любовь это щаст'е. Иногда мне хочетса как козе прыгать и скакать. Помниш как мы прыгали по дороге в школу. Но бегать здесь мало места и мне шестнадцать лет и я замужнея женщина.

У нас все хорошо. Я не болтаю языком штобы не было проблем как говорит мой муж. И йесли муж добрый к жене это не значит што она может говорить все што в голову придет. Йеслибы все женщины это

понимали ихбы никто не бил. У Малека первокласная работа. Я молюсь о сыне. Я молюсь штобы мама Малека простила «грех» нашей свадьбы. Это придет. Настанет время и она меня будет как дочку любить. Йесли не будет то она ненастоящая мама потомушто настоящая мама любит всево своево сына без остатка. Я сичас ево часть. Йэсли мама былабы жива как ты думаеш онабы меня простила а папа меня простил? Иногда я думаю да она простила. Потом думаю нет не простила и тогда злюсь и очень становитса грусно.

Сестричка я думаю о тебе каждый день и шлю любовь. Кланейся своему мужу. Теперь ты знаеш мой адрес и напишеш мне про Лондон. Ты так далеко подумать страшно. Помниш сказки в детстве они всегда начинались так: Однажды жил на свете принц, далеко в далекой стране за семью морями и тринадцатью реками. Вот так думаю про тебя. Но ты принцесса.

Мы встретимса через много лет снова будем как маленькие.

Раздался стук во входную дверь. Назнин при-

открыла дверь на цепочке, закрыла ее, сняла цепочку и распахнула дверь настежь.

— Никто ему в лицо это не скажет, но за его спиной это повторяют все. Не люблю такие слухи, — говорила Разии Икбол миссис Ислам.

Назнин обменялась с гостьями приветственным «салам» и отправилась готовить чай.

Сидя на диване за низеньким столом, миссис Ислам складывала носовые платочки и распихивала их в рукава шерстяной кофты с кисточками.

— Собирать сплетни — это наше национальное времяпрепровождение, — сказала Разия. — Конечно, это не очень хорошее занятие. В большинстве своем в сплетнях нет и крупицы истины.

Разия покосилась на Назнин — та накрывала столик для чаепития.

— Что слышно на этот раз? Расскажите.

— Ну-у, — протянула миссис Ислам.

Она уселась на диване поглубже и откинулась на коричневую спинку. Рукава ее кофточки раздулись и оттопырились. На ногах — черные носки и ковровые тапочки. Через стеклянную столешницу Назнин увидела, что ноги миссис Ислам дрожат от возбуждения, которое совершенно не отражается на лице.

— Детей-то у нее не было. И это после двенадцати лет замужества.

— Да, это верно, — сказала Разия, — хуже ничего нет для женщины.

— И если кому приходит в голову спрыгнуть вниз с шестнадцатого этажа, значит, точно конец.

Миссис Ислам вытащила носовой платок и вытерла выступивший под самыми волосами пот. От одного взгляда на нее Назнин стало невыносимо жарко.

— Если спрыгнуть с такой высоты, то уж точно инвалидом не останешься, сразу насмерть, — согласилась Разия.

Она взяла у Назнин чашку в свои большие мужские руки. На ногах у нее черные широкие туфли на шнуровке с толстой подошвой. В сари она смотрится довольно странно.

— Хотя, конечно, это несчастный случай. И зачем утверждать обратное?

— Несчастный случай, — сказала миссис Ислам, — только за спиной мужа все шепчутся.

Назнин потягивала чай. Уже десять минут шестого, а у нее всего только две луковицы нашинкованы. О несчастном случае она впервые слышит. Шану ничего ей не говорил. А хочется

узнать, кто эта женщина и почему погибла такой ужасной смертью. Назнин про себя репетировала вопросы, строила предложения и перестраивала их.

— Стыд какой, — сказала Разия и улыбнулась Назнин.

Судя по улыбке, в голове у нее совершенно другое. Улыбка у Разии очень веселая, хотя уголки рта приподнимаются только слегка, обозначая скорее сожаление, чем радость. У нее длинный нос и узкие глаза, на все вокруг она смотрит не напрямик, а искоса, и от этого у нее не то насмешливое, не то оценивающее выражение лица.

Миссис Ислам издала звук согласия — что, мол, да, какой стыд. Она вынула свежий платок и высморкалась. После приличествующей паузы спросила:

— Слыхала про Джорину?

— Да, разное говорят, — ответила Разия, словно никакие новости про Джорину не могли ее заинтересовать.

— И что ты на это скажешь?

— Смотря что именно вы имеете в виду, — ответила Разия.

— Я никогда не говорю о том, что еще никому не известно. Но когда женщина поступает на

работу, этого никак не скроешь.

Разия внимательно посмотрела на миссис Ислам. Разия не знает, что известно миссис Ислам. Миссис Ислам знает все и обо всех, она живет в Лондоне уже тридцать лет. И если человек приехал из Бангладеш, она тут же узнает об этом. Миссис Ислам первая навестила Назнин по приезде, когда от увиденного кружилась голова, когда все вокруг походило на сон, когда только во сне она возвращалась в реальность. Шану называет миссис Ислам уважаемым человеком. Немногих называет он уважаемыми, приглашает в дом или ходит к ним в гости.

«Видишь ли, — говорил Шану, объясняя, что имеет в виду, — большинство наших здесь из Силхета. Они держатся вместе, потому что приехали из одного места. Они знают друг друга еще по той деревенской жизни. И приезжают в Тауэр-Хэмлетс как будто снова к себе в деревню. Большинство плывут на кораблях, где устраиваются на самую черную работу, на самую тупую, или просто тайком забиваются в трюм, как крысы».

Прокашлявшись, он продолжил, глядя в стену, так что Назнин обернулась: кому это он?

«А сойдя с корабля и добравшись сюда, они в

каком-то смысле оказываются дома. Видишь ли, для белых мы здесь все одинаковые: грязные обезьянки одного рода-племени. Но эти люди — крестьяне. Необразованные. Неграмотные. Ограниченные. Без честолюбия».

Он откинулся в кресле и погладил себя по животу.

«Я не смотрю на них свысока, но что поделаешь? Если за всю жизнь человек ездил только на рикше и ни разу в жизни не держал в руках книгу, чего от него можно ожидать?»

Назнин подумала о миссис Ислам. Если она в курсе всех дел, значит, общается со всеми, и с крестьянами в том числе. И все равно она уважаемая.

— Поступает на работу? — спросила Разия у миссис Ислам. — Что случилось с мужем Джорины?

— Ничего с мужем Джорины не случилось, — ответила миссис Ислам.

«Слова у нее летят, словно пули, — с восхищением подумала Назнин. — И спрашивать о женщине, которая упала с шестнадцатого этажа, уже поздно».

— Муж ее при работе, — сказала Разия тоном осведомителя.

— Муж-то при работе, а она все никак не насытится. В Бангладеш на одну зарплату может прожить двенадцать человек, а Джорина все никак не наестся.

— И где она работает? На швейной фабрике?

— Со всеми якшается: и с турками, и с англичанами, и с евреями. Со всеми. Я не старомодна, — сказала миссис Ислам, — и бурку не ношу. А паранджа у меня в сознании, а не на лице, и это намного важнее. У меня есть кофты, и куртки, и шарф на голову. А если якшаться со всем этим людом, какие бы они ни были хорошие, все равно придется отказаться от своей культуры и принять *их*. Вот тебе мои слова.

— Бедная Джорина, — сказала Разия. — Представляешь? — обратилась она к Назнин, которая не могла себе этого представить.

Они продолжали разговор. Назнин накрывала им чай и отвечала на вопросы о себе и о муже, все время думая об ужине и не смея ничего сказать гостям, ибо их нужно было принять достойно.

«Доктор Азад знает мистера Дэллоуэя, — объяснял ей Шану. — Он влиятельный человек. Если он замолвит за меня словечко, я автоматически получу повышение. Так все и работает. Смотри, прожарь специи хорошенько и мясо порежь

большими кусками. Не хочу, чтобы у меня на столе сегодня были мелкие куски».

Назнин расспрашивала Разию о ее детях, мальчике и девочке, пяти и трех лет, которых та оставила у тетушки. Расспрашивала миссис Ислам о ее артрите, и миссис Ислам издавала звуки, долженствующие означать, что бедро доставляет ей настоящие мучения, но она переносит их стоически и молчит. И только когда от беспокойства за ужин стало болеть в груди, гости поднялись и попрощались. Назнин кинулась открывать им дверь, чувствуя, что ведет себя грубо, стоя у двери в ожидании, когда же они наконец уйдут.

Глава вторая

Доктор Азад оказался маленьким педантичным человечком, и говорил он, в отличие от большинства бенгальцев, на четверть децибела громче шепота. Чтобы расслышать, приходилось наклоняться, и поэтому весь вечер казалось, что Шану жадно ловит его слова.

— Подите ближе, — обернулся доктор Азад к Назнин, которая бесшумно подавала на стол. — Подите ближе, сядьте с нами.

— Моя жена очень скромная.

Шану улыбнулся и кивнул головой, чтобы она села.

— На этой неделе пришли ко мне двое наших молодых людей в очень плачевном состоянии, — сказал доктор. — Я им прямо заявил: бросайте алкоголь сейчас же, иначе к Айду[6] попрощаетесь с печенью. Десять лет назад такое и представить себе было нельзя. Двое за одну неделю! Наши дети повторяют то, что видят здесь: заходят в пабы,

---

[6] Примечания: 6

Айд — один из больших исламских праздников: Айд-эс-Сегир (Малый айд) и Айд-эль-Кебир (Большой айд) — двухдневные праздники, связанные с жертвоприношениями.

ночные клубы. Или пьют у себя дома, запершись, а родители думают, что с ними все в порядке. Проблема в том, что наше общество не имеет четких представлений о таких вещах.

Доктор Азад залпом выпил стакан воды и налил себе еще один.

— Так-то лучше. Теперь я не переем.

— Кушайте! Кушайте! — говорил Шану. — Вода хорошо очищает систему, но без еды тоже не протянешь.

Он закинул в рот горсть риса и принялся жевать. Еды оказалось слишком много, и Шану зачавкал, пережевывая. Справившись, он произнес:

— Я с вами согласен. Наше общество слишком мало знает об этих вещах, и не только о них. Сам я не хочу подвергать риску своих детей. Мы вернемся домой, прежде чем они начнут портиться.

— Это другая наша общая болезнь, — сказал доктор, — я называю ее синдромом возвращения домой. Вы знаете, что это означает? — обратился доктор к Назнин.

У Назнин в голове созрела тысяча слов, но так там и осталась.

— Это естественно, — сказал Шану, — наши люди по сути своей крестьяне, они скучают по

земле. Тяга к земле у них сильнее, чем зов крови.

— Вы думаете, что они накопят денег, сядут на самолет и улетят?

— Они и не уезжали-то по-настоящему никуда. Телом они здесь, а душой там. Вы посмотрите, как они здесь живут: такие же деревни строят.

— Никогда им не накопить на билет домой.

Доктор Азад положил себе еще овощей. Рубашка на нем идеально белая, воротничок и галстук так высоко под подбородком, что шеи будто и вовсе нет. На рубашке мужа Назнин увидела желтое масляное пятно, капнувшее с очередной горсти еды.

— Каждый год думают: вот еще годик, — продолжал доктор Азад. — Но сбережений им никогда не хватает.

— А нам много и не понадобится, — сказала Назнин.

Оба посмотрели на нее. Она продолжала, уставившись в тарелку:

— Мы можем жить экономно.

Наступившее молчание Шану прервал смехом:

— Моя жена здесь еще не обжилась. — Он прокашлялся и отодвинул стул. — Дело в том, что я ожидаю повышения, и дела у меня скоро пойдут хорошо. Как только получу повышение, откроет-

ся много возможностей.

— Я тоже постоянно думал о том, чтобы вернуться, — сказал доктор Азад. Он говорил тихо, и Назнин волей-неволей смотрела на него в упор, потому что каждое слово приходилось угадывать по движениям губ. — Каждый год думал: может, в этом году. Поеду, навещу своих, прикуплю земли, поговорю с родственниками и друзьями да и вернусь навсегда. Но что-нибудь обязательно случалось. Потоп, или торнадо чуть не снесло дом, или отключение электричества, или невыносимый и отупляющий бюрократизм, или взятки, которые нужно дать, чтобы получить хоть что-нибудь. И я думал: ну, ладно, в следующем году. А сейчас не знаю, просто не знаю.

Шану прокашлялся:

— Конечно, еще ничего официально не объявлено. Не один я претендую. Но после стольких лет службы… Знаете, за шесть лет я ни разу не опоздал на работу! Больничных всего шесть дней, с моей-то язвой. Некоторые мои коллеги вечно болеют, постоянно на бюллетене: то понос, то золотуха. Мистеру Дэллоуэю я об этом не скажу. Хотя все-таки мне кажется, что он должен об этом знать.

— Желаю вам успеха, — сказал доктор Азад.

— К тому же у меня есть ученая степень. Через несколько месяцев я буду самым настоящим профессором с двумя степенями. Одну получу в Британском университете. У меня будет степень бакалавра искусств. И диплом с отличием.

— Я уверен, что у вас все шансы.

— Вам мистер Дэллоуэй сказал?

— Это кто такой?

— Мистер Дэллоуэй?

Доктор пожал аккуратными плечами.

— Мистер Дэллоуэй — мой начальник. Он вам сказал, что у меня есть шанс?

— Нет.

— Он сказал, что у меня нет шансов?

— Он мне вообще ничего не говорил. Этого джентльмена я не имею чести знать.

— Он один из ваших пациентов. Его секретарша договаривалась с вами о визите: он вывихнул плечо. Он играет в сквош. Очень спортивный человек. Такой среднего роста. Рыжеволосый. У него контактные линзы, может, вы и глаза у него проверяли.

— Вполне возможно, что он мой пациент. У меня их несколько тысяч.

— Надо было с самого начала сказать вам, что у него заячья губа. Ее, конечно, исправили

посредством пластической операции, вы меня понимаете, но все равно видно. Может, вы его вспомните?

Гость не отвечал. Назнин услышала, как Шану подавил отрыжку. Ей хотелось подойти и дать ему в лоб. Ей хотелось встать из-за стола, выйти из дому и больше никогда его не видеть.

— Может, и пациент. Я его не знаю. — Это был почти шепот.

— Не знаете, — сказал Шану, — ясно.

— Но я желаю вам удачи.

— Мне сорок лет, — сказал Шану так же тихо, как доктор, но без самоуверенности последнего. — Я прожил в этой стране шестнадцать. Почти половину жизни. — Он прочистил горло, но горло было чистым. — Я приехал сюда молодым человеком с амбициями. Я мечтал. Я спускался по трапу с дипломом в чемодане и с парой фунтов в кармане и думал, что под ноги мне постелют красную дорожку. Я собирался поступить на государственную службу и стать личным секретарем премьер-министра.

По мере разговора голос его становился громче и заполнял собой комнату:

— Вот какие были у меня мечты. Но получилось немножко по-другому. Здесь людям все равно:

что я спустился по трапу с дипломом в чемодане, что крестьяне со вшами в голове. Что тут поделаешь?

Шану скатал шарик из риса и повалял его по тарелке.

— Чем я только не занимался. Все приходилось делать. Очень много работал, а что взамен? Так сказать, гонялся за дикими буйволами, а рисового поля не вспахал. Знаете такое выражение? Все письма из дома с мольбами я сжигал. И дал себе два обещания. Ко мне придет успех, пусть я его зубами вырву. Это обещание номер один. Обещание номер два: я обязательно вернусь домой. Когда ко мне придет успех. И я выполню эти два обещания. — Шану выпрямился и откинулся на спинку кресла.

— Очень хорошо, очень хорошо, — сказал доктор Азад. И посмотрел на часы.

— Письма с мольбами все еще приходят. От старых слуг, от их детей. Даже от моих собственных родственников, хотя они ни в чем не нуждаются. Они только и думают что о деньгах. Думают, что на улицах здесь валяется золото и что я его складирую в доме. Но я ехал сюда не из-за денег. Разве я голодал в Дакке? Нет, не голодал. Разве им интересны мои дипломы? — И Шану махнул

рукой на стены, где в рамочках висели его сертификаты. — Нет. Более того…

Он снова прокашлялся, хотя нужды в том не было. Доктор Азад и Назнин случайно обменялись взглядами: доктор подумал то же, что и Назнин, а ведь жена не должна так думать о своем муже.

Шану продолжал. Доктор Азад уже съел свою порцию, еда на тарелке Шану уже остыла. Назнин ковырялась в цветной капусте. Доктор покачивал головой в ожидании добавки или десерта, сложив руки на столе. Шану, закончив речь, быстро и шумно ел. Доктор еще два раза взглянул на часы.

В половине девятого он сказал:

— Что ж, Шану. Благодарю вас и вашу жену за замечательный вечер и очень вкусный ужин.

Шану возразил, что еще слишком рано. Но доктор был неумолим:

— Я каждый день ложусь в десять тридцать и полчаса читаю перед сном.

— Мы, интеллектуалы, должны держаться друг за друга, — сказал Шану, провожая доктора до двери.

— Послушайте моего совета. Говорю как интеллектуал интеллектуалу: нужно есть медленнее, пережевывать тщательнее и класть в рот небольшие порции еды. Иначе мы снова встретимся в

клинике по поводу вашей язвы.

— Подумать только, — сказал Шану, — если бы не моя язва, мы бы никогда не познакомились и не пообедали сегодня вместе.

— Подумать только, — ответил доктор, махнул на прощание и исчез за дверью.

Телевизор работал — Шану его не выключил, и он светился в углу комнаты, как огонь в камине. Время от времени Шану подходил, нажимал на кнопки — свет вспыхивал ярче и краски менялись. Но смотреть не смотрел. Назнин с последней стопкой грязной посуды направлялась на кухню, но вдруг задержалась у экрана.

Мужчина в сильно обтягивающей одежде (даже интимные части тела проступили) и женщина в юбке, еле прикрывающей зад, на овальной арене прижались друг к другу так, словно невидимая сила бросила их друг к другу. В зрительном зале раздались и смолкли аплодисменты. Как будто по мановению волшебной палочки люди, все как один, перестали хлопать. Мужчина и женщина отпустили друг друга, бросились в противоположные стороны, но, разъехавшись, тут же начали сближаться. Каждое их движение было — желание, ревность, объяснение в любви. Женщина положила ногу на бедро (Назнин вдруг увидела

на ступне у нее лезвие) и так закружилась, что должна была упасть, но не упала. И ни на секунду не снизила скорость. А потом внезапно замерла, вскинув руки над головой, торжествуя победу над своим телом, законами природы и сердцем мужчины в обтягивающем костюме, который подъехал к ней на коленях, с явным желанием отдать за нее жизнь.

— Кто это? — спросила Назнин.

Шану мельком глянул на экран.

— Фигуристы, — ответил он по-английски.

— Фигуриситы, — повторила Назнин.

— Фигуристы, — поправил ее Шану.

— Фигуриситы.

— Нет, нет. Там нет «и». Фигуристы. Попробуй еще раз.

Назнин все не решалась.

— Ну, не бойся!

— Фигуриситы, — отважно сказала она.

Шану улыбнулся:

— Не переживай. Для всех бенгальцев это проблема. Нам сложно произнести два согласных подряд. Я долго сражался с этой трудностью. Но тебе такие слова вряд ли понадобятся.

— Я бы хотела выучить английский.

Шану надул щеки и выдохнул: «Фуф».

— Посмотрим. На этот счет не переживай. Да и надо ли тебе это?

Он вернулся к своей книге, а Назнин все смотрела на экран.

Он решил, что получит повышение только потому, что ходит в *паб* со своим начальником. Глупый, не понимает, что повышения добиваются другими способами.

Вообще Шану собрался позаниматься. На столе лежат открытые книги. Время от времени он заглядывает в одну из них, переворачивает страницу. Но в основном говорит. *Паб, паб, паб.* Вот еще одна капелька английского языка. У Шану то и дело проскальзывают слова, которые можно бы сказать татуированной даме.

— Этот Уилки, я тебе про него рассказывал, у него образование не выше среднего. Каждый обед идет в паб и возвращается на полчаса позже. Сегодня я видел, что он сидит в офисе мистера Дэллоуэя и говорит по телефону, закинув ноги на стол. Джекфрут еще на дереве, а он уже облизывается. Никогда он не получит повышения.

Назнин, не отрываясь, смотрела на экран. Женщину показали крупным планом. Вокруг глаз — сияющие точечки, как будто она наклеила на лицо множество крохотных блесток. Волосы

зачесаны назад и связаны на затылке искусственными цветами. Грудь поднимается и опускается, словно сердце вот-вот вылетит. Улыбка полна чистейшей, золотой радости. Наверное, ей сейчас потрясающе хорошо, думала Назнин. Такие эмоции нельзя держать внутри, их надо выплескивать.

— Нет, — говорил Шану, — Уилки я не боюсь. У меня степень по английской литературе в университете Дакки. Разве может Уилки цитировать Чосера, Диккенса или Харди?

Назнин, испугавшись, что муж сейчас начнет очередную длинную цитату, взяла последнюю тарелку и пошла на кухню. Он любит цитировать наизусть на английском, а потом переводить ей строчку за строчкой. Но и после перевода процитированный отрывок так же мало понятен ей, как на английском, и она не знает, что надо сказать и надо ли вообще говорить.

Она помыла и прополоскала посуду, Шану пришел к ней на кухню, прислонился к покосившемуся буфету и продолжал:

— Видишь ли… Как бы это объяснить… Люди из низшей прослойки белых, как Уилки, зачастую боятся таких, как мы. Для таких людей мы — единственная преграда на пути падения на самое

дно. Пока мы ниже, они выше кого-то. Когда мы поднимаемся, нас начинают ненавидеть. Так и рождается «Национальный фронт». Они могут играть на страхе, чтобы возникало расистское напряжение, у них появляется мания величия. Среднему классу в этом отношении бояться нечего, поэтому они и ведут себя свободней.

Шану забарабанил пальцами по столу.

Назнин протирала тарелки кухонным полотенцем. «Интересно, пришла ли уже домой женщина-фигуристка, моет ли посуду, вытирает ли? Как трудно себе это представить». У Назнин слуг нет. Все приходится делать самой.

Шану продолжал:

— Уилки, конечно, не совсем *низший* класс. Он работает, и, *в принципе,* нет, он не из низшего сословия. У него определенный склад мышления. Я сейчас прохожу это в программе курса «Раса, этническая принадлежность и индивидуальность». В разделе о социологическом модуле. Конечно, когда я получу степень в Открытом университете, никто не будет сомневаться в моих дипломах. Университет Дакки считается одним из лучших в мире, но здесь люди так и остаются невежами, и в общем и целом и ничего не знают ни о Бронте, ни о Теккерее.

Назнин принялась убирать посуду. Ей надо было пройти к шкафу, но Шану загородил проход. И не пошевелился, хотя она стояла перед ним и ждала. И Назнин оставила сковородки на плите до утра.

— Ай, порезала до крови? — вскрикнул Шану и стал внимательно изучать свой мизинец.

Он сидит в одних пижамных штанах на кровати. Назнин возле него, на коленях, с бритвой в руках.

Пришло время заняться мужниными мозолями на ногах. Она срезает полупрозрачную кожу вокруг желтой мозоли и собирает омертвевшие кусочки в ладонь.

— Нет, вроде все в порядке, но будь поосторожней, ладно?

Назнин переменила положение.

— Кажется, сегодняшний ужин прошел удачно, — сказал Шану, когда Назнин легла с ним рядом.

— Да, мне тоже кажется, — ответила Назнин.

— Он не знаком с Дэллоуэем, ну да ладно. Он хороший человек, очень уважаемый.

— Уважаемый. Да.

— Мне кажется, я уверен в повышении.

— Рада за тебя.

— Выключаем свет?

— Я выключу.

Через пару минут, когда глаза привыкли к темноте и послышался храп, Назнин повернулась на бок и посмотрела на мужа. Внимательно изучала его лицо, круглое, как мяч, коротко подстриженные, редеющие на макушке волосы и густые сросшиеся брови. Шану открыл рот, и Назнин подстроилась под его дыхание, чтобы вдыхать одновременно с ним. Если выпасть из ритма, слышен запах у него изо рта. Смотрела она долго. Некрасивое лицо. За месяц до свадьбы на фотографии оно показалось ей просто уродливым. Теперь кажется хоть и некрасивым, но добрым. Неспокойный, вечно подвижный рот, полные губы без намека на жесткость. Маленькие глаза, укутанные толстыми бровями, в них всегда либо тревога, либо отрешенность, либо и то и другое. Вблизи видно, как кожа на веках собирается в складки и сползает к морщинам в уголках глаз. Он пошевелился во сне, перевернулся на живот, вытянул руки вдоль тела и вдавил лицо в подушку.

Назнин встала и вышла из комнаты. По пути из тесной прихожей на кухню перехватила занавеску из бус, чтобы не шуметь, и подошла к

холодильнику. Достала пластиковые коробочки с рисом, рыбой и курицей, взяла в ящике ложку. Ела, стоя возле раковины, смотрела на луну над темными домами с квадратиками света. Большая, белая, умиротворенная луна. Назнин думала о Хасине и пыталась представить, как это — влюбиться. Может, она влюбляется в Шану, а может, просто привыкает к нему потихоньку? Выглянула во двор. Два парня делали вид, что дерутся, делая ложные выпады вправо и влево. Во рту у каждого по сигарете. Назнин открыла окно и подставила лицо вечернему ветру.

Когда та женщина выпала из окна, сколько, наверное, ужаса было у нее внутри. О чем она думала? А если бросилась из окна? Какие были у нее мысли? В конце концов, какая разница, прыгнула она или упала? Вдруг Назнин поверила, что женщина все-таки прыгнула. Именно прыгнула: оттолкнулась ногами, руки пошире, широко распахнула глаза и… Распущенные волосы как язык пламени и широкая улыбка: ведь такой поступок бросает вызов всему и всем. Назнин закрыла окно и потерла руки. Напротив дама с татуировками поднесла банку к губам.

Жизнь плела свой узор. Назнин чистила, готовила, мыла. Делала Шану завтрак, смотрела,

как он ест, убирала за ним тарелки, собирала портфель, наблюдала из окна, как он гордо шагает через двор к автобусной остановке. Потом ела, стоя у раковины; мыла посуду. Застилала постель, убирала квартиру, стирала носки и трусы в раковине, большие вещи в ванне. В полдень готовила, пробовала на вкус. Шану спрашивал, почему она почти не ест за обедом, и Назнин пожимала плечами, словно к еде была совершенно равнодушна. Так проходили дни — вполне сносно; на вечера тоже грех жаловаться. Иногда она включала телевизор и листала каналы в поисках фигуристов. Целую неделю их показывали в полдень, и Назнин смотрела выступления, сидя по-турецки на полу. И не была в эти минуты ворохом надежд, случайных мыслей, мелких страхов и эгоистичных желаний, а становилась чистым и единым целым. Уходила старая Назнин, а новая Назнин наполнялась белым светом счастья.

Но как только выступление заканчивалось и телевизор гас, старая Назнин возвращалась. От ее возвращения становилось еще хуже, потому что она ненавидела носки, которые терла мылом, глиняных тигров и слонов, которых роняла, протирая пыль, и злилась, что не разбила. Она даже обрадовалась, когда фигуристов перестали

показывать. Начала пять раз в день молиться, раскатывать в гостиной коврик и поворачиваться лицом на восток. Ей нравился порядок, который молитва задавала на весь день, и Шану говорил, что это дело хорошее.

— Но запомни, — сказал он однажды, откашлявшись, — от того, что ты будешь посыпать пеплом голову, святости у тебя не прибавится. Господь видит то, что в твоем сердце.

Назнин надеялась, что это правда. Насколько она успела понять, Шану никогда не молился, и среди книг, которые побывали в его руках, она ни разу не видела Корана. Он любил снимать со стены свои сертификаты в рамочке и рассказывать про каждый:

— Этот из Центра медитации и искусства врачевания на Виктория-стрит. Поясняю: мне присвоена квалификация по трансцендентальной философии. Вот это из Клуба писателей, заочно учился. Вот с этим сертификатом я пробовал устроиться на работу журналистом. Еще я написал несколько рассказов. Где-то лежит у меня письмо из газеты объявлений «Бексли-хит». Как-нибудь найду и покажу. Там говорится: «Нас очень заинтересовал ваш рассказ «Принц среди плебеев», но, к сожалению, он не подходит под

формат наших публикаций. Спасибо за интерес к нашей газете». Хорошее письмо, куда-то я его положил.

Так, а вот это не совсем сертификат. Его я получил в Морли-колледже по окончании вечерних курсов по истории экономической мысли в девятнадцатом веке, это направление в школу, больше мне ничего не дали. Никаких сертификатов. Вот это мой сертификат с отличием по математике. Пришлось попотеть. Это квалификация по велоспорту, а это письмо о приеме на курсы информационных технологий связи — я там был всего на двух занятиях.

Шану все говорил, а Назнин все слушала. Очень часто казалось, что муж говорит не с ней, что она — часть огромной аудитории, которой адресуются все его речи. Ей он улыбается, но глаза постоянно что-то ищут, словно жена — всего лишь лицо в толпе, на котором взгляд задерживается только на мгновение. Он говорил громко, шутил, пел или мурлыкал мелодию. Иногда читал книгу и пел одновременно. Или читал, смотрел телевизор и говорил. А в глазах — несчастье. Что мы делаем здесь, спрашивали они, что мы делаем здесь на этом круглом и веселом лице?

И только говоря о повышении, Шану становил-

ся серьезным:

— Эта миссис Тэтчер опять сокращает расходы. Только и слышно изо дня в день: сокращение расходов, сокращение расходов. Районный совет выжимает последние соки. Теперь мы платим, если хотим попить чаю с печеньем. Это смешно. И может помешать моему повышению.

И замолкал. Назнин даже включила просьбу о повышении в молитву, хотя все-таки после просьбы о следующем письме Хасины.

Пару раз Назнин выходила в город. Попросила у Шану новое сари. Они смотрели на витрины на Бетнал-Грин-роуд.

— Розовое с желтым очень даже ничего, правда? — спросила она.

— Дай подумать, — ответил Шану и закрыл глаза.

Назнин смотрела вверх на серые башни, на выцветшие полоски неба между ними. На уличное движение. Машин больше, чем людей, ревущая металлическая армия разрывает город на куски. Огромный грузовик загородил ей вид, на языке привкус бензина, в ушах стучит мотор. Прохожие идут очень быстро, смотрят вперед и ничего не видят или смотрят себе под ноги на тротуар и говорят что-то лужам, мусору и экскрементам.

Прошли белые женщины в штанах в облипку, похожих на колготки с вырезанными пятками. Толкают коляски перед собой, что-то очень яростно говорят. В колясках визжат дети, мамаши визжат в ответ. Вот еще пара. Одеты совсем по-другому: короткие темные юбки и такие же пиджачки. Плечи у пиджачков приподняты, торчат в стороны. На них можно поставить по ведру с водой — и ни капли не прольется. Поймали взгляд Назнин, зашептались. Пошли дальше, смеясь и оборачиваясь на нее поверх пиджачных плеч.

— Как говорит Юм, — сказал Шану, — ааакх, аакха.

Он приготовился. Сначала заговорил по-английски, потом поморщился:

— Не так уж просто перевести. Но я попытаюсь: «Все объекты, доступные человеческому разуму или исследованию, по природе своей могут быть разделены на два вида, а именно: на отношения между идеями и факты»[7]. Да, вот так, мне кажется, лучше всего. Первый вид, то есть отношения между идеями, он иллюстрирует примерами из геометрии и арифметики. «В суждении «трижды пять равно половине тридцати» выражается от-

[7] Примечания: 7

Здесь и далее цитируется работа Дэвида Юма «Исследование о человеческом разумении». *(Пер. С. И. Церетели.)*

ношение между данными числами». Успеваешь? «Пусть в природе никогда бы не существовало ни одного круга или треугольника, и все-таки истины, доказанные Евклидом, навсегда сохранили бы свою достоверность и очевидность». Ты меня слушаешь? Не волнуйся насчет круга и треугольника. Они из других его примеров. Сейчас, сейчас, я уже перехожу к делу. «Факты, составляющие второй вид объектов человеческого разума, удостоверяются иным способом, и, как бы велика ни была для нас очевидность их истины, она иного рода, чем предыдущая». И здесь он приводит, на мой взгляд, великолепный пример. «Суждение *солнце завтра не взойдет* столь же ясно и столь же мало заключает в себе противоречие, как и утверждение, что оно *взойдет».* Поняла? Два равнозначных объекта человеческого сомнения, а ты спрашиваешь меня, хорошо ли желтое с розовым? Что мне ответить? Могу сказать, что хорошо, могу сказать, что плохо, и все равно не ошибусь.

Он остановился, с улыбкой глядя на Назнин. А она — на него в ожидании ответа.

— Материал ничего, хотя мне все равно.

Он рассмеялся и вошел в магазин. Вернулся со свертком ткани.

— Курс по основам современной философии. Очень интересная точка зрения. Вот твое сари.

Ночью Назнин лежала рядом с храпящим мужем и думала: кем он работает, что вопрос о восходе или невосходе солнца так серьезно обсуждается? Если ему надо заучивать такие слова, чтобы продвинуться, то кем же он работает? Он служит в районном совете. Это еще можно понять. Но на просьбу объяснить, чем конкретно занимается, Шану дает такой обстоятельный ответ, что Назнин теряется. Хоть она и понимает отдельные слова, но они так переплетаются между собой, что либо размывается общее значение, либо она становится в тупик. Она вспоминала слова Шану насчет солнца и размышляла, что он имел в виду. Если завтра солнце не взойдет, это будет выше понимания всех людей, кроме Бога. Утверждение, что солнце *взойдет* и *не* взойдет, — противоречивое утверждение. «Точно так же я говорю, что кровать слишком мягкая, что меня на ней подбрасывает, и я всю ночь ворочаюсь, а Шану говорит, что она совсем не мягкая, и тут же засыпает. В таком случае мы оба по-своему правы насчет кровати, но не насчет солнца. Да и вообще, зачем об этом думать? Скорей бы заснуть, скорей бы заснуть, скорей бы заснуть». И она уплыва-

ла туда, где бы хотела оказаться, — в Гурипур чертить в грязи буквы палочкой, а шестилетняя Хасина скачет вокруг. В Гурипуре, в ее мечтах, она всегда девочка, и Хасине всегда шесть лет. Мама бранится и обнимает их, от нее пахнет так сладко, как пахнет пенка на молоке, когда оно весь день кипит с сахаром. Папа на чоки, поет и хлопает. Зовет их к себе, сажает на колени, потом отсылает, поцеловав на прощание и пощекотав бородой. Они гуляют вокруг озера, смотрят, как рыбаки тащат большие сети с серебристой рыбой, на их мускулистые руки, ноги, грудь. Проснувшись, Назнин думала: «Я знаю, чего пожелала бы». Знала она не место, куда хотела бы попасть, а время. И хоть сейчас бы загадала, но ведь такое не сбудется.

Из дому Назнин выходила не часто.

— Зачем тебе на улицу? — спрашивал Шану. — Если ты выйдешь, десять человек скажут: «Я видел, как она идет по улице». И я себя буду чувствовать дураком. Я не против, чтобы ты выходила, но ведь эти люди такие невежи. Что уж тут поделаешь?

Назнин молчала в ответ.

— К тому же я приношу из магазина все, что тебе нужно. Все, что хочешь, стоит только по-

просить.

Назнин молчала в ответ.

— Я тебе ничего не запрещаю. Я живу по законам западного мира. Тебе повезло, что ты вышла замуж за образованного человека. Очень крупно повезло.

Она продолжала делать что-нибудь по дому.

— Да, кстати, живи ты в Бангладеш, тоже бы сидела дома. Переехав сюда, ты ничего не потеряла, а, наоборот, расширила горизонт.

Назнин вырезала омертвевшую плоть вокруг его мозолей. Старалась не промахнуться бритвой.

Дни побежали легче, чем вначале. «Нужно ждать» — так всегда говорила мама. Назнин ждала, вот они и побежали легче. Если бы еще не беспокойство за Хасину, она сказала бы, что спокойна. «Ты просто жди, а там посмотрим, это все, что в наших силах». Как часто слышала Назнин эти слова. Мама всегда с этими словами вытирала слезы. При плохом урожае, после болезни собственной матери, при угрозе наводнений, когда папа куда-то исчезал и несколько дней не появлялся. Она плакала, потому что ей хотелось плакать, но принимала все, что надо было принять. «Твоя мать — святая женщина», — повторял

отец. Потом мама умерла и своей смертью доказала непредсказуемость и неуправляемость жизни.

Нашла ее Мамтаз. Мама склонилась над корзинами с рисом в кладовой, сердце ее насквозь пронзил гарпун.

— Она упала, — вспоминала Мамтаз, — и гарпун ее удержал. Как будто… Как будто она продолжала падать.

На похоронах Мамтаз сказала:

— Ваша мать была в своем лучшем сари. Наверное, это хорошо, как вам кажется?

После траура папа снова женился. Новая жена появилась внезапно, ниоткуда, и папа сказал:

— Это ваша новая мама.

Через четыре недели новая мама исчезла так же внезапно. О ней больше никогда не вспоминали.

— Ваша мама была в своем лучшем сари, — говорила Мамтаз, — это странно. В тот день ничего особенного не намечалось.

И с тех пор никогда не разговаривала с папой, во всяком случае, Назнин не видела. Тетя всегда выбирала для Назнин и Хасины самые лучшие кусочки мяса.

Постоянно их целовала, даже когда им уже было четырнадцать и двенадцать. И говорила о

маме, снова и снова, словно можно было что-то изменить этими разговорами.

— Я не знаю, что там делали эти гарпуны, зачем их воткнули в пол. Они очень опасно стояли.

Хасина всегда убегала, когда Мамтаз начинала рассказывать, но Назнин оставалась и слушала.

Разия переехала в «Роузмид», двумя этажами ниже дамы с татуировками. Жизнь совсем наладилась. Разия познакомила ее с другими бенгальскими женами. Иногда они заходили к Назнин, пили чай. Назнин нравились эти сборища, но Шану о них она, как правило, не рассказывала. Но больше всего ей нравилось общаться с Разией. Во время короткого путешествия через двор Назнин здоровалась с новыми знакомыми. Кивала мужчине в пиджаке и шортах, который перенес инсульт; он распахивал дверь каждый раз, когда она проходила по полутемному коридору. Улыбалась бенгальским девочкам, которые на лестнице громко болтали о мальчиках и при ее появлении тут же смолкали. Опускала взгляд, проходя мимо молодых бенгальцев у подножия лестницы, они поправляли волосы, курили или неожиданно и громко вскрикивали, голоса их отскакивали от бетонной раковины здания и сыпались на нее, как фейерверк. Летними вечерами

они стояли возле мусорных контейнеров и играли с железными крышками, которые должны были прикрывать контейнеры. Парни грохотали этими крышками, били их ногами, и, по всей видимости, им нравилось это нехитрое занятие. Назнин не смотрела на них в упор, но вели они себя уважительно, уступали ей дорогу и говорили: «Салам».

У Разии всегда была про запас какая-нибудь история. Она любит передразнивать людей и похожа на большого костлявого клоуна. И совсем безобидная. Она и сама смешная, и, глядя на вас, смеется, но в душе очень добрая. Назнин забывала о Хасине, когда приходила к Разии в гости. Последнее письмо от Хасины пришло почти полгода назад. Короткое, корявый почерк вместо обычно аккуратного.

> Сестричка я получила письмо. Оно для меня такое важное ты хорошо живеш и твой муж тоже. Между вами растет любовь и я это чуствую. И ты хорошая жена. Наверное я нехорошая жена но я стараюсь. Только трудно очень иногда. Муж хорошо работает. Ево уже повысили. Он хороший человек и очень терпеливый.

Иногда я ево вывожу из себя но я никогда это не делаю назло. Он скоро уже прийдет домой и мне надо приготовитса. Бог тебя благословит. Хасина.

Назнин написала уже три письма, а ответа все нет. Что-то с почтой, повторял Шану, может, и она твоих писем не получила. Мысли о сестре не давали Назнин покоя. Только Разия могла ее отвлечь.

— Ну ты знаешь его, он еще ходит с наверченной челкой набок, вот так. — Разия костлявой рукой театрально провела по лбу. — Околачивается постоянно возле лестницы в твоем доме, хотя ему самое время быть в колледже.

Она прервалась и шлепнула Тарика по затылку, чтобы тот не таскал сестру за волосы, а потом шлепнула Шефали за то, что та схватила мамину чашку с чаем. Дети побежали утешать друг дружку.

— Отец застукал его в пабе с белой девушкой. Идет он как-то по улице, смотрит: сидят они внутри, пьют и в ус не дуют, что их могут увидеть. Ты его вспомнишь при встрече. У него черные глаза.

— А, мальчишки! — воскликнула Назнин.

Разия улыбнулась и посмотрела на нее сбоку,

сощурившись. Шея у Назнин вспыхнула. Мальчишки примерно ее возраста, может, младше на год-два.

— У Джорины с сыном тоже проблемы. Говорят, он каждый день пьет. Даже за завтраком. И с постели не встает, пока не выпьет, а потом уже ни на что не годен. — Разия пожала широкими костлявыми плечами. — Послушаю такие рассказы и начинаю переживать за собственных детей.

— Джорина ходит на работу, а ты дома сидишь. Да и вообще, Тарик и Шефали очень хорошо себя ведут. И они совсем еще маленькие.

— Они очень быстро растут. Видела, что брюки Тарика уже выше щиколотки?

— Кажется, у Джорины еще дочка есть.

— Ага.

Разия положила ногу на ногу, они стали похожи на две палки на полу. Поправила складки сари. Складки никогда не ложились у нее правильно: или слишком кучно, или слишком свободно, или слишком высоко, или слишком низко. Разии бы очень пошел комбинезон. Он скрыл бы ее большую обувь.

— Да, у нее есть дочь. Ты видела ее. Она была здесь как-то, когда ты приходила. В школьной форме: в коричневом джемпере и серой юбке.

Помнишь? Но она здесь больше не появится. Ее отправили домой.

— Чтобы она замуж вышла?

— Конечно, чтобы вышла замуж и жила в деревне.

— А как же школа?

— Ей исполнилось шестнадцать. Она умоляла разрешить остаться и сдать экзамены… — Разия замолчала и сложила ноги вместе. — Понимаешь, — быстро заговорила она, — с братцем проблемы, и родители пытаются спасти дочь. Такие дела. Теперь она никуда не сбежит и не выйдет замуж по любви.

Назнин положила руку на батарею. Батарея была холодная, несмотря на то что на окне морозные узоры. Комната почти квадратная, совсем как гостиная у Назнин, одна дверь в коридор, другая в ванную. Половину всего пространства занимают детские вещи: пластмассовые игрушки, батареи разобранных кукол и частей от них, маленький ржавый велосипед, высокий стул, сложенный у стены, две аккуратные стопки детской одежды, куча футбольных мячей разной степени сдутости, детский деревянный столик, изрисованный цветными карандашами. Возле стены односпальная кровать, остальная мебель скучилась под окном,

ручки кресла и дивана соприкасаются. Тарик спит уже отдельно, Шефали все еще с родителями. Скоро места не будет хватать. «Три с половиной человека в одной комнате. Это статистика районного совета, — говорил Шану Назнин. — Дома переполнены. Люди постоянно рожают детей, привозят сюда своих родственников и утрамбовывают их, как рыб в консервных банках. Такова официальная статистика Тауэр-Хэмлетс: в одной комнате проживает три с половиной человека».

— Отопление не работает. Муж звонил в районный совет, но так никто и не пришел. — Разия пожала плечами и показала на электрическую печку с двумя конфорками в углу. — Пока вот так.

— Моя сестра вышла замуж по любви. — Назнин посмотрела на кружево мороза на стекле.

— Подожди, — перебила Разия и поднялась. — Я сейчас посмотрю, как там дети. А потом буду тебя слушать. С самого начала.

Назнин рассказала все. О Хасине, о ее лице сердечком, о губах цвета граната и влажных глазах. О том, как все смотрели ей вслед, и женщины, и мужчины, и дети, даже когда Хасине было всего шесть лет. Как старухи, когда Хасине исполнилось одиннадцать, говорили, что такая красота до

добра не доведет. Мама плакала и причитала, что не виновата. Папа мрачнел и отвечал, что наоборот, и мама плакала еще сильнее. И действительно, от красоты были сплошные неприятности, и никто не ожидал, что брак сестры по счастливой случайности окажется удачным.

— У мужа Хасины первоклассная работа в железнодорожной компании.

— Дети есть?

Назнин не отвечала. Возможно. Хасина занята и поэтому не пишет. Может, она написала, что ждет ребенка, может, письмо потерялось и у нее нет времени написать еще одно.

— Может быть. Да, вполне возможно, — ответила Назнин и хотела добавить что-то еще, но не стала.

Разия слушала невнимательно. Больше вздыхала:

— Как романтично.

Она выпрямила спину и притворилась, что шарит в рукавах воображаемой кофты, достает платок и сморкается.

— «Когда я была молодой, — сказала она как можно жестче, и слова полетели, как дротики из трубки, — у нас такой чепухи не случалось. Мама увезла меня из родной деревни в паланкине.

Четыре носильщика несли нас к деду по матери. Мы были в дороге шесть часов. Если бы кто-то осмелился открыть занавеску и хотя бы мельком заглянуть внутрь, этого человека бы…» — Разия издала сдавленный крик и прошлась пальцем по горлу.

Назнин засмеялась:

— Бедная миссис Ислам. Не надо над ней смеяться.

— Бедная миссис Ислам, ну ничего, — сказала Разия, опуская глаза, — так романтично.

Дочь позвала ее из спальни, и Разия поднялась.

— А Шефали по любви выйдет только через мой труп.

Изо дня в день молитва, изо дня в день работа по дому, изо дня в день встречи с Разией. Мыслям надо успокоиться. Сердцу не биться от страха, не биться от желания. Когда это удавалось, Назнин забывала о сестре. Если что-то нужно, просила у мужа. И все откладывала разговор. Вместо этого:

— Кровать слишком мягкая. У тебя спина не болит?

— Нет.

— Тебе на ней не слишком мягко?

— Нет.

— Хорошо.

— Я делаю набросок.

— Дай-ка посмотрю. Что это?

— План дома, который я построю в Дакке. Как тебе?

— Что тут сказать? Я всего лишь деревенская девушка и ничего не знаю о больших домах.

— Думаешь, слишком большой?

— Я ничего не знаю ни о домах, ни о кроватях.

— Что не так с кроватью? Тебе слишком мягко?

— Ничего страшного.

— Скажи мне, если у тебя от нее спина болит.

— Ничего страшного.

— Ответишь ты мне или нет?

— Все в порядке. Я могу спать на полу.

— Это совсем уже смешно.

— У меня есть матрас. Нам, деревенским девушкам, на нем привычнее. И когда рождается ребенок, он спит с матерью на полу.

— Что? Так ты?..

— …

— Ты?

— Да.

— Почему ты не сказала?

— Вот говорю.

— Это точно?

— Я ходила к доктору Азаду. Меня водила миссис Ислам.

— Ха. Ха. Отлично. Ха.

— Я разложу матрас в гостиной. Для него в спальне не хватит места.

— Чепуха. О чем ты говоришь, какой матрас? Я тебе другой куплю. Засуну туда кирпичей, если попросишь.

— Что ж. Мне ничего не нужно. Если хочешь, покупай.

— Договорились. Как насчет прудика вот здесь — сейчас нарисую. И за домом бунгало для гостей.

Он послюнявил кончик карандаша и нарисовал.

— Теперь я точно получу повышение, больше нельзя с ним тянуть. Скажу, так и скажу мистеру Дэллоуэю: «Послушайте, у меня будет сын. Я скоро стану отцом. Дайте мне нормальную работу, для настоящего мужчины, для отца». А если меня не повысят, пошлю его ко всем чертям.

Письмо пришло через неделю. Сердце подскочило и ударилось. Она даже не пыталась успокоиться.

Глава третья

Назнин подала мужу обед: остатки курицы между двумя кусочками белого хлеба. Он положил обед в портфель, застегнул куртку, натянул капюшон. Капюшон большой, отороченный белым мехом. Сбоку лица не видно. В нем Шану очень похож на кровельную черепаху. Назнин смотрела ему вслед из окна: зеленый панцирь, черные ножки торопливо бегут по асфальту. Дама с татуировками до сих пор в ночной рубашке. Прикурила новую сигарету от окурка предыдущей, не давая погаснуть священному огню. Пухлая, как ребенок. На руках пышные каскады плоти; кисти кажутся крохотными. Пухлая бедная женщина. Загадка. В Бангладеш быть бедным и пухлым так же невозможно, как быть богатым и голодным. Назнин помахала ей рукой. Надела кофту, взяла ключи и вышла из квартиры.

Она медленно шла по коридору, рассматривая входные двери. Все одинаковые. Сквозь потрескавшуюся красную краску проглядывает дерево, через квадрат стекла виден комок висячей проволоки, золотые замочные скважины, мрачные черные дверные кольца. Назнин прибавила шагу.

Одна дверь распахнулась, и перед ней склонилась голова, лысая и красная от неведомой Назнин злобы. Назнин кивнула, но сегодня мужчина с инсультом ее не узнал. Назнин быстро прошла мимо, глядя в сторону. На стене кто-то толстым черным карандашом нарисовал бедра и рядом — грудь с вытянутыми сосками. Сзади хлопнула дверь. Назнин дошла до лестницы и устремилась вниз. Верхний свет такой яркий, что чувствуется слабое тепло, исходящее от ламп, а по ногам ползет холод бетона. Пахнет мочой. Назнин, приподняв сари, шла вниз через две ступеньки, пока не промахнулась и не подвернула лодыжку. К счастью, не упала — схватилась за перила и повисла на них. Потом пошла дальше, не обращая внимания на боль, словно это просто судорога и нужно просто размять ногу.

На улице клочья тумана бородой налипли на фонарь. Стайка голубей устало вырисовывала круги по траве, как заключенные на прогулке. Мимо пробежала женщина с ребенком на руках. Ребенок орал и бил ногами свою похитительницу. Женщина извлекла пластмассовую погремушку, чтобы ею, как кляпом, заткнуть жертве рот. Назнин прикрыла голову краем сари. На шоссе посмотрела в обе стороны и свернула

налево. Двое мужчин вытаскивали на улицу мебель из комиссионного магазина. Один вернулся внутрь и вышел с инвалидной коляской. Потом приковал коляску к соседнему креслу, как будто сейчас у мебели начнутся парные гонки. Назнин передумала и пошла направо. Дошла до большого перекрестка, подождала на тротуаре, пока все машины с ревом не промчались в одну сторону, затем в другую. Дважды ступала она на дорогу и дважды отступала назад. Перебраться на ту сторону и не попасть под машину — все равно что выйти на улицу в сезон дождей и не попасть под дождь. Вдруг среди машин мелькнул просвет. «Господь всемогущ», — сказала про себя Назнин. И побежала.

Заревела машина — так ревет старик муэдзин, напрягая голосовые связки до предела. Назнин остановилась, и машину снесло в сторону. Другая затормозила прямо перед ней, выскочил водитель и начал кричать. Назнин снова побежала, нырнула в переулок, потом бросилась вправо на Брик-лейн. Несколько раз они с Шану бывали здесь, но всегда ближе к вечеру, когда из ресторанов пахнет только что сваренным рисом и пригоревшим жиром, когда официанты в черных обтягивающих трико стоят у входа и раздают

меню вместе с улыбками. Сейчас официанты еще не проснулись или только что встали, их обслуживают жены, которых, в свою очередь, не обслуживает никто, которых за обслуживание кормят, обеспечивают кровом и детьми, которых тоже, в принципе, надо обслуживать. На улицах полно мусора — целые мусорные королевства с высокими валами хлама, с пушками пластиковых бутылок и границами, отмеченными залитыми жиром картонками. Какой-то человек, задрав голову, смотрит на верх здания в лесах с таким желанием в глазах, с такой страстью, словно там, на темной шиферной крыше, притулилась его любовь. Пара школьников, бледные, как рис, и шумные, как петухи, срезали угол и побежали в переулок, подпрыгивая от радости, а может, от страха. В общем, на Брик-лейн пусто. Назнин остановилась возле афиш, внахлест наклеенных на металлический щит. Герой и героиня смотрят друг на друга со вселенским голодом в глазах. Ее алые губы одного цвета с его банданой. Капельки пота на его груди подчеркивают рельеф бицепсов. В глазах ее — дымок кипящей страсти, что подчеркивают тени на веках. Неведомая сила держит их на расстоянии (нескольких сантиметров). Печатные буквы внизу гласят: «Ничто в

мире не помешает их любви».

Назнин пошла дальше. Дошла до конца Бриклейн и повернула направо. Миновала четыре квартала, перешла дорогу (пристроилась к женщине и, как детеныш за матерью, ступила вместе с ней на мостовую) и пошла по переулку. Повернула направо, потом налево. Потом через поворот то налево, то направо, пока не поняла, что ходит по кругу. Стала сворачивать наудачу, побежала, захромала — давала себя знать боль в лодыжке — и подумала, что здесь она уже была. Здания показались знакомыми. Показались, уверенности не было, потому что дорогу она не примечала. Только сейчас Назнин замедлила шаг и огляделась. Посмотрела на здание, мимо которого шла. Оно из стекла, скованного стальными заклепками. Входная дверь вращается медленно, как стеклянный вентилятор, засасывая одних людей и выдувая других. Внутри на помосте за стеклянным столом сидит женщина, она то скрещивает свои тонкие ноги, то ставит их прямо. Прижав телефонную трубку к плечу, покусывает ноготь. Назнин запрокинула голову — вверху стекло темнело, как ночное озеро. Здание бесконечно высокое. Оно пронзает облака. А здание напротив — белокаменный дворец.

Ко входу ведут ступеньки, за ними колоннада. По ступенькам оживленно сбегают и поднимаются мужчины в темных костюмах. Они что-то гавкают друг другу и бесцветно кивают. Иногда хлопают друг друга по плечу, не по-дружески, как показалось Назнин, а покровительственно. Ее обгоняют люди, она смотрит им вслед, и у каждого на спине написано стремление выполнить четкий и определенный план: получить повышение, прийти вовремя на встречу, купить газету быстро и без сдачи, проскочить, не теряя ни секунды, прежде чем загорится красный. Назнин, хромая и поминутно останавливаясь, посмотрела на себя со стороны. Без пальто, без костюма, без четкого пути, темнокожая. По ногам пробежал холодок, и от страха (или от возбуждения?) она задрожала, как листочек.

На нее больше никто не смотрит, поняла она в следующий миг. Ее видят — так же, как она видит Господа Бога, о ее существовании знают (как она о Его), но заметят, только если что-нибудь сделать: вытащить пистолет, остановить поток машин. Мысль понравилась. Назнин вглядывалась в тонкие вытянутые лица, в острые подбородки. У женщин странные волосы. Прически стоят на голове, как капюшон у кобры. Женщины плотно

сжимают губы, щурятся, будто злятся на то, что услышали, или на ветер, который взбаламутил им прически. Вот одна женщина в длинном красном пальто остановилась, вытащила из портфеля записную книжку. Просмотрела страницы. Пальто у нее цвета свадебного сари. Длинное и тяжелое, с золотыми пуговицами, как и цепочка на сумочке. На сверкающих черных туфлях тоже большие золотые бляшки. Очень богато одета. Солидно. Ее одежда — обмундирование, пальцы в кольцах — оружие. Назнин запахнула кофту. Замерзла. Кончики пальцев онемели от холода. Женщина подняла глаза, встретила взгляд Назнин. И улыбнулась так, как улыбаются при взгляде на людей, которые никак не могут понять, что же происходит.

Ее заметили. Назнин пошла быстрее, глядя под ноги, чтобы не споткнуться. Вдруг мелькнула мысль, что, сама того не желая, она сравнила себя с Богом. От этой мысли стало так плохо, что на глаза навернулись слезы, и Назнин налетела на мужчину и ударилась об его портфель, твердый, как камень. Мысленно проговорила свою любимую суру:

Клянусь утром и ночью, когда она густеет! Не покинул тебя твой Господь и

не возненавидел.

Ведь последнее для тебя — лучше, чем первое. Ведь даст тебе твой Господь, и ты будешь доволен.

Разве не приютил Он тебя, сироту?

Разве не направил тебя на путь, заблудшего?

Разве не обогатил тебя, бедного?

Боль в колене, в руках и в лодыжке мешала почувствовать благодать. О милости Господа твоего возвещай. О милости Господа твоего возвещай.

Показался лоскуток зелени за черной оградой, в середине две деревянные скамьи. В этом городе пятнышко травы нужно обязательно обносить забором и охранять, как россыпь изумрудов, сверкнувшую из-под лопаты. Назнин нашла вход и села на скамью. Махарани за оградой. Солнце на секунду показалось из-за черной тучи, ударило ей в глаза и снова нырнуло под одеяло, разочарованное увиденным. Назнин устала, замерзла, проголодалась, заблудилась, и нога болит.

Она заблудилась, потому что и Хасина сбилась с пути. Хасина в Дакке. Сама по себе в большом городе, без мужа, без семьи, без друзей, без защиты. Хасина написала письмо перед самым отъездом.

Сестричка я не знала што писать и не писала. Теперь у меня есть новости. Утром когда муж уйдет на работу я уеду в Дакку. Об этом знает только наша хозяйка миссис Кашем. Она сказала што это не очень хорошее решение но она все равно поможет. Она говорит што лучше когда бьет муж но не когда бьет незнакомый. Но ведь незнакомые потом когда побьют не говорят што любят. Йесли меня бьют незнакомые то это почесному.

У миссис Кашем есть дядя в Дакке и дядин шурин снимает евойную площадь. Я немношко скопила денег. Помниш мама говорила всегда «горстка риса в день». Я смогла это и другое. Мама откладывала? Почему она не оставила денег?

Каждый вечер выхожу на крышу. На углу лежит нищая. Она почти раздета. Йесли она сидит прямо смотрит только в землю. Какбутто ей на спину ктото поставил большую пребольшую ногу. Йесли она хочет выглядеть лучше она перекатываитса на бок. Она ходит и волочит ноги и руки как весла. Когда стимнеит приходит человек сажает в тележку и

увозит. Однажды он пришел и она не захотела вставать. Стала волочитса от нево и кричать. Она дошла до продавца кокосов на другой угол улицы.

Я люблю на ние смотреть. Она смелая. На новом адресе напишу тебе опять. Хасина.

Подошел молодой человек, высокий, будто встал на ходули, и сел на скамью напротив. Мотоциклетный шлем он положил на землю. В четыре захода расправился с бутербродом. В куртке у него что-то бормотало, похожее на радио. Он разговаривал в куртку, и из куртки ему отвечали. Молодой человек надел шлем и ушел. Назнин хотелось в туалет. Из-за беременности бегаешь писать по восемь-девять раз на дню и два-три раза ночью. Время уже за полдень, и все утро она не вспоминала о туалете.

Придется писать по-собачьи — на траву. Или под себя — и идти домой в мокрой одежде. Только как найти путь домой? Когда потеряешься, это непросто. Как и Хасина, она не может вернуться. Они обе затерялись в больших городах, которые ни на секунду не останавливаются передохнуть. Бедная Хасина. Назнин заплакала, но больше из-за собственной глупости, чем из-за сестры. И что

ее потянуло сюда, на эти улицы? Куда ее занесло? Заблудившаяся Назнин Хасине не поможет. Заблудившаяся Назнин не поймет страданий Хасины. Назнин следила за лицами, плывущими над оградой. Некоторые бросали взгляд на нее и тут же его отводили; взгляд недолгий, без интереса, без выражения.

Вспомнила слова Разии: «Если соберешься в магазин, иди в "Сэйнсбериз". Англичане второй раз на тебя не посмотрят. А в наших магазинах про тебя начнут говорить. Ты же знаешь, разговорам стоит только начаться. Если о тебе заговорили, то уже не остановятся. И ничего не поделаешь».

О Хасине заговорят.

Ребенок надавил на мочевой пузырь. Ребенок не больше ягоды личи, но контролирует все внутренние органы, особенно мочевой. Назнин поднялась и снова пошла. Солнце куда-то пропало. Больше не проглядывает на секунду-другую из-за туч. Тучи с яростью убийц налетают на верхушки зданий, словно хотят их задушить. Здания не шелохнутся и безразличны, как коровы. И в последнюю секунду тучи разбиваются.

Интересно, думала Назнин, в таком же здании работает Шану? Она представила его в стеклянном офисе, окруженного кипой бумаг, важно

беседующего с коллегами, которые носятся взад и вперед, выполняя свою работу, а он все говорит и говорит. Пришло время ланча, и на улицах стало больше народу. В руках замелькали белые бумажные пакеты с бутербродами. Некоторые ели на ходу, чтобы сэкономить время. Может быть, она встретит здесь Шану? Может быть, он работает здесь, в одном из этих зданий? Эти здания очень важные. Горделивые. Наверное, это правительственные здания. Может быть, сейчас к ней подойдет Шану? Наверное, он уже за спиной. Она обернулась и наткнулась на человека с пластмассовым стаканчиком — горячий чай выплеснулся ей на руку. Чтобы отвлечься от боли в руке, чтобы наказать себя за глупость, Назнин как можно быстрее захромала прочь — щиколотку свело от боли. Кто-то коснулся ее плеча. Она подпрыгнула, как собака, которую хлестнула хвостом змея. За спиной стоял темнокожий человек в темном пальто и галстуке. В нагрудном кармане — платок в форме экзотического цветка, стекла в очках толстые, как галька. Он что-то сказал. Назнин узнала хинди, но смысла не поняла. Он снова что-то сказал, теперь на урду. Назнин немного понимала урду, но акцент у мужчины сильный, и снова она ничего не поняла. Мужчина заго-

ворил по-английски. Его глаза за очками такие огромные, словно их сорвали с какого-то другого, очень большого создания. Она опять покачала головой и сказала по-английски: «Извините». Он торжественно кивнул и ушел.

Начался дождь. И, несмотря на дождь и ветер, хлещущий по лицу, несмотря на боль в ноге, руке и мочевом пузыре, несмотря на то, что потерялась, замерзла и вела себя глупо, Назнин почувствовала радость. Она говорила, по-английски, с незнакомцем, ее выслушали и поняли. Разговор вышел совсем коротенький. Но это лучше, чем ничего.

Назнин вернулась домой за двадцать минут до возвращения мужа, промыла рис, поставила на огонь, перебрала горсть чечевицы, очистив от маленьких камушков, о которые можно зубы сломать, высыпала чечевицу в ковш, залила водой, не посолив, поставила на огонь. Сняла обувь и изучила волдыри. Надела свежее белье и сари, постирала намокшую под дождем одежду. Сложила отжатое сари на бортик ванной, как розового сонного питона.

Шану вернулся, когда она снимала с чечевицы коричневую пенку.

— Понимаешь, — сказал он, словно разговор

не прервался за целый день ни на минуту, — все равно не так уж много я могу сделать. Ни мне, ни кому другому не исправить того, что совершила твоя сестра. Если она решит вернуться к нему, то вернется. Если решит остаться в Дакке, то останется. Чему быть, того не миновать.

Шану прислонился к буфету. Он не снял еще ни капюшона, ни перчаток. Сложил руки на животе. Назнин слышала его дыхание, потом он начал напевать себе под нос. Мотив детской песенки, глупой детской песенки, о неудавшемся походе к дядюшке за молоком и рисом. Каждую клеточку пронзило нечто большее, чем просто омерзение. Когда плывешь в пруду и к ноге или животу вдруг прилипает пиявка, испытываешь примерно то же самое.

— Давай куртку, — сказала она, — может, пройдешь в комнату и сядешь?

— Ах, куртка. — Он, не переставая, напевал. — Когда родится сын, мы с ним разучим песенки. Ты знаешь, что ребенок все слышит, будучи еще в утробе? Если я буду ему петь, то он, когда родится, узнает мелодию.

Шану грохнулся на колени, обнял Назнин за талию и начал петь ей в живот. В руках у нее был ковш с кипятком и пенкой, прямо над его голо-

вой. Назнин с большой осторожностью перелила содержимое в миску.

— Может, ты туда съездишь? — Ее слова булькали, как кипящая вода.

— Куда? — Он снял капюшон и заморгал.

— Куда? В Дакку. Отыскал бы ее.

Шану встал на ноги. Прокашлялся. Тупо перемешал чечевицу, поднял крышку кастрюльки с рисом и выпустил оттуда весь пар: рис теперь не приготовится как следует.

— Ну, — протянул он, — может, и съезжу. Похожу по улицам, поспрашиваю у прохожих: «Вы не видели сестру моей жены? Она недавно сбежала от мужа и прислала свой новый адрес: Дакка». И мы ее живо разыщем. Понадобится всего-то паратройка жизней. Да и здесь особо делать нечего. Всего только степень получить да повышение, ну и еще сына родить.

«Возможно все! Так и подмывало выкрикнуть ему это. — Знаешь, что я сегодня сделала? Зашла в паб. Воспользовалась туалетом. Что, трудно представить? Я шла милю за милей, наверное, прошла весь Лондон, и конца-краю ему не было. А чтобы попасть домой, я зашла в бангладешский ресторан и спросила дорогу. Я смогла!»

— Ну что, собираю чемоданы? Или ты уже со-

брала? Поеду в Дакку, найду Хасину на улице, привезу ее сюда вместе с нами жить. Возьму в придачу остальных твоих родственников, устроим здесь свой маленький Гурипурчик. Замечательное предложение!

— Как знаешь. Я просто сказала.

Шану снял куртку. Хотел потереть лоб, но увидел перчатки на руках, снял их.

— Ты переживаешь за нее. Послушай. Иногда надо подождать, а там видно будет. Иногда это самое лучшее, что мы можем сделать.

— Знаю. Уже слышала.

Назнин бросила в чечевицу три щепотки соли — зерна уже достаточно проварились. Добавила чили, тмин, куркуму и нарезанный инжир. Золотистая смесь стала надувать жирные и довольные пузыри. Назнин попробовала и обожгла язык. Но боли не чувствовала — сердце пылало, оно взбунтовалось.

Из молитв Назнин вычеркнула повышение. На следующий день нарезала три очень острых красных перчика и вложила, как гранату, мужу в бутерброд. Грязные носки снова сунула в ящик с бельем. Когда вырезала ему мозоли на ногах, случайно скользнула бритвой мимо. Бумаги перепутались после уборки. Все домашние

дела — плебеи при дворе его величества Шану — буксовали. Начались небольшие мятежи, рассчитанные на подрыв государства изнутри.

Миссис Ислам отвела Назнин к доктору Азаду. В приемной сильно воняло, словно с потом из пациентов выходили болезни. Пожилой человек с крючковатым носом сидел в углу и угрюмо что-то потягивал из жестяной банки. У самой двери на стульях веером рассыпалась большая семья африканцев: кожа цвета мокрых речных камней, длинные красивые шеи и маленькие грустные глаза. На руках у них перешептывались дети. Взрослые молчали. На лицах ничего, кроме готовности ждать. Ожидание — их основная профессия.

Миссис Ислам втянула воздух через сомкнутые зубы. Пошевелила ногами под стулом и потерла правую пятку левой тапочкой. Из большой черной сумки (сумка, как у врача, но пахнет из нее мятными конфетами, а застежка украшена яркими стеклышками) достала целлофановый пакет с носовыми платочками.

— Вот, милая, возьми. Это тебе.

— Какие они у вас хорошенькие, какие славные.

Миссис Ислам фыркнула:

— Мне их кто-то подарил. *Мои* носовые платочки всегда самого высокого качества. Если тебе нравятся *эти,* то я тебе еще принесу.

— Нет, спасибо, не надо.

— И тебе они тоже не нравятся, — миссис Ислам подняла руку, чтобы ей не возражали, — тогда отдай их мужу.

Она наклонилась к Назнин. Из бородавки возле носа торчат три щетинки, которые после щипчиков стали еще крепче и толще.

— Как у тебя сейчас дела с мужем?

Назнин отвела взгляд.

— Все в порядке. Только вот мозоли его мучают, и желудок периодически болит.

Краем глаза увидела, как собеседница покачала головой и поджала губы. Пауза.

Миссис Ислам снова заговорила:

— Можешь ничего мне не рассказывать. Знаю я это все. Мне и рассказывать ничего не надо.

Назнин посмотрела на объявление на пяти языках.

— Ко мне идет вся молодежь. Они знают: что мне ни расскажешь, все останется в тайне. Но если не хочешь говорить, то я не буду слушать.

Объявление гласит: не курить, не пить, не есть. Только то, чего *не* делать.

— Послушай, что расскажу. — Миссис Ислам взяла Назнин за запястье. Сухая и горячая рука. Припудренная кожа, словно она растворяется от влаги. — В моей молодости до ближайшего колодца идти было две мили. В нашей деревне был свой колодец, но вода в нем испортилась, потому что ее прокляли, и в пруду тоже была отравленная вода. Две тяжелые мили к воде и две тяжелые мили обратно. И женщинам это надоело. Они продолжали носить воду и жаловаться мужьям, но что те им отвечали? Ничего. Потому что мужчинам было все равно. Страдали-то не они. С чего бы лишний раз им напрягаться? Тогда все деревенские женщины собрались вместе, чтобы решить, как им быть. Для начала друг другу поплакались. Потом друг другу посочувствовали. Потом поругали мужчин. Потом стали думать, что же делать.

Одна женщина, кажется Реба, швея, сказала: «Сестры мои, все очевидно. Мужчины должны помучиться, и тогда они выкопают нам новый колодец. Надо отказаться от работы. Устроим им забастовку. Хотят пить — пусть сами добывают воду». Некоторым понравилось ее предложение. Стали обсуждать. Нашлись обратные доводы. Смогут ли мужчины приносить достаточное

количество воды — на всю семью? Смогут ли женщины приносить воду только для себя и не делиться с мужчинами? Не пострадают ли дети? Послушаются ли мужчины сразу или начнут бить жен? Тогда слово взяла Шеназ. Шеназ сидела за кругом. До этой минуты она не произнесла ни слова. После свадьбы Шеназ уехала в город, но муж ее там бросил. Она стала танцовщицей джатра. Вернувшись в деревню, Шеназ стала торговать тем, что покупали, чтобы выжить. Потому и сидела вне общего круга. И вот что она сказала: «У нас есть еще другая работа, и, если мы откажемся выполнять ее, плохо от этого будет только мужчинам». Все повернулись к ней, и она, не поднимая глаз, решительно продолжала: «Мужчина не выживет без воды. Он умрет без нее, но сможет принять мысль, что придется без нее остаться. Без секса мужчина не умрет. Он выживет, но сама мысль, что секса больше не будет, для него невыносима. Вот мое предложение». И женщины в моей деревне получили новый колодец. Если сказать себе, что ты бессильна, тогда да, ты будешь бессильна. Внутри тебя — все, чем наделил тебя Господь. Если муж не выполняет свои обязанности, подумай, может, ты сама забыла что-то сделать.

Миссис Ислам отпустила запястье Назнин. Вытащила платок, вытерла рот, словно прочищая путь для нового рассказа. Глаза у нее маленькие и твердые, как у птицы, седые волосы аккуратно зачесаны назад. На лице — выражение усталости и великодушия. Эта женщина знает: в любой ситуации ее попросят прийти и взять все в свои руки.

Ассистентка с сигаретой за ухом назвала фамилию Назнин.

— Миссис Ахмед, — сказала она, перегнувшись через столик так, что грудь чуть не выкатилась в приемную.

Назнин поднялась и помедлила: идти ли к доктору вместе со своей дуэньей?

— Ступай, ступай, — велела миссис Ислам.

Она гневно посмотрела на грудь приемщицы, и та моментально выпрямилась.

Ноги у доктора Азада вместе. Колени сжаты. Несмотря на большое и мягкое кресло, он не откинулся на спинку, сидит ровно и потому походит на куклу на шарнирах. Он сидит под прямым углом к столу, смотрит на Назнин. На столе блокнот, ручка, желтая прозрачная папка и несколько игрушек-снегопадов. В первое же посещение он рассказал про них Назнин. Эти спящие

под снегом города удивительны. Встряхнешь — и в городе начинается белая буря, и тогда можно представить, что там внутри — жизнь. Детские игрушки, сказал доктор Азад. И не объяснил, почему они стоят у него на столе.

— Есть ли жалобы, идет ли кровь, болит ли что-нибудь?

— Нет, — ответила Назнин, — все прекрасно.

— Часто ли раздражаетесь, опухают ли ноги или лодыжки?

— Нет.

— Хорошо ли питаетесь?

— Да.

— Тогда, думаю, все пройдет гладко, у вас будет здоровый ребенок, который в старости о вас позаботится.

Доктор улыбнулся. У него была совершенно особенная улыбка. Подбородок поднимается, уголки рта опускаются вниз. Тем не менее это улыбка. Брови ползут вверх, подразумевая веселье.

— Нужно всего лишь померить вам давление и договориться о встрече в больнице. У вас есть ко мне вопросы?

У него мягкий голос, слова на губах распускаются, как цветы, но звучат все-таки весомо. Шану говорит громко. Свои слова он ценит на вес золо-

та, а разбрасывается ими, как дурак.

— Только один, — сказала Назнин. — Мой муж снова приглашает вас на ужин.

Доктор Азад достал из ящика черную нарукавную повязку и жестом велел Назнин закатать рукав. Она вглядывалась в его лицо, пытаясь прочитать на нем ответ. Нос у него заострился, мама говорила, что это признак мужской слабости. Но с виду доктор совсем не слаб. Волосы, похожие на сияющий шлем, обрезаны коротко и ровно; на макушке — круг света от лампочки под потолком. Кожа вокруг глаз сероватая и опухшая, глаза никуда не пытаются проникнуть, ничего не приказывают. Рот крепко сжат, спина прямая. Так держатся люди, которые знают не только свое место в жизни, но и то, что миру это место тоже известно.

— Давление в порядке. Хорошо, хорошо. — Он убрал повязку с трубкой и насосиком обратно в ящик. — Да. Я с удовольствием принимаю ваше приглашение. С вашим мужем нам есть что обсудить. В последний раз нас грубо прервали мои пациенты. К тому же я должен вернуть ему книги. Одну я еще не дочитал. Она у меня с собой. Как вы думаете, ничего, если я не буду ее пока возвращать?

Назнин ничего не знала ни о прерванном разговоре, ни об одолженных книгах. Как болит спина! Не помогает даже лежать навытяжку на новом жестком матрасе. Хочется в туалет, в последнее время появились боли при мочеиспускании. В остальное время там чешется. Но разве можно такое рассказывать доктору Азаду? Все прекрасно, сказала она. Можно бы сказать про спину, только спина потому и болит, что она беременна.

— Да, мы с вашим мужем раз или два еще виделись. — Он помолчал. — Хотя нет, раза три или четыре. Он угощал меня вашим замечательным кебабом. Я подписал его прошение. Он дал мне книг почитать. Мы даже немного поспорили о литературе. Все это замечательно, но всему свое время. Мне нужно еще, скажем так, заехать домой.

Прошение? Какое еще прошение? Никакого прошения она не видела. Назнин вернулась к миссис Ислам. Та, закинув голову, замерла в кресле, и, если бы не открытые глаза, можно было бы подумать, что миссис Ислам спит мертвым сном. Может, она спит с открытыми глазами? Может, поэтому и не пропускает ничего и всегда в курсе всех событий? Хотя, наверное, о Шану, Хасине и всех наших проблемах ей рассказала

Разия. Назнин чуть улыбнулась при мысли о Разии, представив себе, как Разия складывает длинные ноги и вытягивает сплетню за сплетней из большого рта.

Назнин согнулась на коленях, руки на коврике. Послеобеденная молитва. Сейчас внутри должно быть только одно. Все жалобы, тревоги, чаяния, составляющие ее жизнь, надо отодвинуть в сторону. Оставить только благодарность. Благодарностью надо преисполниться до самых краев. И больше никаких мыслей. Кроме мыслей о Боге. И о словах молитвы. *«Имя Твое благословенно. Твое величие безмерно, и нет никакого божества, кроме Тебя».* Можно еще думать о ребенке. Богу не понравится, если она забудет о ребенке. И о Хасине. Надо поблагодарить за то, что сестра жива и здорова, за благополучно полученное письмо. О ребенке забыть сложно: он пихается в животе и ищет точку опоры где-то под ребрами. Лбом коснуться коврика — выше ее сил. Просто невозможно. Беременным полагаются свои поблажки. Можно совершать намаз, сидя в кресле. Однажды она так и сделала, но в кресле одолевает лень. И все равно приятно, что имамы это продумали. Ислам относится к женщине по-доброму и с состраданием. Интересно, испытай хоть раз имамы

беременность, может, и сидеть стало бы *не обязательно?* Тогда и вопрос о лени был бы закрыт. «С чего вдруг мне такие глупые мысли в голову полезли? С чего я вдруг начала думать о беременных имамах? Иногда такое ощущение, что голова моя — будто и не моя, мысли вылетают из нее и с грубой ухмылкой щелкают меня же по носу».

Когда Назнин услышала стук в дверь и голос Разии: «Сестричка, это я. Я тебе принесла лекарство», она почувствовала и раздражение, и облегчение.

Разия была в шерстяной шапке, которая закрывала уши и лоб по самые брови. Поверх салвар камиза[8] она надела мешковатый свитер с каким-то животным (то ли коза, то ли олень) на груди. Ботинки ее похожи на грузовики, большие и побитые. Она не сняла шапку, и Назнин постоянно хотела ее об этом попросить.

— Разводи пакетики в воде и принимай два раза в день. Все пройдет. Больше не будет жечь.

— Так и сделаю, — ответила Назнин. — Идем, кое-что покажу.

На этот раз письмо было подлиннее. На нем стоял адрес. Хасина рассказала о своем хозяине,

---

[8] Примечания: 8

Салвар камиз — костюм, состоящий из рубашки-камиз и штанов-салвар.

мистере Чоудхари, о работе на ткацкой фабрике, куда он собирается ее устроить, о кафе-мороженом в конце дороги. В строчках читалось возбуждение, особенно в рассказе о фисташковом вкусе и маленьких пластмассовых ложечках. Она, кажется, и не подозревает об опасности (ведь она в опасности, девушка, молодая красивая девушка, одна в Дакке), но Назнин надеялась, что мистер Чоудхари позаботится о ней. Мистер Чоудхари, наверное, ответственный человек. Человек состоятельный — уважаемый человек, сказал Шану, и он ее защитит.

— Рада за тебя, — сказала Разия, — и твой муж, наверное, тоже рад.

— Он с самого начала ничего делать не хотел, а сейчас и не надо.

— Мужчинам нравится, когда они в итоге правы. Нам остается только все время доказывать им, что они правы. Мой точно такой же.

— Прочитал письмо и заявляет: «Что я тебе говорил? Иногда надо подождать, там видно будет».

— И вот так поджал губы и покачал головой? — Разия надула губы и выпучила глаза.

Назнин не улыбнулась:

— Он готов спорить со всем на свете, кроме того, что мою сестру надо предоставить собственной

судьбе. Изменить можно все, но только не это.

Разия откинулась на диване. Диван под ней казался меньше, одну из подушек в целлофановой наволочке она скинула на пол.

— Разве можно противиться судьбе?

— Я и не противлюсь.

У Назнин мелькнула мысль рассказать историю о том, «как была предоставлена собственной судьбе». Но это слишком долгая история.

— Я просто…

«Что? Злюсь на Шану. За что?»

— Ты очень волнуешься за сестру. Ничего удивительного. В твоем положении все вокруг начинает больше беспокоить. Надо беречь нервы. Знаешь, что Назма в воскресенье родила третьего на два месяца раньше срока? Правда это или нет, но Сорупа говорит, все из-за того, что муж ни на минуту не оставлял ее одну, вот ребенок и родился еще не готовым.

— Ой, — от одной только мысли об этом Назнин поморщилась.

Она погладила живот и прижала к нему руку, чтобы нащупать головку или попку ребенка. Поставила ноги на табурет. В квартире прибавилось еще три стула и одно кресло — всё в серых полосках плесени, но Шану настаивает, что оно

ценное, и хочет его продать, как только починит. Передвигаться среди мебели все трудней. Они на пару увеличивались, что Назнин в объемах, что мебель в количестве.

— Но справилась она быстро. Не то что с первым. Роды тогда продолжались тридцать шесть часов. Я своего родила за двадцать восемь.

— Когда я готова была появиться на свет, мама решила, что у нее несварение. Она говорила, что женщины слишком много шуму из этого устраивают.

— Ха.

Из-под ноги она вынула одну из книг Шану и положила ее на кофейный столик.

— Роды — естественная вещь, они случаются с каждой женщиной.

— Ха, — сказала Разия, — поеду с тобой в больницу. В следующий раз помогу тебе собрать сумку.

— Мама не пикнула, когда меня рожала.

— М-м.

Разия огляделась вокруг, как будто очутилась в этой комнате впервые. Назнин тоже огляделась. Возле окна отклеился и завернулся кусок обоев. Тонкие серые занавески похожи на длинные использованные бинты. За окном полдень, но

солнечный свет куда-то спрятался, и все вокруг затянуло серостью занавесок.

— Слышала про Амину?

Назнин ничего не слышала.

— Подала на развод. Мне Назма сказала, а Назме — Сорупа. Сорупе сказала Хануфа, она первая узнала.

— Однажды я видела, у нее губа была разбита. А в другой раз была перевязана рука.

— И не только. — Разия посмотрела на Назнин из-под изогнутых ресниц: понятно, наслаждается моментом. — У него есть другая жена, о которой он все забывал рассказать последние одиннадцать лет.

— Да оградит нас Господь от таких грешников.

«И от нас самих, дабы не получать удовольствие от таких рассказов».

— Ничего, главное, что твой муж тебя ни с кем не делит. Тебе есть за что сказать спасибо. — Разия улыбнулась.

В ее лице нет ничего женственного, стоит завязать волосы, и она сойдет за рабочего или рыбака, но с улыбкой выражение лица у нее уже не такое пронырливое и даже нос кажется меньше. Когда Разия улыбается, она становится почти красивой.

— Как дела с повышением?

— Муж говорит, что все они расисты, в особенности мистер Дэллоуэй. Говорит, что повысят, только времени уйдет больше, чем если бы он был белым. Говорит, что если покрасит кожу в бело-розовый цвет, то все проблемы тут же будут решены.

Шану в последнее время чаще говорит о расизме, чем о повышении. Предупреждает ее, чтобы она не водила дружбы с «ними», как будто у Назнин есть такая возможность. «Они бесконечно вежливы. Они улыбаются. Они говорят «пожалуйста» это и «спасибо» за то. Смотри не зазевайся, когда они подают тебе правую руку, левой могут воткнуть в тебя нож».

— Что ж, — сказала Разия, — наверное, он прав.

Назнин повторила про себя ее слова: «Наверное, он прав». Она ждала еще слов. Разия сняла со свитера ниточку.

— Говорит, что это дискриминация, — сказала Назнин.

— Тогда вот что у него спроси. Здесь лучше, чем у нас в стране, или хуже? Если здесь хуже, почему он еще не уехал? Если здесь лучше, почему он жалуется?

Назнин никогда не задавалась такими вопросами и не задавала их вслух. Она здесь потому, что так получилось. И другие люди здесь по той же причине.

— Не знаю, жалуется он или нет, — вдруг услышала Назнин свой голос, — ему нравится рассуждать об этих вещах. Он говорит, что расизм заложен в систему. Я не знаю, какую систему он имеет в виду.

— У моего сына есть учительница, очень хорошая женщина. Она много помогает Тарику и очень нравится ему. У моего мужа есть коллега по работе, он дает нам вещи. Одежду, из которой выросли дети. Штуковину для сушки волос. Радио, стремянку. Все, что может. Есть хорошие вещи, есть плохие. Как и люди. С некоторыми раскланиваешься. С некоторыми нет. Они нас не трогают, и мы их не трогаем. И я этим довольна.

— Наверное, люди на работе у моего мужа все плохие.

— И еще: если у тебя нет работы, тебе выплачивают пособие. Ты знала об этом? Здесь можно найти жилье и не платить за него. Твои дети могут ходить в школу. Но самое главное, тебе выплачивают пособие. А там, дома, что? Если нет работы, можно прокормиться? Кто тебе даст

крышу над головой?

Разия сняла шапку.

Назнин взвизгнула.

— Я обрезала волосы, — сказала Разия, — надоели они мне, причесываешься, причесываешься.

Она провела рукой по волосам и накрыла одной прядкой лицо. Прядка не достала даже до рта. Разия прочитала мысли Назнин.

— Он еще ничего не сказал. Он просто вот так на меня уставился.

Разия открыла рот и посмотрела на собственный нос. Ее смех разбился в воздухе, как блюдце о кафель: от внезапного взрыва хотелось подпрыгнуть.

— Он не разозлился?

Назнин казалось, что муж Разии постоянно находится в злобном состоянии. Она несколько раз видела его дома и пару раз во дворе. Он работает на фабрике по изготовлению пластмассовых кукол. Такой большой мужчина и делает таких маленьких кукол. В буфете на кухне валяются ноги, на подоконниках головы, за диваном кукольные туловища. Либо он приносит уже разрозненные части, либо Тарик и Шефали обожают их расчленять. Назнин ни разу не слышала от него ни слова, только однажды из-за закрытой

двери он сказал что-то Разии, но она не поняла что. Он постоянно молчит, но в бровях мерещится спрятавшийся гром, рот сжат, как у убийцы. Муж Разии так не похож на ее собственного мужа. Даже когда Шану ругается на весь мир, он скорее смущен, чем яростен.

— Пусть злится, — сказала Разия, словно ее это не касалось. — Волосы у меня все равно сейчас не отрастут. Ладно, мне пора. Не забудь про лекарства. Мне нужно идти, я сейчас в колледж. Собираюсь учить английский.

Назнин с трудом удержалась на ногах. Напомнила Разии о шапке. Представила себе Хасину с короткими волосами, в мужских штанах и сигаретой в ярко накрашенных губах.

— Ты знаешь, почему я собираюсь учить английский? — спросила Разия у двери. — Когда мои дети научатся грязно шутить за моей спиной, я их хоть тресну хорошенько.

Шану сидел по-турецки на кровати. Голые коленки слепо уставились в стены. Живот над гениталиями возвышается, как зоб. Руки он сложил в складках живота, что-то ищет ими, взвешивает. Руки темные, худые, над правым локтем россыпь прыщей. Плечи изящные, правильно очерченные. Над всем этим круглое и пухлое

лицо. На другом человеке такое лицо смотрелось бы довольным.

Размышляет. Рот дергается и съехал куда-то влево. Потом, наоборот, — вправо, на этот раз высоко, даже щека поднялась, и ноздря сплющилась, и глаз закрылся. На секунду губы расслабились, разошлись, растянулись, чуть не уронили слово. Слово подхватили глаза. Они сощурились от напряженного размышления, расширились от удивления, скосились в оценке. Тут же заработали брови и собрали под свое начало все морщины около висков. Когда Шану не спит, он думает, и все мысли написаны на лице. Как ребенок, который научился читать, но произносить еще не умеет.

— Понимаешь…

Он пожевал немного, словно пробуя свои мысли на вкус. Прокашлялся, вытащил из живота руки.

— Понимаешь, доктор Азад намекнул, что с моей стороны был факт жульничества, обмана. Да, он прямо обвинил меня в незаконном действии. Это неправда. Это совершенная неправда.

Назнин протянула ему пижаму. Кое-как повесила брюки на плечики, не расправив их хорошенько, и в шкаф. Шану не обратил внима-

ния ни на грязные носки, ни на помятые брюки. Забастовка осталась незамеченной. Назнин раздражало, что он не проявляет никакого интереса, но собственная хитрость ей нравилась.

Шану посмотрел на пижаму, как будто увидел в этих цветочках что-то удивительное, что-то совершенно новое.

— Понимаешь ли, смысл не в том, чтобы запутать, а в том, чтобы прояснить. Вообще-то, я хочу возглавить передвижную библиотеку. Кому, как не мне, такое поручить? Это моя идея, мое прошение, мое детище, если можно так выразиться. Лучше кандидатуры, чем я, не найти, только я смогу открыть этому тщедушному райончику мир большой литературы. Конечно, начал бы я скромно: с книгами на бенгали туговато. Но я поехал бы в Дакку. В Калькутту. Порыскал бы там на полках в университете. Была бы у меня эдакая литературная миссия.

Шану с удовольствием крякнул, как будто только что расправился с обедом. И снова лицо его оживилось. Он поднял палец и одновременно повысил голос:

— Короче говоря, доктор Азад сказал, что я нечист на руку. Я ему отвечаю: «Слушай, Азад («Я была там! Неужели не помнишь? Я была там, и ты

всегда обращаешься к нему "доктор"»), я просил тебя подписать прошение, ты его подписал. Мою идею насчет передвижной библиотеки ты одобрил. Ты даже, кажется, сказал, что она отличная. А теперь говоришь, что вместо отличной идеи видишь двуличного начальника, то есть меня. («Неправда. Не говорил ты такого».) Неужели тебе надо втолковывать, что поправка моего прошения называется коррекцией, а не коррупцией?» На это сказать ему было нечего. — Шану надел пижамную куртку. Улыбнулся. — Мне кажется, это говорит о многом.

— Когда ты ее получишь? Я имею в виду библиотеку.

— Ну, вопрос в финансировании. Стоимость фургона, книг, бензина. В общем, всего. Для начала надо подписи собрать.

— Сколько у тебя уже подписей?

Шану подумал немного, наклоняя голову в разные стороны:

— Всего в сумме где-то семь или восемь. Но я рассчитываю на большее. Как ты думаешь, повесит ли доктор Азад копию прошения у себя в приемной?

— Не знаю, — ответила Назнин, — может быть.

Она смотрела на человека в пижамной куртке

в желтый цветочек, на его голые коленки на розовом покрывале. На большой черный сияющий шкаф. На коричневый ковер с вытоптанным рисунком, сквозь который уже проступает уток. На лампу, которая освещает пыль в углах, на кривые тени по стенам. На свой живот, из-за которого уже не видно ног: приходится наклоняться, чтобы посмотреть на весы, сколько прибавила. И увидела себя в ловушке собственного тела, этой комнаты, квартиры. Всему этому она не нужна. И зажмурилась на пару ударов сердца, и вдохнула аромат жасмина возле колодца, и услышала, как курица копает горячую землю, и почувствовала, как солнце согревает щеки и пляшет на закрытых веках.

— Может быть, а может быть, и нет, — сказал Шану. — Наверное, мне не нужно иметь с ним дела. Бог знает в чем он меня потом обвинит.

Он залез в пижамные штаны, не вставая с кровати, перевернулся на живот и поднял книгу с пола.

— Это очень хорошая книга. «Разум и чувства». — Название произнес по-английски. — Перевести сложно. Дай-ка подумаю.

— Разия собирается учить английский в колледже.

— Ну, хорошо.

— Может, и я с ней буду ходить.

— Ну, может.

Он не отрывался от книги.

— Так можно?

— Знаешь, начну-ка я читать про политику. Про выборы в девятнадцатом веке. Но в учебнике так сухо пишут. Лучше читать романы. В романах вообще многое можно почерпнуть — и насчет общества, и политики, и земельной реформы, и социального неравенства. В романах не такие официальные описания.

— Так, значит, можно мне туда ходить?

— Куда?

Шану перевернулся на спину и посмотрел на Назнин. Она снова увидела его живот.

— В колледж. С Разией.

— Зачем?

— На уроки английского.

— Ты скоро станешь матерью.

Назнин взяла с подоконника стакан. Да, она скоро станет матерью.

— Хлопот с ребенком тебе вполне хватит. Да и в колледж его не возьмешь. Его надо кормить, попу вытирать. Это тебе не просто так. Это тебе не в колледж сходить.

— Да, — ответила Назнин, — знаю, что не просто так.

— Вот и молодец. А сейчас я почитаю. А то все разговоры, разговоры, разговоры.

И он снова перевернулся на живот.

Холодильник жужжит, как огромный москит. За окном — рев уличного движения. Назнин не стала включать свет. Половинка песочной луны вскарабкалась на небо. Ступни ощутили тепло линолеума. Назнин взяла стаканчик йогурта и посыпала его сахаром. Стала у стола, начала есть. «Ешь! Ешь!» — твердит Шану за обедом. Но она специально отказывается. Чтобы показать свое хладнокровие. Самоотречение. Хочется, чтобы он это заметил. Полуночные перекусы вошли в привычку, потом превратились в удовольствие и утешение.

Мама часто готовила йогурты: густые, сладкие, теплые. Не то что эти пластмассовые стаканчики из-под английских пластмассовых коров. И все-таки. Если посыпать сахаром, то съедобно. И очень удобно. Вспоминая теперь о Гурипуре, она вспоминала о неудобствах. Жить без бачка в туалете, расстаться с обеими раковинами (в кухне и в ванной), разводить костер, вместо того чтобы поворачивать флажок, — разве это равноценный

обмен? Она представила, как Шану шагает через двор в туалет с книжкой в руках. Он любит почитать, иногда по полчаса и больше засиживается в туалете. Там из туалета его бы выгоняли мухи.

Шану уснул, уткнувшись лицом в книжку. На страницу вытекла слюна. Не доведет его до добра это чтение. От чтения у него мозги закипят. Он может кончить, как Макку Пагла.

Давненько она не вспоминала о Макку Пагла. В детстве они часто ходили за ним. Вместе с Хасиной топали, держась за руки и размахивая свободным руками. Хасина кричала: «Эй, Макку Пагла! Дай нам свой зонтик! Скорей, начинается дождик!»

Люди говорили, что от постоянного чтения у него мозги размягчились. Книги надломили его душу, и тем сильнее у него болела душа, чем больше он читал. Так он и заработал свое прозвище: Макку Пагла, то есть Ненормальный Макку.

Его зонтик нашла в колодце Хасина. Бесконечные починки и бесчисленные разноцветные заплатки сделали зонтик знаменитым, и Макку никуда не выходил без него из дому.

— Он убился, — визжала Хасина. — Макку Пагла убился в колодце.

Мама тут же начала молиться, а папа схватил

веревку и бросился к колодцу. Назнин и Хасина на ватных ногах пошли за ним.

Из старого колодца вот уже несколько дней разносилась вонь, но никто не обращал на это внимания, потому что люди уже скидывали туда мусор. Но сейчас там зонтик Макку, а Макку всегда при своем зонтике. Быстро собралась толпа. Каждый был рад высказаться, но погружаться в мусорную кашу за телом не хотелось никому.

Наконец совет деревни отправился к дому Назнин. Папа возглавил собрание. Назнин и Хасина остались ждать снаружи и услышали папины слова:

— Умер он недостойной смертью. Пусть хотя бы погребение у него будет достойное.

Девочки шепотом, на ушко, повторяли его слова. Как-то они нашли мертвого кузнечика, от которого осталась одна шелуха. И, снова повторив отцовские слова, выкопали кузнечику неглубокую могилку. Эта игра полюбилась им. Назнин всегда была торжественная, как ворон, а Хасина кривлялась.

Совет закончился, приняли решение: шестьдесят рупий плюс все расходы, большой кусок туалетного мыла и бутылка туалетной воды первому желающему. Вперед выступил один

рабочий, и его поприветствовали возгласами. Он разделся догола, крикнул жене, чтобы та принесла горчичного масла, которым он натер тело. Собрали снаряжение. Большая бамбуковая корзина, толстые веревки, два железных багра, чтобы разгребать мусор.

Погружаясь под землю, рабочий комментировал все происходящее, и его голос искажался, отдавался эхом.

— Я привязал Макку, — доложил он, и в толпе зрителей послышались возгласы.

Помощники потащили тело наверх.

— Тише, тише, — раздался голос из колодца, — вы что, хотите ему голову снести?

Обнаженное тело Макку положили на землю. Оно было полностью белым. Из колодца подняли рабочего, он держал оторванную руку, которую аккуратно положил на грудь Макку. Назнин и Хасина крепко схватились друг за друга.

— Они забыли зонтик, — сказала Хасина.

— Не надо было его дразнить, — всхлипнула Назнин.

Вечером мама плакала. Нос у нее покраснел, глаза были мокрые. Время от времени она вскрикивала, как испуганная обезьяна. Прикладывала ко рту ладонь, стесняясь зубов, похожих на дын-

ные семечки. Папа курил трубку и сидел на корточках.

— Не плачь, мама, — говорила Хасина и целовала ее своими губками цвета граната.

— Ваша мать святая женщина, — говорил папа, — не забывайте, что и все семейство ее святое.

Он встал и вышел, выпрямившись вопреки обыкновению. Его не было три дня.

— Куда постоянно уходит папа? — спросила Назнин.

Мама посмотрела на небо:

— Смотри! Теперь и ребенок спрашивает, куда он уходит.

Назнин тоже посмотрела на небо. Оно уплотнилось от бурых машущих крыльев. Летели утки, начинался сезон. Они прилетали целыми стаями, бросая огромные тени на реки и угрожая солнцу. Мама порывисто сжала Назнин в объятиях. Взяла широкоскулое личико Назнин в ладони и сказала:

— Если бы Господь хотел, чтобы мы задавали вопросы, он бы сделал нас мужчинами.

Глава четвертая

Малыш получился изумительный. Маленькие тряпичные ушки, гибкие, как у котенка. Теплом круглого животика можно согреть весь мир. Головка пахнет, как священный цветок. В кулачках сжимает невидимые крошечные пушинки — и ни за что не разожмет кулачков.

Назнин свернулась вокруг него калачиком. Малыш поднял руку, но дотянулся только до уха. Положил руку обратно. Разозлился, что не получилось. Лицо сплющилось в лиловое месиво, и он завизжал, как добрая сотня щенков.

— Ты знаешь… — начал Шану. Он сидел в кресле, втиснутом между кроватью и стеной, коленями уперся в плед. — У кузины моей бабушки была светлая кожа. Она славилась красотой. Из-за ее красоты устраивались драки. Одного человека даже убили. Слишком далеко зашел ради ее руки. Еще один, простой рабочий, у которого не было ни малейшего шанса, убил себя сам. Я-то только слышал об этом. Я сам увидел ее впервые, когда она была уже совсем старой и сморщенной, как жук.

Назнин подложила под спину подушки и по-

ложила ребенка на грудь. Почесала ему спинку. Малыш нежно пососал ей шею.

— Вот почему у Руку такая светлая кожа.

Ребенка назвали Мохаммед Ракиб. Шану называл его Руку. Кожа у Ракиба, как у его тети. Хасина похожа на водяную лилию. Ракиб похож на шондеш[9], сливочный, сладкий, — так и хочется съесть.

— Сегодня опять придет миссис Ислам. Если я задремлю, не буди меня, — попросила Назнин.

— Миссис Ислам, наверное, что-нибудь тебе еще посоветует насчет ребенка.

Шану поерзал в кресле. Это кресло — его последнее приобретение. Холст на металлическом каркасе. Металл заржавел, холст порвался. Кресло в стиле модерн, объяснил Шану, и заслуживает реставрации. Назнин отказалась на него садиться, даже когда муж велел не разыгрывать из себя дуру и немедленно сесть. Отказалась наотрез — и всё тут.

— Миссис Ислам из хорошей семьи, — сказал Шану, — у нее хорошие родители. Образованная. Очень уважаемая. У ее мужа было большое дело: импорт-экспорт. Я однажды ходил к нему с пред-

---

[9] Примечания: 9

Шондеш — лакомство из патоки.

ложением.

Шану молча пожевал, как будто откусывал невидимую нитку.

— Изделия из джута: коврики для прихожей, корзины, закладки и все такое. Он очень заинтересовался. Очень заинтересовался. Но потом заболел. Не вовремя я к нему пошел. Этот проект где-то у меня в бумагах. Надо его как-нибудь откопать. Там все вычисления. Цены, доходы, прибыль. И белая, и черная. Но он умер, и я остался без капитала. А что без капитала сделаешь?

Ракиб попытался поднять голову с плеча Назнин, как будто знал ответ на этот вопрос. От тяжкого груза знания его тут же свалило в сон. Назнин искоса взглянула на его носик, красивый изгиб шеи, плотно закрытые глазки и тоже закрыла глаза в надежде, что Шану оставит их в покое.

— Руку заснул. Положи его в кровать. Малыши могут спать по четырнадцать — шестнадцать часов в день. Руку так долго не спит. Вообще-то я думаю, дело в уме. Чем умнее ребенок, тем меньше он спит. И чем дольше он бодрствует, тем дольше мозг его работает и тем умнее становится ребенок. Все взаимосвязано.

Назнин молчала. Защипало в животе. Стянулась кожа на лбу. Он только и умеет, что

говорить. Ребенок — еще одна тема для разговора. Для Назнин жизнь ребенка намного реальнее, чем собственная. Его жизнь — сплошь важные и насущные потребности, которые она может удовлетворить. А ее жизнь, если сравнить, — череда гложущих и непонятных желаний, удовлетворить которые невозможно.

Шану не умолкал. Для него ребенок — набор вопросов, ряд возможностей, повод поспорить и поговорить. Он разглагольствует о Ракибе. Изучает со стороны, как сын растет, и строит планы на его будущее. Ребенок открыл Шану новые горизонты и закрыл другие, снабдил отца телескопом и лупой. Что видит Шану, когда смотрит на сына? Перед Шану пустой сосуд, который надо залить идеями. Мститель: подрастает, формируется. Будущий бизнес-партнер. Профессор в его семье. Еще один Шану, который на этот раз не упустит шанс, а вцепится в него.

Назнин приоткрыла губы и задышала глубже.

— Хорошо, — сказал Шану, — спи. Если придет миссис Ислам, я не буду тебя будить.

По звуку вроде уходит. Еле слышный скрип (в легких, не в суставах) — поднимается. Даже с закрытыми глазами Назнин его видит: руки на коленях, глаза бегают, короткие испуганные пуч-

ки волос на затылке. Человек, которого Жизнь застигла врасплох. И он боится шевельнуться.

— Миссис Ислам из уважаемых.

Назнин попыталась захрапеть.

— Не то что Разия… — Шану прокашлялся. — Уважаемой ее не назовешь. Против нее лично я ничего не имею. Но о семье ее я ничего не слышал. Муж занимается каким-то холопским трудом. Образования нет. Наверное, неграмотный. Умеет, наверное, только имя свое писать. Или не умеет, ставит крестик. Она себе волосы остригла, как бродяжка. Наверное, ей кажется, что это модно. Не знаю. Сын шатается по кварталу, как бездомный, кидается камнями во что ни попадя. Я с ним говорю, а он приставил палец к носу, вот так.

Назнин еле удержалась, чтобы не взглянуть.

— Мне-то что? Он маленький мальчик. Мне без разницы.

Шану прокашлялся, и Назнин поняла, что он готовится сказать самое главное.

— Важно другое. Маленький мальчик — это ненадолго. А чем старше он, тем сильнее не уважает других. Неуважение растет вместе с человеком. Потом он не слушается, превращается в вандала, дерется, пьет, бегает за женщинами, играет в азартные игры. И очень хорошо видно, где

это начинается и чем заканчивается. — Наконец он встал. — Подумай об этом. Видеться с Разией я не запрещаю, но прошу тебя задуматься.

Миссис Ислам согнула Ракибу ножки, и он ступнями дотронулся до ушей. Потянула ручки вниз, в стороны, сложила крест-накрест на туловище. Взяла его левую ножку и покачала, чтобы она упиралась в грудь и отскакивала в воздух. Сосчитала до десяти. То же самое с правой ножкой. Назнин кружила вокруг, как птица. На лице улыбка. Два раза бросилась к сыну и дважды отступила.

— Массаж ему нужно делать два раза в день, иначе конечности будут плохо двигаться. Что ты ходишь взад-вперед? Сядь, посиди. Или иди чай приготовь.

— Дайте я, — сказала Назнин, — я могу.

— Ты массируешь недостаточно сильно. Смотри! Ему нравится. К тому же массаж необходим для циркуляции крови.

Ракиб улыбался. В обе десны. Хлопал руками, как птенчик. Миссис Ислам наклонилась над ним, большая, как ворона, и пощекотала. Он срыгнул и запищал. Надул пузыри.

— Чч, ччш, — сказала миссис Ислам. Снова ущипнула его в подмышки, и он так замотал головой и так зашелся, что Назнин испугалась,

не припадок ли.

И схватила Ракиба с коврика. Он тяжело дышал, успокаиваясь.

— Я приготовлю чай, — сказала Назнин, не глядя на гостью.

Назнин побаивалась этих посещений. Ракибу уже пять месяцев, а миссис Ислам еще не истощила запас своих советов. Сколько она еще насоветует? Сколько запомнит Назнин? Миссис Ислам начала с вполне очевидных вещей. Нужно сбрить волосики: пушок, с которым он родился, грязный. На глаза надо положить черные тени, потому что дьявол забирает только красивых. (Но он и с тенями красивый.) Надо регулярно натирать ребенка маслом и класть на солнце, чтобы ребенок пропитывался солнечной благодатью. Как будто Назнин сама не знает!

Потом пошли советы, которые миссис Ислам почерпнула еще у своей матери. Раз в неделю засовывать ребенку в попу палец, чтобы очистить кишечник. Высасывать мокроту из его ноздрей. Перед кормлением покатать в пальцах сосок. Каждый день на час класть на животик, чтобы укреплялись мышцы шеи и груди. Сшить маленькую подушечку и набить ее перьями, лавровым листом и гвоздикой, чтобы он хорошо

спал. Самые лучшие — перья попугая. В ванночку добавлять топленое масло из молока буйволицы, чтобы кожа была мягкой. Если начнет кашлять, положить ему на грудь куркуму и анис. Растирать ножки кокосовым маслом, чтобы согрелись. Никогда-никогда не переворачивать его вверх тормашками.

Назнин налила в чайник воды. Подсадила Ракиба на бедро.

— Ги-ги, — сказала она, — ги-го.

Ракиб задрожал от счастья.

— Га, — сказала она, — ги-га, ги-га, ги-га!

Он недоверчиво запрокинул голову. Половина попы у него в воздухе. Слюнки ручьями: все готов отдать. Назнин покачала его. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

— Дда! — сказал Ракиб и ударил по воздуху толстыми ножками. Посмотрел на мать так удивленно, как будто ее лицо — чудо, как будто увидел в нем красоту. Из глаз исчезла вековая мудрость утробы, они открылись, в них целые миры, сияющие, как звезды.

Назнин усадила Ракиба в гнездышко из подушек, принесенных из гостиной. Ракиб взвыл, как безутешная вдова, — его предали! Назнин улыбнулась. Залила кипятком пакетики с чаем и

защелкала языком. Потом взяла его на руки.

— Ты из-за меня плачешь? Из-за меня? Из-за меня плачешь?

И снова начала с ним играть.

— Сегодня заберу его к себе, — сказала миссис Ислам, — а ты пока займись хозяйством. — И она покрутила пальцем в воздухе. Маленькие черные глазки оценивающе скользнули по комнате. — Приезжает моя племянница. Она любит возиться с детьми.

«Одиннадцать», — сосчитала Назнин. В комнате одиннадцать стульев, не считая кресла цвета коровьего помета рядом с диваном. Как прикажете наводить порядок? Ничего нельзя положить, да и некуда. Бумаги и книги Шану расползаются, как на дрожжах. Пыль налетает неизвестно откуда, как чума, против которой нет вакцины.

— Он такой маленький, — сказала Назнин, — лучше пришлите вашу племянницу сюда.

— Чепуха. Я возьму его с собой.

Миссис Ислам с шумом отхлебывала из чашки. Волоски на бородавке выросли. Скоро она их выщиплет.

Назнин занялась Ракибом. Промокнула тряпочкой его подбородок. Внимательно изучила ногти. Положила его на плечо и похлопала по спине,

чтобы вышли несуществующие газики. Ракиб что-то мурлыкнул, и Назнин кинулась с ним к окну, будто он всхлипнул.

— Вон, вон там, смотри. Не плачь. Смотри, смотри, смотри.

И прижимала его к плечу, так что в окно смотрела она, а не Ракиб.

Большое болезненное солнце, которому неудобно в подернутом дымкой небе, оно потеет, зажатое между бетонными плитами. Неба хватает ему ровно настолько, чтобы не упасть. Под солнцем — двор, окруженный мусорными баками. Они, как металлические воины, сидят на корточках, соревнуются, кто сильней навоняет, и соглашаются на ничью. Один упал, из его утробы вывалилось все содержимое. Там шныряет крыса. Мимо идет парень шестнадцати-семнадцати лет. Пинает баки то одним плечом, то другим. Дергает головой, как курица. В руке сигарета, в другой то ли приемник, то ли плеер. Из-под навеса возле входа в «Роузмид» его зовут друзья. Там их штаб. Мусорные баки позабыты. Теперь у них бангра[10]. Новая забава, как сказала Разия. Бангра

[10] Примечания: 10

Бангра — танец во время сбора урожая, появился в Пенджабе, в танце двигаются в основном плечи. В Британии на основе бангры появился так называемый бангра-бит — направление в музыке.

и Шейкинг Стивенс[11]. Дни напролет играют, иногда и по ночам. Родителей не слушают. Хотя местами у них ничего получается. — Она сощурилась, и глаза ее превратились в две сияющие лучинки. — Особенно Шейкинг Стивенс.

«Роузмид» смотрит не мигая. Металлические рамы на окнах. Когда их только поставили, они сверкали и пронзительно скрипели. Много обещали. Распевали всем, какие они аккуратные, какие новые. А потом слились со стенами. За одну ночь. И стихли. И свет больше с ними не играл. Скучно-красный кирпич взял свое. Рамы стали такими же грязными и мрачными, как хозяева.

Можно объять душой рисовое поле, можно шептаться с манговым деревом, почувствовать ногами землю, представить, что это и есть то место, где все начинается и все заканчивается. А что можно сказать груде кирпичей? Кирпичи не сдвинутся с места.

Телевизионная антенна, как самоубийца, качается возле одного окна. Другое загромождает куча коробок. У Разии окна зашторены, чей-то затылок маячит возле подоконника за занавеской: Шефа-

[11] Примечания: 11

Шейкинг Стивенс — настоящее имя Майкл Барретт, родился в 1948 году в Великобритании, исполнитель рок-н-роллов в стиле Элвиса Пресли, был особенно популярен в восьмидесятые годы.

ли или Тарик прячется от Тарика или от Шефали. Дама с татуировками подалась вперед, смотрит во двор и пьет. Ее волосы скользят по бокам, будто смазанные маслом. Она их покрасила, но голову так и не помыла. На ней мужской пиджак, из-под которого нелепо выглядывают груди, запятнанные чернилами. Бедра переваливаются за кресло. Взяла банку в другую руку. Сколько можно так сидеть? Чего она ждет? На что здесь смотреть?

— Через пару часов заберешь. Покорми его, и мы пойдем.

Назнин очнулась. Слова у миссис Ислам, как раскаленные сверкающие песчинки. Голоса она не повышает. Такой голос и не надо повышать. Голосом миссис Ислам отсекает от слова все лишнее и запускает точно в цель.

Назнин повернулась:

— Нет. Я покормлю его позже.

Миссис Ислам достала платок из рукава. Встряхнула им, вытерла лоб. И зимой и летом она в одном и том же: кофта поверх сари, черные носки, ковровые тапочки. Со сменой времен года ее наряд не меняется. Ни сезон перед ней не расшаркивается, ни она перед ним.

— Давай быстрее. Мне пора идти.

— Он останется здесь. Со мной.

Гостья внимательно посмотрела на Назнин. На лице ни следа удивления, только брови чуть сдвинулись. Назнин впервые заметила, какие темные у нее брови, ни сединки, в отличие от побелевших волос.

— Это как?

Назнин задрожала, но успокоилась, чувствуя тепло Ракиба на груди.

— Он останется здесь.

Нужно смягчить свои слова. Проявить уважение. Надо добавить, что принесет его попозже. Ракиб сегодня нездоров. Как-нибудь в другой раз. Когда он с вами, я спокойна. Но кроме слов «он останется здесь», она ничего не сказала.

Миссис Ислам стала собираться. Поставила сумку на колени, открыла. Назнин вдруг показалось, что сейчас она схватит Ракиба и затолкает в свою бездонную черную кожаную сумку. Но миссис Ислам закрыла сумку, потерла стеклянную бляшку и поднялась.

— Белые, — сказала она, — белые делают то, что хотят. И никого это не касается. Если ребенок кричит, когда его бьют, они просто закрывают и двери, и окна. Чтобы соседи не пожаловались на шум. Но до ребенка им дела нет, даже если его забивают до смерти. Белые делают что хотят.

Личная жизнь. У каждого своя личная жизнь. Так живут все белые.

Она неровной походкой направилась к двери, Назнин следом, задаваясь множеством вопросов, но не смея их озвучить. Миссис Ислам погладила ребенка по лицу. Ракиб в ответ потянулся к ней и наклонился вперед, но Назнин его удержала.

Шану мучил вопрос о докторе Азаде. Враждебность или небрежение не позволяет доктору ответить на гостеприимство? Может, Шану неправильно посчитал визиты и надо его пригласить еще раз, чтобы дождаться ответного приглашения? Может, дело не в подсчете, а в чем-то другом, раз все приглашения по-прежнему безответны? Но все чаще в его речах звучало: что за сноб этот доктор Азад!

— Он ест мою еду, читает мои книги. Одному Богу известно, где еще он найдет интеллектуальное общение и собеседника, равного себе. Может, спросить у него прямо, когда мы к нему пойдем? А что, так и спрошу.

Шану почесал в затылке, отодвинул стул и заговорил, нарочито зевая:

— Ну, Азад, что ты там у себя в доме прячешь? Давай сходим к тебе, поищем?

Шутки его были плоскими, как стулья без на-

бивки.

Назнин кормила Ракиба яблоком с ложечки. Он выхватил ложку, швырнул ее и рассмеялся, обрызгав ее слюной. До сих пор ее поражает, как так получилось, что она — творец такого создания. Ракиб ведь выткан из ее плоти. Шану тоже его творец, и мысль об этом оглушает.

— Он, наверное, и не задумывается, — размышлял Шану, — значит, нужен толчок. Может, он считает себя намного выше? Врач, мол, из другого сословия. Но кто такой врач, если вдуматься? Все зубрит из книжки: сломанные ноги, простуды и вирусы, экземы и астмы, ревматизмы и артриты, нарывы и бородавки. Заучивает наизусть. Какие симптомы и как лечить. Никакой интеллектуальной работы. Нет. Он похож на палец, надутый до размера банана. Да пусть охраняет свой дом, пусть хоть колючей проволокой его обнесет. Мне-то что?

Назнин положила ребенка на пол и принялась искать ложку. Под столом размножались папки, бумаги, клубки веревки, коробки скобок, рулоны этикеток и цепочки скрепок. В этой же куче лежали трусы рядом с окаменелым носком. Ложки нигде не видно. Ракиб приполз к ней под стол и потянул ее за волосы. В последний месяц

испуганное выражение у него сменилось на вопросительное. Черты сформировались еще не полностью, но стали четче очерчены. И теперь во взгляде читается вопрос, который он вот-вот задаст. А за вопросом смешная шутка, которая очень развеселит маму.

— Привет, — сказала она, — я ищу твою ложку.

— Может быть, если я получу повышение, — продолжал Шану, — он станет более гостеприимным. Такой он, наверное, человек.

Назнин вылезла из-под стола. Взяла Ракиба на руки. Бросила взгляд на Шану, не ждет ли он ответа. Шану обдумывает слова, пережевывает их то так, то эдак, то лоб сморщит, то щеку надует. Смотрит куда-то в сторону. Назнин ему не нужна. Она пошла с Ракибом на кухню, взяла другую ложку. Теперь Шану о повышении говорит «если». Раньше говорил «когда». И больше не рассказывает про Уилки и прочих — Джерарда, Говарда, которые поступили позже. Теперь он говорит об отставке.

Сегодня воскресенье. Скоро они, как обычно, отправятся на прогулку по Брик-лейн. Шану будет толкать коляску, Назнин на шаг отстанет. Когда люди на улице останавливаются полюбоваться на Ракиба, поцеловать его или пощекотать, Шану

вытягивается на пару сантиметров. Если люди не останавливаются, он сам останавливает их:

— Посмотрите, какой он подвижный. Обратите внимание, какого размера у него голова. Чем больше голова, тем больше мозгов. Думаете, шучу? А вы знаете, какой величины были головы у динозавров? А знаете, почему они все вымерли?

Люди неопределенно улыбаются и уходят. В магазине Шану купит овощей. Тыкву или еще что-нибудь: шпинат, баклажаны. В зависимости от времени года. Купит специи, рис, чечевицу, на сладкое коробку молочного рошмолай, липкую коричневую гулабжям, золотые колечки желаби[12]. Торговаться не будет. Не станет унижаться или вести себя как туземец. Шану отломит кусочек желаби, даст Ракибу и оближет пальцы, где на них капнет жидкий сахар.

Сегодня перед прогулкой Назнин должна его подстричь. Она постоянно от него что-нибудь отрезает. Омертвевшие кусочки кожи вокруг мозолей. Ногти на ногах. Ногти на правой руке, потому что левой он не может их постричь как следует. Заодно и ногти на левой руке, раз уж она взяла ножницы. Жесткие волоски на кончиках

---

[12] Примечания: 12
Рошмолай, гулабжям, желаби — различные виды сладостей.

ушей. И волосы на голове, раз в шесть недель, когда Шану говорит: «Пора привести себя в порядок».

Она усадила Ракиба, дала ему кусок хлеба. Шану за столом, с книгой: подчеркивает отрывки. Она стрижет ему затылок. Шану никогда не получит свою степень. Назнин даже стала сомневаться, что у него есть даккская степень. Хотя, возможно, раньше он заканчивал начатое.

— Надоел мне Открытый университет, — сказал Шану, словно прочитав ее мысли, — вернусь к своей первой любви. — И показал книгу, которую держал в руках. — Сливки английской литературы. Знаешь, кто такой Вильям Шекспир? Даже девушки из Гурипура слыхали о Шекспире.

— Точно, — ответила Назнин.

Не получит он степень. И повышения не получит. Не выйдет в отставку. Не отремонтирует мебель. Не построит дом в Дакке. Не займется джутовым бизнесом. И даже о передвижной библиотеке забудет, хотя за подписями стучится в каждую дверь.

— Ты слыхала о короле Ричарде Втором? — Шану несколько раз кашлянул, настраиваясь. — Перевести не так-то просто. Минуточку. Вот, замечательный отрывок.

— Если бы я ходила с Разией в колледж, ты бы мне мог по-английски прочитать.

— И ты поняла бы Шекспира? Как все просто, оказывается! Разве Разию учат Шекспиру?

— Не знаю.

Назнин собрала состриженные волосы и завернула в туалетную бумагу.

О, если бы я

Мог быть великим, как мое несчастье,

О, если б мне забыть, чем был я прежде,

Иль то, чем стал теперь, не вспоминать![13]

Хотя нет. Библиотеку не забудет. Будет помнить, как и все остальное. Поставит в список и постоянно будет вспоминать.

Не вижу — слез полны мои глаза!

И все же я соленой этой влагой

Не ослеплен настолько, чтоб не видеть

Изменников, столпившихся вокруг.

И если взор я обращу к себе,

---

[13] Примечания: 13

Цитаты из актов III и IV пьесы Шекспира «Ричард II» в переводе М. Донского.

Окажется, что я изменник тоже.

Шану закрыл глаза. Начал напевать. Постукивать по столу, как по барабану-табла. Раскачивать головой в такт, и Назнин опустила руки. Шану открыл глаза и отряхнулся, как мокрая собака.

— Хорошо, — сказал он, — что ж. Пошли.

Ракиб уронил хлеб и заплакал.

— Видишь, как он быстро выходит из себя, — сказал Шану.

«Он все видит, — подумала Назнин. — Он может все объяснить. А сделать не может ничего». Подняла хлеб. Ракиб снова начал жевать и успокоился. Шану замолчал. Ножницы вжик, вжик. Назнин слышала звук собственного дыхания. В животе урчит, потому что по воскресеньям рядом с Шану она не может поесть как следует. Опять с утра не помолилась, да и вчера не читала ни фаджр, ни зухр[14]. Но она постоянно занята Ракибом. Позавчера, когда Ракиб задремал, Назнин стала смотреть журнал. Журнал — это еще не страшно. Страшно, когда в голове все начинает жить собственной жизнью. Журнал, который забыл Шану, был английский. В нем она увидела пару

[14] Примечания: 14

Фаджр — утренняя молитва между рассветом и восходом солнца; зухр — совершается сразу после полудня.

фигуристов. На одной ноге стоит девушка. Торс и другая нога — в горизонтальном положении. Девушка раскинула руки в стороны и держится за мужчину одной рукой, но улыбается, глядя прямо на Назнин. Ее тело — в серебристо-голубом сиянии. Ее ноги длинные, как Падма[15]. Эта девушка — сказочное создание, индийская богиня. Назнин будто бы ушла в фотографию и взяла мужчину за руку. Стало страшно, когда она поняла, что едет по льду, на одной ноге, на огромной скорости. Мужчина улыбается и говорит: «Держись крепче». На его черном костюме мерцают маленькие зеленые блестки. Назнин сжала его руку. Ветер обдувает лицо, мышцы бедра напрягаются. Лед пахнет лаймом. От холодного воздуха внутри поднимается горячая волна. Аплодисменты. Назнин слышит их, хотя и не видит зрителей. Мужчина отпустил ее руку, но она не испугалась. Опустила ногу и скользит, скользит. Пока не проснулся Ракиб и не посмотрел на нее скептически.

— Да, — сказала она, — мать у тебя глупая женщина.

Назнин подошла к зеркалу и долго смотрела на свое серьезное лицо, широкие скулы, большой

---

[15] Примечания: 15
Падма — часть дельты Ганга в Бангладеш.

лоб и близко посаженные глаза с короткими ресничками. Размышляла над отражением.

В голове все никак не уляжется. Мысли разбегаются в разные стороны. Каждый раз, получив письмо от Хасины, Назнин несколько дней представляет себя в роли независимой женщины. Письма у сестры длинные и подробные. Назнин писала ответы, переписывала, пока не оставалось ни одной ошибки, пока ошибки не исчезали вместе с остальными признаками жизни. Но Хасина пренебрегает подобными ограничениями: письма ее полны ошибок и жизни. Из слов ее писем складывается тропинка, которая бежит за семь морей, туда, где живет Хасина, и вот уже Назнин работает вместе с сестрой. И Ракиб там вместе с ними. Иногда Назнин даже удивлялась, когда вечером приходил Шану. И давала себе клятвенные обещания: регулярные молитвы, регулярная работа по дому, никаких мечтаний. И Хасине уходили лаконичные и рациональные письма. Смотри, говорила Назнин маме (чей взгляд постоянно чувствовала), смотри, какая я хорошая.

Со стрижкой справилась. С одной стороны получилось не совсем ровно, но Шану не станет проверять.

— Подуй мне на шею.

Она подула и стряхнула волоски.

— Хватит здесь киснуть. — Шану шутливо погрозил пальцем.

Назнин задержала дыхание.

— Мы идем гулять. Иди, раскладывай коляску.

Назнин по-прежнему встречалась с Разией. Шефали понравилось играть с Ракибом. Она ему подставляет кукольные головы, а Ракиб бьет каждую по очереди. Тарик в последнее время стал молчаливее. Восьмилетняя копия отца.

— Пришлось ему голову побрить, — сказала Разия. — Вши. Нахватался в школе.

Тарик почесал щетину на голове.

— Дай денег, — сказал он и исподтишка пихнул Шефали.

— У меня нет денег. Не трогай сестру.

— Мне нужны пять фунтов.

— Что? Иди поиграй. Давай, бегом.

— Мне нужны пять фунтов.

— Зачем?

Разия вздохнула и кивнула на Ракиба:

— В таком возрасте с ними гораздо проще.

— Мне нужен настольный футбол.

— У тебя уже есть футбол.

— Мне нужен нормальный футбол.

В последнее время Назнин другого от него не слышала. Он всегда такой настороженный, такой несговорчивый, что странно слышать детский голос из его уст.

— Мне нужны пять фунтов, — повторил он, уже поскуливая.

— «Мне нужны пять фунтов», — передразнила Разия. Она в точности передала его интонацию.

— «Мне нужны пять фунтов», — присоединилась Шефали.

Тарик снова ее толкнул, и она завизжала.

— Вон отсюда, оба! — заорала Разия. — Тарик, бери сестру и — марш играть в коридор. Услышу хоть один вопль, выпорю обоих.

Дети ушли, из-за двери послышалась их перебранка. Разия села на пол, взяла Ракиба. Он протянул ручку и ущипнул ее за нос. Уставился на ущипнутое место, и глаза у него сошлись на переносице.

— Я этих детей когда-нибудь прибью, — сказала Разия. — Они из меня всю душу вытянут.

Назнин подумала, что никогда так не скажет о своем Ракибе.

— То же самое я сделаю со своим мужем. Он целыми днями на заводе, приходит домой только поесть, спит по два-три часа и снова уходит. На

всю ночь.

— Почему? — спросила Назнин. — Куда он уходит?

— Он водит грузовик. По всей округе доставляет мясо всем темнокожим мясникам в округе. Придет домой — от него воняет. Хорошо, хоть дома долго не сидит.

Разия вытащила из кармана брюк леденец. Ракиб поражен. Весь он сейчас — сплошной рот, истекающий слюной. Разия развернула конфету и положила обертку обратно в карман. На ней, по ее словам, спортивный костюм. Говорит, что больше никогда в жизни не наденет сари. Сил больше нет семенить, как птичка.

— Если мужчина работает, это хорошо. Я не возражаю. Пусть работает хоть сутки напролет.

Разия помахала леденцом у Ракиба перед носом. Ракиб преданно проследил за ним взглядом. Леденец сейчас его кумир и учитель. Ради леденца он пожертвует всем.

— Но у нас ни одного лишнего пенни. И меня это не устраивает. Он все отсылает. Чудовищный скряга. Самый чудовищный и вонючий жмот. Когда детям понадобятся зубные щетки, мне придется просить милостыню. Я все покупаю в секонд-хенде. Мне что, и за зубными щетками

туда идти? Абсолютно все там детям не купишь.

Разия поднесла леденец к губам Ракиба. Он что-то нежно залепетал, глядя на конфету.

— Все деньги уходят домой. Я не знаю, кто ими распоряжается. Наверное, его брат. А его брат наверняка самый последний в мире вор. И денег этих мы точно больше не увидим.

Назнин посмотрела вокруг. В комнате полно вещей. Мебель, кровать Тарика, велосипеды, одежда, лестницы, пластмассовые коробки, игрушки, обувь, краски, стопки деревянных палочек, газовые горелки, электрические печки, коврики, чемоданы всякого барахла, запасы риса, пирамиды консервов. Вещей здесь больше, чем за всю жизнь понадобится обычному деревенскому жителю. Деревенский мальчишка был бы счастлив иметь футбол. Настольный футбол и велосипед — это настоящая роскошь. А настольный футбол, велосипед и кучи других игрушек — немыслимое богатство. И Назнин не могла припомнить, чтобы кто-то из деревенских детей жаловался, в том числе и она.

— Я ему так и сказала, — продолжала Разия, — раскошеливайся, сукин ты сын, давай деньги.

Это ругательство Назнин от Разии услышала впервые. А может быть, Разия перестала стес-

няться в ее присутствии. Деревенские старики, конечно, иногда ворчали. Плотнику нужна была новая пила. Обувщику — новые покупатели. (Столько детей вокруг босых!) Кондитер жаловался на цену орехов. Но будь у них ежедневно еда, и стол, и стул, они пели бы гимны Господу!

— Я сама пойду работать. Так ему и сказала.

Разия посмотрела на Назнин прямо, не исподлобья и не скептически.

— Куда ты пойдешь работать?

В Гурипуре кондитер работал кондитером, обувщик обувщиком, а плотник плотником. Никто не хотел быть учителем или библиотекарем. Никто не ждал повышения. Никто не говорил, как он несчастен.

— Я говорила с Джориной. У них на заводе есть места.

— А-а, — протянула Назнин. — Миссис Ислам рассказывает, что Джорине сейчас стыдно на улицу выйти. Муж загулял с другими женщинами. Она пошла работать, и все говорили: «Он не может прокормить жену». Хоть он и работал, ему все равно было стыдно. Поэтому он не находил себе места и стал гулять с другими женщинами. Джорина, получается, всю свою семью опозорила.

Разия хмыкнула:

— Это тебе миссис Ислам рассказала? Пусть говорит что хочет, меня это не остановит.

— Так ведь весь район начнет сплетничать.

— А кормить меня район будет? Район купит сыну футбол? Пусть район рассуждает, как ему нравится. Вот что я скажу району. — И она прищелкнула пальцами.

— Что говорит твой муж?

Разия сощурилась. Ее взгляд по длинному прямому носу скользнул на малыша.

— Миссис Ислам любит поговорить. Она большая любительница поговорить.

— Миссис Ислам?

— Женщина о тысяче платков. — Разия за все время разговора впервые улыбнулась.

— Ты о чем? При чем здесь ее платки? — со смехом спросила Назнин.

— А ты не слышала? Неужели ты еще не знаешь тайну ее платков?

Разия засмеялась своим высоким металлическим смехом:

— Деточка, ты будто только вчера сюда приехала. Ну, слушай. Одни говорят, что миссис Ислам стесняется своего носа. У нее там бородавка. Говорят, что она прикрывается платком, если кто-то, как ей кажется, в упор ее разглядывает. Только

кто осмелится рассматривать бородавку старой ведьмы? Я уверена, что миссис Ислам даже в молодости была старой ведьмой. Другие говорят, что у нее был любовник, который подарил ей набор кружевных платочков, и теперь она таким образом хранит о нем память. Полная чушь! Третьи говорят, что один факир посоветовал ее матери собирать дыхание в тряпочку и вытряхивать на расстояние вытянутой руки, иначе оно принесет несчастье. Некоторые еще верят в эту чушь.

Разия отдала Ракиба Назнин. Малыш намертво присосался к леденцу. Разия встала и потянулась. Спортивный костюм провис на коленях.

— И что? — спросила Назнин. — В чем на самом деле причина?

— Система. С этого все и началось. Ее муж был большим человеком. Большое дело, очень много денег. Много домов, которые они сдавали. В Дакке две квартиры. Большой дом в деревне с бетонными колоннами. Но муж у нее служил лишь фасадом. Мозговым центром была она сама. Никогда не носила паранджу. Говорит, что стала современной; выходит из дому, несмотря на то что вдова. Все это чушь. Она и дома никогда не носила паранджу. Муж приглашал домой партнеров, они обсуждали сделки. Миссис Ислам всегда

присутствовала. Она не вмешивалась, только подавала на стол и убирала. Но она знала, о чем они говорят, и руководила процессом. При помощи платочков. Подавала ими знаки. Пятнистый означал «нет». Белый — «да». С кружевом по краю — «контракт на один год». Однотонный муслиновый — «на два года». И так далее в том же стиле.

Назнин покачала Ракиба на коленке. Он вопросительно оглянулся на нее: ты не против?

— А сейчас она их по привычке достает?

— И да, и нет. Миссис Ислам продолжает заниматься делами. Теперь со своими сыновьями.

— Импорт-экспорт?

Разия покачала головой. Назнин ждала. Подруга отвернулась.

— А что тогда? — спросила Назнин.

— Я не уверена на сто процентов.

— Тогда скажи, о чем догадываешься.

— Не хочу сплетничать.

Вот это новость.

— О чем?

— Так, слышала кое-что, но не поверила. А поговорила с ней на прошлой неделе и теперь почти верю. Но не хочу пока говорить.

Тогда зачем завела об этом речь?

— Ладно, — сказала Назнин, — не хочешь — не

говори.

На Майл-Энд-роуд они сели в автобус с кондуктором-африканцем.

— Смотри, какой подтянутый, — прошептал Шану, — такой большой. Такой сильный. Понимаешь…

Он помедлил. Назнин вжалась в сиденье. Малыш огляделся и промолчал.

— Их такими выращивали. Для рабства.

Он прошептал последнее слово, и пара впереди обернулась.

— Такими были и их предки, — уже громче сказал Шану.

Автобус тронулся, и, спасибо звуку мотора, весь салон ему больше не внимал.

— Выживали только сильные. Покупали только сильных, за них давали самую высокую цену. Коммерция и естественный отбор шагают рука об руку.

Назнин не понимала, о чем он.

— Как скажешь, муж.

Теперь она решила отвечать ему так. Под этими словами подразумевалось, что она не согласна, не понимает, или что он несет околесицу, или что он совсем умом тронулся. Он же слышал только «как скажешь».

Шану поудобнее устроился на сиденье. Локтем ткнул ее под ребро и даже не заметил.

— Ах, — протянул он, — вот это день.

Задумался:

— Что я скажу, когда он откроет дверь?

Назнин не нашлась что ответить. Шану все-таки удалось ее озадачить.

— Может быть, «салам алейкум»? — рискнула она предположить. И захихикала, а Ракиб надул губы.

Шану походил на человека, которого внезапно разбудили.

— А? Ах да! Да, салам и все такое. А что еще сказать? — Он покусал губу.

Назнин мысленно пожала плечами. Она проверила в сумке, все ли взяла на предстоящий вечер: салфетки, подгузники, погремушку, муслиновую тряпочку, банан, ложку, одеяльца, пижамку Ракиба. Переоденет его у доктора Азада, и по дороге домой Ракиб уснет на плече.

Она поставила малыша на коленку, чтобы он вместе с ней смотрел в окно. Там темно и уютно от ночных фонарей. Люди запахнулись в толстые пальто, изо ртов валит пар. Вспышки фар и мигание задних огней придают улице нечто карнавальное. Автобус чуть подбрасывает. Сияют

витрины магазинов. Магазины кожи, одежды, сари, магазины, которые торгуют рыбой с картошкой, самосами, пиццей, всякой всячиной со всего света. Скобяные лавки, книжные магазины, зеленные лавки; магазины, торгующие алкоголем; магазины, где витрины ломятся от стульев, тапочек, аудиокассет; магазины, где будто бы ничего не продают, но там всегда полно людей в пенджабских одеждах, они поглаживают бороды и выпускают дым из трубок. Между сверкающими витринами черные заплаты: там витрины чем-то завалены, на некоторых таблички: «Распродажа». Женщина в большом оранжевом пальто, застегнутом до белеющих в темноте глаз, снует туда-сюда, пытаясь перебежать улицу. Одной рукой подняла край сари, другую прижала к груди. Машины сигналят ей со всех сторон, она бросилась бежать.

— Ничего в голову не приходит. Сразу ему скажу, что у меня с собой коробка калоджема[16].

— Как скажешь, муж.

Назнин больше не вела дома военных действий. Ими она действовала на нервы только себе. Кроме того, квартира и так теперь завалена

---

[16] Примечания: 16

Калоджем — десерт на основе молока, готовится только в Бангладеш.

— не пройти, малыш требует очень много времени, так что она из последних сил пытается удержаться на плаву. И времени на проказы не остается.

— Да, так будет лучше. Скорей бы уже.

Шану неуверенно улыбнулся, словно решил поупражняться в улыбке. Сегодня он в своей зеленой куртке. Капюшон как у водолаза: если застегнуть, останется только дырочка для носа. Штаны вытерлись и сверкают на коленях, подошва одного ботинка (Назнин заметила это по дороге на остановку) отклеилась. Когда они только поженились, он был не то что красивым, но, по крайней мере, аккуратным. Перед выходом на работу прихорашивался. В нагрудном кармане носил две ручки и карандаш. Чистил ботинки. Чистил портфель. В те дни он говорил «когда». Когда он получит повышение.

— Скажу, что мы просто проходили мимо.

Ракиб развернулся и ударил отца по носу. Шану не сопротивлялся. Он терпеливо сносил удары по лицу и дерганье за волосы. На малыше сегодня голубая курточка с толстенной подкладкой, и руки его приподняты, словно под ними такой плотный воздух, что они могут парить в воздухе. Ракиб показал зубы, целых четыре камушка цве-

та слоновой кости: засмеялся. Назнин медленно переварила информацию. Просто проходили мимо. После всех расшаркиваний их так и не пригласили сделать ответный визит. Почему отец выдал ее за такого человека?

«Хотел от меня избавиться. Хотел, чтобы я уехала и не мешала ему. Ему было все равно, кто меня возьмет. Если бы я знала, какое замужество меня ожидает, какой у меня будет муж!.. Что? Что бы я сделала? Убежала, как Хасина? Вместе с любовником? Ха! В день свадьбы заливалась бы слезами? Так оно и было! Я плакала. Разве это помогло?»

Назнин стала баюкать Ракиба на коленях, хотя спать он совсем не хотел. Сзади послышался горячий острый запах: вошел новый пассажир с завернутой в картонку едой. Что-то случилось с освещением. Лампочка зажужжала и залила автобус грязным желтым светом. В таком свете даже лицо Ракиба стало каким-то болезненным. Автобус дважды четко и быстро просигналил, ему не терпелось продолжить путь. Он тронулся, сиденья мрачно затряслись, как будто в двух шагах пронесся торнадо.

Она не сдвинется с места и будет ждать. Даже если торнадо пойдет прямо на нее. Она сделала все, что требовалось. И Господь от нее пока ни-

чего не ждет. Иногда хочется встать и броситься наутек. Чаще бежать не хочется, но и сидеть на месте тоже. Какое трудное задание: сидеть на месте. Жаловаться ведь не на что. Рядом с ней Шану, который не бьет ее, добр к ней. Есть Ракиб. И есть это бесформенное, безымянное нечто, которое взбирается на плечи, вьет гнездо в волосах, отравляет легкие, и она внутренне мечется, а внешне такая вялая. «Что тебе нужно от меня?» — «Что *тебе* нужно?» — шипит оно в ответ. Она просит оставить ее в покое, но оно не уходит. Назнин притворяется, что не слышит, и оно повышает голос. Назнин заключает с ним сделки. Больше не буду есть по ночам. Больше не буду мечтать о фигурном катании, коньках и блестках. Пропускать молитвы. Сплетничать. Буду уважительней к мужу. Только бы оно ушло. Оно молча слушало и ввинчивалось внутрь все глубже.

Наверное, думала она в последнее время, у каждого в груди такое вот «оно». Надо научиться не обращать на него внимание. Надо повернуться к нему спиной. Как мама делала.

— Я ничего не хочу от этой жизни, — говорила она, — ничего не прошу. Ничего не жду.

Хасина подпрыгивала от этих слов:

— Если ничего не просишь, значит, ничего и

не получишь!

И каждым шагом на своем жизненном пути Хасина доказывала мамину правоту.

— С чего бы мне расстраиваться?

И Назнин понимала ее. Не понимала другого — почему мама так страдала.

— Будем страдать молча.

Назнин было десять, когда у них довольно долго гостила мамина сестра. Воздух был горячим и влажным, словно впитал в себя пот бесчисленного количества тел. Воздух распалялся, напряжение росло. Один пастух, Мустафа, не выдержал. Этот маленький человечек, с ручками-ножками как спички, скитающийся одиночка, украл в соседней деревне девочку, увел с собой в джунгли на три дня и три ночи.

— Нужно молчать, — повторила мама.

Ее сестра задумчиво сплюнула и изучила результат. Обе не выходили наружу, спасаясь от солнца. Назнин стояла в дверях, свет падал на пол ромбиком.

От чего они страдают? — хотела спросить Назнин. Ее отец не самый богатый человек в деревне, но все же второй по богатству.

— В этой жизни нам ничего другого не остается, — ответила тетушка.

Она вцепилась в маму, и обе они так долго и так горько плакали, что Назнин испугалась, не умер ли кто.

Назнин больше нравилась Мамтаз, сестра отца, она не плакала и за все время пребывания гостьи почти не заходила.

— Ведь мы всего лишь женщины. Разве мы можем что-нибудь сделать?

— Мужчины это прекрасно знают. И ведут себя соответственно.

— Мир таким сотворил Господь.

— Я сказала ему, что не вернусь.

— Так и сказала?

— Если он и дальше будет продолжать, я не вернусь.

— Ты в прошлый раз тоже говорила, что больше не вернешься.

— Что уж тут поделаешь?

Разговор продолжался в том же духе. Затаив дыхание, Назнин подслушивала, надеясь, что если женщины забудут о ее присутствии, то в разговоре приоткроется источник их горестей. Назнин была уверена, что он в самой природе женщины. Когда она превратится в женщину, ей все станет ясно. Назнин с нетерпением ждала этого дня. Мечтала обременить себя этой ношей,

сбросить широкие детские штанишки и длинную рубашку и надеть на себя страдание, сложное, многослойное, темное, как мамино сари, укутавшее мамину беспокойную плоть.

Хасина тащилась вслед за сестрой, они пришли в магазин за хной и соусом из тамаринда. Они совали пальцы в тамаринд и слизывали его, как кисло-сладкую конфету. Рисовали на ладошках хной кружки и звезды, стирали их, оставляя в пыли отпечатки рук. Хасина заплетала косы Назнин, а Назнин закручивала на затылке Хасины две толстые косы. Хасина превращалась в красавицу. Лицо у нее как у героини мифа — правильное, без изъяна. С окружающим миром ее облик совсем не вязался. Лотос на куче отбросов. Такая красота не создана для страдания.

В полдень вся деревня, отупев от солнца, растянулась на чоки, матрасах и земле, чтобы забыться сном, но Назнин спать не хотелось. Она гуляла вокруг озера, наступила на серебряную спину змеи, и та скользнула в воду, оставив только мерцающую рябь. Назнин забралась на дерево амра[17], примостилась на рогатине ветки и стала смотреть на плоские поля под собой. Вблизи

[17] Примечания: 17
Дерево амра — разновидность мангового дерева.

— плотные и высокие заросли насыщенного зеленого цвета, дальше — гладкие, как зеркала, просторы желтых цветочков джута. Солнце отполировало их так, что они засияли. Неужели, выйдя замуж, она уедет туда, в далекие поля? Нет, далеко ехать не хочется. Назнин спустилась с дерева и пошла по дороге, ведущей в школу, которая собирала учеников из трех соседних деревень. От ее сандалий поднимались клубы пыли и тучи москитов. Рубашка прилипла к спине, лицо мокрое, словно сверху льется невидимый душ. Двигались только москиты. Птицы спали. Даже огромная стрекоза врезалась в дорогу и, оцепенев, лежала на жаре, сияя крыльями.

— Пшш!

Назнин оглянулась. И тут же отвернулась.

— Пшш!

К дереву привязан человек. Запястья намертво прикручены к ветке, а ступни болтаются в нескольких сантиметрах от земли. Голова свесилась, как будто ему подрубили шею.

— Иди сюда, — прохрипел он.

Назнин громко сглотнула. По стенке горла потекла слюна. На человеке истерзанная набедренная повязка. По сравнению с тазом ноги кажутся в два раза тоньше. Ребра похожи на

куриный скелет. Это Мустафа, пастух, и он еще не умер.

Назнин подошла ближе. Тишина. Еще ближе. Ни звука. Еще ближе, слышен уже его запах, теперь он снова заговорил. Поднял голову. Глаза кажутся огромными, в уголках рта запеклось что-то белое.

— Развяжи меня. Хорошая девочка.

Как будто уже насладился игрой, и с шутками пора завязывать. Назнин положила руку на ствол. Она увидела, что не сможет забраться на дерево и дотянуться до запястий. Не знала, станет ли вообще туда карабкаться. Мустафа наказан.

— А ты подкати сюда камень. Или бревно, с бревном полегче. Мне под ноги.

Его голос дрожал и прерывался, теперь он звучал сердито. Мустафа снова уронил голову, из груди вырвался хрип. Назнин обошла дерево и села на пенек. Отсюда он похож на марионетку с порванными нитями. Умрет ли он в ее присутствии и, если умрет, поймет ли она это? Назнин не хотела его смерти, но не хотела и вмешиваться. Люди могут разозлиться, если она освободит наказанного человека, но не это ее останавливало. Вопросы жизни и смерти были выше ее компетенции.

Скоро спина затекла от сидения, она захотела пить и придумала, чем помочь Мустафе. Пойдет и принесет ему воды. Мустафа, кажется, заснул. Назнин потрясла его за щиколотку, и он замычал.

— Я пойду за водой, могу вам еще кокосового льда принести.

Назнин побежала и решила по дороге, что, если Мустафа еще будет живой к ее возвращению, она придумает, как взобраться на дерево и освободить его. «Если он еще не умрет, — рассуждала она, — значит, в любом случае выживет, и я ничем не навредю». Она поведает этот секрет Хасине, если найдет ее, но маме ничего не скажет. Если столкнется с папой, то не станет на него смотреть, вдруг на ее лице он что-нибудь прочитает. Наверное, папа и придумал это наказание. Не хочется, чтобы ее тоже наказали. По дороге Назнин встретила трех мужчин, они прошли мимо, держа в руках по дубинке. Один из мужчин был братом того, чью дочь украл Мустафа. Они смеялись, шутили и весело размахивали дубинками, словно отправились поиграть в крикет. Назнин обернулась и увидела, что они подошли к дереву Мустафы и похожи теперь на три маленькие фигуры, медленно танцующие вокруг

центральной.

Перед домом палисадник с разноцветной дорожкой, вымощенной плиткой разных форм и размеров, как будто сюда с большой высоты упала большая ваза и осколки с тех пор так и не убрали. Под окном в темноту всматривается гипсовый гусь в красной шапочке в горошек. Возле двери метровый полисмен на смешных согнутых ножках, с наигранной улыбкой. В темноте согнулись другие изваяния огромных животных и застывших людей. Дом сам по себе обыкновенный. В окнах свет, шторы опущены.

— Богатый дом, — сказал Шану шепотом. — Этот район очень респектабельный. Здесь силхетцы не расхаживают. Если и попадется человек с коричневой кожей, он наверняка будет не из Силхета.

Назнин держала Ракиба на руках. Интересно, позвонит ли Шану в дверь или они развернутся и пойдут на автобусную остановку?

— Мы ненадолго, — сказал Шану. — Парой слов перекинемся и домой пойдем.

Он нажал на кнопку звонка и вздрогнул от раздавшейся мелодии.

— Конечно, если пригласят отужинать, я не откажусь.

Дверь распахнулась. К дверному косяку прислонилась женщина в короткой лиловой рубашке. Бедра испытывают материал на прочность, из-под рубашки видны коленки с ямочками. Она сложила руки. Между лиловыми наманикюренными ногтями дымится сигарета. Толстый нос, воинственный взгляд. Короткая стрижка, как у мужчины, прядки выкрашены в какой-то ржавый цвет.

— Чего вам? — спросила она по-английски.

— Мне кажется, мы ошиблись домом, — пробормотал Шану Назнин.

— Кого вы ищете? — спросила женщина, на этот раз на бенгали.

— Простите. Мы ищем дом доктора Азада. Не подскажете, где его дом?

— Подскажу, — сказала женщина, — я в нем стою.

Глава пятая

Женщина провела их в гостиную, где два оскалившихся тигра охраняли газовый камин. Назнин утонула в большой золотой софе. Шану поставил коробку с калоджемом на позолоченный столик с ножками в виде когтистых лап и спрятал руки за спину, словно боялся что-нибудь разбить. Ракиб захлопал толстыми ручками, чтобы сюда явились слуги, которые наверняка прячутся где-то на кухне.

Миссис Азад затушила сигарету в блюде из слоновой кости. Поправила пальцем трусы на массивной попе.

— Минутку. — Она высунулась в холл и заверещала: — Азад, к тебе гости.

Назнин и Шану переглянулись. Шану улыбнулся, подняв брови. Назнин разгладила ухмылку на щечках Ракиба.

Миссис Азад забралась в кресло с ногами, рубашка ее задралась и обнажила широкие коричневые бедра. Шану заерзал. Назнин смотрела на занавески: километры бархата, мили золотой тесьмы, при желании можно завернуть многоквартирный дом. Шану откашлялся. Миссис Азад

вздохнула и сунула пальцы под мышки; грудь ее выпятилась. Ребенок завозился, и Назнин опустила его на толстый кремовый ковер, куда он немедленно отрыгнул часть ужина. Назнин наступила на это место.

Назнин вдруг поняла, что Шану пристально смотрит поверх ее плеча, и обернулась. В дверях стоял доктор Азад. Мужчины застыли. Одежда на докторе сидит идеально, как на манекене в ателье. Руки четко по бокам. Из-под темных рукавов костюма выглядывают белые манжеты. Воротник и галстук оттеняют аккуратный подбородок; расчесанные, черные как смоль волосы сияют. Выражение лица такое, будто он повстречался с привидением. Назнин посмотрела на Шану. Привидение из него никудышное: ботинки порваны, зеленая куртка велика на пару размеров.

— О господи боже мой! — воскликнула миссис Азад. — Принеси выпить своим друзьям. Я сегодня целый день на ногах. — Она подняла грудь повыше. — Я буду пиво.

— Мы тут мимо проходили, — торопливо объяснил Шану, вспомнив наконец свою реплику.

Доктор Азад потер руки:

— Я рад вас у себя видеть. Я, эээ, дело в том, что мы уже поели, иначе бы…

— Оставайтесь на обед, — перебила его жена, вызывающе посмотрев на Назнин. — Мы еще не ели.

Доктор перекатывался с пятки на носок:

— Да, по существу, мы еще не ели. Так, перекусили бутербродами.

Они ели, держа подносы на коленях. Непонятное мясо с теплой подливкой и вареной картошкой. Такой же вкус у картонной коробки, опущенной в воду. Миссис Азад включила телевизор на полную громкость. Она сердито смотрела на Шану и своего мужа, которые говорили друг с другом, а когда ей хотелось тишины, поднимала руку. Выпила второй бокал пива и удовлетворенно рыгнула. А когда вначале муж принес ей апельсинового соку, она так подпрыгнула в кресле, словно сейчас ударит. Доктор Азад, строго следуя своему правилу, выпил два стакана воды. Ножом и вилкой он орудовал как хирургическими инструментами. Назнин ковырялась вилкой в топком содержимом своей тарелки и напрягала желудок, чтобы не урчал.

— Я, — сказал Шану миссис Азад, — с вами выпью пива.

Голос у него был, точно он ей свою почку предлагает. Она пожала плечами и уставилась на

экран.

«Мой муж не молится, — подумала Назнин, — и пьет алкоголь. Сегодня. А завтра начнет есть свиней».

— Разумеется, все жители Саудовской Аравии пьют, — сказал Шану, — даже королевская семья. Все ханжи. Лично я не считаю преступлением пропустить иногда стаканчик-другой.

— С точки зрения медицины я этого не одобряю. С точки зрения религии определенного мнения у меня нет.

— Понимаете, — сказал Шану голосом человека, который долго собирался с духом, прежде чем начать, — здесь алкоголь — часть культуры. Общество выкроено из ткани, в которую вплетена культура алкоголя. Дома, если пьешь, рискуешь стать изгоем. В Лондоне — то же самое, если не пьешь. Так он и становится опасен, люди здесь начинают пить с младых ногтей и кончают алкоголизмом. Но ни мне, ни вашей жене стаканчик пива не повредит.

Он глянул на хозяйку дома, но та целиком ушла в сцену жесткого безумного поцелуя на экране. Шану до сих пор не снял куртку. Он сидел на стуле, широко раздвинув колени и скрестив щиколотки, и был похож на садовника, который

зашел получить жалованье.

Не в первый раз Назнин задала себе вопрос: почему доктор Азад принимал приглашения Шану? Они ведь настолько разные. Может быть, доктор приходил просто поесть?

— Мы вернемся в Дакку, когда Руку достигнет опасного возраста. Я уже сделал набросок дома, который хочу построить, я вам говорил? Все очень просто, в классическом стиле. Я вообще хочу выучиться на архитектора.

— Да, — ответил доктор, — почему бы и нет?

— Вот именно. Зачем еще кому-то платить?

— Станете архитектором. Дизайнером. Ученым по ракетам.

Шану был озадачен.

— Насчет дизайна стоит подумать, но вот в науке, вынужден признаться, я не силен. — Он скромно развел руками. — Так или иначе, со средствами у меня пока не очень хорошо.

— Да, но когда вы получите повышение…

Доктор неподвижно сидел в кресле с жесткой спинкой, сжимая подлокотники с такой силой, словно хотел выжать из них кровь. С начала разговора про алкоголь он ни разу не глянул на жену.

— Я слишком долго прослужил в районном

совете. Но эта долгая служба не дала мне ничего. В родной деревне йогу не подают. Но у меня есть кое-какие идеи. Я тут пораскинул мозгами. Продажа мебели, антиквариат, какой-никакой импорт-экспорт. Однако дело идет туго. Вся загвоздка в капитале. Без денег много ли сделаешь?

Доктор улыбнулся своей особенной улыбкой: брови вверх, уголки рта вниз.

— Может, надо заработать?

— Мне много не нужно. Чтобы только на дом в Дакке хватило и на образование Руку. Не хочу, чтобы он сгнил здесь, со всеми этими скинхедами и алкашами. Не хочу, чтобы он вырос в обществе расистов. Не хочу, чтобы грубил матери. Хочу, чтобы он уважал отца.

Шану оживился и заговорил громче. Миссис Азад недовольно цыкнула и взмахнула лиловыми ногтями. Шану перешел на громкий шепот:

— Остается только увезти его домой.

В комнату вошла девушка — руки в боки. От матери ей достались крепкие ноги, а юбка у нее была еще короче. Заговорила по-английски. Назнин уловила слова «паб» и «деньги». Мать ухмыльнулась и кивнула на доктора Азада. Доктор задрожал. Сказал что-то отрывисто. Съежился,

так что плечи оказались на уровне ушей. Шану заерзал, откашлялся. Во рту у девушки жвачка. Она покрутила сережкой в ноздре, словно хотела ее вырвать. Волосы у нее обесцвечены в такую же ржавчину, как у матери. Девушка повторила просьбу. Шану начал что-то напевать. Шея у Назнин загорелась. Доктор хотел что-то сказать, но жена всплеснула руками. Она с трудом выбралась из кресла и принесла свою сумку.

Девушка взяла деньги. Посмотрела на Назнин и на ребенка. Посмотрела на Шану. Доктор вцепился в кресло. Крепко сжал колени и ступни. На его волосах ровно, как на шлеме, сверкает круг света. Ни за что не отпустит кресло. Девушка засунула деньги в карман блузки.

— Салам алейкум, — сказала она и отправилась в паб.

Миссис Азад выключила телевизор. Пора домой, подумала Назнин. Она попыталась выразительно посмотреть на Шану, но тот лишь неопределенно ей улыбнулся.

— Это трагедия наших судеб. Жить иммигрантом — значит страдать.

Хозяйка дома наклонила голову. Потерла нос, похожий на луковицу.

— О чем это вы?

— О столкновении культур.

— О чем?

— И о конфликте поколений, — добавил Шану.

— А в чем трагедия?

— Дело не только в иммиграции. Шекспир писал об этом.

Он прокашлялся и приготовился цитировать.

— Снимите куртку. Действует на нервы. Вы вообще кто? Профессор?

Шану развел руками:

— У меня степень по английской литературе в университете Дакки. Я также учился в британском университете — философия, социология, история, экономика. Я не претендую на звание джентльмена. Но, скажу вам откровенно, мадам, я постоянно учусь.

— Тогда кто вы? Студент?

По-видимому, Шану не произвел на нее впечатления. Ее маленькие, глубоко посаженные глаза походили на угольки — такие же твердые и грязные.

— В каком-то смысле мы с вашим мужем оба студенты. Мы и познакомились благодаря любви к книгам, любви к чтению.

Миссис Азад зевнула.

— О да, мой муж утонченный человек. Он пря-

чет нос в книгу, потому что запах настоящей жизни его отпугивает. Но он прошел длинный путь. Не правда ли, сладкий?

«Доктор Азад приходит к нам, чтобы сбежать от нее», — подумала Назнин.

— Правда, — ответил доктор. Шея его давно уже скрылась под воротничком.

— Когда мы только приехали — расскажи им, расскажи им сам, — мы жили в однокомнатной хибаре. Питались рисом и далом, рисом и далом. На завтрак рис и дал. На второй завтрак пьем воду, чтобы животы наполнить. Так он получил диплом по медицине. А сейчас — смотрите! Конечно, доктор — звучит впечатляюще. Но иногда он забывает, что, если бы не моя семья, не видать ему этой профессии рядом со своей фамилией.

— Это история успеха, — сказал Шану, разминая плечи, — но за каждой историей об успехе иммигранта кроется глубокая трагедия.

— Не соблаговолите ли объяснить какая?

— Я говорю о столкновении западных ценностей и наших. Я говорю об отчаянном стремлении влиться в общество и о потребности сохранить свою национальную принадлежность и культурное наследие. Я говорю о детях, которые не знают, какова их собственная национальная при-

надлежность. Я говорю о чувстве отчужденности в обществе, где господствует расизм. Я говорю о чудовищной борьбе за то, чтобы не сойти с ума и обеспечить в то же время свою семью всем самым лучшим. Я говорю…

— Чушь!

Шану посмотрел на доктора Азада, но его друг изучал свои руки.

— Зачем вы так все усложняете? — спросила жена доктора. — Национальная принадлежность — то, отчужденность — се. Гораздо проще с фактами. Факт: мы живем в западном обществе. Факт: наши дети будут вести себя как западные люди. Факт: это не обязательно плохо. Моя дочь когда хочет — приходит, когда хочет — уходит. Хотела бы я быть такой свободной в молодости? Да!

Миссис Азад с трудом выбралась из кресла. Назнин решила, что та *сейчас тоже пойдет в паб.* Но хозяйка всего лишь подошла к камину и очень низко наклонилась, чтобы зажечь его. Назнин опустила глаза. Миссис Азад продолжала:

— Знаете, в Бангладеш я надеваю сари, покрываю голову и прочее и прочее. А здесь я хожу на работу. Работаю с белыми девушками, и я одна из них. Захочу домой покушать карри — это мое личное дело. Некоторые женщины проводят

здесь по десять-двадцать лет, сидя на кухне: мелют специи целыми днями и по-английски знают только два слова. — Она посмотрела на Назнин, которая уставилась на Ракиба. — Они выходят на улицу, завернутые с головы до ног, гуляют в строго отведенном месте, как в тюрьме, и сгорают со стыда, если к ним обращаются на улице. Общество расистов. Неправильное общество. Ради них все вокруг должно меняться. Они сами не меняют ничего. Вот это, — сказала она, проткнув пальцем воздух, — трагедия.

Тишина. Лампочка горит слишком ярко, беспощадный свет ничего не скрывает. Убегают мгновения, и ничто не смягчает их движения.

— У каждого своя трагедия, — сказал наконец Шану.

Его губы и лоб лихорадочно над чем-то трудились. Ракиб счел такое заключение неудовлетворительным. Он посмотрел на отца, как кобра на жертву, и заорал.

— Идемте со мной, — обратилась миссис Азад к Назнин, — сейчас вашему малышу что-нибудь найдем.

В спальной она покопалась в комоде и вытащила пожеванного медвежонка. Попыталась заинтересовать игрушкой Ракиба, но тот потер

глаза и провалился в сон. Назнин сменила ему подгузник и одела в пижамку. Он не проснулся. Миссис Азад курила. Одной рукой гладила Ракиба по голове, другой — держала сигарету. Назнин почувствовала нечто похожее на симпатию к этой уличной драчунье с большим носом. Понятно теперь, почему к ним ходит доктор. Не за тем, чтобы поесть, не за тем, чтобы спрятаться от этой лиловорукой женщины (хотя почему бы и нет?), и не потому, что любит читать, и не за тем, чтобы взять еще книг, обсудить передвижные библиотеки, литературу, политику или искусство. Интерес у него чисто научный, и приходит он посмотреть на редчайшее явление: на несчастье больше его собственного.

Назнин проснулась и вспомнила свой сон. Хасина на ткацкой фабрике: гладит воротники, смеется с другими девушками. Хасина: смеется с другими девушками и гладит собственную руку. Хасина: смеется в одиночестве и гладит свое лицо.

Малыш весь горел. Лобик раскаленный. Даже в темноте Назнин видела малиновые пятна на щечках. Пару секунд она лежала, взяв в руку его кулачок. Лунный свет искромсал занавески и исполосовал стены. Шану дышал ртом, над всей

семьей стелилось его зловонное дыхание. Шкаф присел рядом с кроватью, как огромный и безобразный грех. Еще два разобранных кресла упали ему в брюхо. Будильник мигает красным своим глазом. Назнин села на кровати и прижала Ракиба к груди. Поцеловала его бесконечно нежную шейку. Мягкое тельце, будто без косточек, прилепилось к ней. Все. Теперь это — самое главное.

Она тут же потеряла ощущение времени. Подняла малыша, чтобы разбудить, потом снова убаюкать и успокоиться.

Но головка Ракиба упала на грудь. Назнин с трудом поднялась с кровати и вынесла его в коридор. Включила свет:

— Малыш. Проснись.

Пощекотала ему щеки, подбородок, под мышками.

— Ракиб, — ровным голосом произнесла Назнин, — немедленно просыпайся.

Вышел Шану, почесывая между ног. Волосы на затылке вздыбились, живот победоносно выпирал из пижамы.

Малыш открыл глаза и посмотрел вокруг так, словно вот-вот распорядится относительно сложившейся ситуации. И тут же закрыл, словно добровольно отправился в заложники. На губах

мелькнула улыбка.

— Что такое? — спросил Шану.

— Он заболел. Я не могу его разбудить.

— Дай-ка я попробую. Эй, Руку, пора вставать. Открой глазки. Руку! Руку! Что с ним случилось? Ракиб! Что такое? Почему он не просыпается? Почему он не просыпается?

Глава шестая

Город разлетелся на осколки, не осталось ни одного целого кусочка, вдруг поняла Назнин, выглянув из окна болезненно-белой «скорой». Обезумевшие неоновые надписи. Фары в погоне за мглой. Деловой квартал треснул от света. Черепки разбитого города.

В больнице Назнин охватила паника. Двери вестибюля хлопают, пенятся белые халаты, гремят блестящие тележки, дребезжит автомат с кофе. Она несется с сыном на руках по бесконечным коридорам, белые стены убегают от нее. А потом Ракиба забрали.

Ракиб в кроватке со стеклянными перегородками, как цветок, зажатый в кулаке, смятый, но не убитый до конца. Ручки вывернулись, кожа вокруг рта сморщилась, пониже ребер провалилась.

Назнин прижала пальцы к боксу. Ракиб в самом центре. Мир перестроился относительно нового ядра. Так и должно. Жизнь без него невозможна. Он внутри, весь мир заглядывает внутрь. И медсестры, и врачи собрались, вздыхают, толпятся. И вся больница с ее удушливыми запахами,

мертвенной тишиной, тревожным лязгом. И хрустальные башни, и надгробия из красного кирпича. И голоногая девица, которая дрожит на автобусной остановке. И сгорбленные мужчины, и жестикулирующие женщины. И откормленные собаки, и надутые голуби. И машины, которые с визгом несутся рядом со «скорой», подгоняют ее и убегают.

И весь город — зарево на темной земле под небом, которое наклонилось и дотронулось до встревоженных океанов. И он рядом, но уже не с ней, и шум наполняет голову и легкие, такой сильный, что если она откроет рот, то ни стены, ни окна не выдержат его.

Три дня Шану питался бутербродами с сыром из столовой. На четвертый день пошел домой и приготовил рис, картошку и цветную капусту карри. Принес еду в плоских круглых коробках в больницу, и они поели в специальной комнате для ночующих здесь семей. Теплые пьянящие запахи специй заволокли все вокруг, зашевелились носы, поднялись головы. Пожилые сухонькие супруги, которые, держась за руки, шептались дни напролет, словно договаривались о невероятно сложном самоубийстве, вдруг прервали свои обсуждения и обернулись. Мальчик-под-

росток, который пришел посидеть с матерью и давал ей поминутно бумажные полотенца, вдруг выпрямился и посмотрел в их сторону. Мужчина с бакенбардами и плоскими пустыми глазами сумчатой крысы, который пришел сюда и спал на стуле, медленно облизал губы.

Назнин все ела и ела. Она выскребла баночки дочиста и поставила их на пол.

— Надо было больше принести, — сказал Шану и взял ее за запястье.

— Да, в следующий раз принеси больше.

— Может, ты хочешь домой на пару часов?

— Нет. Я пока домой не пойду.

— Я тебе принес кое-какие вещи. Носки, мыло, что нашел.

— А одеяльце?

— Принес.

— Нужно его одеяльце.

Назнин хотелось встать. Но она решила подождать, когда Шану отпустит запястье, чтобы не отталкивать его. Не хочется его отталкивать.

— Из дома пришло письмо, — сказал Шану.

Подбородок посерел от щетины, волосы без кокосового масла лежат, как клочья линяющего меха. Он говорил немного мягким, как глина, голосом.

— От Хасины!

— Нет-нет. От моих родственников. Умоляющее письмо.

— Еще одно.

— Я об этом человеке уже лет двадцать ничего не слышал. Когда я уехал, он был молодым полицейским с огромными усами, и его боялась вся округа.

Врач открыл дверь и обратился к матери подростка. Она высморкалась в полотенце и отдала его мальчику. Выходя с врачом из комнаты, обернулась и посмотрела на всех так, словно ее предали. Мальчик засопел. Так низко сел на стул, что еще чуть-чуть — и упал бы. Шану еще крепче сжал запястье Назнин.

— Слышал о нем время от времени. Он построил большой дом на взятки, вырос по службе. Четыре или пять слуг, жена устраивала лучшие вечеринки. И это не все. Он пригнал американскую машину. «Крайслер» или «Шевроле», не помню точно. Все в городе шептались.

Назнин улыбнулась. В последнее время Шану говорит только с ней. За ее плечом больше никого. Зрители наконец-то разошлись по домам. Назнин дотронулась до его пухлой щеки. Здесь это можно: среди людей, чьего гражданства не

знаешь, правил нет, в каждом отдельном случае свои.

— Взяток, видно, больше не дают. Он состарился, авторитет его не так высок. Может, и вовсе выгнали. Точно не знаю, что случилось. Только остался он с од-ним-единственным слугой, и пришла нужда в его дом. — Шану отпустил запястье. Потер колени. — И просит меня, заклиная Богом, не оставить его семью. Только ради них ко мне и обратился, не ради себя.

— Ничего ему не пиши, — сказала Назнин.

Шану постоянно перечитывал эти письма. На свои занятия не тратил столько времени, сколько на ответы, и почти все они оставались в ящике стола.

— Выброси, и все.

— Так ведь у него только один слуга остался.

В животе у Назнин надулся пузырь смеха. Выпустила его, прикрыв рот рукой:

— Не оставляй его семью.

Шану нахмурил шерстяные брови и посмотрел на нее. Назнин не могла сдержаться. Шану улыбнулся. Назнин почувствовала взгляды окружающих, все обернулись на странную темнокожую пару, которая все смеялась и смеялась. Кончиком сари она вытерла глаза.

На лице Ракиба маска. Это кислород, объяснил Шану, Ракибу нужно нечто более чистое, чем просто воздух. В его ручки впились большие иглы — как дротики, трубки торчат в разные стороны, толстые, как скрученная веревка. Ракиб раскинул в стороны крошечные ляжки. Сыпь красными зернышками, которая чуть его не убила, уже не такая багровая. Изменились цвет и форма пятен, под сливочной кожей они похожи на раздавленные ягоды. Потянулся ручками. Лицо сморщилось решительным мячиком. Назнин вспомнила игру, в которую играла с Хасиной: они опирались на ветер с озера, он раскидывал свои рваные объятия, трепал их широкие штанишки и держал их под руки.

Ракиб еще не проснулся. Иногда открывал глаза, но они смотрели невидящим взглядом. Назнин положила его одеяльце в кроватку. Устроилась на жесткой ручке пластикового кресла. Шану по другую сторону, сложив руки на груди. Каждый раз, когда проходит медсестра, он раскладывает руки и смотрит на нее.

Папа не так уж и промахнулся с выбором. Шану неплохой человек. В мире много плохих мужчин, а он неплохой. Она смогла бы полюбить его. Возможно, уже любит. Так ей кажется. А если еще не

любит, то скоро полюбит, потому что поняла, что это за человек, почему он такой. За пониманием придет любовь.

В длинных галогеновых ночах и медленно растворяющихся днях кое-что прояснилось. Грохот, который, как гигантская пчела, не давал покоя, смолк. И наступившая осмысленная тишина наполнилась содержанием. Назнин сидела и смотрела на сына, на мужа, который ходит взад-вперед, приносит что-то и уносит обратно, натыкается на тележки и медсестер, расспрашивает врачей, здоровается с нянечками, изучает графики и списки, вытаскивает стулья, ставит их обратно, идет за кофе, чаем, уносит невыпитые стаканы и проливает их по дороге до раковины.

Раздражение на мужа, которое росло на протяжении трех лет совместной жизни, начало спадать. Впервые в жизни Назнин поняла, что Шану не так уж сильно от нее отличается. Где-то в глубине души он такой же, как она.

Пока Назнин молилась, пыталась избавиться от мыслей и принимать каждое новое событие смиренно или равнодушно, Шану работал собственным методом. Он тоже искал самое главное. И думал, что главное можно выхватить из окружающего мира и прижать к груди,

как щит. Степени, повышение, дом в Дакке, библиотека, ремонт мебели, планы на экспорт-импорт, бесконечное чтение. Это инструменты его собственного изобретения. Ими он пытается выстругать себе место, где его ждет мир и покой.

Назнин уходит внутрь себя, он — во внешний мир; она пытается принять, он готовится к сражению; она хочет усыпить мозг и обесточить чувства, он спорит вслух; ей не хочется смотреть ни в будущее, ни в прошлое, он живет и тем и другим одновременно. Они выбрали разные пути, но идут, по сути, вместе.

— С ним все будет хорошо, — сказал Шану.

— Я знаю.

— Скоро мы его заберем домой.

— Как только все наладится.

— Я думал, что все.

— Я знаю, — ответила она и поняла, что никогда бы этого не допустила.

Назнин часами сидела у его кроватки, но не просто так. Руки на складках сари, твердые коричневые костяшки на мягкой розовой ткани. Назнин неподвижна, как мангуста, зачарованная змеей. Спокойна, как послегрозовое небо. Но воодушевлена, как никогда. Захотела, чтобы сын жил, и он живет. В тишине Назнин многое по-

няла, и перво-наперво, что она необыкновенно, необъяснимо счастлива.

Назма и Сорупа облокотились на перегородки кроватки.

— Благодарение Богу, что все мои дети сильные и здоровые, — сказала Назма, — и четвертый тоже, чувствую его ножки. Такие сильные! — Она погладила свой круглый живот.

У Назмы будет еще один, хотя по ней, как всегда, не скажешь. Беременности приходят и уходят, а круглый живот остается.

— Господь творит моих детей в самом прекрасном расположении духа, — сказала Сорупа.

Назма коснулась лба Ракиба. Посмотрела на Сорупу:

— Что с вами? Вы что, злорадствовать пришли и хвастаться над кроватью больного ребенка?

Сорупа закусила губу и отвернулась.

По дороге на работу зашла Джорина, ненадолго.

— Я могу с ним посидеть ночь, — сказала она, — чтобы ты отдохнула. Я в последнее время не очень хорошо сплю. Мне несложно.

В комнате для близких Разия прижала Назнин к своей костлявой груди.

— Представляю, как ты сейчас страдаешь. У

моей сестры третий ребенок, земля ему пухом, умер после затяжной болезни. Ужасней болезни ничего нет. Если ребенок умер, он умер, но, когда ребенок болеет, страдаешь вместе с ним.

— Сочувствую твоей сестре. Но у меня все хорошо.

Разия покосилась на пару, они сидели друг против друга и держалась за руки.

— Эта женщина самая храбрая на свете. В молодости она усмиряла крокодилов. — Разия посмотрела на Назнин. — Сказать им это по-английски?

— Я рада, что ты пришла.

— Я тут Ракибу кое-что принесла. Когда подрастет, будет играть.

Разия достала куклу из пакета:

— Сможет самостоятельно оторвать ей голову.

— Не дам. Пусть с головой походит, пока Ракиб не научится собственной соображать. Передавай привет мужу.

Разия сняла с головы шарф. Потерла массивную челюсть. Она в штанах, сидит по-мужски, покачивает большим черным ботинком.

— Не могу. Мы не разговариваем. Мы спорим. У нас, по существу, молчаливый спор.

— Как вы тогда узнаете, кто победил?

— Этот сукин сын!

— Разия…

— Он работает круглые сутки. Он запирает меня дома.

— Но ты же смогла выйти. Ты пришла сюда, в больницу.

— Если я найду работу, он убьет меня. Чтобы я долго не мучилась, перережет вот здесь. Он такой. Часами, днями не скажет ни слова, а когда разговаривает, у нас по-другому не получается.

Она обхватила ногу и перестала ею качать.

— Ты вышла из дому. Ты ходишь в колледж.

— Дети в школе. Что мне делать целыми днями? Сплетни и снова сплетни. Дети просят что-нибудь купить. Все, что видят, тут же требуют. А у меня нет денег. Джорина может устроить меня швеей, но тогда на фабрику придет муж и зарежет меня, как ягненка.

— Поговори с ним.

Назнин посмотрела на открывшуюся дверь. Только бы это был Шану с обедом из дома. Вошла медсестра и легонько дотронулась до пожилой пары. Те виновато посмотрели на нее. Замкнувшись на своем горе, они забыли, что здесь делают.

Разия показала на куклу:

— С таким же успехом я и с ней поговорю. Он

такой скупой, что даже слова на меня не тратит. Сейчас работает по ночам, развозит туши. Наверное, с ними только и общается.

Разия высморкалась и выдохнула в платок всю свою злость. Поставила ноги ровно и сцепила пальцы на руках.

— В конце концов, зачем тебе мои проблемы? У тебя своих полно.

— Ракиб набирается сил. Я это чувствую. Ракиба можно теперь ненадолго оставлять одного.

Назнин приручила машины, поговорив с ними мягко, как погонщик слонов с взбесившимся животным. «Это мой сын. Это мой сын. Присмотрите за ним». Машины больше ее не пугают. По ночам они урчат, как кошки-виверры, а животики у них горят, как у светлячков. К вечеру они что-то настойчиво бубнят, и на плоских экранах появляются линии и закорючки светло-зеленых оттенков.

— В следующий раз возьму его на руки, — сказала Разия и улыбнулась, но настроение у нее не поднялось. — Я выяснила, куда уходят все деньги. Сказать тебе? К имаму. Он в нашей деревне собирается строить мечеть.

— Да благословит его Господь.

— Будь он верующим, я бы и слова не сказала.

Но мой муж не такой уж и верующий. Слушай, как ведет себя этот верующий.

Ее муж подлец. Хуже его нет. После жуткой склоки на кухне он провел инспекцию полок и шкафов и обозвал жену дерьмовой хозяйкой. Слишком много банок, пакетов, консервов. Кричащее изобилие, роскошь, деньги на ветер. Больше ни пенса, пока все, что на полках, не будет съедено. Они уже опустились до изюма и пшеничного печенья. Три дня подряд дети едят одно пшеничное печенье с водой и горсть риса. «Будешь знать», — сказал муж. — Будешь знать, как покупать изюм, всякие пакетики, там пенни на ветер, здесь». Пришел Тарик из школы: «Ма, Шефали ходит в туалет девять раз на дню. Ей стыдно руки задирать».

Разия начала спорить: «Строишь мечети и убиваешь собственных детей. Святоша».

Он не юлил: «А что ты от меня хочешь? Чтобы заработался до смерти, а ты — пенни там, пенни здесь, и что у нас в итоге? Я зарабатываю на кирпичи. Я умру, они останутся стоять».

«Ты уже сам в них превратился, человек-кирпич!»

«Спроси, спроси своего отца, — сказала она Шефали, — спроси, сколько он сегодня зара-

ботал кирпичей». Шефали, покручивая локон, спросила: «Папа, сколько ты сегодня заработал кирпичей?» — и упала тут же, и тихо заплакала в мамино колено.

— Помирись с ним, — сказала Назнин, — ради детей помирись.

Разия вымеряла комнату шагами. Штанина комбинезона завернулась, выше носка показалась голень. Если они с Шану подерутся, победит Разия. Но у Разии крупный муж: широкий и короткий, массивные руки мясника, на висках спит злоба. Назнин видела его всего несколько раз. Он именно такой молчун, каким описывала его Разия, но молчание его наполнено громом, от которого дети прятались и от которого замолкала даже Разия.

Разия не ответила. Она, как на шарнирах, развернулась и пошла вдоль длинной стены, сбив по дороге какие-то бумаги с полки.

— Ты действительно будешь работать с Джориной? У нее трудности. Про это все говорят. У детей не все благополучно.

Хасина тоже работает, но у Хасины нет выбора. Будь у нее муж или отец…

— Конечно, мы уже посплетничали, — сказала Разия. Она остановилась, и в ее сощуренных гла-

зах вспыхнул былой огонек.

— Мы любим посплетничать. У бенгальцев это вместо спорта. — Подсела ближе к Назнин. — Знаешь, дети Джорины не лучше и не хуже остальных. И проблемы у них в жизни такие же, как у всех. Я сегодня шла по нашему району и увидела, что дерется целая компания мальчишек по пятнадцать-шестнадцать лет. Я закричала на них, но они в ответ только выругались. Пару лет назад они бы не посмели дерзить старшим. Сейчас все по-другому.

— И музыку они громко включают.

Разия улыбнулась:

— Знаешь, мой муж отправил всем своим племянникам и племянницам по радиоприемнику. Когда он приедет домой, его, наверное, закидают не букетами, а камнями.

— Значит, он не всегда такой скупой? — спросила Назнин, желая разглядеть в этом человеке хоть что-нибудь хорошее.

— В семью он несет только то, что можно выкинуть. На кукольной фабрике есть человек, каждые несколько месяцев он притаскивает очередную порцию хлама, и я от радости падаю в обморок. Когда он приходит, честно, я просто опускаюсь на колени.

— Благодаря тебе ему не нужно ездить на свалку, — сказала Назнин, — ты делаешь хорошее дело.

— А что, если брать с него мзду за каждую новую порцию?

— Представь, как здорово он экономит на бензине благодаря тебе.

— Теперь у нас еще одна лестница, банки с краской, две деревянные дощечки. Скоро пойду дома красить.

— Вот тебе как раз и работа. — Назнин пыталась подавить смешок. В таких местах от души не хохочут.

— Мужу будет обо что сломать палец на ноге, когда встанет среди ночи. — Разия сомкнула колени и громко вздохнула. — Честно, сестричка, мне самой ничего не нужно. Ты разве слышала, чтобы я когда-нибудь жаловалась? Дети страдают.

— Что будешь делать?

Разия посерьезнела. Она посмотрела на вытянутые руки, словно они сейчас произвольно начнут то, что задумали.

— Вот что я тебе скажу…

Пришел Шану с сумками, принес с собой целый букет запахов настоящего пиршества. Увидев Разию, остановился, поздоровался, но в адрес Разии

его «салам» перепало чисто случайно.

— В другой раз, — сказала Разия, собирая вещи.

— Поешь со мной, — попросила Назнин.

Назнин взяла у мужа сумки, ей хотелось, чтобы он ушел.

Шану прокашлялся, очень официально осведомился о миссис Ислам, в общем — о ее здоровье, в частности — о ее бедре, а также о растущем благосостоянии ее сыновей. Разия отвечала коротко, вежливо, но не изменила расслабленной позы, не приличествующей бенгальской жене. Вопросы у Шану скоро кончились, он неловко стоял, как будто, чтобы сесть, ему нужно приглашение.

— Ракиб, — сказала Назнин.

Шану вздрогнул. В любую секунду готов был броситься бежать.

— Что?

— Пойди посмотри, как он там, — мягко сказала Назнин.

— И правда.

Он с облегчением поспешил прочь. При ходьбе теперь хлопает каблук. Смятые гармошкой брюки превратились уже просто в аккордеон. Назнин пошла с ним до двери и зашептала ему на ухо.

Рис получился отменный. Воздушный, белый, зернышко к зернышку. Дома, в сезон дождей,

когда земля уходила под воду и у буйволов на ногах нарастали плавники от грязи, когда курицы взлетали на крыши, когда коричневые козы топтались на крошечных островках земли, когда женщины падали на поднятых дорожках в хижины-кухни, когда не могли разжечь костер на навозе и шелухе и в ход шли все запасы, когда дождь звенел по крышам громче, чем коровьи колокольчики, рис был сокровищем, источником жизни. Его готовили сразу на несколько дней, он застывал и превращался в клей. Или в твердые куски, которые рассыпались только в желудке, и тогда им можно было так набить желудок, что даже дети падали и ревели от удовольствия. Даже тогда он был вкусным. Этот же рис бесподобен. Одним этим рисом она наестся. Но она чуть не захлебнулась слюной при мысли о курице, почуяв горячий аромат кориандра. Утонувший в масле баклажан прямо-таки напрашивался в рот. Ей хотелось вылизать бархатистый дал. Шану умеет готовить. Назнин как-то не задумывалась, что все годы до женитьбы он готовил себе сам. Когда появилась она, Шану осталось только прислоняться к шкафам и упираться животом куда-нибудь в стол. Она не стала упрекать его за то, что все это время он ей не помогал. Наоборот, Назнин

почувствовала укол совести, потому что считала его бесполезным и не подозревала в нем таких неожиданных талантов.

— Вкусно, — сказала Разия, — оставь мужу чуть-чуть.

Но Назнин ела, как голодный варвар. Разия поставила тарелку и положила ложку.

— Я кое-чего не сказала твоему мужу о миссис Ислам.

— Она не заходит. Я обидела ее. Шану не знает об этом.

— Он еще кое-чего не знает.

— Ты ведь не хотела сплетничать.

— Не хотела.

Разия опустила глаза. Наклонилась. Ресницы загибаются, как лапки у насекомого, под тяжелыми веками зрачки кажутся квадратными, и только сейчас Назнин заметила, что черная радужная оболочка у Разии вся в брызгах золотого света.

— Это не сплетни. Это правда.

Разия помолчала для внушительности.

— Она ростовщица.

— Ого!

— Я проверила. Это правда. Говорю перед Богом. Она дает деньги под проценты и будет гореть в

аду после смерти.

— Разве можно так говорить?

Разия забрала тарелку у Назнин.

— Послушай. У меня были подозрения. Я ей сказала как-то насчет трудностей с деньгами, и она предложила мне дать взаймы. Ничего особенного. Потом я засомневалась. Я думала, может, она предлагает дать взаймы от чистого сердца. Может, она специально в своей большой черной сумке носит пачки пятифунтовых банкнот, чтобы отдавать бедным.

— Прекрати.

— Я не шучу. Ты же знаешь меня, я всегда пытаюсь везде найти хорошее. — Улыбка у Разии получилась как у шакала. — Если не веришь мне, спроси у Амины. Спроси, сколько она платит. Тридцать три процента.

— Разия!

— Ты так говоришь, будто я сплетничаю. Я не сплетничаю. Я тебе говорю то, что видела. И не я отправлюсь в ад, когда настанет судный день.

— Если она раскается, Господь ее простит.

— Раскается? Миссис Ислам?

Разия погрузилась в сумку и вытащила носовой платок. Взяла его двумя пальцами и помахала, отставив мизинец.

— «Когда я была совсем еще девочкой, никто не осмеливался так меня оскорблять! Лучшее семейство на весь Тангайл, ты что, не знаешь, что все с нами раскланиваются?»

Назнин онемела и уставилась на подругу.

Разия обвела взглядом комнату. Потом отрывисто заговорила:

— Амина не может внести последний платеж. Если она и в следующий раз не принесет деньги плюс дополнительную сумму в качестве пени, сыновья сломают ей руку. Какая епитимья такое искупит?

— Еще кто-нибудь об этом знает?

Разия пожала могучими плечами:

— Некоторые знают. Может, даже все. И все лицемерят. Вся община. Все *тонут, тонут, воду пьют.*

Подросток, безвольный, как еще ни разу не надутый шарик, услышав английские слова, приподнялся в кресле и бессмысленно посмотрел на Разию.

— О ее сыновьях чего только не говорят, — сказала Назнин, — но, насколько я знаю, это все сплетни.

Подросток уронил голову, шея у него толщиной с соломинку. Мать посмотрела на него так, слов-

но соломинка вот-вот надломится, и заплакала, уткнувшись лицом в руку.

— Мне пора идти, — сказала Разия, — у меня еще дела, а потом надо детей забрать.

— Поцелуй их за меня. Передавай нашим привет.

— *О'кей. Сделаю.*

— Твой английский все лучше и лучше. Поздоровайся за меня с дамой с татуировками.

— *Спасибо.* Съехала дама с татуировками.

Назнин сперва не поверила, даже после таких невероятных новостей о миссис Ислам, после которых все должно казаться возможным.

— Отвезли ее, — сказала Разия и побарабанила по виску, — последние дни она сидела уже в собственном… ты меня понимаешь.

— Ох.

— Рано или поздно за ней бы пришли. Она постоянно сидела в окне, как размалеванная статуя. Неужели никто не видел?

Шану принес четки. Назнин сжимала и перебирала бусины.

— Субханаллах, — вполголоса. — Субханаллах. Субханаллах. Субханаллах.

После тридцать третьей бусины нащупывает большую заглавную бусину. Глубоко вздыхает и

продолжает:

— Алхамду лилла. Спасибо, Господи. Да. Только разве Он не хочет, чтобы я сейчас была с сыном, а не на молитве? — Пальцы пробегают девяносто девятую бусину.

Молиться, как обычно, у нее уже не получается. Раньше она о чем-то просила. Сейчас — только благодарность. Господь, только Господь спас ее ребенка. Его труд, Его всемогущество, не ее. Собственная ее воля, хоть и раздувалась, как Джамуна[18], и лилась, как из лопнувшей плотины, ничто по сравнению с Его. Она снова начала круг, яростно сжимая гладкие деревянные костяшки.

— Субханаллах. Благословен Господь. Алхамду лилла. Спасибо, Господи. Аллах акбар. Господь велик.

Назнин уронила четки, и они закатились далеко под батарею.

Назнин позаимствовала на кухне ершик с длинной ручкой для мойки посуды, достала четки и вытерла с них пыль. Пусть лучше Шану отвезет их домой, там они будут в целости. От бесконечных повторений вместо необходимой бодрости заторможенность. Да, лучше отправить

---

[18] Примечания: 18

Джамуна — нижняя часть реки Брахмапутры, известная широкими разливами.

четки обратно.

Молиться теперь нужно по-другому, лучше. Назнин с удивлением призналась себе, что раньше, стоя на коленях, повергаясь ниц и произнося слова, мыслями далеко была от молитвы. Молитва была способом забыться, как забывается с бутылкой алкоголик, как бьется муха о фонарь. Так молиться неправильно. Так читать суры неправильно. Так жить неправильно.

Раньше она хотела освободить место внутри. Чтобы не слышать больше собственного нытья, глухих требований и вечного неудовольствия. Чтобы закрыть за ними дверь и начать жить собственным домом. С таким же успехом можно лечиться от глистов голоданием. Метод такой существует, только вот исход неизбежно летален.

На восьмой день в коридоре Назнин составила классификацию. Больной. Родитель. Дальний родственник. Друг. Врач. Медсестра. Санитар. Со взрослыми больными все просто. На ногах у них шлепанцы, на лице натянутая, пришлепнутая улыбка. Мол, все в порядке, они спокойны и наслаждаются своей оздоровительно-восстановительной прогулкой по больничным коридорам. Проходя мимо детского отделения, взрослые больные улыбаются еще активнее, чтобы всем

видом показать, насколько им повезло. С родителями тоже легко. От каждой черной мысли лица у них застывают, как от удара. Воображение у них сведено на нет, и это самое опасное. Остальных родственников и друзей иногда сложно отличить друг от друга, разве что родственники шагают легче, а друзья строят из себя клоунов, стараясь вместе с огромными медвежатами и маленькими говорящими игрушками протащить за собой веселье. В белизне халатов и неотложно-неприступной походке врачей чувствуется авторитет. Попробуй меня остановить — и твоя жизнь в опасности. Медсестры скупо раздают поклоны и мимолетные ободряющие улыбки, от которых у родителей разгорается надежда, с такими улыбками вдруг о чем-то вспоминают, хотят сказать, но уходят прочь. Санитары похожи на разноцветную свору. Идут мимо, хмурые и сутулые, спешат, как врачи, напевают что-то категорически непохожее на музыку: вдруг взвоют отрывисто и так же резко смолкнут.

У Ракиба в палате уборка. Назнин в коридоре, высматривает Шану. Сегодня Шану на работе. Впервые за всю неделю. Вот он. Торопится, отскакивает вправо, пропуская тележку, идет по стеночке, как большой краб с мягким панцирем.

Подошел, прислонился к батарее. Если бы увидел более прочную поверхность, оперся бы на нее. Тяжелейшая умственная работа, сказал он. Настоящий труд. Тяжелей труда, чем умственный, нет.

— Там уборка, — сказала ему Назнин, — они быстро.

— А-а.

Он пожевал нижнюю губу, выпятил челюсть и закусил верхнюю.

Назнин ждала, что он скажет, и от молчания стало неуютно. Она уже привыкла, что его болтовня заполняет разделяющую их пустоту.

— Миссис Ислам, — начала она и запнулась.

— *Тонешь, тонешь, воду пьешь.*

Он знает.

— Всему приходит конец.

— Если она по-настоящему раскается…

— Раз довольно, значит, довольно.

Шану повернулся к жене, лицо у него стало плоским, как дощечка.

— Придется им сказать.

Кому?

— Моим родственникам. Они должны знать. Пора признаться. И прекратить лицемерие.

— Твоим родственникам? Им это зачем?

Шану улыбнулся, на пухлых щеках появились

ямочки. Глаза беспорядочно мечутся в поисках спасительной тропки с этого неудобного лица. Шану начал объяснять ей, как ребенку:

— Они все думают, что я богат. Иначе зачем бы я жил в другой стране? Я их ни в чем не разуверял. И меня это устраивало, и их. Получается, я их обманывал. Строил из себя большого человека. Здесь я человек маленький, а там… — улыбка сошла с его лица, — я мог бы стать большим. Большим человеком. Такие дела.

Шану вздохнул и положил руки на живот:

— И поэтому, когда приходили умоляющие письма, я налево и направо обвинял всех вокруг, когда надо было обвинять вот это, вот здесь. — Он рукой показал на грудь, на сердце и гордость, которые предали его.

Тонешь, тонешь, воду пьешь. Когда вся деревня по целому месяцу вынужденно держала пост, когда ни зернышка, ни капли воды не попадало сквозь запекшиеся губы более или менее здорового мужчины, здоровой женщины или ребенка, когда солнце жарило сильнее, чем сковородка, когда ожидание сумерек сродни лихорадочному бреду, лицемер шел к пруду, опускал голову в воду, нырял и тонул, пил и тонул.

— Нет, — сказала она, — не надо себя винить.

— Тогда нужно действовать. Это повод к действию. Любой повод на самом деле — это повод к действию. Хватит разговоров. С сегодняшнего дня я действую.

Он прокашлялся, как и раньше, перед началом разговора:

— Я еще не все тебе сказал. Я сегодня ушел в отставку.

— Что значит «ушел в отставку»?

— Что значит? Ты что, против? Разве я тебя не предупреждал? Я постоянно говорил об этом и мистеру Дэллоуэю, и тебе.

— Так. Значит, все-таки ушел.

— Надо сказать, видел удивленные лица.

Шану походил на человека, которого окружили и взяли вооруженные бандиты. Даром эти события для него не прошли. Он жевал губу, пока не прокусил: выступили маленькие красные пятнышки.

— Завтра забираю свои вещи.

— Они так быстро тебя отпускают?

Шану прокашлялся так тщательно, что Назнин испугалась, как бы он не сплюнул на пол. Он сглотнул.

— Конечно нет. Только если я принял решение, значит, дело сделано. Такой я человек. Начиная с

сегодняшнего дня.

Шану покачал головой и прищурился: мол, назад дороги нет.

— Если *кто* раскается? — спросил он.

— Что?

— Ты сказала: «Если она по-настоящему раскается».

— Ничего я не говорила.

Прошел санитар, толкая перед собой тележку с ведром и шваброй. Он громко насвистывал, но работу желудка свист все-таки не перекрыл.

— Кажется, в палате закончили убирать. Пошли.

Санитар чуть улыбнулся, когда Назнин проходила мимо, и крякнул, словно не знает, куда катится этот мир, но он лично здесь и сейчас орудует своей шваброй и ведром, а остальные пусть делают, что им нравится. Назнин обернулась, увидела, что Шану шагает следом, голова как на шарнирах, глаза бесцельно бегают по сторонам, ноги сбивают ведро, а санитар, удержавшись за швабру, качает головой с достоинством человека, глубоко оскорбленного.

Ракиб не спал.

— Ба, — выдал он.

Хватит уже глупостей. Он поднял ручки к

лицу и мрачно на них посмотрел. Сложил пальцы клешнями, попробовал их на крепость и упругость, остался доволен. Отпустил восвояси. Повернул голову набок. Назнин что-то над ним проворковала. Погладила по голове, волосы свалялись и стали мягкими, как кашемир. Мизинцем потерла ему десны, ощутила приятное покусывание его крохотных жемчужных зубок. Скоро домой, он будет неуверенно ступать по гостиной, как по палубе, бесстрашно делать шаги под ударами невидимого шторма от дивана к креслу, к столу и обратно, держась по дороге за все предметы.

— Куплю тебе энциклопедию. — Шану склонился к сыну и погладил его по ножке. — И себе тоже, пока ты не начал задавать слишком много сложных вопросов.

— Я завтра домой пойду. Все приготовлю.

— Чертовски умен этот парень. Смотри, какая большая голова.

— Энциклопедия вещь недешевая.

— Для нашего мальчика денег не жалко. Назовем это капиталовложением. Любая книга — капиталовложение. Неужели не видишь, каким умным студентом он вырастет?

Шану что-то помычал себе под нос, потом за-

пел:

Мы — сила, мы — студенческая мощь!
И в темную, как деготь, ночь
Мы мчимся по дороге босиком,
Сметая все преграды.
И каменистая земля краснеет,
Окрашиваясь нашей кровью…

Он оборвал песню на полуслове:

— Ладно, ладно. Не надо кривляться. Мы пели эту песню в университете Дакки. Эта песня заслуживает уважения.

И снова запел, но без слов.

Малыш уснул. Назнин хотелось отдать ему все силы, и она сидела неподвижно. Шану читал. Назнин хотелось спросить, на что они теперь будут жить. Кем он будет работать. Шану снял ботинок и носок. Наклонился и рассмотрел свои мозоли, на каждую по очереди надавил, всякий раз еле слышно вздыхая от боли. На несколько минут книга снова завладела его вниманием, он помычал что-то, побарабанил пальцами, просто посидел, смотря в никуда, забыв и про ботинок, и про носок.

Назнин коснулась головы Ракиба. Чтобы почув-

ствовать его. Поделиться силой. Хотя только Бог способен дать ему силы. Что бы она ни сделала, все равно решает Бог. «Бог знает все. Он знает, сколько волос у вас на голове. Не забывайте об этом». Так говорила мама, когда они отправлялись в школу.

Назнин думала об этих словах. Нет, все, что она делает для Ракиба, ничто. Только Бог решает. Она думала о том, «как была предоставлена Судьбе». Помни! Сопротивляться бесполезно! Мама ничего не сделала, чтобы спасти дочь. И дочь выжила. Ее жизнь была в руках Господа. Грудка Ракиба поднимается и опускается. Он пошевелился и пукнул, и сердце Назнин сжалось еще сильнее.

И вдруг ее захлестнула ярость. Мать, которая ничего не сделала, чтобы спасти своего ребенка! Если бы Назнин (мужа она в расчет не брала) не отвезла сына немедленно в больницу, он бы умер. Так говорили врачи. И это правда. Разве она слонялась из угла в угол и заламывала руки? Разве она только и делала, что вздыхала без конца и рыдала украдкой, да так, чтобы все видели? Разве она молила Бога, чтобы он забрал, если вознамерился забрать, и оставил ее ни с чем? Разве она вела себя как мать? Как святая?

Мама еще кое в чем не права. Рождение ребен-

ка — несварение желудка! В таком случае змея кусается как муравей. Одно и то же.

Неудивительно, решила Назнин и пришла в ужас от собственных догадок, что папа отсутствовал по нескольку дней. Эти слезы истощали его. Злили. Даже на похоронах он был злой. Он опускал ее в землю ногами вперед, белый саван был уже забрызган грязью, дождь наполнял могилу, и папа слишком быстро ее отпустил. Дядя продолжал ее держать и не дал телу скатиться вниз. Папа хлопнул в ладоши. Голубая молния разрезала каменное небо, и молитва началась, гром подхватывал слова молитвы из уст имама, дождь затекал им в рот и глаза.

— Идите поиграйте, — сказала Мамтаз, — я вас позову, когда мама будет готова.

Хасина убежала, а Назнин осталась.

«Тогда помогай. В конце концов, ты уже взрослая.»

Мамтаз дала Назнин держать медное блюдо, в которое погружала тряпицу и хорошенько отжимала. Убрала простыню с лица, умыла его. Лоб, виски, щеки, подбородок, закрытые веки, в ушах, в носу. Мамтаз зацепила рукой верхнюю губу, она приподнялась и загнулась, открыв два похожих на зернышки дыни зуба, которые мама всю

жизнь так тщательно скрывала. Мамтаз подняла простыню, чтобы опустить ниже, и повернулась к племяннице:

— Не знаю, что бы сказала сейчас мама.

— Судьба! — ответила Назнин и ущипнула себя за шею.

— По поводу того, что ты здесь, — посмотрела на нее Мамтаз.

Шея у Назнин запылала.

— А-а.

— Ну да ладно. Ведь ты уже женщина.

Под простыней Мамтаз принялась мыть правую сторону торса. Подняла мамину руку и вытерла ее.

— Не думай, что она умерла в одиночестве.

— Ангелы были рядом.

Вот бы сейчас заплакать. Ведь так нельзя. Никто вокруг не плачет. Деревня лишилась своей лучшей плакальщицы.

— И они были рядом, и Бог. Сари, конечно, испорчено. Ее лучшее сари. Остальное поделите с Хасиной.

Мамтаз вытерла тело. Под приподнятой простыней Назнин увидела грудь матери, съехавшую к подмышке. Дыру чуть левее заткнули коричневой от крови тряпкой.

Мамтаз окунула ткань, и в воде поплыли маленькие кусочки застывшей крови и собрались по краям.

Назнин пошла сменить воду. Наклонила тазик, в голове вертелась мысль, что выливать кусочки своей матери, наверное, совестно.

— Твоя мама говорила, — вслух размышляла Мамтаз, — что все можно изменить вот так. — И она щелкнула пальцами. — Но у Бога свои планы. Я ей говорю: «Сестра, но ведь пока Он не раскроет планов, нам как-то нужно самим жить». Не знаю… — Мамтаз громко вздохнула. — Теперь Его план известен. Была и нету. Пфф!

Тете что-то не нравилось. Назнин выпрямилась, пытаясь казаться серьезной и себе, и окружающим. Если честно, она заскучала, и от вида тела подташнивало.

Мамтаз справилась с левой ступней (какие желтые ногти!) и начала перевязывать. Открыла нижнюю половину тела, и Назнин не могла оторваться от этой откровенной наготы. Верхнюю часть бедер скрыла повязка. Повязка связана с другой, на талии. Третий лоскут вроде короткого платья, им накрыли тело, как саваном.

— Забыла, — сказала Мамтаз, — волосы.

Она сняла лоскут, заплела волосы, присев на

корточки возле чоки и высунув язык от напряжения. И в ту минуту начался дождь. Дождь венчал собой предыдущие несколько недель наэлектризованного неба и раскаленного воздуха, который мерцал на два шага впереди и обжигал ноздри тем, кто отваживался его вдохнуть. Дождь встречали с радостью. Он барабанил по жестяной крыше, бился о землю и весело отскакивал каплями, раздувал большие жирные пузыри на дорожке к дому. С миской в руках Назнин смотрела, как под душ выскочили дети. С визгом они лупили друг друга мокрыми рубашками и терли себе головы. Взрослые не торопились на улицу, словно им не было никакого дела до дождя. Через двор шел папа, и дети бросились врассыпную, прячась друг за друга, испугавшись нежданного и такого большого взрослого. Одного из малышей папа потрепал по мокрой голове. От его улыбки дети осмелели. И слезы Назнин вырвались наконец-то наружу и полились на вышитый саван, в который маме Судьбой предназначено было быть завернутой.

Назнин проснулась с затекшей шеей. В больнице тихо. В палате темно, только приборы светятся. Стул Шану пуст, по другую сторону кроватки стоит Разия. Волосы растрепаны, глаза — узенькие

щелки. Костлявые руки у самого лица, кусает костяшки.

— Что случилось? — воскликнула Назнин.

— Шшш, — прижала палец к губам Разия, — не разбуди его.

— Что случилось? — На этот раз шепотом.

— Какие они все красивые в этом возрасте, когда еще дерзить не научились. — Разия нагнулась к кроватке. — Моих же надо хорошенько отлупить.

Ее голос задрожал, но глаза, насколько видела Назнин, оставались сухими.

— Чаю хочешь?

— Чаю? Нет. Чай в меня больше не лезет. Весь день пью один чай. — Она тряхнула головой, чтобы отогнать мысль.

— Иди ко мне, садись рядом.

Разия подошла и села. Плечи дрожат. Руку прижала к груди и шмыгнула носом. Стукнула туфлями. И сказала наконец:

— Он умер.

— Ты о чем? — не подумав, спросила Назнин.

— Мой муж умер. Его убила эта работа.

Ярость, подумала Назнин. Ярость его убила.

— На бойне, где он работал. Они грузили машину, несчастный случай.

Назнин не знала, что сказать.

— Его убило коровьими тушами. Он всего на пару минут остался один, а когда пришли остальные, он уже лежал под тушами. Семнадцать замороженных коров. Он в самом низу.

Разия посмотрела на Назнин. Ее рот дрожал.

— Вот так все и закончилось. И мечеть не достроена.

— Дети…

— Они у миссис Ислам. — Разия слегка пожала плечами. — Кто ко мне только не приходил. Чай делали, плакали, и все такое. Я всем сказала, что хочу остаться одна. Когда они ушли, я не захотела оставаться одна с… ты знаешь. Думала постоянно об этих коровах. И пришла сюда.

Назнин взяла ее за руку, начала гладить потихоньку, чтобы взять хоть немного боли и впитать в себя. Довольно курлыкают аппараты, мониторы рисуют бесконечный танец. За стеной нечленораздельные женские стоны. Дезинфицированный пол туповато сияет под ногами, от него пахнет обеззараженным горем.

— Теперь можно и на работу устраиваться, — простонала Разия, — некому теперь возвращаться с бойни и раскраивать меня, как тушу.

Палата в психбольнице! О сумасшествии здесь

говорит все. Разбитая мебель навалена по углам до потолка. На полу, на столах и подоконниках разбросаны — полный разврат! — книги и бумаги. Кричащие тряпки всех цветов радуги с путаным рисунком, по которому петляет взор и которым пленяется сердце. Угловой шкафчик и сервант погребены под безделушками. По желтым обоям скачут вверх-вниз квадратики и кружки. Суматошные рамочки сражаются за лишний кусочек пространства стен. Там же на стенах тарелки, посаженные каким-то безумцем на проволоку, чтобы не сбежали.

Как быстро Назнин привыкла к больнице. Со вздохом поняла, что так же быстро привыкнет к этой комнате. Посмотрела на кресло. Раньше его здесь не было. Чтобы пробраться в дальний конец комнаты, пришлось перелезть через кофейный столик с оранжевыми ножками и стеклянной столешницей. У стула с плетеной спинкой вынули сиденье. Получившуюся дыру кое-как затянули двумя мохнатыми веревками. Рядом моток бечевки и плоскогубцы. Итак, начался все-таки мебельно-реставрационный бизнес. Назнин подняла плоскогубцы: слишком опасно валяются, ведь Ракиб скоро вернется домой. Подняла три ручки, блокнот и кружку, потянулась за подгуз-

ником, половинкой печенья и пустой банкой из-под какао, которая служила Ракибу барабаном. Нет, нужно все по порядку сделать, подумала Назнин и снова положила все на пол. Сначала в ванную, потом освободить кухонные ящички, сложить туда все. Если работать быстро, можно еще успеть к Разии. («Какая трагедия, — сказал Шану. — Человек пашет. Пашет, как ишак, и все равно стоит на одном месте. В глубине сердца он никогда не уезжал из деревни. — И Шану продолжал еще более выразительно: — Что уж тут поделать? Ведь он был необразованным человеком. Вот она, трагедия иммигранта».)

Назнин не успела зайти в ванную — пришла Хануфа.

— Я тебя ждала, — сказала она, — я принесла еды.

Назнин взяла у нее коробочки с едой:

— Мне муж готовит.

— Знаю, — ответила Хануфа, — но мне не хотелось приходить с пустыми руками.

Назнин намылилась душистым мылом, вспенила голову пахучим шампунем, после душа припудрила детским тальком кожу между пальцев на ногах. В одной нижней юбке и коротенькой блузочке чоли она стояла в спальне и

выбирала сари. Открытые двери шкафа упирались в край кровати, и в комнатенке получалась еще одна, с черными стенами. В шкафу внизу валяются брюки Шану. Другие болтаются на спинке стула, втиснутого между висящей одеждой. Назнин скинула нижнюю юбку и надела брюки. Чтобы посмотреть в зеркало, пришлось встать на кровать напротив туалетного столика с завитушками. Видны были только ноги; Назнин наклонялась и изворачивалась, чтобы увидеть себя целиком. Сняла брюки, снова надела юбку и подняла ее до самых коленок. Потом начала прохаживаться по кровати и представлять, что в руках у нее сумочка, как у светлокожих девушек. Подоткнула юбку еще выше и посмотрела на ноги в зеркале. Подошла к передней спинке кровати, обернулась на себя и увидела треугольник трусов. Грудью к стене, глазами к зеркалу, подняла ногу как можно выше. Закрыла глаза и полетела на лезвии конька. Вот дурочка. Нога дрожит. Назнин открыла глаза, и вид стройных коричневых ножек ей очень понравился. Медленно подняла левую ногу и уперлась пяткой в правое бедро. Попыталась повернуться, запуталась и, хихикая, упала на кровать.

И что здесь такого? Она перевернулась, заку-

талась в плед и решила просто поваляться, не думая ни о чем. В голове ни единой мысли. Перед глазами только потолок. Нужно не забыть взять шапочку Ракиба. Наденет на него по дороге домой. И опять в голове пусто. Надо помыть холодильник. Купить туалетной бумаги. Написать Хасине. Это уже лучше. Постирать кое-что, пока не скопилось. Нет, нет, нет. Она натянула плед на голову.

— Фигуриситы, — вслух сказала она. — Торвилл и Дин[19].

Она встала и быстро оделась. Нашла ручку, бумагу, книжку и села на краю кровати.

«Моя дорогая сестричка, — начала Назнин и покусала колпачок. — У меня все хорошо, и у мужа тоже. Ракиб болел, но сейчас идет на поправку». Снова покусала колпачок. Думать о письме гораздо приятнее, чем писать. В голове столько мыслей, во время работы по дому слова так и расцветают. А сейчас, несмотря на переполняющие ее чувства, рассказ получается коротким, туповатым и уродливым, как недозрелый урожай. «Мы отвезли его в больницу. Мне было очень грустно,

---

[19] Примечания: 19

Джейн Торвилл и Кристофер Дин — британские фигуристы, на Олимпиаде 1984 года в Сараеве получили 29 высших оценок (6 баллов) и были занесены в Книгу (рекордов) Гиннесса.

а потом внезапно очень хорошо, еще перед тем, как ему стало лучше. Скоро он приедет домой». Перечитала письмо. Смяла листок. Взяла новый. «Моя дорогая сестренка, надеюсь, что у тебя все хорошо. Спасибо за твое письмо. Ракиб сильно болел, но сейчас лучше. Мы отвезли его в больницу. Случилось что-то странное. Я села рядом с ним и почувствовала себя очень счастливой. Не потому, что он болен, а потому, что я была счастлива внутри. Шану бросил работу. У него все в порядке. Надеюсь, у тебя все в порядке».

Она перечитала свое сочинение, вычеркнула последнее предложение, где повторялась. Исправила «но сейчас лучше» на «но сейчас ему лучше». Вычеркнула строчки про ощущение счастья. Пожевала колпачок.

Надо более внятно объяснить. Обдумать. Почему она почувствовала себя счастливой? Нарисовала рожицу, улыбку. «Я за него сражалась». Добавила спичечное тельце. «Не полагалась на судьбу. Дралась». Цветочек, длинный стебелек к нему. Судьба! Выбор судьбы. Попыталась нарисовать птичку — получилась вешалка для пальто. Двигаю ручкой. Вот сюда. Вот туда. Начинаем слона, задние ноги рисуем лошадиные. Здесь больше никого нет. Никто не водит ручкой за нее.

Снова начала писать. «Моя дорогая сестренка, надеюсь, что у тебя все хорошо. Малыш лежит в больнице, но мы надеемся, что скоро привезем его обратно. Шану ушел с работы. Когда малыш приедет домой, напишу тебе снова. В следующий раз письмо будет длинным. Молю Бога, чтобы у тебя все было хорошо».

Назнин прибралась в квартире, сложила мебель в гостиной, пытаясь таким образом освободить место. Но получившаяся груда пошатывалась, и Назнин начала ее разбирать. Работала быстро и заодно вслух тренировалась купить у кондуктора билет. Внезапно подумала, что это она убила мужа Разии. Умереть должен был Ракиб, но Назнин отвела от него смерть. Смерти снова пришлось выбирать. Уйдите от меня! Уйдите! Ступайте обратно в ад, откуда пришли. И этими словами быстро и решительно закрыла танцующим джиннам вход в комнату и в свою голову.

Во дворе Назнин забыла про джиннов. Светило солнце, дерево на углу, уже знакомое, но все равно безымянное, выбросило бледные зеленые почки. Смелая травка, несмотря на ничтожные шансы, пыталась пробиться на поверхность. Свежее собачье дерьмо чуть дымилось на асфальте пу-

стыря. Асфальт только что залили, пахло резиной и машинной жидкостью. Запах дерьма поэтому не так ощутим, даже когда Назнин через него переступила. Солнце приятно припекает лицо, хорошо бы сейчас и ноги подставить солнцу. Прошла мимо группки молодых индусов на дорожке, они уступили ей дорогу и насмешливо-формально кивнули. Один не кивнул, Назнин поймала его взгляд: вызывающий? отвергающий? Другой упал на колени: О-о! Она разбивает мое сердце! Назнин закрыла лицо шарфом и спрятала рот — уголки поднялись, губы приоткрылись и снова дернулись.

Больница, больница, больница. Еще одно английское слово выучено. Всю дорогу по коридору Назнин нежно его повторяла. Шану не услышал, как она вошла, и не повернулся. Назнин коснулась его плеча и, как всегда, удивилась, насколько оно хрупкое. На макушке у мужа маленькое пятнышко, злобное маленькое пятнышко среди зарослей волос. Шану не поднял головы. Назнин увидела пустую кроватку. Ракиба снова забрали на анализы.

— Его нет? — спросила Назнин.

— Его нет, — ответил Шану и посмотрел на нее. Сквозь рубашку выпирает живот.

— Не волнуйся. Его скоро обратно принесут. Скоро нам его снова принесут.

Шану поморгал. Глаза забегали больше обыкновения.

— Ты помоешь его? Я не смогу.

— Я его всегда купаю.

Назнин подошла и села рядом.

В палате необычная тишина, в такой тишине не слышно даже приглушенного рокота больницы. Машины выключены, вот почему тихо.

— Помою его губкой, — сказала Назнин, — как всегда.

Шану опустил голову. Не сказал ни слова. Человек действия не разговаривает. И ничего не делает. Назнин посмотрела на пластиковые стаканчики возле раковины, полотенца и раскиданное постельное белье на встроенной кровати, где они с Шану спали по очереди. Подскочила:

— Надо здесь все убрать.

— Господи, Господи, — простонал Шану, — не сейчас.

— Человек действия, — сказала она и вздрогнула, вспомнив слова Разии: человек-кирпич.

— Его тело еще не остыло! Тело твоего сына еще даже не остыло. Прекрати, мать твою, прибираться.

— Моего сына?

И даже сейчас она не могла поверить.

Шану зажмурился, что-то потекло из глаз по щекам, словно он выжимал из себя слезы.

— Нам надо его забрать. Они сами его сюда не принесут.

«Они сами его сюда не принесут». В руках пластиковые стаканчики. Машинально взяла еще и сложила.

— Сказали, что тело отдадут быстро. Сказали: знаем, вы — мусульмане. Знаем, так и сказали, знаем, что вы всегда хотите похоронить побыстрее.

Мы всегда хотим похоронить побыстрее. Начала складывать белье. С распашонки сняла соломинку, с курточки пушинку. Подошел Шану, взял ее за руки. Разжал пальцы, забрал курточку Ракиба. Пришлось подтолкнуть ее к кровати, чтобы усадить. Разрешила взять себя за руку.

Да, она помоет его. Сама принесла, сама и унесет. Видела, как хоронят малышей. В деревне малышей хоронили часто. Раз или два хоронила двоюродных братиков, которые пришли в мир и снова ушли, как будто ошиблись комнатой, извинились и тут же закрыли за собой дверь. Маленькие белые сверточки падали в ямку,

укрывались листвой или тростником, чтобы от воздействий почвы не пойти пятнами и чтобы уйти такими же чистыми, как пришли. Похороны помнит, а вот мертвых — нет.

Глава седьмая

Дакка. Бангладеш

Май 1988 года

Молю Господа штобы он успокоил тебя в этот темный час. Читаю Молитву Света о тебе.

Господи дай свет моему серцу свет языку моему свет слуху моему свет моей правой руке и моей левой руке свет позади меня свет над моей головой и свет подо мной. О Господи знающий все тайны наших сердец выведи меня из этой тьмы и дай мне свет.

Ево душа на Небесах. Я молюсь за тебя и за твоево любящево мужа.

Хасина.

Сентябрь 1988 года

Сестричка мне тебе многое нужно рассказать. Новый адрес — Нарайангандж[20].

---

[20] Примечания: 20

Нарайангандж — город на юго-востоке Бангладеш, речной порт возле Дакки, где находятся дорожные узлы и железнодорожный терминал.

Работа на новой фабрике я сижу за машинкой настоящая теперь женская работа.

Мистер Чоудхари говорит собирать вещи и не волноватса. Первокласный дом говорит. Больше места. Он привез Тойота Лэнт Крузер. Кондиционер радиво пепельница для сигарет и все. Он мне как папа. Всегда говорит што хочеш. Когда у тебя неприятности. Приходи ко мне. Какой он добрый. Все ево уважают.

Когда мы приехали сначала были трудности. Старые жильцы не выехали. Женщина ругаетса. Перед детьми говорит нехорошие слова. Люди мистера Чоудхари помогают им уезжать. Потом я помыла комнату. Те люди плохие жильцы никогда ни одного пени не платили. Рента стоит больше така но комната больше и хороший район. Зданее длиное и низкое веранда есть впереди и другая во двор. Моя комната во двор.

Ище семья два сына и три дочки. У них две комнаты. На молитву когда беру коврик второй раз на закате слышу как они весело спорят. Ихний папа всегда про-

пускает меня когда я иду на работу. За спиной коробка с обедом младший сын на руле велосипеда такой хорошенький в школьной форме и всегда звонит когда едет. Папа клерк в окружном суде. Хорошие соседи. У нас бетоный пол очень гладкий и стены скоро поштукатурчим. Моя комната одна стена уже на половину штукатурченая.

Во всех других комнатах во двор это мущины с джутовой фабрики. Три четыре в каждой комнате. Они готовят вместе в дальнем конце веранды и я к ним не хожу. Мистер Чоудхари говорит йесли они тебя тронут приходи и скажи. Поломаю руки и ноги. Никто меня не трогает. Четыре пять мущин в комнате никаких беспорядков. На полвераны есть забор. Другую половину разворовали. Мистер Чоудхари посекрету говорит он думает што старые жильцы сожгли для тепла. Джутовые мущины сушат белье. Все очень акуратно. Лунги[21] жилеты пижамы с одной стороны брюки рубашки все

[21] Примечания: 21

Лунги — одеяние вроде набедренной повязки, которую носят в Бангладеш мужчины.

вместе.

Железная дорога прямо рядом. Как легко ездить! Джутовые мущины слышат как поезда приходят и прыгают с веранды бегут мимо кокосовых деревьев с'ежжают с берега и запрыгивают на поезд. Всегда цепляютса или на выступ лестницы или там ручка или ище. Они так ездят на работу.

Севодня опять не пошли на работу. Некоторые мущины качаютса в гамаках жуют бетель и сплеувают. Многие ушли на митинг. Мистер Чоудхари говорит все эти забастовщики ленивые ужасно и только делают себе выходные. Но в такие дни все закрываитса и я пишу все што приходит в голову.

Он всегда много говорит о таких людях мистер Чоудхари. Но он чесный человек. Он говорит все лидеры одинаковые и плохие. Управляющие Судьи Политики Армии Тред'йунионы все стали плохие. Когда он получит контракт с правителсвом мистеру Чоудхари надо ище платить двадцать пять процентов штобы покрыть расходы по платежам министра

и чиновника. Он поставляит элитрические детали для единой энэргостисемы. Ище он делает керамические туалеты и раковины. Только подумай! Йесли он сделает здесь элитричесво и раковину в этом доме! Может когда стены закончат штукатурчить.

Везде корупция. Ему грусно это видитъ. Ты знаеш у нево родимое пятно над правым глазом и около виска. Оно становитса красным как свежая рана когда мистер Чоудхари говорит об этом. И ище оно у нево чешетса. Тогда он крутит трость он всегда крутит когда растроен. У нево новая трость. Слоновая кость на кончике ручка как коготок птицы из чево она сделана? Ручка вериш не вериш золотая. Он смотритса как жентелмен с этой тростью.

Расказывает. Один ево друг подкупил сборщика налогов штобы взять форму для налогов. Йеслибы не заплатил взятку то сичас бы сидел в тюрьме. Нельзя платить налог йесли сначала не заполнить форму. Мистер Чоудхари сам подкупает телефоную компанию штобы взять

чек. Платить за телефоны недостаточно эта бумажная работа тоже стоит денег. Даже президент кажетса уже не такой хороший. Ево портрет в моей комнате на стене. Но я ево не выброшу пусть висит картинка красивая и стена веселей. Но мистер Чоудхари очень сильно кричит. Эршад![22] Ты бандюга! Потом кинул на пол и наступил сверху и разбил стекло. Я оставила рамку может быть потом использую.

Университет тоже закрыт. Все студенты протестуют. Они голосуют за право списывать. В душе я с ними. Те кто могут оплачивать професору репититорство покупают што будет на экзамене. Штобы чесно было у всех должна быть возможность списывать.

Я жду письма от тебя. Я так рада што твой муж нашел работу. Он уже говорит о повышении. А у многих мущин до повышения много много лет. Я шлю много

---

[22] Примечания: 22

Хуссейн Мухаммед Эршад — президент Бангладеш с 1982 по 1990 год. В декабре 1990 года под давлением массовых выступлений авторитарный режим Эршада прекратил свое существование, президент ушел в отставку и был арестован.

много любви штобы хватило до тебя на целый мир пути. Господь да сохранит тебя и даст тебе ище сыновей.

Ноябрь 1988 года

Моя родная сестричка какая красивая у тебя комната! Наконец я увидела столько лет тебя просила. Я поставила фотографию на ящик рядом с Ракибом. Когда сделаю я хочу обе поставить в рамку. Ты никогда не говорила о секретере и шкафчике в углу обоях. Для тебя оно конешно обыкновеное все. Каждый день смотрю и думаю моя родная сестра там с секретером и шкафчиком и всем. Меня немножечко тревожит што у тебя руки слишком тонкие и лицо бледное. Но Зайнаб говорит в Лондоне модно худеть.

Зайнаб мама она живет по соседству. Она говорит это зданее снесут. Посмотри как близко к железной дороге. Она говорит што мистер Чоудхари кожу снимет йесли платить нечем и скоро они периедут. Я говорю скоро человек штукатурчить стены придет а она надувает щеки и какбутто свистит. Она не очень

дружелюбная. Только жалуетса. Муж работает в окружном суде она решила што она и судья и присяжные. У меня подруги на работе. Зайнаб пусть говорит што хочет.

Я раскажу тебе о ткацкой фабрике. От дома всево полчаса идти и это очень хорошее место. Работа начинаетса в восемь. Мы должны притти на несколько минут раньше потомушто ровно в восемь открывают ворота. Йесли опоздает будут неприятности потомушто потом для безопасности ворота закрывают. Вокруг двора три помищения все новые крепкие из бетона. Одно со швейными машинками. Мне туда. В другом разрезают и заканчивают процес. Туда идут мущины. Небольшая комната управляющево и канцелярии и всево остальново.

У меня машинка такая новая и красивая я ее боюсь касатса штобы не заляпать. Я когда ее запускаю она чуствует што я новенькая и колет мне пальцы. Она урчит как кошка но только для меня. Йесли ктото ище другой за нее садитса она пускает когти тянет ткань и рвет нитки.

Алейа говорит што йесли у деревьев есть душа почему не может быть у машины. Шахназ говорит што Алейа деревенщина а вот ее предки никогда не молились деревьям и камням и всему. Но при Алейе так не говорит. Шахназ очень добрая и мягкая.

Я швея мотористка и все сичас подругому. Раньше я была только помошницей бегала туда сюда с нитками и тканью и была как девочка. Но я и тогда была женщина. Мы разговариваем за обедом. Мы все вместе вчетвером как сестры. Алейа Шахназ Рену и я. Я тебе про них сичас раскажу. У Алейи пять детей она из Ноахали. Мы всегда думали што жители Ноахали никогда не моютса воняют как джекфруты но даю чесное слово Алейа не воняет. Деньги которые она зарабатывает отдает своим мальчикам за школу. Муж мешает ей но Алейа думает только о детях не о муже. Муж спрашивает зачем ты работаеш? Йесли ты работаеш это плохо. Люди скажут што муж не может тебя прокормить. Но Алейа варит рис и мешает туда свои желания. Щепотка соли щепотка

желания и в конце концов муж уступает. Он купил для нее бурку[23] и каждый день провожает на фабрику. Вечером ждет у ворот.

Шахназ немного старше меня на один два года она очень хорошо учитса. Целый день говорит о женихах. Родители выбрали семь восемь парней но Шахназ отказала всем. И она отказываетса от приданого. Почему со мной дают приданое? Я не тяжелое бремя. Я зарабатываю деньги. Я сама приданое. Мы очень сблизились. Она учит меня накладывать косметику и учит как нарисовать брови штобы они были не такие уродливые и как их выщипать. Она както нарумянила мне щеки но стерла. Мой цвет кожи не подходит для румян. Смотритса дешево. Самая старшая из нас Рену она вдова. Она вышла замуж в пятнадцать лет за старика который умер через три месеца. Она вернулась к отцу но он вышвырнул ие из дома. Всю жизнь работает но она не хотела так жить. У ние только два зуба но она ест все. И говорит

[23] Примечания: 23

Бурка — одеяние, покрывающее женщину с головы до ног, с разрезом для глаз.

што у ние твердые десны. Я говорит могу кирпичи деснами жевать. Каждый обед она жует бетель. Это запрещено но Рену все равно. Я ее спрашиваю пойдет ли она ище раз замуж. Говорит кому в жены нужно столько костей? И машет руками но не видно костей только браслеты от запястий до локтей. Моя жизнь! Моя жизнь! Закончилась в пятнадцать лет. Я могла бы как в Индии вместе с мужем. В ево могиле хватило бы места для двоих. Почему я туда не прыгнула? Она ище сплеувает и ее не волнует што это тоже запрещено. Она говорит некому меня защитить. Я и там и здесь все равно одна. Все говорят кому што в голову взбредет потомушто я одинокая женщина. Я пришла в эту жизнь страдать. Я жду и страдаю. Вот и все.

Мне ее очень жалко. Она не любила в жизни. Это неправильно.

Но иногда она напоминает мне маму и я тогда ищу предлог и ухожу от нее.

Я переживаю што у твоево мужа работа не такая хорошая как он ожидал. Такой опытный человек как твой муж быстро

найдет другую.

Январь 1989 года

Сестричка я так часто перечитываю твои письма што листики совсем тоненькие становятса. Такие короткие письма я их знаю почти наизусть. Твое последнее только началось и сразу закончилось. Ты приуныла. Я чуствую. Думаеш думаеш без конца. Ты говориш твоя подруга работает на швейной фабрике. Почему и ты не начнеш шить? Подожди подходящево момента и попроси у мужа. Он сам себе нашел работу и будет рад если жена у нево тоже работать начнет.

Работа как лекарство. Ктото считает ее проклятьем как Рену. Но я нет. Сижу шью весь день и с подругами. Как на работе так и в дружбе и в любви. Брак по любви это не совсем любовь а штото другое. В настоящем браке любовь растет медлено-медлено. Привыкнуть друг к другу. Сидеть вместе. Оддавать чуть-чуть здесь брать чуть-чуть там. Так и с работой.

Здесь некоторые за фабрикой устраивают беспорядки. Они нам кричат. Вот

идут девчонки со швейной фабрики. Выбирай любую. Их мулла научил. Днями и ночами говорят про религию из громкоговорителя. Говорят грешно женщинам и мущинам работать вместе. Но они сами грешат прикрываютса именем Бога обижают нас и врут. Муж Алейи очень сильно переживает. Он требует штобы Алейа носила бурку на фабрике. Шахназ говорит а што такова все равно никто на такую обезьяну не смотрит. Она дразнитса и дразнитса осторожно штобы Алейа не услышала.

Мущины и женщины здесь все отдельно. Никто из мущин не сидит за машинами. Мущины не могут так тихо долго сидеть. Они любят подвигатса и побродить и покурить. Они делают выкройки и режут это трудная работа. Они ище гладят. Эта работа очень опасная для женщины потомушто мы не понимаем элитричество. Вот видиш так и живем и когда мы разговариваем то всегда как братья с сестрами. Абдул делает выкройки и всегда меня называет сестричка. Каждый день у нево новая рубашка.

Шахназ говорит што я ношу неправильный цвет сари. Я слишком бледная штобы носить красный или голубой или розовый. Хуже всево розовый. Коричневый или зеленый лучше. Все зависит от цвета кожи и поэтому на Шахназ розовый замечательно смотритса. Я мало трачу на одежду. Шахназ сказала мне ну ты знаеш как люди болтать начинают. Йесли носиш яркий цвет решат што я прошу их посмотреть на меня.

Жена судьи неугомонитса. Вчера говорит веди себя осторожней. Только скажи джутовым мущинам што здесь живет фабричная девушка тутже начнутса неприятности. Я ие спрашиваю какие неприятности? Ну они видят што здесь девушка. А потом узнают што она с фабрики. Ты што не понимаеш или тебе надо грязь принести и носом в нее ткнуть? И я тогда ответила ей. Чистота в голове. У тебя чисто в голове и Бог тебя защитит. Я зажму пальцы в кулак. И не разожму ево и никто кроме меня не разожмет пальцы правда? Вот што я ей сказала. Даже йесли постаратса их разжать много времени

уйдет и ты ничево не получиш. И тоже самое с моей скромностью. Я нашу паранджу в голове и никто ее не снимет. Суд закончился и жена судьи посмотрела виновато.

На следующей неделе сверхурочные. Большой заказ из Японии. Рену не будет много работать. На этой неделе она ошибаетса и испортила много рубашек пришила неправильно воротнички. Ктото ище сказал она жует лист. Алейа говорит што сказала Шахназ но Шахназ говорит што не она. Шахназ говорит Рену скоро будет бить кирпичи. Ей надо готовитса может в этом деле и десны пригодятса. Шахназ такая шутница. Мы все очень близкие.

Бить кирпичи это не шутка. Иногда я иду на работу по железной дороге. Через несколько минут виден мирный и хороший дом вокруг кокосовые деревья дикая роза магнолия. Дальше за ним бьют кирпичи. Целый день толпятса над красной кучей кирпичей с маленькими камеными молотками. Такая огромная куча а у людей такие маленькие молоточки. Это

как переливать озеро чайной ложкой. В основном там женщины с виду они голодные. Дети помогают. Дети с вспученными животами и все равно смеютса толкаютса бьют кирпичи смеютса. Мне лучше ходить в обход ничево што это долго и нет цветов но мне так больше нравитса.

Передавай мое уважение твоему мужу. Я за тебя молюсь.

Март 1989 года

Господь услышал молитвы! Когда роды? Теперь муж будет старатса найти хорошую работу и йесли Бог захочет муж продолжит учитса.

Как ужасно жарко и листья падают. Даже кокосовому дереву жарко. Я вспоминаю о Гурипуре у нас в деревне, никогда не бываит так жарко. Деревьев здесь чуть-чуть и нет тени дороги тают.

В Лондоне дороги тают? УАлейи есть в Лондоне двоюродная сестра. Она говорит в Лондоне у людей нет Бога. Когда она так говорит я молчу. Она хорошая но она из Ноахали.

Мистер Чоудхари пришел за деньгами

взял только штобы у меня ище осталось. Он привез мне стул в Тойота Лэнт Крузер. Другой владелец уже с'ехал. Я сделала чай и он пошел в комнату посмотрел на стену. Такой занятой человек и все-таки не торопилса. Он сидел на стуле в глазах боль и родимое пятно стало ярким ярким. Што такое дядя я ево спросила. Развел тебе не папа спрашивает. Я говорю да. Тогда почему ты меня не называеш папой. Вот так он хочет штобы я ево называла. Потом он расказал о сыновьях. Они уехали учитса в Америку и он гордитса ужасно. Но только у меня нет дочки чудесной дочки дочки как ты и никто мне не помнет ступни и я бы тогда был щасливый человек.

Папа я помну тебе ступни. Я снила сандалии и мне очень понравилось сделать ему приятное. Он спросил не трогают ли меня джутовые мущины. Эти парни вокруг красивой девочки как воск рядом с пламенем. Они подругому не могут. Но никто не трогает меня. Ктото смотрит косо ну и што? От этово у них только глаза разболятса. Один мущина подошел близко к моей кастрюле когда я готовила.

Желтая кожа и большие руки трясутса. Но он только смотрел ничево другого не делал.

Приходила жена судьи. Она когда говорила у нее руки все летали летали. Как маленькая коричневая стайка семь одинаковых птичек. Раньше это место было риспекабельный Дом она сказала. Теперь этот человек наводняет дом всяким сбродом и поднимает оплату. Он хочет прислать нам увидамление о высилении потому што мы риспекабельные жильцы. Он хочет освободить больше места для сброда. Она очень нервничала. Мой муж работает в окружном суде. Пусть только попробует прислать увидамление о высилении. Пусть только попробует. Мы ему сами пришлем увидамление.

Потом она сказала што они периежжают и дом снесут. Смотри осторожно она сказала. Я тебя как мать предупреждаю. Севодня я у всех дочка.

И ище она не совсем жена судьи. Мистер Чоудхари знает всех настоящих начальников. Я тебе сичас коешто раскажу. На прошлой неделе президент

Эршад к гольфклубе лежал возле басеина с подрушкой. Подрушка жена министра! Они вот так лежали и пришла жена президента и бросилась на подружку и они дрались как кошки. Президент пыталса их растащить но ему дали по башке. Сичас президент в больнице подрушка заграницей ей шьют лицо и жена в ярости и без ума потомушто с подрушкой деловой контракт. Все это самая настоящая правда. Никто не кричит им вслед на улице. Фабричным девушкам вслед кричать легче. Зайнаб говорит што сто педесят девушек на фабрике беремены. Вот што люди болтают. Кто их остановит?

Июль 1989 года

Сестричка я надеюсь што у тебя все хорошо и ты неустаеш. Мы здесь плаваем как утки я высыхаю только на фабрике. Вода дома капает с потолка. Вода проходит через кирпичные стены. Когда будет штукатурка дождь не сможет внутрь попасть. Я купила маленький столик к стулу. Сичас оно все расползаетса и везде верхушки трескаютса. Я поставила на

веранду на солнце но стало только хуже. Хусейн один джутовый мущина сказал што очень скоро починит. Он желтый как шарики ладду[24] и руки дрожат постояно но очень хороший человек.

Сверхурочные на фабрике кончились. Я думаю в этом месеце мне хватит заплатить. На следущей неделе новые ткани. Абдул показал расцветки. Шахназ беспокоитса што он на меня неправильно смотрит. Кажетса он сначала на нее смотрел но она яркая острая на язычок принижала ево. Мне кажетса он не думает ничево плохо. Смешно у нево сползают очки и он смотрит поверх них. Шахназ говорит кто душитса очень сильно из мущин очень себя любит. Но Пророк (покойса душа ево с миром) говорил нам держать тело в чистоте и заботитса о нем. Шахназ за меня волнуетса. Вот так.

Только на днях она опять сказала про косметику. Она очень хорошо умеит краситса. Она заметила што мои губы слишком розовые слишком большие мо-

[24] Примечания: 24
Ладду — лакомство.

гут показатса грязными. Религиозные люди за воротами всегда высматривают такую грязь. Несли напудрить губы можно спрятать грязь.

Очень хорошо што твой муж сделал во дворе большой костер и хорошо што все деревенские детки собрались. Почему он сжог стулья? У вас нечем развести огонь?

Август 1989 года

Ище я часто думаю о маме. Она мне не снитса как снитса тебе. Почему ты думаеш она злилась? Иногда я злюсь на нее. У нее не было причин злитса на меня и на тебя сестричка. Ты помниш как папа говорил? Святая из семьи святых. Он ходил к другим женщинам. Он хотел взять другую жену но она угрожала што убьет себя. Мой муж расказывал. Все знали кроме нас. Будеш плакать но я не вру.

Алейу муж бьет. За прошлый месец она получила премию потомушто работала лучше всех на фабрике. Ей дали сари и дома за сари ее побил муж. Ступни у нее сичас как кабачки и мизинец сломан. Ей больно наклонятса. Рену говорит што

у тебя хотя бы есть муж есть кому тебя побить и ты не одна. Муж говорит будет бить два раза в день пока она не скажет имя любовника.

Я заправляю нитку в машину Алейи и за обедом помогаю ей нагонять што она не успела. Знаеш што с Рену случилось когда мы все сидели на лавочке. Когда ей нужно разрезать нитку она ее обматывает вокруг зуба и тянет а вчера она так вырвала зуб. Никто ище на фабрике так громко не ругалса.

Мы поддерживаем Алейу как можем это все чем мы можем ей помоч. Шахназ сказала што муж ревнует потомушто слышит все слухи о фабричных девушках. Рену сказала што две три плохие девушки это плохо для всех. Ужасно потомушто у Шахназ могут рухнуть планы на свадьбу. Она говорит и на тебе это плохо скажетса. Она не знает што я замужнея женщина. Я им говорю што я вдова и што я сирота. Мне слишком стыдно говорить правду. И они мне не такие близкие как сестры. Мне остаетса только молчать.

Сентябрь 1989 года

Сестричка я неправильно написала про маму. Только отступники говорят што убьют себя. Никакая любещая мать никакая истине верущая женщина так не скажет. Сожги письмо и забудь про нево.

Севодня опять забастовка. Я сижу дома и слышу голоса мущин на веранде. Они сложили деньги и купили шахматы. Но никто не знает правил. Шесть или семь играют сразу и они постоянно дерутса. Так нельзя играть. Поезда севодня не ходят и без этих драк совсем тихо. Семья судьи уехала на свадьбу. От этой семьи больше шума чем от всево нашево сброда. Утром они начинают спорить. Вечером они перестают спорить и воюют. У них побиты все кастрюли и тарелки. Я собираю для них листья банана.

Мистер Чоудхари снова пришел за платой. Он опять взял меньше така чем надо. Он настоящий факир и к тому же бизнесмен. Я узнала што я плачу ему за комнату меньше чем надо. Вот так он обо мне заботитса. Так волнуетса за меня. Эти парни как воск рядом с пламенем. Они подхо-

дят ближе и начинают таять. Они такие родились. А ты должна остерегатса. Он чешет родимое пятно. Из нево какбутто кровь идет. Он сказал што у парней могут быть грязные мысли што они мечтают о девушках и в мечтаниях грешат и от греха становятса нечистыми. Он поднял трость и швырнул ее об стену. От кончика отошли кусочки слоновой кости. Смотри говорит я обломаю тысечу таких палок о спины, этих парней. Только одно слово скажи и я так сделаю. Ево рука дрожит и он погладил меня по щеке прямо как папа.

Я помыла ему ноги и поскребла их и он успокоилса только иногда всхлипывал потомушто у нево так далеко ево сыновья. Я думаю о тебе сестричка. Масло кончаетса в лампе мне нужно оставить ево на завтра. Я тебя целую и гашу свет.

Январь 1990 года

Пусть дочка будет такая же милая как и мама. Да наградит ее Господь силой и праведностью и смелостью. Тетушка крепко ее целует. Салам твоему мужу. Да

благословит Господь ево учебу и вознаградит ево усердие.

Я на фабрике в немилости. Целую неделю меня игнорируют. Я сажусь с другими за обедом и все молчат. Я сажусь далеко и смотрю только на чапатти. Они прикрываютса руками и шепчутса. Я не смотрю на них но все равно вижу. Я сижу возле крана. Все им пользуютса после обеда и там под ним всегда лужа и никогда не высыхает. Я совсем рядом с лужей и в ней дрожат яйца насекомых. Яйца лопаютса и мне не нравитса кушать так близко но у всех есть свое место во дворе. Никто со мной не говорит только Абдул. Я спросила у Алейи когда она подошла к раковине. Помоги што мне нужно сделать? Я не знаю в чем виновата. Вместо ответа она подняла руки слишком высоко к крану и обрызгала мне плечо.

Мне грусно но это пройдет. Штото напутали. Только небольшое грязное пятно. Дни идут медлено медлено и я от этово очень устаю.

Апрель 1990 года

Я говорила с Шахназ. Обо мне идут слухи. Она сказала все узнали о твоем хозяине и спросила ты што мало платиш за комнату?

Я сказала ей што мистер Чоудхари мне как отец. Шахназ всем быстро раскажет правду. Женщины ее слушают. В прошлом месеце она сказала што кольцо в носу носят только деревенщины. Сичас никто не носит кольца в носу только гвоздики.

Июнь 1990 года

Абдул мне как брат провожаит меня домой. Беспорядки за фабрикой кончились опасности нет но он говорит што лучше йесли он будет меня провожать. За воротами он снимает очки и кладет в карман рубашки. Без них он совсем как мальчик. Он такой акуратный и чистый и добрый. Рубашка никогда не выбиваитса из брюк.

Севодня коешто случилось. Я попросила Халеду передать ножницы и она передала их открытыми острым концом и я укололась. Когда я вскрикнула но

только от удивления все прикрылись руками и спрятали улыбки. Я вышла и сильно плакала. Рену подошла ко мне и сказала штобы я не обращала внимания на этих девченок они все думают што они уже созревшие ягоды. Не хотят быть рядом с плохой ягодой потомушто знают как быстро испортятса сами. И она думает што я плохая. Я ей все об'есняла а она нитку грызет. Говорит мы ждем и страдаем. Поэтому мы все здесь.

Я не жду и не страдаю. Пусть она страдает йесли ей так нравитса.

Август 1990 года

Не нужно волноватса за меня сестричка. Я поздравляю твоево мужа с успехами и сертификатом бугалтера. Ты говорила когдато што он хочет строить дом в Дакке. Моя сестричка я так жду этово дня. Какие у нево планы сичас?

На фабрике все спокойно. Только немножко тихо в моем присутствии. И все. Я не против. Я работаю в обед и в конце месеца я получу премию. Абдул заботитса обо мне. Он большой ученый

человек как и твой муж. Однажды он станет главным на фабрике. Ему для этово хватит мозгов и он заботитса о мелочах. Вот пример. Каждый день носок и ремень одинакового цвета. Коричневый носок коричневый ремень черный носок черный ремень. Йесли хочеш поднятса до управления надо следить за мелочами. Так он мне сказал. Ище каждый день чистая рубашка.

Он провожаит меня домой и мы о многом разговариваем. Он заботитса обо мне. И мистер Чоудхари тоже.

Абдул по всамделишному любит меня. Йесли получитса мы поженимса. Но ево семья ищет девочку а у меня муж в Хулну. Я не знаю. Может муж даст мне потом развод. Можно развестись и штобы никто не узнал?

Дома постоят ссорятса. Хусейн привел двух коз и они жуют белье. Они жуют только белье Зайнаб. Она все вешает а они все жуют. Жена судьи как всегда в плохом настроении.

Она приходит и орет на нево. Она дала увидамление но Хусейн только смиетса

и показывает как она машет руками. У этих коз хороший вкус говорит он. Зачем ты жалуешса? Они нас всех обижают и у них самое вкусное белье. Я думаю завести пару курей.

Январь 1991 года

У меня новости. Это случилось ище месец назад но я тогда думала што не буду тебе говорить.

Шахназ и правда меня предупреждала. Мы стояли ждали когда ворота откроютса и она мне сказала ты помниш што я тебе говорила про Абдула? Да я говорю но он мне сичас как брат. Она стала грусной и сказала мне я разочарована. Я тебе много помогаю. А ты мне плюеш в лицо. Я пыталась поговорить с ней но она отвернулась. Сестричка говорю я совсем не плюю тебе в лицо. Я твой друг. И с тех пор я больше ничево ей не говорила. И не видела ие.

Я сразу пошла в главный офис. Только две причины. Насчет увольнения и семейного нещасья. На прошлой неделе звонили от Халеды. В ее доме случилса

пожар. Умерли три сына и дочь. Все дети тоже и свекровь. Им нужно вынести Халеду из дома.

Я несколько раз видела управляющево. Три четыре младших управляющих за ним ходят и записывают. Кожа на щеках такая сухая. Чешуя говорит Шахназ. У нево говорит она все тело гнилое под ево костюмом. Быстрей быстрей зажимай нос. Он воняет как голова рыбы карри. Он нас ни разу не поймал врасплох на лавочке. Ктото всегда ево учует.

Я пошла в офис а он читает. Я стояла ждала ждала и какбутто много часов прошло. Потом пришел Абдул и стоит протирает очки и я думаю он пришел спасать мою работу. Управляющий положил бумаги и сказал вы знаете зачем я вас позвал. Да сказал Абдул. Я тоже. Я знаю што меня увольняют.

Ваше поведение развратное. Вам наплевать на рипутацию фабрики. У меня здесь не бордель. Я похож на хозяина борделя? И смотрит, на меня. Нет я говорю. Не похож. Потом он встал. Убирайтесь. И прощайтесь со швейным бизнесом.

Я ничево не делаю стою слышу от нево запах и запах помады на волосах Абдула и ево туалетную воду и мне кажетса што я теряю сознание. Давай давай говорит он. Убирайса. Но у меня вопрос. Што я сделала?

Управляющий ответил што парень во всем созналса. Не нужна мне твоя бестыдная ложь. Уходи пока я палками не заставил тебя краснеть. Я смотрю на Абдула но он не смотрит на меня. У нево рубашка прилипла к груди я вспомнила што никогда не видела как он потеит. Он ничево не сказал и я ушла. Я ждала за дверью што ево тоже уволят и што мы вместе пойдем домой. Я слышала управляющево. Хорошенькая да? Мальчишки! Решил потренироватса перед свадьбой? И засмеялса. Только он засмеялса Абдул нет.

Когда ты получиш это письмо у меня будет уже другая работа. Мистер Чоудхари мне ищет работу У нево много разных работ. Как всегда целую тебя крепко.

Март 1991 года

Ухты девочка уже ходит! Как мне понравилась фотка которую ты прислала.

Твой муж прав. Мистер Чоудхари ищет мне работу. Я под ево защитой не надо высылать денег. Йесли муж разрешает тебе ходить в магазин это очень хорошо. Ты можеш выходить на улицу. Но не нужно прятать счета и слать мне деньги. У тебя хороший муж. И я уже щаслива и мне ничево не нужно.

Два дня назад ко мне приходил мистер Чоудхари. Он просил штобы я ращесала ему волосы. Я ращесала и помасировала ему ноги. У нево очень сильно напряжены ноги но он говорит што со мной он может раслабитса. Он мне расказывает што весь день у нево толпятса люди ждут ево возле офиса бегут вслед за ним ловят ево штобы вернуть ево и помахать перед ним бумагами. Он никогда не остаетса один потомушто весь день люди от нево чевото хотят. Но он все равно чуствует одиночество. По всамделишному он такой одинокий ужасно. Он никому не доверяет. Все ево обманывают. Жена давно умерла. Сыновья уехали. Половина

денег уходит на взятки. Новое правительство пришло новые люди становятса в очередь за взятками.

Он говорит мне ты мне как дочь. Я хочу штобы ты жила в моем доме. Но што скажут люди? Мы не родня. У меня нет жены. Потом он вздохнул а я терла ему ноги и когда я подняла голову у нево глаза были мокрые. Йесли девушка приходит в дом к мущине как служанка тогда никаких проблем. Она должна притти как служанка. Или как жена. Тогда все в порядке.

Сестричка как ты думаеш мистер Чоудхари решил взять меня в жены? Это все крутитса в моей голове но это глупо. Правда это глупо? Он богатый и сильный и он знает всех настоящих начальников. И я ему как дочь. Я тебе расказывала? Он растит усы. Это смотритса хорошо с ево тростью. Он как жентелмен. И в очень хорошей форме в таком возрасте. Он верит в упражнения. Иногда он оставляет Тойоту Лэнт Крузер дома и совсем запросто идет на работу хотя так не делают настоящие начальники. Может быть твой муж не такой пожилой.

Вот так получаитса. Мистер Чоудхари даже не берет с меня плату и я готовлю для джутовых мущин и получаю немного. Я делаю им завтрак и обед и они дают мне немного еды и ище немного денег.

Я купила курей и они теперь несутса. Десеть двенацать яиц под верандой каждое утро. Днем все тихо и я разговариваю с козами. Теперь их привязывают и белье в порядке. Я смотрю как поезда проходят и думаю о поезде на котором я приехала из Кхульны. Я думаю о людях на этих поездах куда они едут и откуда они. Иногда я слышу на улице баулов и бегу послушать как они поют о любви. Или говорю с Зайнаб она сичас со мной приветливая.

Ее самый младший мальчик провалил экзамен. Отец мало стегал ево иначе он бы учился. Она говорит што это за отец? Сколько раз говорила ему бить чаще? Я делаю все што в моих силах но ведь я же женщина. Потом она сказала я говорила ему больше платить за репетиторство. Но он не слушал меня. И вот теперь мальчик провалилса. Потом у нее ище мысль. Она пришла ко мне руки дрожат.

Она была похожа на кошку которая забралась в птичье гнездо. Это все учитель виноват не только отец. Эти учителя должны нести отвесвеность. Единсвеный способ заставить нести их отвесвеность это отнести дело в суд. Завтра я подам увидамление. У них там в суде очень много народу.

Вечером я приготовила и накрыла на стол. Я сажусь подальше и ем. Слышу как мущины говорят и шутят а я смотрю на небо. Я смотрю на луну и думаю о тебе сестричка што ты тоже смотриш на луну. Мы не видим друг друга но мы видим ее и мы вместе.

Джутовые мущины откладывают деньги. Почти всю ночь они считают деньги. Многие отсылают в деревню. Они откладывают для жен детей и родителей. Только некоторые для самих себя. Штобы начать дело или построить дом или взять жену. Они откладывают больше всех. Другие покупают масло для волос или конфеты или билет в кино. Они больше курят и берут больше бетеля. Неважно сколько они получают все равно не

хватает поэтому они тратят немножко штобы немножко забытса. Самые молодые неученые ужасно экономят и постоят считают.

Они все ище играют в шахматы но некоторые фигурки потерялись и дерутса теперь меньше. Ище они расказывают истории и пытаютса расказать лучше всех. Некоторые джутовые фермеры пока не потеряли землю. Ты помниш как папа возил нас на лодке посмотреть на урожай джута? Мущины так долго остаютса под водой и мы не могли так долго держать с ними дыхание а они все не выплывали на верх.

Они хвастаютса больше всех. Один говорит я нырял на двенацать футов штобы срезать джут. Другой на пятнацатъ. Третий должен сказать на двацать пять а четвертый што он нырял на трицать и сражалса с крокодилами. Я сижу в сторонке и молчу.

Иногда со мной приходит поговорить Хусейн. Он такой желтый какбутто сам превращаетса в джут. Я расказала ему што случилось на фабрике. Я расказала

все. Мистеру Чоудхари я сказала только што меня уволили и он очень сильно растроилса.

Хусейн сказал иногда когда люди видят штото красивое они хотят это уничтожить. Изза этова штото они чувствуют себя уродливыми и поэтому уродливо поступают. Он хотел сказать што я штото красивое. Потом он сказал я сам все равно очень уродливый. Штото красивое у меня на пути вызывает у меня только смех. Ха! Ты думает мне от этова плохо? Я уже слишком уродливый.

Май 1991 года

Как написать? Што сказать? Сестричка я опозорила себя. Спрячь это письмо от твоево мужа.

Я раскажу тебе што случилось. Йесли ты напишеш даже после тово как узнаеш правду я пишу тебе сичас не штобы ты верила што я хорошая.

В четверг вечером сюда пришел мистер Чоудхари. Я не ждала што он придет он приходил на прошлой неделе. Я спала на одном матрасе в нижнем бели и раздалса

стук в дверь. Я спросила кто там и он ответил а потом начал бить палкой в дверь. Сичас минутку я кричу ему я одеваюсь. Но он пнул дверь и сломал задвижку.

Зажги эту чертову лампу. Он ужасно орал. Я встала с постели и все ище неодетая. Дайте посмотреть на нее. Дайте мне посмотреть на эту шлюху. И я не могла зажечь лампу от страха. Он взял лампу и зажег ее. И я увидела ево лицо.

Он ходил взад вперед по комнате с лампой. Я давала ему пройти. Я хотела спрятатса в темноту. Он нашел меня тростью. У меня дрожали ноги. Он снова кричал. Што ты со мной сделала? Ты со всеми трахалась на фабрике! Разве это они дали тебе крышу над головой? Разве это они обращались с тобой как с дочерью? Што они тебе дали? Што я получил?

Я боялась только одново што все соседи услышат. А он продолжал. Я дурак. Он почти визжал. Он поставил лампу и начал снимать рубашку. Он замолчал и я была рада. Потом он снял брюки. Я не говорила ничево ничево не делала потом все закончилось и он сидел в кресле. Он

просил меня потереть ему ноги и я это сделала. Он сказал штобы я не плакала и я остановилась. Он спросил разве он обо мне не заботитса и я ответила што да он заботитса.

Вот што случишь и потом я плакала. Я постояно думаю што моя жизнь проклята. Господь дал мне жизнь но он ее проклял. Он положил камни на моем пути шыпы мне под ноги и змею над головой. Куда я не повернусь везде темнота. Он не дает мне света. Йесли я пью воду она превращаетса в грязь йесли ем отравляюсь едой. Я протягиваю руку и она горит опускаю ее она чахнет. Он решил што все будет так. Я так думаю. Я говорю тебе все штобы ты знала што я за человек.

Понемношку понемношку я сильнею. Я молюсь Богу штобы, он простил меня. У меня все болит и в голове тоже. Все што случилось моя вина. Я сама выбрала себе мужа. Я ушла от нево. Я пошла на фабрику. Я разрешила Абдулу со мной гулять. Только я живу здесь и не плачу.

Вот што я тебе хотела расказать и расказала все.

Август 1991 года

Куда мне ехать сестричка? Я убежала для своево мужа. И от нево тоже убежала. Теперь я боюсь снова убегать.

Ты зовеш меня в Лондон. Я бы поехала. Но твой муж снова прав и ты должна слушать. Деньги понадобятса ты ведь снова ждеш ребенка. Муж начинает новое дело. Для этово ему тоже нужны деньги. Репититор очень хорошая мысль. Здесь без репититора никто не сдаст экзамен.

У Зайнаб трудности. Когда я с ней разговариваю я забываю о своих. Однажды ее муж ехал на велосипеде в окружной суд и врезалса в человека на мотоцикле Сузуки. Ты думает што муж Зайнаб убилса но все получилось не так. Человек на Сузуки упал на шею и теперь ево руки и ноги не работают. Полиция забрала мужа Зайнаб и теперь она тратит сбережения штобы ево оттудава забрать. А теперь жена человека с Сузуки предывляет иск мужу Зайнаб. Им нужны деньги но у Зайнаб их нет. Она сделала все што смогла но все бесполезно. Она сказала я ходила к ним. Смотри. Вот так я падала на колени вот

так рвала на себе волосы вот так срывала с себя все и кричала. Жена тово человека смотрела на меня как на грязную тряпку. Почему тогда она думает што у этой грязной тряпки есть деньги? Потом она начала выть и бить себя в грудь. Оооо почему мой муж не сломал себе шею. Тогда мы бы предывляли иск.

Ее сын ушел из школы. Он носит форму но теперь она не так хорошо на нем смотритса. Он любит брать палку и дразнить коз. Мне кажетса он ворует яйца но я не могу ево поймать. В доме теперь тише. В семье Зайнаб слишком грусно и они не спорят.

Он приходит каждую неделю. Иногда дважды в неделю.

Февраль 1992 года

Господь благословляит меня. Ище одна племяница! Я думаю о ней. Думаю о Шахане. Пришли их фотки.

Он все ище приходит ко мне. Только побыстрому. Раньше он говорил на следующей неделе я возьму тебя в свой дом. Мне нужна ище одна служанка. Теперь он

ничево не говорит. Он приходит только раз в неделю иногда вобще не приходит. Йесли он прекратит ко мне ходить скоро ли он меня вышвырнет?

Я хожу по всем швейным фабрикам в Дакке. Никому не нужна швея. А это все што я умею. Я надумала штонибудъ делать дома и продавать. Я делаю свистульки из бамбука выхожу на улицу и сижу с ними. Никто не хочет их купить. Хусейн увидел и засмеялса. А ты ище насобирай жары и тоже продавай. Вот што он мне сказал. Я хожу на базар за обрезками ткани и делаю кукол. Потом я отправляюсь в Мотиджхил[25] и сижу на тротуаре. Полиция опрокидывает мою коробку и угрожает. Хусейн мне сказал ты што не знает што за тротуар тоже надо платить? Тротуар не твой. За все надо платить.

Он дал мне немного козьево молока. И сделал мне маленький столик. Я кладу туда мыло и расческу и ручку. Ево руки такие вялые и болтаютса. Они болтаютса

[25] Примечания: 25
Мотиджхил — район в Дакке.

от любого ветерка. Но он очень добрый. Он меня смешит. Он может заворачивать веки внутрь и шевелить ушами не дергая на лице никакими мускулами. Господь благословил всех он говорит. Как Он любит меня ведь он дал мне столько талантов. И ище он говорит тебе Он подарил красоту. Вот как Он показывает тебе свою любовь! Потом я очень долго плакала. Ночью он пришел ко мне. Я не выгнала ево.

Октябрь 1992 года

Зайнаб уехала. Вся семья уехала. Ни слова мне не сказали просто так исчезли.

Все по прежнему. Хусейн дал мне сари несколько лент и красивую коробочку с жемчужной крышкой. Ево друг Али тоже дарит мне подарки.

Ты просиш писать тебе но я не знаю о чем. Не о чем писать. Только Господь видит што в моем серце.

Молись за меня сестренка.

Сентябрь 1993 года

Я не хотела тебя пугать. Несколько раз за этот год я брала ручку и садилась. Один

или два раза я начинала писать но слова не получались. Но даже йесли не пишу я все равно о тебе думаю.

Прошло много времени и я вспомнила о фабрике. Я пошла туда и ждала через дорогу. Я хотела поговорить с моими подругами. Видела Шахназ она вышла и я закрыла шарфом лицо. Она ждет ребенка. И мне стало стыдно. Господь не даст мне ребенка. Мне кажетса я видела Алейу но все паранджи так похожи. За ней никто не приходил. Рену я не видела.

Три раза я приходила туда и смотрела и думала разве мы любили друг друга а йесли любили то какой любовью што так быстро разбилась. Шахназ очень сильно краситса.

Я ходила возле ворот и вдоль стен. Йесли только можно ненавидеть кирпичи я их ненавидела. Эта фабрика меня погубила. Там теперь живет много семей. Раньше туда приходили охраники и разметали их как листву а теперь всакие разные палатки и картоные домики. Одна семья живет в длиной трубе которая для воды. Я погуляла там.

Знаеш о чем я думала. Меня оболгали и выгнали с фабрики и только поэтому теперь эта ложь стала правдой. Вот как я думала.

Хусейн постояно следит за мной. Только изза нево я получаю деньги. Йесли он не следит то все получают што им нужно и не платят. Хозяин больше не приходит. Теперь я плачу за комнату.

Восемь или десеть месецев назад Хусейн кончил работать на джутовой фабрике. У нево есть ище девушки возле базара Бороби ище две у нево работают. Он их называет приходящими. Их любят в правителсвеном офисе. В большом отеле их тоже любят но там требуютса девушки помоложе. Хусейн теперь не такой желтый. Он говорит мне што надо работать очень много потомушто мне осталось всево несколько лет. Больше денег дают за девочек одинацати двенацати лет. Он хорошо заботитса. Йесли не хотят платить Хусейн с ними разбираитса. Руки у нево такие же вялые и болтаютса но теперь они сильные.

Июль 1994 года

Теперь у меня фотки твоих девочек и я поставлю их к остальным. У меня есть рамочка. Три фотки вместе очень красиво и я куплю стекло и повешу на стену. С фотками стены веселей.

Твой муж всегда очень быстро находит работу. Што такое центр отдыха и развлечений? Это правителсвеная работа?

Я обещаю как ты и просиш чаще писать. Даже йесли мне нечево расказать я напишу тебе што мне нечево писать и отправлю. Здесь только одна новость дождь. У меня в комнате все равно што в пруду. Хусейн поставил мне высокую кровать на ножках. С такой кроватью удобней работать. Иногда мне плохо и я просто с ним сижу. Он все время шутит. Говорит тебе нужно смотреть на вещи веселей. Все имеит хорошую сторону. Давай туда засунем рису и у нас там получитса целое рисовое поле? Это ище один ево талант кроме шевеления ушами и заворачивания век.

Иногда я просыпаюсь и мне кажетса што я дома. Это потомушто за дверью

пахнет козами которые блеют. Вобще в городе пахнет подругому мущинами и машинами. Я бы хотела снова понюхать деревню.

Кстати сичас только одна коза осталась. Другая попала под поезд и мы ее съели. Куры тоже пошли под нож. Они перестали нестись.

Вспомнила о Рену. Может она также ждет и также страдает. Потом я думаю о Мамтаз и маме. Я ище не осмеливаюсь думать о папе. Однажды я подумала о ево второй жене как она быстро пришла и ушла. Знала бы мама как она быстро ушла. Мущины все такие. Почему она не знала?

Март 1995 года

Не злись на меня я не сдержала обещания но я пишу сичас и ты должна меня простить.

Случилось штото очень страное. Ты даже не представляеш. Мне предложили выйти замуж.

Первый раз он пришел две недели назад. На следующий день он снова пришел.

Это неудивительно. Но на третий день он пришел и пил чай со мной и мы только говорили. И все равно он все заплатил.

Каждый день приходит и только говорит со мной. Ево зовут Ахмед. Он высокий. Гдето пять и восемь футов. Он альбинос. Изза этова ево кожа как у девушки а кончик носа поджареный как семечко. Лучи сонца для нево как кислота. Даже вечером носит темные очки. От меня он идет на обувную фабрику. Он начальник ночной смены.

Он тихий человек. Когда мы разговариваем он все время молчит. В основном мы сидим. Я пытаюсь ево разговорить. Я не хочу штобы он платил просто так. Он переворачивает мою руку постояно словно никогда не видел рук. Джутовые мущины толпятса за дверью и выкрикивают. Эй бабуин ты зачем нашей сестренке глазки строиш?

Но Ахмеду все равно. Он серьезный человек. У нево волосы цвета ила. Он работает начальником уже шесть лет. На пятый день он снял очки испугал меня до смерти. Какбутто у кошки глаза на-

изнанку вывернули. Голубые и восковые. Ты таких глаз никогда не видела. Но это только потомушто он алибинос. По всамделишному у нево с глазами все порядке.

Он принес мне благовония и гибискус. Они красивые но только один день стояли. Как жаль што я не могу выйти замуж.

Целуй моих племяшек и всево хорошево желаю твоему мужу. Я желаю ему быстро пребыстро поправитса. От язвы желудка хорошо помогают дхойе и гхоли[26].

Март 1995 года

Я не знаю што делать. Ахмед настаивает на свадьбе. Он ничево не хочет слушать. Приходил Хусейн говорил со мной. Он сказал этот человек страный как пятиногая обезьяна. Ево природа не принимает. Какие у нево шансы? Ты тоже переболела. Какие у тебя шансы? Вот так он мне об'еснял. И сказал ище. Конец моей печени и я долго не проживу. Кто защитит тебя йесли не он? Я тебя отпускаю. Эта жизнь

[26] Примечания: 26
Дхойе и гхоли — разновидности йогурта.

закончилась. Начинай другую.

Я снова поговорила с Ахмедом. Ахмед настаивает. Я сказала ему все. Я падшая. Я ништо. Я это все што у меня есть. Я ничево не могу дать.

Он все равно настаивает. Я не знаю што мне делать.

Апрель 1995 года

Благодарю Господа. Как написано в сурах не отчаивайтесь в милости Аллаха!

Поистине Аллах прощает грехи полностью ведь Он Прощающий Милостивый!

И вот я живу с мужем. Недалеко от Гулшан это лучший район Дакки. Три недели назад я уехала из комнаты. Мой муж уходит вечером и возвращаетса с обувной фабрики утром. Потом мы много кушаем и ложимса спать. Вечером мы вместе. Он всегда с любовью наблюдает за мной. Йесли я хожу он ходит. Йесли я мою посуду он со мной. И он касаетса меня. Какбутто он думает што йесли не будет меня касатса я ищезну. Вот он такой преданый.

Когда он вечером уходит я начинаю работать по дому. Все должно быть в

строгом порядке. Муж мой просит меня только об этом. Строгий порядок. Все банки должны быть на своих местах. Самая высокая первая потом пониже потом ище пониже и так далее до самой маленькой с шафраном. Все нужно каждый день протирать штобы не липли. Так все легче и быстрей находитса. Мой муж катает себе сигареты каждый вечер и складываит их на полочке и это такая ровненькая полосочка! Строгий порядок в доме значит строгий порядок в голове. И ище у нево три пары хорошей обуви и двацать одна пара шнурков. Один набор шнурков подходит только одной паре обуви. За ними нужно очень хорошо следить.

Я начинаю работу по дому ночью но даже когда все совсем в порядке ище далеко до утра и я иногда засыпаю. Потом трудно спать когда приходит муж и моя очередь выполнять такую работу как у нево.

Сестричка я знаю как тебе нравитса выходить из дому. Но я сичас дома. Как мне нравитса што меня сторожат стены.

Мой муж ушел на базар. Я вышла на крышу с другими женами. Я выращиваю

горчицу в одном горшочке и чили в другом. Я говорю с другими женами и они ворчат на своих мужей. Я тоже должна ворчать а то на меня странно посмотрят.

Вчера я смотрела как раскапывают улицу. У женщин большие лопаты и топоры на длиной рукоятке. Некоторые носят корзины с камнями на плече. Все они тощие как палки. Когда мущины работают в поле у них хотя бы на голове тюрбаны. Женщины ходят с открытой головой. А солнце красное до ужаса и здоровое прездоровое.

Потом они заканчивают работать и выстраиваютса за зарплатой. Им платят пшеницей. Вся пшеница приходит из Америки. Это мне сказали жены. Вот такая у них зарплата. Как жить на одной только пшенице?

Целый день я думаю об этих женщинах они не такие домохозяйки как мы с тобой сестричка. Я думаю што я буду делать йесли окажусь среди них. Куда мне податса? Как мне выбратса изпод этих камней?

Скоро придет мой муж и начнет готовитса к работе. Скоро начнутса дожди.

Но для них ище не настало время. Сичас мы очень хотим дождя. Гроза стоит в воздухе. Красные и белые огни. Как жарко севодня. Кажетса што в городе лето длитса дольше. Перед сезоном дождей мой муж отвезет меня к себе в деревню. Мама ево давно умерла но у нево есть отец и два неженатых брата. Скоро я встречусь со своей новой семьей. Иногда я боюсь што они обо мне все узнают. Но я не могу сказать мужу. Йесли я так буду говорить я напомню о своем прошлом.

Он натирает мне голову. Он очень тихий. Иногда мне кажетса што он уснул а он просто спокоен. Он серьезный человек. Йесли человек говорит всево несколько слов то эти слова больше весют.

Нравитса ли Шахане в школе? Это нормально когда мать плачет што ребенок растет но йесли твоя подруга говорит тебе сходить к доктору сходи. Пойдеш к доктору и он тебе скажет как хорошо твоя сестра знает што у тебя на серце.

Май 1995 года

Всю жизнь люди пялились на моево

мужа. Мне кажетса што он поэтому такой серьезный. И поэтому он понимает таких как я. Немногие мущины знают што такое когда на тебя пялютса. У нево волдыри на щеках а нос зажарен как пакора[27]. Но он все равно красивый. Я уже привыкла к ево голубым глазам и они тоже очень милые.

Сичас ночь я пытаюсь не заснуть. Вечером поднялась на крышу. Говорила с женами. Они тайком курят когда моют детей или кормят младенцев. Они все знают про што ни спросиш. Одна знает все про ветры. Йесли у кого отрыжка громкая значит он быстро ест. Ище йесли отрыжка значит много специй. Глубокая отрыжка это значит што пищевод скручен. А ветры с другого конца можно толковать поразному. Йесли удачные значит к деньгам. Я называю ее Ветреной Женой. А ище есть Большая Нещасница. Йесли человек ушиб палец на ноге она говорит щасливая! На днях я придавила себе дверью целых два. Йесли у когото

[27] Примечания: 27
Пакора — овощи и креветки, жаренные в жидкой панировке.

заболела дочь она говорит благословена ты. Только на прошлой неделе мою дочь увезли в больницу. Ище одна подсчитывает побои. Слава Аллаху сломано только одно ребро. Когда муж бьет меня он неуспокоится пока не сломает все кости. Самый большой авторитет у нас это Женщина Которая Знает Мущин. Агааа говорит она йесли ты хочеш штобы муж был тебе верен спрячь с утра ево зубную щетку. Она всегда начинает с агааа йесли собираетса штото сказать. Мущина не пойдет к другой женщине йесли у нево запах изо рта. Я знаю мущин! Агааа и ище штонибудь. Штобы мущина не храпел нужно курить благовония в комнате и класть ево на правый бок. Я знаю мущин! Агааа вот што я вам раскажу. Дайте ево матери несколько кусочков мяса и на следующий день он подарит вам украшения. Она знает мущин!

Одна молодая женщина никак не может забеременеть. Она остригла коротко волосы и молитса. Но даже короткие волосы мне не помогают. Я сказала все своему мужу и он смирилса.

Перед сезоном дождей мы поедем к нему в деревню. Это уже скоро.

Иногда я смотрю с крыши и мне кажетса я вижу своево первово мужа. Я вижу ево в растегнутой рубашке. Вижу как он едет на мотоцикле. Как он говорит по мобильному телефону. Вижу как он положил руку на бедро по своей привычке. И тогда я боюсь. Ище я видела мущину который часто приходил ко мне в Нарайангандж. В эти минуты у меня спина покрывается потом от страха.

Май 1995 года

Все эти ночи пишу тебе сестричка. В квартире чисто все в порядке. Што мне тебе расказать?

Мой муж доволен мной. Я хорошая хозяйка. Я никогда не путаю шнурки а шнурки для обувного человека очень важны.

Муж мне расказывает. Первый раз когда он меня увидел был самым прекрасным моментом в ево жизни. Он так говорит. Самым прекрасным моментом во всей ево жизни. Ему нравитса снова и

снова вспоминать ево и хочет штобы он опять по всамделишному повторилса. Он сказал мне сесть в кровать и перекинуть волосы через плечо. Простынь гладкая с одного конца и смятая с другого. Я должна наклонять так и сяк голову. Но свет все портит. Я или слишком раслабляюсь либо слишком напрягаюсь. Ему сложно не разозлитса и он очень хочет штобы опять было прекрасно. Иногда он говорит што мое лицо изменилось и приказывает мне вернуть то прежние лицо но я ево успокаиваю и он снова очень тихий.

Сезон дождей началса и мы не поедем пока в деревню.

Йесли доктор выдал тебе таблетки нужно все равно их пить хотя я не знаю какие таблетки могут вылечить печаль. Когда ты привыкнет к тому што Шаханы нет дома ты снова станет как была раньше.

Июнь 1995 года

Севодня хоронили Хусейна. Ктото принес мне записку и я пришла попрощатса с ним. Я стояла поодаль от всех. Несколько джутовых мущин больше никого. Я

закрыла лицо но они знали кто я. Они не разговаривали со мной и наверное из уважения.

Края могилы осыпались с дождем и я плакала по нашей маме.

Мой муж долго долго работает. Он говорит што я изменила свое лицо но я не понимаю о чем он говорит. Я кладу больше косметики или меньше косметики но он не видит то што увидел тогда. Мне кажетса ему надо больше отдыхать но он не может сидеть на месте и уходит. В браке такое называетса из'ян.

Июнь 1995 года

Он теперь всегда недоволен порядком хотя я всегда очень сильно стараюсь убиратса хорошо. Он сказал што я ево приворожила и поэтому он на мне женилса. Он сказал ево семья как примет такую невестку?

Я говорю што это из'ян в нашем браке. Даже у моей сестры иногда трудности а она ужасно уважаемая живет в Лондоне и все такое.

Июль 1996 года

Моя единсвеная любимая сестричка я все хочу послать тебе письмо и жду. У меня пока нет адреса куда бы ты писала мне ответ. Когда я устроюсь ты получиш от меня письмо. Не волнуйса. Когда я найду работу я тебе все раскажу.

Январь 2001 года

Я надеюсь што ты получиш это письмо. Я надеюсь што ты живеш все там же. Время шло и я жила то здесь то там.

Было время когда у меня была еда только на севодня и на завтра. Сичас я все пытаюсь забыть. Меня взяли служанкой в хороший дом. Все очень добрые. Детки красивые. У меня комната с толстыми стенами. Здесь очень чисто. Нечево боятса. Мистрис очень добрая. Мистер очень добрый. Меня очень хорошо кормят. Йесли ты все там же напиши мне письмо.

Глава восьмая

Тауэр-Хэмлетс, февраль 2001 года

Стоя перед отцом, девочки ковыряют ногами в ковре. Шану сидит на полу по-турецки. Он чуть наклонился вперед, живот вывалился на согнутую ногу. Стулья теперь не в чести. Теперь Шану враг всяких стульев.

— Подойдите ко мне, — сказал он, — начинаем.

И хлопнул в ладоши.

Шахана толкнула Биби локтем. Биби выводила круги на ковре. Лицо ее обрамляют косички. Назнин стащила белье с деревянной сушилки и начала ожесточенно складывать по кучкам. Домашние дела, примитивные, веселые домашние хлопоты — вот что ей нужно. Белье еще влажное.

— Она выучила, — сказала Назнин, — я вчера ее проверила.

Шану поднял руку. Это мирный жест, но для Биби он угрожающий.

Наконец девочка начала:

> *О Амар Шонар Бангла, ами томай бхайлобаши…*

О Мать-Бенгалия! Край золотой!
Твой небосвод в душе поет…

Шану вздохнул и погладил живот. Живот у него как подушка, он кулаками погладил его с двух сторон. Пятый день учит дочек читать наизусть «О Мать-Бенгалия! Край золотой». Сегодня вечером им предстоит рассказать весь гимн наизусть. Шану решил вернуться со всей семьей на родину, и Тагор — их первый шаг на этом пути. Биби продолжала:

…свой гимн святой.
Меня пьянит рощ манговых цветенье.
Я твой, навеки твой[28].

Но в голосе — ни намека на радость или пьянящую весну. Она с трудом пробиралась дальше и боялась даже вздохнуть с выражением, чтобы не поскользнуться на тонком льду памяти. Шану перестал месить живот.

— «Меня, — произнес он громко и оглядел комнату, — пьянит весной».

Биби тоже обернулась и снова посмотрела на отца. Невидимые зрители ее смущают, но — при-

---

[28] Примечания: 28

«О Мать-Бенгалия! Край золотой…» — стихотворение Рабиндраната Тагора из цикла «Родина».*(Пер. Е. Бураковой.)*

сутствуют. Она это чувствует, но в отличие от отца их не видит.

— Заново, — приказал он.

Шану переключил внимание на левую ногу и осторожно потрогал созревающую шишечку на большом пальце.

— Рощ. Манговых. Цветенье.

Биби завязала косы под подбородком в надежде, что не сможет больше открыть рот. Она ждала санкций на продолжение.

Шану склонил голову и философски заметил:

— Эка невидаль — цветы на манговых деревьях.

И Биби затараторила:

Осенних нив убор блистает красотой,

Чарует взор сиянье зорь, узор теней.

Цветет покров твоих лугов, твоих полей.

О, Мать, из уст твоих нектаром льется пенье.

Я твой, навеки твой!

Когда печальна ты — и я скорблю с тобой!

Она смолкла перед внезапно разверзшимся

провалом в памяти. Шану посмотрел на Шахану. Та сложила руки на груди и прикусила верхнюю губу. Назнин суетилась вокруг, изобретая себе занятия, чтобы лишний раз стукнуть чем-нибудь и снять общее напряжение. В том, как дочь поджала губы, Назнин угадала предстоящую выволочку.

Эти выволочки, чудовищные на словах и поразительно несуразные на деле, стали привычными. Страдают от них по очереди все, но Шану больше остальных. Обычно Шахана доводит Шану до белого каления, и именно она страдает меньше остальных.

«Скажите этой мемсахиб, что у нее ни одной целой косточки не останется».

Шану никогда не угрожает старшей дочери напрямую. Обычно в посредниках оказывается Назнин, а если придумывает что-нибудь новенькое и особенно зловещее, то и Биби:

«Я окуну ее голову в кипящий жир и выброшу в окно. Скажи это нашей мемсахиб. Скажи это своей сестре».

На Биби можно положиться: она повторяет за отцом слово в слово, хотя Шахана в двух шагах от отца. В этом смысле Биби надежней, чем мать, которая вместо угроз бормотала утешения и

пыталась вывести девочек за пределы опасной зоны.

Шахана не желает слушать классическую бенгальскую музыку. И пишет на родном языке чудовищно. Она хочет носить джинсы. Ненавидит камизы и перепортила весь свой гардероб, проливая на них краску. Если на выбор предлагается дал или консервированная фасоль в томате, не сомневается ни секунды. При упоминании о Бангладеш кривится. Она знать не знает и знать не хочет, что Тагор был не только поэтом и нобелевским лауреатом, но и — не больше и не меньше — отцом нации. Шахане все равно. Шахана не хочет на родину.

Шану называл ее «маленькой мемсахиб» и изнурял себя угрозами, пока не запускал в нее первым попавшимся предметом: газетой, линейкой, блокнотом, старой тапочкой, а однажды (катастрофа!) даже банановой кожурой. Он так и не обзавелся сподручным средством и никогда не пользовался рукой. Такие акции подрывали весь его отцовский авторитет. Он швырялся с воодушевлением, но бесталанно. Вся его решимость не идет дальше нийи — намерения, — и на этом этапе он изобретателен и искусен, вот только исполнение всегда хромает. Красочно описывая

пытки, он продолжал кидаться, Шахана уворачивалась от снарядов, хоронясь за мебелью или за матерью. Биби мучительно съеживалась, Назнин выворачивало наизнанку, Шану прекращал орать, прекращал кидаться, и у него дергалось лицо и дрожали руки, а Шахана, заражаясь его злобой, с визгом заканчивала скандал всем давно известной фразой:

«Я не просила, чтобы меня рожали здесь».

— Твоя сестра продолжит, — сказал Шану, обращаясь к Биби.

Биби открыла было рот, чтобы продемонстрировать свою готовность.

Шахана разомкнула поджатые губы, закатила глаза и монотонно продекламировала:

Я пред тобой опять с мольбой простерт, о Мать.

От ног твоих священных прах дозволь мне взять!

К твоим стопам дары сложу в сыновнем рвенье,

Я твой, навеки твой!

Я шею не стяну заморскою петлей!

Шану закрыл глаза и выдавил слезы. Он на-

гнулся вперед, а его живот еще больше выкатился на ногу. Он выдал две-три нотки и запел. Дети посмотрели на Назнин и по тому, как она им подмигнула, поняли, что на сегодня все закончилось. Она распахнула объятия и проводила их из комнаты.

Поздно вечером, под звук молитвы, которую про себя (в батареях, проводах и трубах) бубнили стены, Назнин выщипывала волосы в носу у мужа. Тишина настораживает. Целый день, вплоть до вечера, окружающая жизнь светится в сознании тусклой лампочкой, которую забыли выключить. Эти мелкие заботы мучают ее своим однообразием, тупостью, утомительностью. В первые месяцы жизни в Лондоне у нее был период одиночества, потом обособления, потом она ощутила себя частью некоего сообщества. Женщина наверху: по ночам она постоянно ходит в туалет. Назнин только пару раз обменялась с ней шутками, но знает ее до мозга костей. Будильник молочника, который рассказывает об ужасном режиме хозяина. Женщина за стеной: когда к ней приходит в гости друг, у нее кровать стучит о стену. Незнакомые близкие люди.

Где-то наверху приглушенный мужской смех перешел в кашель, кашель — в звук шагов. Где-то

за шкафом ухает и аплодирует телевизор. Назнин расслабилась. Выдернула из левой ноздри толстый волосок и посмотрела, как он опускается в растительность на груди Шану.

— Готово.

Она перешла к краю кровати и приступила к его мозолям.

— Понимаешь, — начал Шану, — она ведь ребенок.

Голос у него очень серьезный. Таким голосом врач готовится сообщить плохие новости.

Назнин срезает восковую кожу. Шахана только наполовину ребенок. Вернее, иногда совсем ребенок, а иногда кто-то еще. Другой человек. Поразительно, но это так.

— Она еще совсем ребенок, а гниль уже началась. Поэтому мы должны уезжать.

Назнин обрезала кожу вокруг мозоли. Когда-то этот процесс был ей отвратителен, а теперь она ничего не ощущает. Всего-то вопрос времени. Назнин посмотрела на фотографию Ракиба возле кровати на столике. Надо протереть стекло.

— Нужна последовательность, — говорил Шану, — девочек нужно подготовить. Пусть скажут спасибо, что я сижу дома.

Рот искривился — настроение у Шану скепти-

ческое. Он достал книгу и лег с ней на кровать.

Назнин собрала обрезки. Если они поедут в Дакку, она будет с Хасиной. И натянулась каждая нервная клеточка, словно достаточно простого физического желания, чтобы оказаться рядом с сестрой. Но дети будут несчастны. Биби, может быть, быстро оправится. Шахана же никогда не простит мать.

На фотографии Ракиб похож на Шану. Хотя, наверное, все дети с пухлыми щеками немного похожи на Шану.

Они поедут. Или останутся. Только Аллах оставит их здесь или отправит туда. Назнин знала свою роль, выучила ее очень давно и покатала кусочки мертвой кожи по ладони в ожидании, когда чувства улягутся.

После того как Хасина пропала и нашлась, потом снова пропала и снова нашлась, Назнин решила поговорить с мужем.

— Я насчет сестры. Хочу привезти ее сюда.

Шану всплеснул тощими руками:

— Давай. Давай их всех сюда. Устроим здесь небольшую деревню.

Его изящные плечи задергались — Шану изображал смех.

— Тащи коробку, посеем рис. Будет у нас рисо-

вое поле на подоконнике. Чтобы все было, как дома.

Назнин ощутила письмо на груди под чоли.

— У нее проблемы. Она ведь у меня единственная сестра.

Шану хлопнул в ладоши и возопил к стенам:

— Проблемы! У нее проблемы! Скажите пожалуйста! Разве *здесь* проблемы возникают? Конечно нет! Мы должны сделать все, что в наших силах, и ликвидировать проблемы. Сию же секунду.

Он перешел на писк и не следил за громкостью.

Назнин ничего не могла ему объяснить. Хасина до сих пор работает на фабрике. Это все, что известно Шану. Она выжидала почтальона, прятала письма, сочиняла про «все в порядке» и про «небольшие проблемы». Она могла только избавить сестру от большего позора, что, собственно, и сделала. Назнин повернулась и пошла к двери.

— Жена, — окликнул он ее, — ты ничего не забыла?

Она остановилась.

— *Туда* едем *мы.* Я решил. А если я решил, значит, так тому и быть.

Но денег у них нет. А деньги нужны. На билеты,

на чемоданы, на оплату багажа, на покупку дома в Дакке.

— Некоторые женщины берут на дом шитье, — сказала Назнин. — Разия может помочь мне с такой работой.

— Ра-зи-я, — протянул Шану, — вечно эта Разия. Сколько раз я тебе говорил: общайся с уважаемыми людьми.

Шану на диване в лунги и жилетке. Пижаму он больше не надевает в знак скорого отъезда домой и целыми днями в прострации проводит на диване, не одеваясь, или сидит с книгами на полу.

Шану поразмышлял некоторое время и покопался в складках живота.

— Есть среди них такие неучи, которые говорят, что если жена работает, значит, муж не может ее прокормить. На твое счастье, я человек ученый.

Она ждала, что он еще скажет, но он впал в глубокую задумчивость и больше не сказал ничего.

Все эти дни, пока дети в школе, пока Шану занимал гостиную, Назнин уходила на кухню или сидела в спальне, пока шкаф не выводил ее из оцепенения, и с влажной тряпкой в руках она отправлялась бродить по квартире, где-то терла, что-то ставила на место. Непохоже, чтобы Шану собирался искать работу. Тщедушные сбереже-

ния обращаются в пыль. В последнем приступе деятельности Шану надел костюм и отправился обрабатывать членов районного совета, чтобы получить другую жилплощадь. Новая квартира — в «Роузмид», на предпоследнем этаже, двумя этажами выше Разии. Она еще на одну спальню больше.

«Использовал старые связи, — объяснил Шану, — они там все быстренько повскакивали, как меня увидали. Старина Дэллоуэй пожал мне руку. Потерял, говорит, хорошего работника в вашем лице. Так и сказал».

Туалет постоянно засоряется, в коридоре отваливается штукатурка.

«Надо пройтись по знакомым», — повторял Шану, но ничего не делал.

Назнин села и посмотрела на свои руки. Шану читает. На курсы он больше не записывается. Сертификаты больше не множатся, они лежат внизу шкафа в ожидании, когда у кого-нибудь появятся силы и желание их повесить. Теперь Шану не учится, теперь он учит, и от этого главным образом страдают девочки. Назнин тоже достается.

— Понимаешь, — сказал Шану все так же лениво, прикрывшись книгой, — эти люди, которые считают нас за крестьян, не знают истории.

Он прокашлялся и приподнялся:

— В шестнадцатом веке Бенгалия называлась раем всех наций. Вот где наши корни. Разве сейчас этому учат в школе? Разве Шахана знает о рае всех наций? Она знает только о потопах и голоде. Для нее вся эта страна — так, кучка психов.

Он внимательно посмотрел в текст и что-то одобрительно проурчал.

— Понимаешь, если знаешь историю, знаешь, чем гордиться. Весь мир ездил в Бенгалию торговать. Шестнадцатый и семнадцатый век. Дакка была центром ткацких производств. Кто, скажи на милость, изобрел весь этот муслин, и дамаст, и еще кучу всего? Мы. Голландцы, португальцы, французы, англичане — все выстраивались в очередь.

Он встал и по-новому завязал лунги. Назнин, наблюдая его размеренный шаг вокруг дивана, поняла, что он готовится к вечернему уроку для девочек. Биби заберется к нему на колено и смирнехоньким видом попытается убедить его, что внимательно слушает. Шахана, наоборот, будет вертеться в кресле с угрюмо-скучающим выражением лица. Как только он прекратит вещать, она сорвется к телевизору и включит его, а Шану либо снисходительно улыбнется, либо выхлопа-

ми брани расшвыряет девочек по кроватям — на безопасное расстояние.

— Чувство истории, — продолжал он, — вот что у них начисто отсутствует. Житель Бангладеш для них — житель Силхета, только и всего. О цвете нашей нации они ничего не знают.

— Полковник Османи[29], — тихо сказала Назнин, — Шах Джалал[30].

— Что? — спросил Шану. — Что?

— Наши великие национальные герои и…

— Я знаю, кто они!

Назнин виновато улыбнулась и добавила:

— А еще они оба из Силхета.

— О чем я тебе и говорю. Люди здесь просто не показывают нашу нацию в истинном свете.

Он забарабанил по книжке и зашуршал страницами.

---

[29] Примечания: 29

Полковник Османи — возглавлял военный комитет партии Авами лиг, в рамках которого была собрана мощная оппозиция, повлиявшая на ход гражданской войны 1971 года, в результате чего Восточный Пакистан стал независимой республикой Бангладеш.

[30] Примечания: 30

Шах Джалал (1271— ок. 1347) — пришел из Дели в Силхет с учениками, чтобы проповедовать ислам.

— Знаешь, что Уоррен Гастингс[31] говорил о наших людях?

Шану замурлыкал и подобрал соответствующее выражение лица, чтобы озвучить цитату:

— «Они мягкие, доброжелательные…» Сколько хороших качеств он перечисляет. По его словам, мы «свободны от худших проявлений человеческих страстей в большей степени, чем любая другая нация в мире».

Шану победоносно помахал книгой:

— Да разве прочитают такое в английской школе?

— Не знаю, — ответила Назнин. — Это английская книга?

«Интересно, кто такой этот Уоррен Гастингс».

Шану не обратил внимания на ее вопрос и продолжал, обращаясь к публике:

— Нет. Такое им в школе не рассказывают. Там потоп, здесь умирают от голода, идут на улицу милостыню просить.

Он почесал книгой в ухе.

Назнин подумала о Шахане, о том, как она соби-

---

[31] Примечания: 31

Уоррен Гастингс — первый генерал-губернатор Индии в 1773–1785 годах, политика правления была противоречивой по отношению к Индии и Бенгалии, ориентированной на экономические интересы Британской империи.

рает в пучок черточки своего тонкого длинного личика, словно сейчас их выбросит, словно не хочет, чтобы у нее вообще было лицо. Шахана умеет по-особенному притуманить взор, для своих лет она в этом деле виртуоз. Я ухожу в себя, говорил этот взгляд, и могу надолго там остаться. Когда взгляд ее проясняется, на лице остается только дурное настроение, которое, в свою очередь, выплескивается в приступы гнева. В эти минуты ротик ее становится круглой злобной дырочкой, и Шахана начинает пинаться ногами. Пинает мебель, свою сестру, но чаще всего свою мать.

— За Индию сражались четыре европейские державы[32]. Когда победили британцы, они завоевали всю Индию.

На лбу у Шану проступил пот, хотя в комнате совсем не жарко. Он отерся рукавом и обернулся на диван, посмотрел на мягкую впадинку от головы на подушке.

— В восемнадцатом веке эта часть страны была богатой. Стабильной. Образованной. Она получала — мы давали — треть всей доли доходов Индийской Британской империи.

Книга выскользнула из рук, Шану наклонился

---

[32] Примечания: 32
Португалия, Голландия, Англия и Франция.

за ней. Потрепал края подушки и взглянул на противоположную стену, где на этом же месте в старой квартире висели его сертификаты. Он улыбнулся, и щеки его наполовину прикрыли глаза.

— Когда теряют гордость, — обратился к стене Шану, — это ужасно.

Ночью Назнин встала и отправилась на кухню. Достала из холодильника пластиковую коробочку с едой и, стоя у раковины, съела холодное карри. Если найти работу, можно откладывать. А если откладывать, можно уехать в Дакку. Если же нельзя уехать в Дакку, можно отложенные деньги высылать Хасине. Шану не узнает, сколько она прострочила, сколько пуговиц пришила на пиджаки. Он не узнает, сколько у нее денег, и она сможет откладывать.

Сегодня луна в нерешительности. Прячется вся, в оспинах, за лилово-чернильным облаком; хочет утопиться в небесном мелководье. Как-то Хасина писала, что, глядя на луну, она думает, что и сестричка на нее смотрит. Но здесь небо низкое, жиденькое, не верится, что над Хасиной оно взмывает ввысь, и луна в Дакке совсем другая, не такая, как эта.

Назнин склонилась над раковиной и открыла

холодный кран.

— Мамочка.

На пороге Биби. Смотрит, как мать утирается кухонным полотенцем. Лоб у Биби словно нарочно широкий, чтобы на нем умещались все ее треволнения.

— Ты хочешь кушать?

Биби кивнула. Подошла и так же прислонилась к раковине, задрожала. Назнин потянулась было к коробке с печеньем, но Биби показала на пластиковую. Начала есть материнской ложкой и набила полный рот. Они молчали — не тратили время попусту. Наблюдали друг за дружкой. Назнин притворялась, что смотрит в окно, Биби до окна не доросла и поэтому притворно рассматривает треснувший кафель за кранами.

Разия схватилась за поясницу:

— Ты же знаешь, как говорят в деревне: женщина в двадцать уже старуха. Так вот перед тобой сейчас старая-престарая женщина.

В ее волосах уже очень много седины. На носу очки с толстыми черными дужками, от которых нос кажется короче, но глубокие круги под глазами только увеличиваются. Разия получила британский паспорт и обзавелась фуфайкой с большим английским флагом, которую надева-

ет со своими любимыми брюками на резинке. Спереди на брюках толстый шов. Она показала Назнин руки:

— Смотри, какие у меня суставы. Артрит.

И снова надавила на поясницу:

— Чудовищно болит спина. Шью целыми днями. Дети забирают все деньги, у меня остается один артрит.

— У всех где-нибудь, да скрипит, — ответила Назнин. Повела плечами, показывая, что и она не исключение. — Не такая уж ты и старая.

— Экхем-м-м, — произнесла Разия, притворно откашливаясь, — эк-кхе-кхемм.

Покачала головой, выпятила губы и пожевала ими:

— «На пороге Азраил. Как ни отворачивайся. Эта женщина стара. Это старая женщина».

Назнин засмеялась:

— Муж мой, ты всегда прав.

Разия тоже металлически засмеялась. Назнин столько раз слышала этот хлопок смеха и все равно каждый раз вздрагивает. Обернулась: заперта ли дверь? Девочки в своей комнате, делают уроки; нежелательно, чтобы они слышали, как Разия откалывает шуточки в адрес их отца.

— Хотя смеяться особо не над чем. Когда сидишь

за машинкой, портятся руки, глаза и спина. — Разия пожала плечами. По британскому флагу пробежала рябь. — Мне все равно. Для чего еще тело нужно? Я им распоряжаюсь только для собственных детей. Все, чего я хочу, — чтобы они не повторили мой путь. И чтобы в доме было уютно. Новые стулья, новый диван — и никаких бэушных зубных щеток. Вот для чего я работаю.

— Как Тарику Интернет?

— «О'кей-ма», — ответила по-английски Разия. — На все постоянно: «О'кей-ма». Мальчики считают, что меня так и зовут: О'кей-ма.

— Сколько ему еще учиться?

— Еще года два-три. Откуда я знаю? Спроси у мужа, сколько парень должен учиться. Смотря какой длины у тебя стена и какого размера сертификат.

Назнин захихикала. Но стоит ли разрешать Разии так вольно упоминать о Шану? Тем временем хихикалки заполнили нос, она фыркнула, дрыгнула ногами и упала на бок рядом с подругой.

— Что уж тут поделаешь, — сказала Разия. — Раз место на стене еще есть, получай по попе.

— Хватит. — Назнин вытерла глаза. Выпрямилась.

— Надеюсь, стену Тарик завесит быстро, потому

что его учеба стоит мне здоровья. Сколько ни дай, ему все равно мало. «Ма, дай двадцать фунтов на учебники». А я ему вот только накануне дала двадцать фунтов. Я ему говорю, что в деревне — один учебник на пятерых детей. «О'кей-ма. Дай двадцать фунтов».

— Им нужны учебники. Тут уж ничего не поделаешь.

— Не только учебники. То-сё для компьютера. Диски, драйверы, коврики под мышь, миллион мелочей.

Разия взялась за тяжелый ботинок. Она замолчала, и Назнин вдруг увидела перед собой морщинистую женщину с артритными руками и неухоженным лицом.

— Он хороший парнишка, — сказала Назнин.

— Да-да. Хороший. Любит свою «О'кей-ма». Слишком много он учится. Такой тихий. Не выходит из комнаты. Я ему говорю: «Иди, погуляй с друзьями». А он мне: «О'кей-ма» и — к себе в комнату.

— Скоро у Шефали экзамены?

Разия откинулась на спинку и засунула руки в карманы. Достала пачку сигарет и одну из зажигалок. Это новшество окончательно убедило Шану, что Разия безнадежно пала. Назнин дума-

ла об освежителе воздуха и о том, не придет ли Шану раньше, чем уйдет подруга. Разия закурила, и светло-серые струйки из ноздрей смешались с седыми прядками волос.

— Скоро. А потом хочет отсрочку на год.

Разия стряхнула три последних слова, как экскременты с палочки.

— Что? — спросила Назнин. — Что такое отсрочка на год?

— Перед университетом. Она хочет целый год ничего не делать.

«Отсрочка на год» звучит официально, и Назнин решила, что не до конца поняла.

— Что ничего не делать?

Разия положила сигарету на столик с оранжевыми ножками и стеклянной столешницей и протянула Назнин плоские ладони:

— Вот левая рука — на ней ничего. Вот правая рука — на ней тоже ничего. Теперь скажи, как одно ничего отличается от другого?

— Ой-ой, сигарета.

Сигарета скатилась со столика и загорелась на зелено-лиловом коврике.

— Черт. Твой коврик испорчен.

— Ну не знаю, — ответила Назнин. — Если коврик зелено-лиловый, разве можно его еще

сильней испортить?

Когда Шану вернулся, девочки чистили зубы. Он, шатаясь, прошел в прихожую и поставил на пол тяжелую картонную коробку. Снял с плеча холщовую сумку и тоже бросил. Тут же от стены отвалился еще один здоровый шмат штукатурки. На волосы Шану посыпалась пыль.

Он пару раз хлопнул в ладоши, как в ожидании похвалы делают люди, справившись с заданием.

— Вот, — сказал он, все еще не отдышавшись. — Теперь ты не скажешь, что я не выполняю твои просьбы. Вот, пожалуйста. — И просиял, глядя на Назнин.

Из ванной высунулись девочки.

— Идите сюда, посмотрите, что я принес вашей маме.

Девочки вышли в одних ночных рубашках и стали поближе к Назнин. Запах зубной пасты, запах мыла и такой откровенный запах маленьких чистых тел. Назнин еле сдержалась, чтобы не схватить их в охапку и не расцеловать сияющие головки.

— Знаете, когда я женился на вашей маме, я думал, что взял в жены простую деревенскую девочку и у меня не будет с ней проблем.

Дурачится напоказ. Закатывает глаза и наду-

вает щеки.

— Но сейчас она важная дама. Ваш папа бежит и выполняет все, что она велит. Смотрите. Смотрите, что у меня в коробке.

Девочки подошли поближе. Биби потянула за коричневую пленку. Ее отодвинула Шахана и сама принялась за дело. И обе начали рвать коробку, засовывать туда руки и визжать.

— Нет, постойте. Пусть ваша мама посмотрит.

Назнин присела на корточки перед коробкой. Внутри швейная машинка, рядом шнур.

— Подарок на день рождения, — сказал Шану.

До дня рождения еще очень далеко.

— Заранее поздравляю.

— То, что я хотела.

Они никогда не отмечали дни рождения друг друга, только дни рождения детей.

— Давайте на ней что-нибудь сошьем, — сказала Биби.

Шану наклонился и расстегнул большую холщовую сумку. В ней оказался компьютер.

— А это на твой день рождения? — спросила Биби.

— Точно, совершенно точно! — засветился от счастья.

Компьютер поставили на обеденный стол,

швейную машинку рядом. Нашли нитки и кусочек ткани. Назнин сломала иглу, Шану вставил другую, Назнин пришила кухонное полотенце к тряпке, которой вытирала полы.

— Вашей маме повезло, — сказал Шану девочкам, — ее муж образованный человек.

Шахана прострочила наволочку. Биби крутанула колесо и сбила натяжение нити. Шахана снова взялась за колесо, и Биби решила подержать ткань, чтобы не прыгала. Шану нашел, как установить строчку «зигзаг», и прострочил в этом режиме старые трусы. Назнин протерла бледно-зеленый корпус машинки, хотя на ней только старые царапины, которые просто так не вытрешь. Машинка потеплела от использования, и Назнин решила дать ей передышку.

— А теперь компьютер, — закричала Биби.

— Сейчас я все сделаю, — сказал Шану, когда девочки приклеились к экрану.

Последовали включения-выключения, нажимания кнопочек, пока экран не заурчал и не изменил черный цвет сперва на серый, а потом на голубой. Все это время Шану не прекращал комментировать свои действия: «Понимаете… А это называется… Этот проводочек надо… Руками не трогать никому… Я вам все покажу как…»

Шахана заламывала руки, спрятав их в складки своей просторной рубашки. Ей хотелось сказать отцу, чтобы снял куртку. Назнин остановила ее умоляющим взглядом. Ведь у них в семье так редко бывает весело.

Биби внимательно слушала отца, как будто позже ее спросят. Незаконченные предложения отца — задачки, в которые придется вставить пропущенные слова.

Шану сел и начал печатать. Перед каждой буквой он внимательно изучал клавиатуру и внимательно смотрел на получившиеся буквы, словно что-то очень важное исчезло в промежутках между ними. Через несколько минут он закончил предложение. Девочки глянули на экран. Им уже давно пора в постель.

«Уважаемый сэр, пишу с тем, чтобы сообщить вам…» — прочитала вслух Биби.

— А читается так быстро, — по-английски сказал Шану.

Щеки его зарделись от удовольствия.

И тут Назнин задумалась: где он взял деньги? Решила пока не думать об этом.

Шахана ушла в детскую, и Назнин следом. Дочь села за свой стол. Шану соорудил каждой по письменному столу из длинного кухонного,

найденного на свалке. Над кроватями повесил полки для учебников, но никаких гвоздей, никакого клея и никаких ругательств не хватало, чтобы заставить их не падать, и в конце концов девочки, став умнее и покрывшись синяками, отказались спать под полками. Полки сложили под столы, книги сверху.

Назнин стала за спиной дочери и погладила ее по голове.

— *Нам* не разрешается говорить дома по-английски, — произнесла Шахана, повышая голос.

Между ними постоянное напряжение. Оба подавлены, оба не могут справиться с собой. Родись Шахана мальчиком, все было бы так же. Шану едва замечает Биби. Говорить говорит, но как удивится, если вдруг что-то услышит в ответ.

— Разве *мы* всегда соблюдаем правило?

— Его тупое правило всегда на первом месте!

— Знаю, — ответила Назнин.

Когда Шану нет дома, девочки часто переключаются с родного языка. Назнин не запрещает. Скорее наоборот.

Много лет назад, когда еще Ракиба не было на свете, Разия угостила Назнин плодами изученного на курсах. Но плоды были такие нежные, их так просто было помять.

«Мне нужна помощь в заполнении этой анкеты».

Назнин повторяла эту фразу по сто раз на дню. Но так ею и не воспользовалась.

За последние десять с лишним лет по словечку собирает там и сям. Телевизор, короткие объяснения в небенгальских супермаркетах, куда заходит, стоматолог, врач, учителя в школе девочек. Но научили ее девочки. Без уроков, учебников или «ключевых фраз» Разии. Методика у них простая: их надо понимать.

Назнин заговорила по-бенгальски:

— Когда я только вышла замуж, я хотела пойти в колледж и выучить английский. Но твой отец сказал, что мне это не нужно.

Шахана отбросила руки матери. Вздохнула, и сквозь белую рубашку из тонкого хлопка проступила наметившаяся грудь.

— И он оказался прав. Я и так много знаю. — Назнин нежно дотронулась до плеча дочки. — Но в молодости я так из-за этого переживала.

Шахана обернулась. Все: и взгляд, и рот, и нос стали острее.

— И что? Ты о чем вообще? Какая мне разница? Я его ненавижу. Я его *ненавижу*.

Она подскочила и сжала кулаки, сжала зубы. И

маленькой мягкой ножкой пнула мать в голень.

Все функции швейной машинки Назнин освоила за две недели. Наметка, подрубка, прорезная бельевая петля, эластичный зигзаг для пришивания резинки. Разия приходила поставить оценку и дать новое домашнее задание. Молнии Назнин вставляла, уже почти не глядя. Обработала дряблый край пиджака Шану и потайным швом пришила воротничок на платье куклы. Иглы больше не ломались. Никаких издевательств над кухонными полотенцами. Каждый кусочек ткани в доме был прострочен, распорот и узами нитей повенчан с другим. Чтобы освоить длинную строчку, Назнин сняла занавески и сшила их пополам. Они лежали на обеденном столе, как спущенные паруса. По книгам Шану разбросаны катушки разноцветных ниток, как яркие флажки на пути к знанию. Назнин склонялась над работой, пока Шану читал или стучал по клавиатуре, пел, бормотал себе под нос, вспоминал о нелюбви к стульям, спускался на землю, вспоминал о своих затекших коленях, вставал, печатал, разговаривал.

Сегодня Шану ушел за продуктами. Шахана перед уходом в школу попросила его купить гамбургеров. Шану решил, что купит рыбью голову

и сушеную хильшу[33] если не будет свежей. Назнин, истощив все запасы ткани в доме, отдирала от нижней юбки кружево и подумывала, что нужна игла потоньше, как вдруг в дверь постучали.

В общем коридоре, держась за стену, стояла миссис Ислам со спреем от растяжений мышц в руке. Назнин подхватила ее большую черную сумку со впалыми боками, взяла миссис Ислам под локоть и провела внутрь. Убрала все с дивана, чтобы гостья смогла прилечь. Гостья подняла край сари до бедра, побрызгала спреем и застонала. Побрызгала на живот, сунула спрей в рукав кофты и еще раз прыснула. Затем таким же образом смочила носовой платок и накрыла лицо. Для ритуала явно требовались тишина и время, чтобы отдышаться и прийти в себя. Назнин ждала.

С тех пор как Назнин вышла замуж, миссис Ислам нисколько не постарела, но тем не менее заявляла, что впадает в маразм. Черная сумка, которую годы, наоборот, не пощадили, превратилась в фармацевтический рог изобилия, словно только сейчас, на закате жизни, узнала свое настоящее призвание. Внутри ее залежи таблеток, пилюль, порошков и склянок. Банки с мазями,

---

[33] Примечания: 33
Хильша — излюбленный сорт рыбы в Бангладеш.

пакетики с загадочными гранулами. Плюс коробочки с пищевыми добавками и несколько лохматых кружочков прессованной травы. Но все это добро только про запас, на случай экстренных мер. Назнин же всегда ныряла в сумку только за сиропом от кашля, когда на то поступали указания.

Миссис Ислам слабо махнула на сумку, Назнин подскочила и расстегнула застежку, с которой уже отлетел камушек. Подала миссис Ислам бутылочку с сиропом, и та сделала большой глоток, не снимая платка с лица. За последние десять лет Назнин не помнила, чтобы миссис Ислам хотя бы раз кашлянула. Этот сироп удивительно эффективен. Случалось, что за время визита миссис Ислам выпивала всю бутылку и засыпала на час-полтора. Шану тогда ходил на цыпочках и говорил громким шепотом Назнин: «Такая честь. Смотри, как она свободно себя здесь чувствует. Я знавал ее мужа».

Спрей от растяжений у миссис Ислам всегда в руке. Этот запах, смешанный с ментоловыми конфетками под языком и сладким сиропом от кашля, создает вокруг нее ореол больничной койки. Но глаза у миссис Ислам все такие же жесткие и яркие, а голос отрывистый.

— Золотая жила, — сказала она, сняла с лица платок и бросила взгляд на швейную машинку.

— Я учусь, — ответила Назнин.

Она села в кресло навозного цвета и в доказательство продемонстрировала сборку на тряпочке.

— Во времена моей молодости нас учили штопать вручную. Так просто нам ничего не давалось.

У Назнин свело судорогой правую руку, она раздумывала, не одолжить ли спрей у миссис Ислам, и решила не спорить:

— Да. Все очень быстро. Хорошая машинка.

Миссис Ислам покрутила тапочками:

— Ты собираешься отправлять девочек в школу? Твой муж сказал, что отправит, но их что-то не видно.

— А-а, да-да.

Сквозь удушливое облако спрея на ключицу миссис Ислам произнесла:

— Я теперь женщина больная. Очень, очень больная. Каждый может сказать мне все что угодно. Все знают, какая я стала слабая. Ты мне говоришь «да, они будут ходить», но не посылаешь их. А старой больной женщине можно сказать все что угодно.

Речь шла о медресе, новой мусульманской школе. Ее открыли благодаря щедрому пожертвованию миссис Ислам. Предполагалось, что Шахана и Биби будут ходить туда после занятий в обычной школе, но Шану им это запретил. Он пришел в ярость:

«И это они называют образованием? Качаются там, как попугаи на жердочке, твердят наизусть слова, которых не понимают».

Он их всему научит. Коран и еще индийская философия, учение Будды, христианские притчи.

«Не забывай, — повторял он Назнин, — Бенгалия была частью Индии задолго до появления мусульман, а потом, после первого индийского периода, — буддистским государством. Мы стали мусульманами только из-за монголов. Не забывай».

Миссис Ислам же он сказал:

«Да, моя жена будет их туда отправлять. Я помню вашего мужа. Он был самым уважаемым человеком. Помню, мы помышляли о совместном бизнесе. Изделия из джута. Что-то вроде импорта-экспорта».

Назнин открыла рот, чтобы возразить, но миссис Ислам ее перебила:

— Делай, как нравится. Я сказала моим сы-

новьям: миссис Ахмед всегда делает то, что ей нравится, я не вмешиваюсь. Я пыталась присмотреть за ее сыном, любила малютку, как своего, но она влепила мне пощечину, и я не вмешиваюсь.

Она отхлебнула из бутылочки с сиропом, и с подбородка у нее потекла вязкая красная жидкость.

— Только вот что я тебе скажу. У больной женщины все в порядке со слухом. Если думаешь, что я оглохла, позволь тебя в этом разуверить. Я слышу, что происходит вокруг.

Она распалилась и приняла наполовину сидячее положение, но вспомнила, что болеет и, прижав руки ко лбу, откинулась снова. Бутылочка с сиропом и баночка спрея обрамляли с двух сторон ее лицо.

— Я поговорю с мужем, — сказала Назнин.

«Надо что-то придумать».

— Как ваше бедро? Сильно вас беспокоит?

Миссис Ислам высоко задрала край сари и продемонстрировала большое, совершенно гладкое коричневое бедро. Она ухмыльнулась, будто бы спрашивая: «Ну как, довольна?»

— Сыновья говорят, что мне нужен протез, но я против. Зачем выбрасывать хороший новый протез? Не хочу ложиться в могилу с новым бедром.

Господь не любит расточительных женщин. Надо оставить хорошие протезы тем, кто в них нуждается. Отдам деньги на мусульманскую школу, а мне только бы хватило на спрей от растяжений. Это все, о чем я прошу.

Она на секунду замолчала и снова произнесла, мягче:

— Это все, о чем я прошу.

И еще раз повторила, еще мягче, почти вяло, словно сейчас, прямо сейчас, наступают ее последние минуты:

— Это все, о чем я прошу.

Назнин села на край стула, рядом с черной сумкой.

— Открой мне, деточка, сумку, — все тем же немощным голосом попросила миссис Ислам.

Назнин опустилась на колени и открыла ее.

— Положи деньги в боковой карман. Я не буду их пересчитывать.

— Не будете пересчитывать?

Назнин теребила запачканную и перекрученную застежку. Заглянула внутрь, пытаясь среди пакетов и тюбиков отыскать деньги. Конечно же, удобнее хранить деньги в боковом отделении, так их быстрее найти, нежели прятать где-то в катакомбах этой аптеки. Пошарила рукой. Что-то

липкое на ткани. Из какой-то картонки прыснул порошок. Здесь все надо перебрать. Она уже собралась предложить это миссис Ислам, но та сказала:

— Ах, стать бы сейчас вновь молодой да сильной.

На дне сумки лежал раздавленный пакетик с леденцами для горла. Назнин вытащила его и показала миссис Ислам:

— Смотрите, течет.

Миссис Ислам повернулась и легла на локоть.

— Ты положила деньги? — В голосе послышалась резкость, но она добавила пару слабых ноток: — Деточка, положила?

— Я их не могу найти.

— Поищи лучше, деточка. Пятьдесят фунтов. Как договаривались.

Назнин пристальнее уставилась в сумку, почти нырнула туда с головой. Удушающий запах — так пахнет плохое здоровье.

— Что ты делаешь? — завизжала миссис Ислам. — Убирайся из моей сумки.

Назнин выпрямилась, шею пекло. По всей голове пополз жар, вспыхнули щеки.

— Вы попросили меня… — медленно ответила она.

— Я что, по-твоему, уже покойница? — спросила миссис Ислам неожиданно бодро.

Назнин только и смогла, что открыть и закрыть рот.

— Ты что, пытаешься ограбить мою могилу? Давай. Сюда. Мои. Деньги.

Теперь понятно. Все ясно. Шану взял в долг. Миссис Ислам пришла за процентами. Но Назнин не шевелилась. У нее нет денег. Как договаривались. Остается только махнуть рукой на машинку:

— Я пока учусь. У меня пока нет работы.

Миссис Ислам задумалась на минутку. И не сводила глаз с пылающей Назнин.

— Понимаю. Прости больную и нервную старуху. Это дружеский договор. Заплатишь, когда сможешь.

Изобразила, как трудно подняться на ноги. Назнин помогла ей, и у них получилось что-то похожее на объятия. Миссис Ислам поцеловала ее жестким ртом в мягкую щеку:

— Мы друг друга понимаем. Я снова приду. Передай мужу от меня почтение.

Они подошли к двери. Миссис Ислам положила под язык новый леденец, окутала себя облаком спрея и взяла сумку из рук Назнин.

— Ты найдешь выход, — сказала она. — Аллах

всегда укажет выход. Тебе надо его только увидеть. В следующий раз приду с сыновьями. Они хотят побеседовать с твоим мужем.

Глава девятая

Благодаря компьютеру Шану стал доступен весь мир.

— Все, что хотите, — говорил он, — все, что хотите, увидим. Только скажите, и я найду. Вот в этом маленьком проводочке, который уходит в телефонную розетку, — видите? — в этом проводочке — все.

— Мы изучаем в школе Интернет, — сказала Шахана по-английски.

Шану сделал вид, что не услышал.

Биби держится за косички. Она так сильно их натянула, что ни одна мысль просто не может прийти ей в голову.

— Хочу снова увидеть кадам[34], — сказала Назнин.

— И увидишь. — Шану поднял палец и ударил по клавише. — Посылаю запрос. Ключевые слова: «цветы Бангладеш».

Компьютер немного подумал. Биби обернулась на Назнин. Шахана подула в челку, этот ее новый

---

[34] Примечания: 34

Кадам — растение с соцветиями в виде шариков нежно-персикового цвета.

жест Шану расценивал как проявление высокомерия. Экран вернулся к жизни.

— Сто шестнадцать ссылок, — восхищенно сказал Шану.

Поводил мышкой, быстро выткалась картинка — полоска за полоской. По всему экрану — пучки розовых колючих шариков.

— Кадам, — сказала Назнин.

— Ску-учно, — сказала Шахана по-английски.

Шану сохранял спокойствие.

— Сайт «Бангла 2000». Кто желает посмотреть?

Биби подошла ближе к отцу. Но он ждал, что подойдет Шахана.

Назнин положила руку на плечо дочери.

— Иди, девочка, — шепнула она.

Шахана не шелохнулась.

— Ну пожалуйста, хоть вполглаза.

— Нет. Это ску-учно.

Шану подскочил и обернулся так резко, что чуть не перевернул стол. Его щеки дрожали.

— Нашей мемсахиб скучно?

— Она сейчас подойдет, посмотрит, — сказала Назнин.

Биби отпрянула от отца, как бы повинуясь этим едва уловимым движением силе материнского голоса.

— Что с тобой случалось? — заорал Шану по-английски.

— Ты хотел сказать: «Что с тобой случилось?» — ответила Шахана. Она подула в челку. — А не «что случалось».

Шану захлебнулся воздухом, словно Шахана ударила его в живот. Несколько секунд его челюсть бешено дергалась.

— Передай своей сестре, — завизжал он, переходя на бенгальский, — что я свяжу ее и вырежу язык. Скажи этой мемсахиб, что, когда я сдеру с нее заживо кожу, она не будет так довольна собой, как сейчас.

Биби начала повторять его слова:

— Он тебя свяжет и вырежет… — покосилась на Назнин. — Я не хочу ей это говорить. Ты что, сам не можешь сказать? — И испуганно наморщила лоб.

Внутри у Шану буйствовал торнадо. Тело трясло, лицо выкручивало.

— Я тебя сейчас прибью, — взвизгнул он, выдернул мышь из компьютера и запустил в Шахану.

Провод хлестнул Шахану по лицу, и она прыгнула за диван. Шану — за ней, но в нерешительности остановился. Он вправо, Шахана влево. Он влево, она тут же — в противоположную сторону.

Внезапно Шану бросился наперерез через спинку дивана и ухватил костлявенькое запястье. И принялся молотить мышью по Шахане. Та корчилась и отбивалась свободной рукой.

«Ей нужно заплакать, — думала Назнин. — Ей немедленно нужно заплакать, чтобы он успокоился».

— Не прикасайся к моему компьютеру, — орал Шану, — я запрещаю.

Потом он немного успокоился. Шахана все еще не решалась высунуться из-за дивана. Он остановился:

— Твоей сестре тоже запрещаю. Слышала?

— Да, папа, — послушно ответила Биби.

— Да, папа, — ответила Шахана, — я к нему не притронусь.

Назнин отвела девочек в комнату. У Шаханы все запястье было красное. Она вырвала руку у матери и закусила губу.

— Пора спать, — сказала Назнин.

Она поцеловала Биби, попыталась поцеловать Шахану. А выходя из комнаты, обернулась как раз в ту секунду, когда Шахана пнула сестру. Биби потерла попу и села в кровати. Шахана кинулась лицом в подушку и начала колотить по матрасу.

Шану тер лицо рукой и качал головой.

— Они легли? — спросил он.

— Да.

Компьютер был выключен. Стул перевернут.

— Девчонки, — произнес Шану, навеки сбитый с толку самим фактом их существования.

— Сегодня приходила миссис Ислам.

— Девчонки.

— Миссис Ислам.

Он почувствовал раздражение:

— Что ты заладила «миссис Ислам, миссис Ислам»!

— Она сегодня приходила.

— Да, ты мне уже сказала.

Он пару раз поднял и опустил живот руками.

— За деньгами.

Его рубашка задралась на грудь, Шану поднял живот насколько можно. Эффект был поразительный. Живот надулся, как наполненный водой шар; страшноватый кусок лиловой плоти — вот-вот брызнет. Шану разжал руки, и плоть рухнула обратно к ногам.

— За деньгами? А, да. На следующей неделе отдам.

Он неуверенно улыбнулся и потер руки:

— Судя по твоему лицу, ты проголодалась. Может, сделаешь шимай? Хочется чего-нибудь

сладенького перед сном.

Позже, когда шимай уже был сделан, когда Шану его съел, а Назнин помыла посуду, они пошли посмотреть на спящих девочек. Послушать их дыхание, укрыть ножки одеялами — тихонько раздать букетики нежности. Шану ласково отвел прядь с лица Шаханы. Он сел на край кровати и положил руку на спящее тельце. Его маленькие глаза затерялись где-то среди морщинок. Потом Назнин сменила его, он подошел к Биби. Поцеловал ее в щечку, подержал за руку. Назнин увидела, что он не просто растерян, а боится. Они вышли из комнаты вместе, прикрыли дверь, Назнин прижалась к Шану, положила голову ему на плечо, он подбородком потерся о ее волосы.

Шану лег на диван и не вставал с него несколько недель, а может, и месяцев, и этот период показался Назнин вечностью. Шану больше не строил планов. Прожекты, которым он прежде отдавался целиком, больше не созревали у него в голове. И раньше случалось, что его честолюбивые замыслы рушились. Но раньше неудачи раззадоривали, и Шану решительно бросался к новой цели. К каждой новой работе он приступал в новом щегольском костюме и с очередным

пополнением в коллекции ручек. Его лицо светилось. А при крушении надежд серело от обиды. Каждое новое дело Шану начинал с визита к обувщику, тратился на твердые, модные дипломаты. Бодрые цифры в его писаных-переписаных бизнес-планах указывали дорогу к богатству. Он много работал, работал по ночам, шутил с Назнин, был снисходителен к девочкам.

Но его не уважали. Ни клиенты, ни поставщики, ни начальники, ни подчиненные. Он столько работал и все равно не заработал уважения. В мире ощущается острая нехватка уважения, и Шану был в числе голодающих.

В конце концов Шану лег на диван и принялся ворчать. Достал все свои сертификаты, разложил и целыми днями рассматривал. Потом перестал ворчать. Перестал есть. Его живот пугающе уменьшился, стал морщинистым и дряблым, как опорожненный мешок с рисом. Потом прекратил читать, и Назнин всерьез забеспокоилась.

Из Центра трудоустройства его пригласили на собеседование. Предложили мыть посуду в ресторане. Он снова лег на диван, но глядел вокруг уже веселее. В нем проснулись остаточные воспоминания о прошлых сражениях, и он начинал командовать дочерьми.

— Шахана, — кричал он в такие минуты, — быстрее, дочка. Давай. Быстрее.

Приходила Шахана, ожесточенно почесывая руку, и Шану приказывал подать себе тапочки. Она поднимала их из-под дивана и покачивала на пальцах:

— Что дальше?

— Надень их. Скоренько. — И поднимал ногу.

На выходе из комнаты ей приказывали поправить подушки, принести кружку воды, найти ручку, опустить шторы или, наоборот, раздвинуть.

Или он звал к себе Биби:

— Биби, в этой комнате чудовищный беспорядок. Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты маме помогала?

И Биби суетилась по комнате, натыкаясь на столик или диван, или становилась на матрас, потому что только так могла достать до шкафа и перевесить брюки, рубашки и сари.

Но ему было мало. Девочки поспешно выполняли эти простые поручения и, когда Шану иссякал, не в силах больше ничего придумать, уходили. В конце концов ему пришла в голову богатая идея. Он достал свои книги и сделал девочек листательницами. Идея оказалась гениальной.

Шану возлежал на отмели из подушек, девочки садились по очереди на край дивана и держали книгу. Нужно было следить за лицом отца, ждать знака, что он близится к концу страницы, и переворачивать ее. Шану не хитрил. Подавал знаки: слегка поднимал косматые брови в нетерпении. Только невнимательная дочь может пропустить эти движения. Непочтительная дочь. Которая за пренебрежение к своим обязанностям заслуживает вербального или еще какого наказания по всей строгости.

Назнин размышляла об этом, раздеваясь. Бесконечная тройственная пытка. Как закрыты все трое друг от друга, несмотря на тесноту существования. Биби молча ждет одобрения, вечно голодная. Шану носится со своими нуждами, вечно обделенный. Шахана закипает от бесконечных трудностей (и это самое страшное), постоянно злая. Словно идешь по полю, кишащему змеями. Опасен каждый шаг. Иногда Назнин кажется, что за целый вечер она ни разу не глотнула воздуху. Постоянно балансируешь между потребностями каждого члена семьи: одного нужно успокоить, другого подстегнуть. Нужно как можно скорее катить день к закату. Когда баланс нарушается, вокруг возникают ругань, ссоры, на-

казания, припадки, заплаканные щеки, и голова начинает кружиться от сознания собственной ответственности. Когда получается, повторяешь, как мантру, чтобы не забыть, чтобы голова перестала кружиться: «Осторожней, осторожней, осторожней». На это уходят все жизненные силы. И больше не хочется ничего. Все желания сводятся к сиюминутным, настоящим, выполнимым. Концентрироваться бы так всегда. Когда мысли сносит в сторону, она вспоминает о Хасине, но и эти размышления не праздные. Сколько можно отложить? Сколько можно послать? Как сделать так, чтобы Шану не узнал?

Иногда, положив голову на подушку и потихоньку погружаясь в сон, Назнин вдруг в ужасе подскакивала. Разве можно расслабляться? Отправлялась на кухню, ела, не чувствуя вкуса. Случались плохие ночи, когда мысли не глоталась вместе с рисом, или хлебом, или печеньем, и тогда Назнин задумывалась, по-настоящему ли любит своих дочерей. Любит ли она их так, как любила сына? Когда она думала о них вот так, отстраненно, желудок уходил куда-то к ногам, а легкие прижимали сердце к ребрам. Когда прохладной зимней ночью они вместе с Хасиной отправились на пруд, было похожее ощущение.

Перед прыжком в воду, когда от холода хотелось закричать.

И Назнин раздавила в голове мысли о Ракибе. Они ведут к пропасти. Назнин сглотнула и горячо попросила в молитве, чтобы чувства притупились и притупилась боль.

Забрав девочек и вернувшись домой, Назнин приготовила чай и вспомнила о разговорах возле школы. Вышла к ней только Биби, потому что Шахана уже ходила в большую школу и предпочитала возвращаться домой с друзьями, но Назнин все равно про себя говорила «забрать девочек». Джорина сказала, что в мечеть приходила полиция и два часа беседовала с имамом. Никто до сих пор не знает, что произошло, но люди давно поговаривали, что добром не кончится, и были единодушны в том, что к церкви впервые отнеслись с таким вопиющим неуважением. Назма разговаривала с Сорупой о Разии и прервалась на полуслове, когда подошла Назнин. Самой занимательной оказалась подслушанная беседа двух белых женщин о том, как бороться с лишним весом их собачек. Одна ратовала за усиленную домашнюю диету, другая отвезла свою в специальную клинику по избавлению от жира. Назнин с трудом говорит по-английски, но следила за

беседой довольно долго. Она давно уже перестала удивляться. Но иногда все же случается.

Назнин наливала себе вторую чашку и вспоминала худющих дворняг Гурипура, когда домой вернулся Шану со свертком.

— Хватит чаи гонять, — сказал он, — давай, заканчивай.

Быстро прошел в гостиную, Назнин поспешила за ним.

Сорвал тонкую обертку и развернул с десяток, может больше, мужских брюк.

— Будешь подшивать, — объявил он, обращаясь ко всему миру. — Вот тебе партия на пробу.

Перевернул ворох штанов.

— Молнии. Все тщательно проверят.

Назнин тут же хотела приступить, но Шану велел позвать сначала девочек:

— Когда я брал в жены вашу маму, я сказал себе: она не боится работы. Девушка из деревни. Неиспорченная. Все остальные умные-преумные… — Шану замолчал и посмотрел на Шахану… — Все умные-преумные не стоят и волоса на ее голове.

Биби открыла и закрыла рот. Белые кружевные гольфы сползли гармошкой, показалась пересохшая пыльная кожа голеней. Шахана уже пользуется увлажняющим кремом. Вчера отказа-

лась мыть голову мылом. Требует шампунь.

Назнин взялась за корпус машинки. Шану покачал головой и сияюще ей улыбнулся. Назнин вставила нитку и приступила к работе. Одна штанина, вторая. Закончила, ей захлопали, от аплодисментов Биби чуть не зашлась от восторга, Шану яростно бил в ладоши, а Шахана вскользь улыбнулась и отправилась обратно к себе.

Шану приносил домой мешки с рубашками без пуговиц, авоськи с платьями без отделки, целую коробку из-под жидкого мыла с лифчиками без застежек. Он вынимал одежду, пересчитывал и складывал обратно. Каждые два дня отправлялся за новой порцией. Старомодно проверял качество работы: расстегивал молнии, трепал воротнички, упирая языком то в одну, то в другую щеку. Подсчитывал выручку и забирал деньги сам. Взял на себя роль третьего лица, посредника, решил работать по официальной части и пытался вести себя соответственно. Пару недель лихорадочно высчитывал, какая из швейных работ самая выгодная в денежном отношении. Но отказываться от того, что давали, тоже не мог, поэтому вычисления не принесли ему дохода. Потом начал всерьез наблюдать за ее работой, постоянно был под рукой, подавал нитку, ножницы, совет,

заваривал чай, складывал одежду.

— Ты сиди, я все сделаю.

Назнин вставала, разминалась. Подбирала одну из книг, сдувала пыль в надежде, что муж откликнется на зов своего заброшенного дитяти.

— На этой неделе мы хорошо заработаем. — Он вытянул и покусал нижнюю губу. — Не волнуйся. Я обо всем позабочусь.

Целых два месяца Назнин не знала, сколько зарабатывает. Каково же было ее облегчение, когда однажды Шану, впервые с начала ее работы, ушел к себе и потребовал листательницу. На следующий день, в субботу, он соорудил на полу в гостиной из книг что-то вроде крепости и произнес пылкую речь по истории Бенгалии. В воскресенье тщательнейшим образом побрился, размялся немного в костюме перед зеркалом, но из дому так и не вышел. Зато в понедельник его весь день не было дома. Вернулся он, напевая что-то из Тагора. Это был хороший знак.

Вторник и среда прошли по обычному сценарию, и Назнин пришила подкладку к тридцати семи мини-юбкам. Больше шить пока было нечего.

Шану собрал всю семью, с непреклонным видом изгнал из горла пару осточертевших комков:

— Как всем вам хорошо известно…

Взгляд его упал на платье Шаханы. Она подоткнула свою школьную форму под ремень, чтобы приоткрыть бедра. Совершенно не изменившись в лице, она медленно оправила форму.

— Как всем вам хорошо известно, мы решили, всей семьей решили, вернуться домой. Ваша мать делает все, чтобы поскорее сбылась наша мечта посредством древнего и достойного искусства портного. И не забывайте, что именно мы изобрели и муслин, и Дамаск, и все-все остальное.

И вдруг ушла уверенность. Шану посмотрел на дочерей так, словно забыл, кто это. Он вспомнил мысль, только когда его порхающий взгляд остановился на Назнин:

— Да. Итак. Мы возвращаемся домой. С сегодняшнего дня я работаю в «Кемптон каре» водителем номер один шесть один девять, и нашу домашнюю казну ожидает пополнение. Вот и все, что я хотел сказать.

Назнин и Биби захлопали. Надо же, Шану умеет водить машину.

Чтобы рассеять все их сомнения, он вытащил потрепанную бумажку из кармана.

— Водительские права, — сказал он по-английски и внимательно изучил документ. — Семьде-

сят шестой год. Никогда не вешал их на стену.

Шану стал таксистом и перестал быть третьим лицом. В первый жаркий день года, когда закрывались окна от удушающих ароматов помойки, когда в квартире все гудело в такт несмолкающим трубам, когда Назнин вытерла потоп из засорившегося унитаза, когда она помыла руки и вздохнула, глядя на себя в зеркало, появилось новое третье лицо. Карим. С кипой джинсов на широком плече.

Так он вошел в ее жизнь.

Глава десятая

Прислушавшись, она заметила странную особенность. На бенгальском Карим заикается. Когда переходит на английский, чувствует себя уверенней и общается без проблем. Сделав это открытие, Назнин начала заново, с нуля. Присмотрелась. Стоит, широко расставив ноги, сложив руки на груди. Волосы: пострижен почти под ноль, только на лбу — мысок стоячих волос. Джинсы в обтяжку, рукава закатаны по локоть. Нет. Все в порядке. С чего бы ему заикаться на бенгальском?

Он уверен в себе. Поза сильного человека. Время от времени постукивает правой ногой. Белые кроссовки и тонкая золотая цепь на шее.

— У моего дяди фабрика, потогонная система. Мой дядя там хозяин.

И снова стучит ногой, щупает мобильник в ожидании, пока Назнин сосчитает все, что он принес.

Телефон у него на поясе, маленький черный кожаный чехол. Дотронулся, проверил его длину и ширину, провел большим пальцем по чехлу, словно обнаружил на бедре опухоль. По-новому сложил руки. С виду очень сильные руки. Волосы.

Почти лысый. Как странно, что форма черепа может радовать глаз.

Телефон зазвонил, он вышел с ним в прихожую. Назнин услышала только обрывки разговора. Слово, фраза, снова то же слово, слово выталкивается с трудом. Звонивший, казалось, не давал ему сказать. Но потом поняла, что Карим заикается, и никто его не перебивает.

— У моего мужа тоже был мобильный телефон, — сказала Назнин, — но он перестал им пользоваться. Сказал, что это очень дорого.

— В-в-в-аш муж прав.

— Полезная вещь, — перешла она на английский.

— Д-д-да, но оч-ч-чень дорогая.

Назнин тут же поняла свою ошибку. Она невольно привлекла внимание к его изъяну. Сейчас он не перейдет на английский. Чтобы не признавать свою слабость. Назнин думала, что бы сказать и как сказать. Но Карим положил на стол деньги и ушел.

Когда он пришел в следующий раз, ей оставалось подшить еще пять штанин. Открыв дверь, сразу поняла: что-то случилось. По выражению его лица. Он бросился мимо нее в гостиную. Схватился за оконную раму:

— Ушли, они ушли.

Он резко опустил плечи и тяжело задышал, хотя все уже было позади.

— Что случилось?

Карим повернулся. Пот над верхней губой. Пот на волосах сверкает в луче солнца. Похоже, не масло. Скорее, именно пот. Карим рассказал о двух парнях, которые суют листовки под входные двери. Заталкивают свои вонючие листовки в почтовые ящики. Схватил у них коробку, прямотаки вырвал, и — бежать.

Опять та же поза. Ноги пошире, застучал правой ногой. Назнин увидела, как напряглась мышца под джинсовой тканью, тут же перевела взгляд на свою незаконченную работу. Они погнались за ним, но не догнали. Бросил коробку с вонючими листовками в мусорник, где им самое место. Петлял по району, чтобы запутать след, снова сделал петлю, проверяя, есть ли погоня, но никто не видел, как он прибежал сюда. Все вроде тихо. Кажется.

— Они еще свое получат. Господи. Так это все не кончится.

— Что там написано? В листовках.

Забыла покрыть голову.

Карим сел за стол, напротив, солнце теперь

било ему в спину, и краем глаза она увидела его силуэт. Впервые в ее доме он сел. Назнин подумала, не предложить ли чаю. Но что будет означать чаепитие с этим парнем? Ведь он не родственник.

— Я знаю, кто они.

— Эти люди?

— Господи. Знаю я, кто они. Знаю.

— Кто?

— «Львиные сердца». Кто же еще? Господи. Они нам еще за все заплатят.

— Кто они?

— Организация. Обычная организация. Мы знаем о них все. Все.

Карим положил руки на стол ладонями вверх, слегка согнул пальцы, они дрожали. Обдумывал, а может, замышлял что-то.

Спрятал руки под стол.

Назнин искоса за ним наблюдала.

— В нашей стране прохожие бы остановились. Пришли бы вам на помощь.

— Это моя страна. — Он откинулся на спинку кресла.

Назнин сказала, что ей нужно подшить еще пять штанин, Карим ответил, что подождет. Она не отрывала глаз от своей работы, но все же

чувствовала на себе его взгляд. От солнечных лучей, которые ловила игла, на ногтях играли радужные пирамидки. Назнин быстро строчила и думала, что неплохо бы опустить штору, но эта мысль смутила, и она продолжала работать. На последней штанине порвалась и запуталась нить, и Назнин пришлось встать за ножницами.

Оказывается, что все это время он читал, и лицо обдало жаром. Карим поднял на нее взгляд, и Назнин отвернулась.

— Такое сари, — сказал он, — было у моей матери. Я имею в виду такой же материал.

Сари на ней нежно-голубое с темно-зеленой каймой. Материал выбирал Шану. Сказал, что цвет очень нежный, сказал, что так же нежна и ее красота. Комплимент пришелся ей по вкусу, хоть она и догадалась, что Шану просто понравилось само слово «нежный».

Назнин промолчала.

— Мать умерла. Господи.

Карим посмотрел в журнал, как будто ему до лампочки, что мать умерла.

— Как жаль.

— Да. Господи. — И он перевернул страницу. — «Хороший ли вы мусульманин? Двадцать способов это определить».

Карим поднял журнал, и Назнин увидела, что это всего несколько тонких листиков с черно-белым шрифтом, скрепленных в верхнем углу.

Водитель номер один шесть один девять часто дежурил по вечерам. Вечера в квартире стали поспокойней. Девочки делали уроки перед телевизором. Шахана говорила, что это помогает ей сосредоточиться. Биби грызла колпачок у ручки. Смех за кадром никогда не вызывал у нее ответной улыбки, а Шахана научилась ухмыляться со всезнающим видом. Назнин сидела за машинкой. Если работать, не отвлекаясь, если не делать ошибок, то в час получается целых три фунта пятьдесят пенсов. Может, больше. Назнин краем уха слушала телевизор и украдкой смотрела на Шахану, которая лежала на животе, задрав голени, то скрещивая их, то разводя. Назнин вспомнила о пятифунтовых банкнотах, завернутых в тряпочку, засунутых в пластмассовую коробочку, втиснутую в прозрачный контейнер, который спрятан за раковину на кухне. Вспомнила о деньгах в конверте на верхней полке возле Корана, решила, что держать там деньги — харам (запрещено), надо бы убрать. Пересчитала деньги в носке колготок, которые скатала в клубок и сунула поглубже в ящик с нижним бельем. Еще

пять отложены сегодня. Еще пятнадцать в пищевой оберточной бумаге в коробке для сандвичей — в дырке в стене рядом с баком для кипячения. Все деньги она отнесет завтра утром в банк «Соналли». Хасина получит их где-то в конце месяца. Часть денег даст Шахане, чтобы та купила и перестала уже клянчить шампунь, крем для тела и заколки для волос.

Иногда Шану и по ночам не приходил домой. Тогда Назнин вставала очень рано, разогревала еду, варила рис, чтобы к его приходу все было готово.

«Сейчас поем», — говорил Шану с порога. Садился за стол прямо в куртке и ел, подскакивал, вспоминая, что не помыл руки, набирал целую горсть еды, не успев опять сесть за стол, просил уксус, чатни[35], дольку лимона, нашинкованного лука на блюдечке, стакан воды.

«А, да, поставь рядом, — говорил он, когда она показывала, что это уже на столе, — поставь рядом, чтобы мне не тянуться».

Он ничего не рассказывал о «Кемптон каре». Ни о мистерах дэллоуэях, ни об уилки. Клиенты оставались тайной за семью печатями. Единственное,

---

[35] Примечания: 35
Чатни — очень острый, реже сладкий соус.

что о них было слышно, — все они невежи.

Но Шану настроился философски.

— Понимаешь, я всю жизнь боролся. И за что? Какой прок от этой борьбы? Хватит. Сейчас я просто зарабатываю деньги. Я говорю спасибо тебе. Я веду им счет.

Он отправлял в рот еще горсть риса и держал его за щекой.

— Понимаешь, англичане прибыли в нашу страну, но жить не собирались. Они хотели заработать и все, что зарабатывали, увозили из страны. В принципе, они так и оставались у себя на родине. Душой. Они просто вывозили деньги. Тем же занимаюсь и я. Что уж тут поделаешь?

Теперь Шану говорил языком простого — но образованного — человека. Если случалось провести вечер дома, Шану доставал книги, и его язык менялся.

Шахана переворачивает страницы, отец на диване. Биби в спальне, забралась под стол, села по-турецки и жует кусочек бумажки. У Шаханы на лице полное безразличие, превратившееся в маску. Она на коленках возле дивана, держит книгу под углом к отцу. Он поднял брови. Снова поднял, выше, так что они разошлись на середине лба. Шахана перевернула страницу.

— Ага, — сказал Шану, — поиск знаний. Разве есть на свете более приятные путешествия? Позови свою сестру. — И тут же сам ее позвал: — Биби. Иди сюда, скорее.

Биби прибежала и встала за Шаханой. Шану взял книгу у дочери, сел и пережевал горстку знаний, чтобы выдать в свет:

— Вот что я вам скажу. Люди, которые смотрят на нас свысока, не знают, что я вам сейчас скажу. Здесь черным по белому написано. — Он помахал книгой. — Кто, интересно, сохранил работы Платона и Аристотеля для западной философии в Средневековье? Мы. Мы сохранили. Мусульмане. Мы сохранили их труды, чтобы ваш так называемый святой Фома[36] мог воспользоваться им для собственных умозаключений. Вот что мы дали, и вот какова благодарность.

И Шану, дрожа от возбуждения, поднял палец.

Биби взяла кончик косички и затолкала ее в рот.

— Мрачное Средневековье, — сказал Шану, и его передернуло от обиды, — вот как в своих проклятых христианских книжках они называют этот период в истории. И вас учат этому в

---

[36] Примечания: 36
Имеется в виду Фома Аквинский.

школе?

Шану швырнул книгу на пол:

— Это был золотой век ислама, вершина расцвета цивилизации. Не забывайте. Гордитесь, иначе все пропало.

Он снова лег, эта откровенная ложь отняла силы, и девочки отправились было к себе.

— А вы знаете, что ответил Ганди, когда его спросили, что он думает о европейской цивилизации? — спросил он, глядя им вслед.

Девочки остановились.

«Европейская цивилизация? Неплохая идея».

Шану засмеялся, Биби тоже улыбнулась.

— Я вас научу, вы больше узнаете о нашей религии. Будем изучать индийскую философию. Потом буддистскую мудрость.

Он подложил под голову подушку и принялся что-то напевать себе под нос.

Назнин вместе с девочками прибиралась у них в комнате. Над кроватью Биби от стены отошел кусок обоев и свернулся в трубочку. Назнин подняла с пола куклу и положила на край кровати. Под стулом лежала еще одна кукла, уже без глаз, с одной рукой, голая, заляпанная грязью. Назнин увидела ее, но не подняла.

— Не поеду, — сказала Шахана. — Убегу из до-

ма. Открыла шкаф и вытащила сумку. В сумку положила ночную рубашку, пару обуви, джинсы, футболку.

— Я сбегу.

Биби потерла щечки кулачками. Глаза ее покраснели.

— Я хочу с ней.

— Прекратите говорить глупости, — шикнула Назнин.

— Это не глупости! — закричала Шахана. — Не поеду.

Назнин выровняла стол. Взяла в охапку грязную одежду, прижала к груди. Биби ковырялась ногой в тонком ковре, Шахана чесала руки.

— Подождем, а там посмотрим. — Назнин присела на кровать Биби с грязной одеждой в руках. — Мы не знаем, что у Бога на уме.

Этого недостаточно, и Назнин думала, чем бы еще утешить. Вдруг на одну секунду от прилива сил закружилась голова: для своих девочек она сделает все. От приступа силы внутри все так напряглось, как будто ее сейчас стошнит. И так же внезапно вернулось прежнее состояние.

Подошла Биби, села рядом, и Назнин почувствовала тепло от ее тела. На ее школьной блузке чернильное пятно, на щиколотках белые лоску-

ты пересохшей кожи.

— А ты хочешь уехать? — Биби обратила к матери широкое личико, словно собралась губами поймать материнский ответ.

Назнин рассказала девочкам семейную притчу. Притчу о том, «как была предоставлена Судьбе». Девочки уже не в первый раз слушали историю, но сидели тихо. Она начала со слов «я родилась мертвой» и закончила: «Такова была Господня воля». Она всегда так начинала и заканчивала.

Биби обнаружила корочку на коленке и принялась ее трепать. Назнин раскладывала одежду, вспомнила, что это в стирку, свернула в комок и встала. Уже у двери ее окликнула Шахана:

— Ты не ответила. Это не было ответом на вопрос.

— Это был мой ответ, — сказала Назнин.

Деревня потихоньку отпускала. Образ ее иногда возвращался к Назнин. Такой насыщенный и полный, что слышался запах. Но представить себе деревню получалось все реже. Деревня будто запуталась в огромную рыбацкую сеть, будто Назнин ее тащит, окровавив пальцы о мелкую ячейку, щурясь на солнце, и в глазах мельтешит от сети и ресниц. С годами складок сети все больше, и Назнин начала вспоминать о родных

местах по-другому. Начала вспоминать то, что знала, но уже давно не видела.

Только во сне деревня приходит к ней целиком. В эту ночь приснилась Мамтаз и ее птичка майна. Птичка лежит у Мамтаз на ладони, Мамтаз хлопает ее по сияющей черной грудке. Цоканье птичьих ножек по крышке банки из-под масла, белый воротничок вокруг горлышка.

— Не смеши меня. Ха-ха-ха.

Птичка запрокинула голову и с размаху наклонилась, и еще раз.

— Не смеши меня.

Мамтаз кормила ее из рук. Птичка спала на крыше хижины Мамтаз, и Мамтаз каждое утро за ней подметала. Пару лет они были неразлучны.

Мама втянула воздух сквозь сомкнутые зубы:

— Хлопот с ней, как с ребенком, но она скоро улетит. Всю любовь отдашь, она тебя в ответ любить не будет. Улетит.

— Ты плохая, — сказала Мамтаз птице, — уходи.

И улыбнулась маме в ответ:

— Будет на то Господня воля, улетит.

— Ужасное зрелище, — сказала мама Назнин. — Вдова, бездетная, пришлось вернуться к родному брату. Всю любовь отдает птице. И зависит от

такого человека, как твой отец.

— Ужасное зрелище, — ответила Назнин.

Но Мамтаз было все равно. Она пела своей птице, а птица ее смешила.

— Не смеши меня, — хохотала она, и птица подражала ее смеху.

Они играли маленьким резиновым мячиком. Мамтаз бросает, птица ловит клювом.

— Улетит, — повторяла мама, перемалывая специи и закусив нижнюю губу.

Пальцы ног ввинтились в мягкую грязь двора. В тени гранатового дерева проходит очередная порция минут ее несчастной жизни. Накричала на мальчика-прислугу: двор не выметен как следует, накричала на эту новоявленную вдову (ну и что, что дальняя родственница, ее здесь просто терпят): неправильно разложен огонь. С мукой в голосе мать продолжала молоть специи.

— Ты плохая, — однажды сказала птица Назнин, — уходи.

И Назнин послушно удалилась.

Все засмеялись. Назнин решила вернуться и тоже посмеяться со всеми, но ноги почему-то несли ее вперед. Она дошла до конца деревни, посмот-

рела на поля, реку, на сампан[37] с изорванным парусом, который лениво болтался в неподвижном воздухе, на задумавшегося лодочника на корточках. Над холмом поднимался дымок отдаленной деревни, и при мысли об ужине Назнин повернула обратно.

— Ну, скажи мне, мой серьезный человечек. Ты все еще не жалеешь, что вернулась к жизни?

Птица не улетела. Кто-то подучил ее ругаться. Мама пришла в ярость. Отец рассмеялся:

— Конечно, она будет в ярости. Она ведь из святого семейства.

И пропал на два дня, по возвращении расхаживал с гордостью. Птицу научили еще одному ругательству. Она повторяла его вслед всякому прохожему и смеялась, уже по-новому: где-то в горле переворачивался комочек, и, если рядом смеялся отец, казалось, что рядом клокочет птица.

На большой двор вынесли стол. Вокруг поставили стулья. Женщины держались отдельно, мужчины жевали трубки. Назнин и Хасина наблюдали, как приходят старшие и занимают места. Хасина натянула на себя воображаемую

---

[37] Примечания: 37

Сампан — разновидность плоскодонной лодки, распространенной в Азии.

бороду, кашляла и сплевывала. Назнин хлопала ее по руке. Заговорил отец, мужчины посильнее затянулись кальяном и отхлебнули из чашек дымящийся чай. Отец закончил речь, слово взял другой мужчина, еще один присоединился, пока не стало трудно различать, кто говорит. Визг с женской стороны рассыпал их слова, как горсть семечек: рассыпались, растерялись, что из них вырастет, станет известно позже. А сейчас тихо, отец поднялся, быстро прошел через двор, Назнин и Хасина позади, и с разных сторон они в одну минуту подошли к дому Мамтаз. Птица лежит у Мамтаз на ладони, а та гладит ее по грудке. Они подошли ближе и увидели, как свисает с ладони птичья головка. Все стало ясно. Теперь она точно не улетит.

Назнин проснулась и посмотрела на сплющенное лицо мужа на подушке. Ноги касаются его ног, она отодвинулась. Встала, отправилась в гостиную, взялась за шитье. Через некоторое время машина замедлила ход, совсем остановилась, Назнин просто сидела за ней.

Сбоку куча блестящих жилетов. В три из них она уже вшила молнию. Взяла один, расправила. Крохотные круглые блестки в лучах света переливаются белым и розовым. Пошла с жилетом

в ванную, закрыла дверь, расстегнула ночную рубашку, стянула рукава, повязала их на талии. Молния у жилета сзади, застегнуть ее сложно, но у нее получилось. Посмотрела в зеркало и быстро отвела взгляд. Нашла на полочке ленту для волос, завязала на макушке хвост. Снова посмотрела на себя: грудь сплюснулась. Подтянула сначала левую, потом правую, чтобы грудь была на одном уровне, в блестящем декольте легла глубокая впадинка. Снова посмотрела на себя и увидела только горящие блестки, закрыла глаза, ото льда пахнуло лаймом, и летит она, как пушинка, и кто-то рядом держит ее за руки, и они кружатся вместе, руки на талии, и из-за полуопущенных ресниц она видит его. Тончайшая золотая цепочка на шее. Назнин открыла глаза и сняла жилет. Присмотрелась: блестки дешевые. Перевернула жилет. Блестки похожи на рыбью чешую.

Дханмонди, Дакка

Январь 2001 года

Бисмилляхи рахмаани рахим.

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Как часто я молюсь Ему! Как много Он мне дал! Я постояно делаю ошибки,

сколько раз я сходила с прямого пути и Он опять дает мне шанс и опять. Вот ище один шанс.

Меня забрали из Дома падших женщин который очень бедный в раене Хазарибагх под присмотр брату Эндрю который приехал сюда из Канады штобы нас спасти. Подруга Лапушки взяла оттудова женщину и Лапушка сказала што ее подруга не единствиная благотваритеница в Дакке. Мы тоже ковонибудь возмем. Так и сказала мужу Джеймсу.

Вобщето мужа зовут Джемшед Рашид но все ево называют Джеймсом. Лапушку зовут Анвара Бегам но ее по имени никто не называет. Все ее зовут Лапушка даже дети.

Дом в раене Дханмонди. Хорошее прихорошее место и дом тоже очень хороший. Внизу большая комната в ней много много деревяной мебели тилевизор и видиомашинка. Дерево для мебели не простое я ище не видила штобы так сияло. Эта комната как приемная. Маленькая комната с игрушками и с книшками это для игр. Ище одна комната только для

детей штобы они играли. Внизу ванная и рядом кухня. Моя комната рядом с кухней. Там есть элитрический свет.

Наверху комната Лапушки и Джеймса. Она называитса хозяйская. Мальчика зовут Джимми. У нево вторая большая комната. Малышку зовут Дэйзи. У ние своя большая комната только для ние. Другая спальня называитса для гостей. Каждый день я туда захажу и трушу простыни штобы постель была свежая. Лапушка говорит в хорошем доме постель гостя хорошо вытрушена. Каждый вечер я должна не забывать вытрушивать простыни.

Ах сестричка Он не отвернулся от меня. Сколько я сделала ошибок. И я все равно жива.

Наша улица хорошая и широкая. Но пакет всегда лопаитса снизу. Иду по улице пять десеть минут и падаю на пакет лежу на нем животом ногами и руками. Мы все ненавидим эти пакеты но што поделает никуда от них ни детса. Аллах создал комаров и прозрачные пакеты штобы и те и те были на свете.

В конце улица становитса узкая здесь есть один два магазина и ище мастерская рикш. Там рисуют на задних стенках рикш и детских такси. Часто рисуют Тадж Махал или мечеть ище павлина тигра слона и кинозвизду. Один рисовал лицо женщины и я остановилась и спросила кто это. Он сказал што певица из Американской страны Бритня Спир. Очень она красивая. Я когда там прохожу иду медлено но помню што мне надо быстро и што для меня у Лапушки поручения. Сколько Он будет мне ище посылать удачу? И поэтому надо спешить.

В доме я должна смотреть за детьми убирать мыть посуду стирать ходить в магазин делать всякие поручения и ище всякое такое. Вот и все. Ище есть человек который готовит ище он очень много работает в саду и я только немношко поливаю пропалываю и сажаю немношко овощей за домом. Вот видиш. Какая у меня харошая работа.

Сестричка жду твоево письма и молюсь. Прошло столько времени ты уже периехала и эти слова только слова потому што ты их не слышиі и ты все равно чуствуиш только мою любовь. Ты будет где угодно и всеравно она всегда с тобой.

Хасина.

Февраль

Держу твое письмо. Все другие пропали. Потерялись когда у меня ничиво не было. Держу твое письмо. Я так много от ниво хочу што даже сичас съем и штобы оно стало мной. Но тогда ево не будет штобы на нево смотреть.

Ты гордишся девочками. Скажи им што тетушка их очень любит и всегда вспоминает Ты пишиш што муж их учит поэзии. Почему от этово ссоры? Он хороший человек йесли этим занимаетса. Нас никогда не учили поэзией но всегда она нам часто встречаитса на пути. Она у нас в позваночнике. Ты пишиш што ничево не изменилось. Мне кажетса што ты растроина изза этово. Но сестричка этому надо радоватса. То што ничево не меня-

итса это значит тебя благословили. И ище к вам ходит врач и кушаит. Как мне нравитса об этом думать. Моя сестричка кормит врача! Наверное у мужа большая должность. Развличение с врачом. Так говорит Лапушка.

Она очень любит развличения. Она любит устраивать обеды и делать приемы хоть она и сильно устает. Несколько лет назад Лапушка стала Мис Комилла в Ригиональном соревновании красоты. Она бы обезательно стала Мис Бангладеш но вышла замуж и все. Она говорит я бы весь мир об'ехала йеслибы не мой Джеймс. Он меня так любит и не мог больше ждать. Это так хорошо. Он такой хороший.

Иногда она лежит на диване в комнате для игр. Дети на ней скачут и обнимают ие маленькими ручками за шею. Крошки (она их так называет) это очень мило но вы только посмотрите на свои игрушки. Она права. Попробуй их сощитать и не вспомниш цыфры а игрушки ище не кончатса.

Джимми только три годика с половиной и он носитса как муха в банке. Он

постояно играет в войну и любит штобы взрывом отрывало ноги и руки. У нево из игрушек только ружья и мечи. Столько много инергии в этом мальчике. Когда он устает и падает я несу ево в постель. Малютка Дэйзи только научилась ходить. Теперь она ходит за мной везде как утенок и постояно под ногами и йесли меня нет она начинает вижжать. Однажды Лапушка взела ее на улицу но привела обратно и сказала што я не знаю што с ней происходит. Сначала Дэйзи скучала по старой служанке которую уволили потому што она воровала сдачу из магазина. Но со мной все хорошо. Когда Лапушка берет детей в гости она им кладет в рот конфетки и поэтому не так сильно кричат когда уходят.

Я хорошо работаю. Лапушка говорит ах ты меня спасла ты ангел. Она очень хорошая добрая леди. Я поговорю с Джеймсом штобы он достраивал нам дом штобы он был больше. Штобы прислуге было где развернутса. Этот дом слишком маленький. Я сейчас не сплю в своей комнате. Малышка Дэйзи начала просыпатса по

ночам и из моей комнаты я ее не слышу. Сначала я спала на лесничной площадке но муж спотыкался и наступал мне на голову. Поэтому я взела матрас и сплю в децкой на полу. Это даже лучше чем у меня. Теперь когда я ночью переворачиваюсь я не стукаюсь об дверь. И ище здесь есть окно. Такая хорошая комната. Зэйд (это повар) положил в мою комнату мешки с рисом и мукой и все на мои вещи и я с ним поговорила. Но он сказал комната? Какая комната? Шкаф вижу. Полку вижу. Но комнату чертпобери не вижу. Зэйд спит в кухне на столе. Это йесли он дома ночью. Он часто по ночам уходит и приходит только к обеду. Как ты думаеш у нево есть женщина? Это меня спросила Лапушка. Как ты думаеш он от нас уйдет? Он везде может найти работу. Ево кичури[38] известно по всей Буриганге[39]. Ево ктото переманивает. Я знаю. Я знаю.

Как непросто вести дом. Иногда мне кажетса што на Лапушке такая нагруска.

---

[38] Примечания: 38
Кичури — рис с чечевицей.

[39] Примечания: 39
Буриганга — река в Бангладеш, протекает через Дакку.

Апрель

Дети спят сичас послеобеда и поэтому я взела ручку и пишу тебе. Дети спят в разное время и поэтому я постояно занета. Малютка Дэйзи просыпаетса рано может в пять иногда в полшестова. Ее брат пожже и очень поздно идет спать вечером. Когда я ложусь ночью и моя голова на полу две три секунды и я засыпаю. Вчера у Лапушки был прием на двенацать гостей. Зэйд носился по кухне как суфий в танце. Дети тоже возбуждины изза гостей подарков и конфет. Их очень сложно успокоить. Потом надо все мыть и чистить. Зэйд на меня смотрел смотрел. Потом говорит придет мое время а потом ушел.

Только што приходила Лапушка посмотреть на детей. Она меня увидила с ручкой и я потскачила но она меня успокоела. Я ей все про тебя сестричка расказала. Лапушка сказала как мило. Она такая добрая. Ниразу не поругала. Она села со мной и говорила. На ней халат как спелый персик ище не платье потому што развличение будет вечером. Волосы распущины и лежат на спине очень кра-

сиво. Ты видела Бритню Спир? Она очень похожа на Лапушку. В мастерской рикш теперь часто рисуют эту пивицу.

Я иногда думаю как сильно эта Бритня похожа на девушку из Бангладеш у ние тоже длиные черные волосы и черные глаза.

Лапушка делает упражнения для лица. Однажды судья на Ригиональном соревновании красоты сказал ей што у ние подбородок слабый. Она каждый день делает упражнения для лица штобы он стал сильней хотя он итак сильный потому што она много ест говорит и ище много чиво делает. Когда она закончила упражнения то сказала ты знаеш мы жывем в столице но она такая деревенская. Потом она расказала мне о большом модном показе БАТЕКСПО[40]. Это значит ткань и одежда Бангладеш. Она так вздыхала какбутто увидела кусочек рая. Показ был в гостинице Пан Пацифик Сонаргаон. Это очень красивое место и почти недеревенское. Как она ево расписывала! Она

[40] Примечания: 40
BATEXPO — ярмарка текстиля и одежды, проводится в Бангладеш.

показала как ходят модели и сказала што у ние такая походка была всегда а некоторым тежело научитса так ходить. Очень она красиво ходила с рукой на бедре как-бутто сичас растаит и ее можно заварить и разливать в чашечки. Там очень извесные модели. Мис Индия там была. Она извесна на весь мир. Лапушка описала мне все наряды еду танцы и музыку. Ты слышала песню про куклу барби[41]? Все так любят эту песню.

Лапушка все время сидела рядом со мной. Она спросила ты мне ответиш на вопрос тольк чесно чесно? Я сказала што никогда ие не обманываю потому што она хозяйка. Как ты думаеш Бетти красивей меня? Ее лицо стало таким серьезным. Бетти это ее подруга и она была Мис Читтагонг 1997. Я сказала ей нет и это правда потому што Лапушка красивей как мне кажетса. Ей это понравилось. Она сказала я слышала много раз што Бетти красивей чем Мис Улыбка. Потом она об'еснила што Мис Улыбка это доч-

[41] Примечания: 41
«Barbie Girl» — песня группы «Aqua».

ка министра в правителсве. И ей совсем совсем не стыдно она заевила што будет юристом и будет помогать падшим женщинам и все фотографы и журналисты собрались вокруг и начали ее распрашивать што она вообще делает в жизни и как помогает падшим женщинам и бутто у Лапушки падшая женщина прямо в доме не живет. Я тоже сказала как ей не стыдно. Лапушка говорит што эта дочка так высоко поднялась в Ригиональном соревновании потому што изза папы. Я с ней согласна. Потом она сказала што на БАТЕКСПО была телекамера и снимала фильм. В камеру говорил индийский дизайнер моды и ее мнение там записали што люди в Бангладеш должны лучше следить за модой. Лапушка вздохнула и сказала как такое может случитса йесли даже столица здесь как деревня.

Она теперь часто со мной говорит и расказывает о своих трудностях. Йесли я мету пол тогда малютка Дэйзи катаетса у меня на ноге Джимми носитса вокруг и прыгает по кучкам мусора а Лапушка иногда садитса на стул и расказывает

мне. Бетти лучшая подруга и у ние есть все и все она получаит как так и надо. Вот пример у мужа Джеймса есть водитель и иногда водитель приходит к Лапушке и отвозит ее куда она хочет. Но у водителя своя работа и у ниво не всегда есть время для Лапушки. Бетти попросила у мужа машину и тутже получила ее без вопросов. А Лапушка все ище ждет водителя. А ище этот дом не самый большой на улице и здесь много домов которые больше. Дом Бетти больше этова. А ище Лапушка должна вести дом и следить за детьми а у ние только одна служанка и один повар. Муж Джеймс говорит што айя[42] не нужна и служанка тоже. Но вобщето Лапушке очень нужна айя. И она хочет больше денег тратить на благотваритильностъ и на приемы которые важны для работы мужа и ево положения.

Джеймс работает в фирме Бангла Нэшэнал Пластикс. Название как у большой пребольшой фирмы но вобщето это среднево размера фирма. Лапушка говорит

[42] Примечания: 42
Айя — няня из местных жителей.

што только название у фирмы как у очень большой. Она так несколько раз говорила. Она очень любит мужа Джеймса и такая грусная потому што он много часов должен работать и ево нету дома. Этово мужчину я знаю только до колен. Когда он дома он отодвигает стул подальше от стола и закидывает ногу на ногу и ево лицо не видно изза газет. Даже когда он ест почти всегда он с газетами. Я всегда вижу только ево колено. Йесли он проходит и я мою пол или играю с ребенком я опускаю глаза на ево колени. Я знаю на ево брюках каждую складку.

Лапушка говорит у нево на работе сложное время. Два года ждут когда суд вернет Бангла Нэшэнал Пластикс доброе имя. Также говорят што хотят запретить прозрачные пакеты. Лапушка говорит они будут довольны только когда пустят нас по миру. Она столько думает обо всем.

Но нисмотря нинашто она почти всегда в хорошем настроении особено на приемах когда она постояно со всеми красиво смиетса. Однажды она сказала мне я свое упустила в жизни Хасина. Нет нельзя так

говорить я ей сказала. Аллах всегда даст ище один шанс. Он мне дал и вам Он даст. Она только улыбнулась и сказала какая ты милая.

Она волнуетса што повар найдет другую работу в доме с настоящим штатом слуг. Он очень искусный повар и ево еда всегда восхищает гостей и друзей. Но мне кажетса што Зэйд останетса. Он приходит и уходит потому што ему так нравитса. Он иногда опаздывает на завтрак а иногда и на обед. Лапушка мне говорит ах как хорошо што ты здесь приготовь пожалуста твой чудесный нирамиш[43] на ужин.

Он страный человек. Он постояно тренирует удары по кунфу удар ногой назад боковой удар кулаком размалывающая ладонь даже когда готовит Он маленький и жесткий человек какбутто сделан из проволоки и сверху чучутъ кожи натянули. Он везде твердый даже может пальцем ноги раздробить орех. Когда Лапушки нет дома он смотрит кунфу на видео-машинке. Джимми смотрит вместе

[43] Примечания: 43
Нирамиш — блюдо из овощей, иногда с рыбой или креветками.

с ним и только в это время он сидит тихо. Ночью очень часто Зэйд уходит. Он сказал што в следущие несколько месецев будет постояно уходить потому што скоро выборы и ево время скоро придет. А за какую ты партию я ево спросила но он не сказал. Может за НПБ может за АЛ или за Джамаат-э-Ислами[44] так он говорит. С утра у нево новый порез или синяк но он ничево не говорит а я не спрашиваю. Джимми бежит к нему и руки как крылышки и орет УБЕЙ УМРИ УБЕЙ УБЕЙ УБЕЙ. Они вместе занимаютса кунфу. Севодня перед сном мальчик меня обнял и поцеловал. Малютка Дэйзи всегда мне дает свое личико и сидит у меня на коленях весь день только йесли у меня нет работы. Когда она смиетса она запрокидывает голову и показывает все зубки. Всю жизнь я хотела только любви штобы давать и штобы получать а она такая всегда опасная любовь и может тебя заживо с'есть и теперь когда я ие больше не хочу

[44] Примечания: 44

НПБ, АЛ, Джамаат-э-ислами — политические партии Бангладеш. НПБ — Национальная партия Бангладеш, АЛ — Авами лиг, все разных направлений.

она ко мне приходит и показывает все свои крохотные зубки.

Назнин перечитывала письма Хасины, когда пришла Разия. Она их читала уже по сотому разу и каждое слово знала наперед.

Назнин спрятала письма под катушки с нитками.

Разия обмахивалась книжкой. На ней фуфайка с английским флагом на груди и штаны салвар. Сзади Разия кажется необъятной из-за свободных складок просторных штанов. Носить такие штаны предполагается с длинной рубахой, но для длинного рукава сегодня слишком жарко.

— Проклятая медицинская проверка, — сказала Разия, — закрывают они эту проклятую фабрику. Заявились с переводчиком и давай каждому вопросы задавать. «Всегда ли здесь так жарко?» Я я им в ответ: «Нет. Зимой надо брать долото и выколачивать лед между пальцев». А они себе все в книжечку, в книжечку.

— На сколько ее закрывают?

— По крайней мере, глаза успеют отдохнуть.

Разия сняла очки. Она часто заморгала. Взяла поближе рассмотреть один жилетик с блестками.

— Шефали однажды изъявила желание пока-

заться на улице в такой штуковине. Я ей сказала: только через мой труп.

Она снова надела очки и закатила глаза:

— Дочки! Одни сплошные проблемы.

— Как у Тарика дела?

— Сыновья! — воскликнула Разия.

Она положила жилет на место и закурила.

— Фабрику якобы закрывают из-за несоблюдения норм охраны труда и безопасности, но люди говорят, что причина совсем в другом. Комиссия, которая к нам приходила, из службы иммиграции. Но паспорт-то у меня есть. Я и сказала, что принесу паспорт, но им это было неинтересно.

Она одернула топ:

— У меня британское гражданство. Мне нечего скрывать.

Она снова обмахнулась книгой и помахала Назнин сигаретой:

— Как все-таки жарко в этой фуфайке. Ужасно жарко.

— Да, даже со стороны видно.

Разия вздохнула:

— Но я буду ее надевать, хотя бы время от времени. Я слышала, что обо мне говорят: «Разия тронулась слегка. Чокнутая, чокнутая».

Она усмехнулась и что-то промычала себе под

нос.

— Разия у нас теперь англичанка. Скоро в королеву превратится.

— Люди всегда что-нибудь скажут.

Назма, к которой неожиданно недавно приехал деверь, заскочила вчера за щепоткой шафрана. Она пробежала в гостиную, сложив руки на груди: «Ой, не могу, не могу совсем у тебя посидеть», и приготовилась вырываться из лап гостеприимства. Но просидела все-таки достаточно, чтобы ввернуть про Разию:

«Ты не в курсе? Эта женщина *курит!»*

— Пусть сколько угодно говорят, — ответила Разия, — если я перестану ее носить, они решат, что мне небезразлично их мнение.

— Раз у них есть на это время, пусть себе сплетничают.

— Да ну их. Давай я тебе лучше помогу. Иначе *точно* сойду с ума от этого бесконечного безделья. Давай вставлю пять молний, а ты мне за это чашку чаю.

Назнин пила чай и наблюдала за подругой. Сквозь открытое окно доносились обрывки то каких-то мелодий, то ароматов карри. Работают посменно. Основные блюда готовятся постоянно, несмотря на любое время дня и ночи. Процесс на

кухне не остановить никакими силами. Со двора доносятся голоса, и она выглянула посмотреть на группу бенгальских парней. Один из них стоял на коленях перед целой кучей листовок, которые раскладывал на мелкие кучки. Назнин отвернулась и подумала, что там может быть и Карим, и заставила себя не смотреть туда снова.

— У них нет работы, — сказала Разия, — они не учатся и не работают.

— Тебе повезло с сыном.

— О'кей-ма, мне повезло. Лучше бы он куда-нибудь выходил и завел себе пару-тройку друзей. Говорила ему, чтобы пошел в мечеть, познакомился бы с кем-нибудь, но он все равно дома сидит.

— А колледж? Разве там у него нет друзей?

— Может, и есть, — подумав, ответила Разия.

Обе слушали стрекот швейной машинки. Назнин думала о Хасине. Вспомнила, как была счастлива Хасина на швейной фабрике. Вспомнила свою мачеху, молодую женщину с большим кольцом в носу, толстыми золотыми браслетами на щиколотках. Она появилась в селении и спала вместе с отцом. Она ушла внезапно, как и появилась, с тех пор о ней не было слышно ни слова. Ничего не оставила о себе в памяти эта женщи-

на, кроме кольца в носу и золотых браслетов на щиколотках. Куда она ушла? Куда ее отправили? Сколько протянула, прежде чем сдала браслеты и потратила вырученные деньги? Через сколько времени она была там же, где и Хасина?

Назнин надавила на виски. Снова ум рассеивается, мысли прыгают с одного на другое, и нельзя их утихомирить. Начала про себя читать Открывающую суру:

«Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров, милостивому, милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой…»

— И покажи, куда дорога нас приведет, — добавила она тихо.

— Что? — спросила Разия.

Назнин вертела в руках чашку. Интересно, возьмут ли они чашки с собой, когда поедут в Дакку, или оставят здесь?

Разия вставила последнюю молнию, выпила причитающийся ей чай, хоть он уже остыл.

— Мне надо на работу. Детям нужны деньги. Тарик закатывает истерики. Сегодня утром он даже не соизволил встать с кровати. Ему нужны деньги на книги, иначе завалит экзамен.

— Когда закрыли фабрику?

— Три дня назад. Времени совсем мало прошло, а Тарик уже нервничает. Я сама туда вломлюсь, если раньше не откроют. Или пойду на поклон к миссис Ислам.

Назнин прижала чашку к губам и прикрыла ею лицо. В чашке уже ничего не осталось. Назнин снова ее наклонила. Но успела заметить, что Разия, видимо, ни на что не намекает. И не знает ничего о «небольшом уговоре» Шану с миссис Ислам. Назнин же, как соучастница преступления, должна молчать. Разия потерла бедро и слабеющим голосом сказала:

— Можете меня похоронить. От меня толку как от мертвеца.

— Не волнуйтесь, — засмеялась Назнин, — сироп от кашля любого поставит на ноги.

— Когда я была молоденькой, — пролаяла Разия, — старших уважали. Но я уже одной ногой в могиле, — снова слабым голосом заговорила Разия. — Смейтесь. Делайте что хотите. Бедро режьте. Только оставьте мне мой спрей от растяжения.

Назнин прыснула, но Разия задумалась.

— Мы ведь постоянно спрашиваем: и как этой женщине удалось так высоко подняться? Разве

люди, которые поднимаются высоко, задумываются, почему такие, как мы, остаются так низко? — Разия размяла плечи. — Но мы-то все о ней знаем. Просто в это трудно поверить.

Миссис Ислам была здесь накануне. Пришла со своими сыновьями. Шану прыгал по комнате, как будто пол усеян гвоздями. Он громко считал деньги и дошел до семидесяти пяти, когда миссис Ислам подняла грязный платок, который плавно опустился на величественные останки ее груди. Один из сыновей раскрыл сумку. Другой сказал: «Клади сюда». Шану положил оставшиеся деньги в сервант. Сыновья повели мать к выходу. Одному было оказано высочайшее доверие по транспортировке сумки.

— Сколько мы платим? — спросила Назнин.

— Это дружеская сделка, — ответил Шану, — она оказывает мне услугу. Я был знаком с ее мужем.

На следующее утро пришел Карим за жилетами. Не успели они обменяться и парой слов, у Карима зазвонил телефон. Он разговаривал в прихожей. Назнин заметила, как он прислонился к стене и кроссовкой наступил на плинтус. Вернулась в гостиную, но не знала, сесть ей или стоять. Когда Карим вошел, притворилась, что

складывает белье.

— Это отец. — Он захлопнул мобильник и сунул его в футляр.

Назнин не сводила с него глаз. Волосы торчат спереди на лбу, маленькие короткие черные перышки.

— Постоянно звонит мне на мобильный. Я его прошу, чтобы он не тратил деньги лишний раз. Но он не слушается.

Карим осторожно вытянул ногу, будто проверяя, не отказала ли она.

— И зачем он мне только звонит? Ему и сказать мне нечего. Господи.

— Волнуется. Наверное.

— Нуда. Господи. Волнуется. Нервы. Скоро совсем с ума сойдет от волнения и нервов.

Назнин села. Сложила руки на коленях. Разгладила мягкую голубую ткань сари и снова сложила руки. Опять забыла покрыть голову.

Карим присел на ручку дивана. Она не знала, говорить ей или молчать. Карим сел как раз на то место, куда Шану ложится головой. Полиэтиленовых чехлов на подушках уже давным-давно нет, и материя, натертая маслом для волос, сияет. А Назнин решила, что ему звонят по работе или по другим делам, не представляя даже, по каким

еще; в общем, по имеющим отношение к миру за окном, который она до конца так и не поняла. Звонил же ему отец, и от этого Карим стал на один шаг ближе к ней, к ее миру. И все равно не знает, что сказать.

— Он вышел на пенсию из-за нервов. Не мог больше работать. Двадцать пять лет кондуктором, а теперь даже из квартиры не выходит. Вот что нас ждет в конце концов. Господи. Вот что в итоге.

— Да. Вот что в итоге.

Он кивнул с удвоенной силой, как будто в голове возникла идея, которая в корне изменит его жизнь.

— Я понимаю, о чем вы. Вот что получается. Столько лет на автобусе, тебя постоянно обзывают по-всякому, и всем только и знаешь, что подставляешь щеку. Дети могут заехать. Постарше могут вообще все разворотить. Ему однажды выбили зуб. Кого-то однажды стошнило ему прямо на ботинки. Господи.

Карим посмотрел на свои кроссовки. Чистые.

— Я сделаю чай.

Назнин пошла на кухню, он следом. Прислонился к шкафу. Шану, когда приходил на кухню, тоже так прислонялся, но смотрел в другую сто-

рону и животом прижимался к столу.

— Он рано ушел на пенсию, теперь он сидит дома, обкусывает ногти и звонит по мобильному: «Смотри, не ввязывайся ни во что». Сам никогда ни во что не ввязывался. И всегда все взваливал на себя.

Назнин обошла его, чтобы взять молоко. От него пахнет чистотой. Хрустящий цитрусовый запах свежей одежды.

Он помотал головой:

— «Смотри не ввязывайся».

Чай готов. Но Карим не пошевелился. Они что, будут стоя его пить на кухне? Или пригласить его в гостиную? Прилично ли? Может, лучше посадить его с чаем, а самой продолжать шить? Да, пожалуй, так будет лучше всего.

— Считает себя Махатмой Ганди. Иисусом Христом. «Подставь щеку. Подставь щеку».

Она взяла чашки.

— А как же Мохаммед? Покойся душа его с миром, но он был воином.

— Да, — отозвалась Назнин.

Карим посмотрел на нее так, будто, чтобы лучше понять ее ответ, потребуется время. Потер шею.

Назнин продолжала стоять с чашками в руках,

когда у него запищал телефон. Он раскрыл его:

— Напоминает мне о саляте[45].

— Что-что?

Назнин так удивилась, что перешла на бенгальский.

— В т-т-телефоне. Есть такая функция. Напоминает, что пора на молитву.

— Хотите совершить здесь намаз?

Назнин предложила, не задумываясь, так же как и в прошлый раз, когда инстинктивно перешла на английский.

Карим размял плечи:

— Да, хочу.

Он отправился в ванную совершить омовение перед молитвой. В гостиной на маленьком клочке пространства между диваном и дверью Назнин раскатала коврик для молитвы.

— Я помолюсь позже, — сказала она.

Ничего в этом страшного нет. И почему бы ему здесь не помолиться, а она попозже.

— Аллах акбар.

Карим сосредотачивался на молитве, подняв руки на уровень плеч.

Правой рукой накрыл левую на груди. Наз-

---

[45] Примечания: 45

Салят — молитва, которую произносят пять раз в день.

нин пыталась справиться со словами молитвы, которая срывалась с губ. Молиться с мужчиной-неродственником, не разрешается. Помолится позже.

— Слава и хвала Тебе, о Господи: благословенно Имя Твое и несравненно величие Твое. Нет Бога, кроме Тебя. К Тебе иду в поисках убежища от сатаны, отверженного.

Сердце билось так громко, что она задрожала при мысли: вдруг Карим услышит. Закрыла глаза. И тут же увидела маму, которая проливала свои знаменитые слезы и стенала, прикрывая рот рукой.

— Он — Бог Единый, Господь превечный, — продолжал Карим без запинки.

И на молитве он не заикается, подумала Назнин. И тут же поспешила: не отстать бы от его слов.

— Не родил Он и не был рожден, и нет никого, равного Ему.

Карим поклонился, руки на коленях, выпрямился. Как хорошо он двигается. Еще раз и еще. Наклоняется он, а голова кружится у нее.

Назнин свернула коврик и положила его в шкаф. Коврик скоро понадобится самой, но все равно надо убрать его как положено. Позже, ме-

няя после него простыни, вспоминала все, что было. Каждую секунду. Эту боль можно заглушить только одним способом — новой болью.

Он уложил жилеты сам и собрался уходить. Перебирал ремешок на рубашке и дотрагивался до мобильника. На выходе, поправляя сумку, сказал:

— Хочу вас с мужем кое-куда пригласить. На собрание. — И провел рукой по волосам. — Вас с мужем. Собрание проводится для всех мусульман. Мы хотим, чтобы пришли абсолютно все. И у нас нет женщин в возрасте.

И только после его ухода она поняла. Под женщиной в возрасте он имел в виду ее.

Глава одиннадцатая

Разумеется, никуда она не пойдет. И речи о том быть не может. Назнин и слова не сказала Шану о собрании, потому и речи быть не может, что она туда пойдет. Смысла затрагивать тему нет.

В день собрания работы было мало. Ночью Назнин закончила очередную партию одежды, то вставала на кухню за едой, то возвращалась обратно к машинке. Заглянула в спальню, забрала книгу у Шану с подушки. Вернулась, получше укрыла его покрывалом. И в третий раз заглянула и ушла, как только он пошевелился. Устала за сегодня: весь день не находит себе места. Холодильник набит упаковками с едой из магазина — готовить не надо. Постирала несколько пар носков в ванной и ушла.

Собрание проходило в маленьком здании на окраине района. Его строили без претензий на красоту архитектуры в расчете на то, что все равно здесь будет грязно. На окнах, которые никогда не открывали, толстые металлические решетки, прямо на кирпичи привинчено уведомление на английском и бенгальском языках: «Вандализм преследуется по закону». Но угроза, видимо,

оказалась номинальной. Табличка покрыта красными и черными каракулями. Одно из слов зацепилось закорючкой за последний оставшийся болт. Кто-то аккуратно вывел по всей стене серебряным спреем: «Пакистанцы». Рядом не так красиво, но более уверенно черной краской дописано: «Правят». Двери в здание открылись, и две девушки, укрытые хиджабами[46], вошли внутрь.

Назнин, ища, куда бы скрыться, бросилась за ними вслед. Вход ярко освещало солнце, внутри в зале сумрачно. Девушки прошли прямо к сцене и устроились на стульях. Назнин колебалась и осматривалась. Никто на нее не смотрел.

— Садитесь, сестра, в поезд раскаяния, покуда он от вас еще не ушел.

Во рту сплошная слюна, и она никак не может сглотнуть.

Невысокий молодой человек с куцей бородкой широко ей улыбнулся. Он почти утонул в своих пенджабских штанах, в руке сжимает тюбетейку. Помахал ею Назнин:

— Добро пожаловать. Добро пожаловать, сестра. Идите, садитесь.

Она неуверенно прошла мимо раскладыва-

---

[46] Примечания: 46
Хиджаб — шарф на голову.

ющихся стульев. Четыре ряда у самой сцены заняты в лучшем случае наполовину. Куда сесть? С кем-нибудь рядом. Но не с мужчиной. Нет, не надо рядом. Через сиденье от кого-нибудь. А не то будет слишком грубо. Нет, будет так, словно я кого-то жду. Моего мужа. Но ведь он не придет, и все начнут на меня оглядываться. Разговоры начнутся. Я еще уйти не успею, а уже пойдут разговоры. Она взялась за край стула. Людей различала неясно и слышала голоса, но слов не понимала.

И вдруг — его лицо. Что-то говорит. Показывает.

— Вот, сюда, — сказал ей Карим.

Она с трудом уселась.

Карим пошел вперед и запрыгнул на небольшую сцену. Похлопал в ладоши:

— Отлично. Спасибо за то, что пришли.

Сзади хлопнула дверь. Тот же голос, который здоровался с ней:

— Садись, брат, в поезд раскаяния, покуда он от тебя еще не ушел.

Назнин набралась храбрости и осмотрелась. В основном молодые мужчины, джинсы, кроссов-

ки, некоторые в куртах[47], несколько девушек в хиджабах. Всего человек двадцать.

— Отлично, — повторил Карим, — попрошу Секретаря зачитать план сегодняшнего собрания. Если у кого-то предложения, поднимайте руку.

Невысокий с невразумительной бородкой выбежал на сцену:

— Сегодня у нас по плану. Номер один — выбор названия. Номер два — определиться с целями. Номер три — выбор комитета.

Тут же подняли руку. Секретарь кивнул:

— Да, пожалуйста.

— А почему мы говорим не на родном языке?

Секретарь широко улыбнулся. Посмотрел на Карима:

— Вопрос из зала. Мне перейти на бенгальский?

Карим сложил руки на груди:

— Я отвечу. Наше собрание для всех мусульман. Я хочу видеть здесь умму[48]. Хочу видеть всех братьев, всех сестер, откуда бы они ни были родом.

Вопрошатель встал и внимательно посмотрел в зал, даже на пустые стулья:

---

[47] Примечания: 47

Курта — свободная длинная рубаха без воротника.

[48] Примечания: 48

Умма *(араб.)* — сообщество, община, семья.

— *Экхане амра шобай Бангали?* Кто не говорит здесь на бенгальском?

Последовало минутное молчание, потом заскрипел стул, поднялся черный человек в яркой рубашке с завитушками и с широким рукавом:

— Брат, я похож на бенгальца?

Вопрошатель поднял ладошки, словно игра закончилась, и оба они сели на свои места.

— Хорошо, — сказал Секретарь, — выбираем название. Вариант первый. Право предоставляется аудитории.

— «Лига мусульман».

— «Объединенные мусульмане».

— «Мусульмане, вперед».

Две девушки, которых Назнин встретила при входе, долго шептались. Наконец одна предложила:

— «Общество мусульманской молодежи в Тауэр-Хэмлетс».

Секретарь взмахнул руками. Бросил свою тюбетейку, поднял, засунул в карман.

— Предложения поступили. Переходим к голосованию. Какое название предложили первым? Кто предложил? Говорите.

Вопрошатель снова поднялся с места:

— Этот человек называется Секретарем, а ниче-

го не записывает. Это совсем не по-исламски.

Секретарь вытянулся во весь рост. Маленькое лицо раздулось от негодования:

— Где в Коране сказано, что надо все записывать?

— В хадисах[49] Сунны ясно сказано, что человек должен добросовестно выполнять то, за что берется.

Секретарь вот-вот готов был закипеть. Бородка его тряслась. Отворот на одной штанине развернулся и полностью закрыл ступню. Назнин все стало ясно. Борода у него такая жиденькая в силу нежного возраста.

Карим положил руку на плечо паренька:

— Возьми ручку и блокнот. Будешь отвечать за протокол.

Последовала небольшая дискуссия, надо ли вообще обсуждать названия, не перейти ли сразу к целям организации. Секретарь оживился. Это называется повесткой, елки! Мы должны обсуждать повестку!

Карим принял решение:

— Сначала разберемся с названием. Все мы знаем, для чего собрались.

---

[49] Примечания: 49

Хадисы — рассказы о пророке Мухаммеде, его суждениях и поступках, Сунна — собрание хадисов.

Послышался приглушенный гул: все были согласны.

Назнин чувствовала, что и она здесь вместе со всеми, хоть и пришла сюда, потому что шить ничего не осталось и работы по дому тоже не было.

Карим прошелся по сцене, и Назнин поняла, что сейчас он возьмет инициативу на себя. Он подошел к краю сцены и сказал:

— Секретарь записал ваши предложения. У меня есть еще одно: «Бенгальские тигры».

Все разом вздохнули, а девушки в хиджабах прикрыли ладошками рты и еще пуще зашептались.

— «Бен-галь-ски-е тиг-ры»! — крикнул молодой человек в первом ряду. В такт слогам он бил кулаком в воздух. — Можно я так назову свою группу?

Секретарь снова встал:

— А мы не забыли, что среди нас есть небенгалец?

Карим прошелся по сцене и остановился напротив человека в яркой рубашке. Тут же рядом оказался Секретарь с блокнотом наготове.

— Я не имел в виду, что ты здесь чужой, брат, — сказал Карим.

Черный человек встал и глубоко поклонился:

— Слушай, мне кажется, что это *сильное* название. Я почту за честь стать «бенгальским тигром».

Предложение приняли, прошло голосование (единогласно, сказал Секретарь, с одним неединогласным голосом против), и заседание перешло к следующему вопросу: постановка цели.

Из зала неслись предложения, Секретарь все процарапывал к себе в блокнотик. Он сидел на краю сцены, свесив ноги, и жевал колпачок, совсем как Биби. Карим в основном стоял, ходил по сцене, и, когда останавливался, ставил шире ноги, и складывал руки, и снова от него веяло силой. Девушки в хиджабах уже освоились. Они перестали шептаться и разговаривали, не прикрывая ртов руками. И, не стесняясь, выкрикивали с места свои предложения:

— Права женщин.

— Половое просвещение для девочек, включите это в задачи.

И тут же опустила голову, как бы отказавшись от своих слов.

Карим предложил перерыв, откуда-то прикатили тележку с пластиковыми стаканчиками. Девушки сразу занялись ею и подавали стаканчики собравшимся. Мужчины достали по пачке

«Мальборо».

Прямо перед Назнин несколько парней разбили ряд стульев в полукруг и объединились в подкомитет.

— Они одного из наших, и мы десятерых из них. И весь разговор.

— Спалить их штаб. Чего мы ждем?

— Мы не знаем, где он.

— Пусть здесь не показываются. Что они здесь делают, если им здесь не нравится?

— Мы люди мирные. Но если они сами напрашиваются, да, тогда получат свое.

— Пару лет назад они и подумать о таком не смели.

— У нас была организация покрепче.

— А теперь мы только друг с другом сражаемся.

— Гиганты Брик-лейн против команды со Степни-грин.

— Расистов здесь уже лет *сто* не было.

— А как же Шиблу Рахман?[50]

Назнин вспомнила имя. Этого человека зарезали до смерти.

---

[50] Примечания: 50

Шиблу Рахман — гражданин Бангладеш, живший с семьей в Лондоне, 1 апреля 2001 на расистской почве был убит, умер в результате множественных ножевых ранений.

— Это снова может случиться.

— Дело в том, что со временем они умнеют. И говорят уже не *раса*, а *культура, религия.*

— Суют свои вонючие листовки мне под дверь.

— Мы знаем, зачем сегодня собрались. Надо действовать.

Карим попросил всех успокоиться:

— Отлично. Переходим к голосованию. Все мы здесь стоим за одно. За мусульманскую культуру и за права мусульман. Мы хотим защищать нашу местную умму и поддерживать глобальную.

Секретарь подал голос со сцены:

— Голосуем. Поднимайте руки. Я хочу сказать, те, кто «за», поднимайте руку.

Руки подняли все.

— Единогласно.

Он поставил закорючку в блокноте.

— Все мы здесь против одного, — сказал Карим. — Мы против…

— «Львиных сердец», — крикнул кто-то из зала.

— Мы против любой группировки, которая не с нами, — сказал Карим.

И это было принято.

Музыкант попросил, чтобы его группа стала официальной музыкальной группой «Бенгаль-

ских тигров».

— Будем рассказывать про нас народу. Типа «ты с нами, парень»?

Вопрошатель снова встал:

— Чем мы будем заниматься?

Он пересел во время перерыва, и теперь Назнин разглядела, что на лице его появилось опасное выражение: он горел энтузиазмом.

— Мы за «то», мы против «этого». Мы что, собрались для дебатов?

В зале раздались смешки, но напряжение Вопрошателя не ушло. Этот человек тощ и голоден. Одежда висит на одних костях, словно плоть — слишком дорогое удовольствие, словно всего его поглотила страсть. Единственная роскошь у него — нос, большой и какой-то неаскетичный, несмотря на твердость и заостренность.

— Чего мы хотим? — спросил Вопрошатель. — Действия или дебатов?

Карим пресек смех:

— Номер три. Выбор Комитета. — И посмотрел на Вопрошателя.

— Если выберут меня, действовать начнем сразу же.

Секретаря избрали Секретарем. Никто больше не претендовал на эту должность, но паренек во

время голосования переживал по-настоящему. Потом поправил штаны, словно препоясывая чресла.

На должность председателя претендовали двое: Карим и Вопрошатель. В голосовании шли рядом. Девять за Вопрошателя, десять за Карима. «Благодаря мне он выиграл», — подумала Назнин. Как это все-таки важно. Она подняла руку, а могла бы и не поднять, и изменился ход событий в мире, о котором она вообще ничего не знала.

Вопрошатель вышел к сцене, забрался на нее. Изо всех сил пожал Кариму руку, они похлопали друг друга по спине. Назнин поняла, что теперь они ненавидят друг друга. Затем Вопрошатель предложил себя на должность Казначея и тут же был на нее выбран.

Воздух в зале колебался: собрание подходило к концу. Десятки мелких поправок, ожидание великого действия. Секретарь помахал блокнотиком:

— Подождите, подождите. Еще не всех выбрали. Нужен Духовный лидер.

Он спрыгнул со сцены, вытащил пожилого мужчину и заставил его подняться на сцену. Назнин увидела, что на ногах у мужчины плоские сандалии с открытым верхом и белым искусственным цветком на пятке: женские. Имам

появился в их районе совсем недавно. Он постоянно облизывал губы и улыбался. И не имел ни малейшего представления, что здесь происходит. За него тоже проголосовали.

Карим приходил со связками джинсов и неподшитых платьев через плечо. Садился на ручку кресла и говорил. Если звонил телефон, больше не выходил в коридор. Иногда речь шла о листовках и отпечатанных партиях, о собраниях и пожертвованиях. Иногда голос у него становился мягким и ускользал, и тогда он закрывал телефон и бормотал:

— Волнение и нервы. Вот чем все закончилось.

Карим рассказывал ей о мире. И Назнин поддерживала разговор:

— Да ты что?

От услышанного ей становилось стыдно. Она узнала о своих братьях и сестрах мусульманах. Узнала о том, как их много, как все они разрознены и как страдают. Узнала о Боснии.

— Когда это было?

В то время ему было не больше четырнадцати-пятнадцати. Рядом с ним ей становилось стыдно. И интересно.

В стране под названием Чечня на то время шел джихад. Карим читал ей из журнала: «Если будет

на то воля Аллаха, вы встретитесь с моджахедами в сердце матери Руси, не обязательно в Чечне. Если будет на то воля Аллаха, мы будем владеть вашей землей». Он протянул ей тонкие журнальные листки в доказательство.

— Это борьба всем миром. Господи. Везде нас пытаются принизить. Мы должны дать ответ. Хватит молчать.

В руках у него был английский журнал с английскими словами на обложке. Он спросил:

— Прочтешь?

Она покачала головой:

— Амар ингреджи пода шаманьо. По-английски я читаю совсем чуть-чуть.

Он оставил ей брошюрки на бенгальском. Одна называлась «Свет», другая — просто «Умма». Шану никогда не предлагал ей читать. И зачем вообще все его книги? Вся эта его дремучая история.

Назнин оставила брошюрки на столе, чтобы их увидел муж. «Не один ты такой образованный». Но, услышав, что он пришел, спрятала. Следующие несколько дней были наполнены сладкой и грустной тайной. Каждую строчку она ласкала взглядом, чувствуя, что в этих словах растворен Карим.

Непонятно было одно: в чем состоит мучени-

чество за веру.

— Но ведь Аллах это не разрешает.

— Это не *самоубийство.* Это война.

Она узнала о Палестине: «Они выходят на марш протеста, если убит ребенок. Возвращаясь домой, несут тело следующего».

Все это причиняло боль. Назнин стало понятно, как в сравнении с этим мелки ее прогулки по канату от дочерей к отцу и обратно, ворох куда-то летящих мыслей и волнения за сестру. Теперь понятно, откуда внизу живота ноющая тяжесть вожделения: на самом деле это скорбь, и по ночам она теперь читала об оккупантах и сиротах, об интифаде и группировке ХАМАС.

Карим еще несколько раз молился у нее дома. Он брал коврик, касаясь ее кончиками пальцев, и Назнин чувствовала хрустящий запах его рубашки.

Запах лайма.

Глава двенадцатая

Доктору Азаду не повезло — шевелюра у него оставалась как у молодого. Сияющие и густые его волосы неизменно вызывали улыбку, а вот лицо годы не обошли стороной. Скорее наоборот, основательно на нем потоптались. Щеки свисают, как старушечьи груди. Нос, аккуратно вздернутый когда-то, сейчас словно обкрошился на кончике. Надутая кожа вокруг глаз вот-вот лопнет.

Сидел он ровно, будто все тело в переломах, и на каждом переломе по шине, и выпивал он так же по два стакана воды.

— В следующий раз, — сказал Шану, — обязательно приводите с собой жену.

— Конечно, — сказал доктор.

— Как она? Надеюсь, с ней все хорошо? Такая хозяйка, умница — замечательно и быстро готовит. Обязательно приводите ее к нам на обед. Все твержу своей жене, что мы должны отплатить госпоже Азад за ее гостеприимство.

«За все эти годы ни одного ответного приглашения. Приглашаем всегда только мы», — вспомнила Назнин.

Шану сгорбился над тарелкой, чтобы еда быст-

рее попадала в рот. В бровях у него застрял кусочек дала. Доктор Азад почти не наклоняется. Локти прижаты к грудной клетке.

— Как мило с вашей стороны, что не забываете, — сказал доктор, — обычно спустя десять лет люди уже ничего не помнят.

— И дочь пусть приходит. Как у нее дела?

Доктор Азад объявил, что дочь здорова. Он решил воспользоваться тем, что рот у Шану забит, и повел наступление со своим набором вопросов, чтобы не отставать в счете. Набор был стандартным.

— Хотел у вас поинтересоваться, какое количество подписей вам удалось собрать на сегодняшний день? Скоро ли передвижная библиотека озарит нашу округу?

Шану положил руки на стол. Кончики пальцев прижимались один за другим к столу, сначала все на левой руке, потом два кончика на правой.

— На этой неделе семь всего лишь.

Шану выжал себе немного лимонного сока, и, видимо, после подсчета ему взгрустнулось.

Жена и дочь доктора оставались неизменно здоровыми. Рассказывать не о чем, кроме того, что жена по-прежнему не ходит ни к дочери (которая вышла замуж и обзавелась детьми),

ни к остальным родственникам. Петиция Шану продолжала потихоньку наполняться подписями, хоть из ящика ее так ни разу и не достали. Назнин давно уже не удивляется тому, что каждый упорно плетет свою сказку вот уже много лет. Заботит ее одно: возможное разоблачение. Сказочные стены, хоть и подгнили, все же лучше, чем ничего.

Вошли девочки сказать спокойной ночи. Шану протянул руку:

— Идите, идите сюда. Я вас покормлю из своей тарелки.

Шахану передернуло, она втянула щеки. Шану покосился на доктора Азада. Улыбнулся и снова поманил их рукой:

— Ну же, идите, не стесняйтесь.

Подошла Биби, Шану посадил ее на колено:

— Креветки с кабачками. Объеденье.

Покормил Биби из своей тарелки и осторожно похлопал по спине, как будто это неизвестная псина на улице, которая может и цапнуть.

Биби слезла и стала рядом с Шаханой.

— Какие хорошие девочки, — сказал Шану.

Оглядел комнату в поисках доказательства. Нашел:

— Шахана, как зовут нашего национального

поэта?

Шахана вдавила пальчики ног в ковер. Улыбка сошла с лица Шану, хотя уголки губ оставались приподняты.

— Тагор, — ответила Шахана.

— Нет, не твой любимый поэт, Шахана. Национальный. Ну же.

Шахана слегка качнулась. Никакого выражения на лице, словно она впала в транс.

Назнин прикусила язык. Наблюдала за Шану. Лицо у него начало подергиваться.

— Кази Назрул Ислам, — выдала Биби. И выпучила глаза от напряжения, словно к подбородку ей прицепили что-то очень тяжелое.

— Шахана, может, прочитаешь нашему гостю что-нибудь из твоего любимого поэта?

Назнин встала. Объявила, что уже слишком поздно. Что она поможет девочкам приготовиться ко сну.

— В другой раз, — сказал доктор Азад, — девочки устали от занятий.

— Да, да, — закивал Шану, — учатся, учатся, постоянно. Очень хорошие девочки. Идите и поцелуйте папу на ночь.

Первой подошла Биби, потом Шахана. Последняя втянула губы и быстро вытерла подстав-

ленную щеку. Но Шану остался доволен. Когда девочки ушли к себе, у него был усталый, но спокойный вид, словно торнадо пару раз пронес его по городу и чудесным образом вернул обратно в кресло.

Шану и доктор занялись самым важным, что, собственно, и соединяет друзей. Они говорили. Время от времени их слова пересекались в диалог. Но чаще они просто бродили друг вокруг друга.

— У меня вызывает большое опасение, — говорил доктор, — то, что темпы потребления героина вот-вот взорвутся от скорости, а взрослые не могут с этим справиться. Финансирование местных органов, программы помощи нуждающимся рабочим доказали свою полную неэффективность.

— В том-то и трагедия. Думаешь, что тебя будут считать полноценным членом общества. Но с тобой все равно не будут обращаться, как со своими. Никогда.

— Я основательно изучил данную проблему, подготовил материал для публикации. Проблемы приобретает черты эпидемии. Даже нескольких девочек поймали на крючок.

Рука у Шану была под рубашкой, он массировал живот, чтобы еда улеглась на место.

— Знаете, я сам очень долгое время боролся.

А теперь решил просто зарабатывать. «Каждую рупию, которую заработал англичанин, Индия теряет навсегда». И я решил играть против них по их же правилам.

— Если удастся получить деньги, построим специальную клинику. Но самое главное — это просвещение. Родителям наркоманов настолько стыдно, что они молчат и ничего не делают. Иногда они отправляют детей домой, где героин очень дешевый.

Шея доктора стала тоньше. Перестала касаться безупречного воротничка. Его роскошные черные волосы, которые спереди по-прежнему пострижены в ровную плоскую челку, все равно не соответствуют его благородному возрасту. Волосы у него как насмешка, как парик. Назнин посочувствовала ему. Должно быть, неприятно, когда что-то ежедневно напоминает о давно ушедшей молодости.

Шану вздохнул. Откашлялся:

— Образование нужно родителям, тогда оно будет и у детей. Я, например, сам учу своих детей и истории, и политике, и искусству.

— Абсолютно и безоговорочно это ключ к решению, — сказал доктор, и Назнин даже залюбовалась, как гладко у них получилось, ведь оба

принимают участие в одном разговоре, говоря на абсолютно разные темы.

— Научите родителей подмечать симптомы. Маленький ученик, плохое дыхание, запоры, постоянная потребность в деньгах, ребенок замыкается, скрытничает. Иногда я удивляюсь, почему родители этого не видят.

Назнин открыла рот и чуть не поперхнулась. Вспомнила про сына Разии. Говоря о Тарике, Разия всегда говорит о деньгах. Мужчины посмотрели на Назнин. Она начала собирать тарелки.

— Родители могут быть людьми очень занятыми, — сказал Шану, которому другое состояние незнакомо, — но мы должны думать в первую очередь о детях. Одному Богу известно, чему учат их в этих английских школах.

— Вы знаете, некоторые мои пациенты ничего серьезней сигареты не курили, и наркотики для них начинаются сразу с героина.

— Мне кажется, что самое серьезное решение в моей жизни — это решение увезти домой своих дочерей. Я их к этому готовлю. Понимаете, чтобы идти вперед, сначала нужно оглянуться назад. Мы берем у Великой Британской империи причитающееся. Знаете, чему нас учили в школе? Англичане построили нам железные дороги. Как

будто мы теперь должны падать перед ними на колени.

Шану обратился к своим невидимым зрителям:

— Им надо было продать свою сталь и локомотивы, иначе зачем бы им строить у нас железные дороги? От чистого сердца? Нам нужны были ирригационные системы, а не железные дороги.

— Да, да, — говорил доктор Азад.

Шану далеко ушел от места пересечения. И правила диалога, с точки зрения доктора, были нарушены. Он потер мешки под глазами.

Но Шану уже ничего не соображал. Назнин потянулась было за его тарелкой, но он забрал ее. Он приподнялся сам, поднял тарелку и возвысил голос:

— Оставили нам в наследство законодательство и демократию. Это они так сами рассуждают. Ни слова правды о том, как разорили нас, как поставили Бенгалию на колени, как… — И не нашелся что добавить. — На, возьми, — и отдал тарелку, — ты за этим тянешься?

— Проблемы начались с появлением алкоголя, — сказал доктор, — а теперь? Если бы алкоголем все заканчивалось! Нужны две вещи. Больше местных органов по борьбе с алкоголем и

больше рабочих мест для молодых людей.

— Не видать нам рабочих мест, — сказал Шану, снова усаживаясь. — Вспомните историю. Когда англичане приехали в Бенгалию…

— Я все это читал. — Доктор Азад посмотрел на часы и встал. — Как ваша… работа? Я забыл, где вы сейчас.

Шану глубоко вздохнул:

— Я водитель. Неважно как. Я просто-напросто зарабатываю деньги, только и всего. Как ваш зять? Столько времени прошло, а мы до сих пор не знакомы. Обязательно приводите его с собой. В следующий раз.

— Обязательно, — ответил доктор.

Он улыбнулся своей особенной улыбкой и постарался уйти как можно веселее и не опустить плечи. Но Назнин поняла, что сегодня последнее очко осталось за ее мужем.

Шахана услышала, как хлопнул почтовый ящик на двери, и вышла в прихожую. С листком бумаги она села на кофейный столик и принялась его читать.

— Сколько раз я тебя просил так не садиться? — сказал Шану.

Он сидел перед сервантом на красно-оранжевом половичке. Живот его покоился на стопке

книг.

Шахана соскользнула со стола. Перевернула листок.

— Что это?

— Листик, — показала Шахана.

Шану пошевелился, и стопка книг под животом развалилась.

— Не умничай, — заорал он, — дай сюда.

Она устроила целое представление, но все-таки встала и принесла листик отцу.

— «Культура как убийство», — прочитал он по-английски. — Где ты это взяла?

— В прихожей.

— Тебя еще рано бить за такие вещи, — сказал Шану, но не вложил в свои слова необходимого запала.

Листовка его заинтересовала. Он прочитал ее с обеих сторон, несколько раз перевернул. Шахана тем временем опускала взгляд с таким расчетом, чтобы как можно сильнее отца разозлить. Но Шану этого не заметил. И вертел листок в руках.

— Проклятые ублюдки. Если еще раз сюда придут, все яйца поотрезаю.

При слове «яйца» Шахана улыбнулась.

— Ах, тебе смешно, да?

Он вскочил, с него соскользнул лунги. Остано-

вился, крепче завязал пояс. Шахана тем временем спряталась за Назнин с шитьем.

— Отлично, — сказал Шану дрожащим голосом. Пару минут он откашливался. — Отлично, давайте все вместе посмеемся. Биби!

Прибежала Биби и споткнулась о папки.

— Отдай это своей сестре. Она нам вслух почитает.

Листовка вернулась к Шахане.

— «Культура как убийство», — прочитала она.

— Обратите внимание. — Шану поднял палец вверх. — Обратите внимание, как идея насилия вводится уже в названии. С первыми же словами. — Он опустил руку.

— «В наших школах, — продолжала Шахана, — происходит убийство культуры. Знаете ли вы, чему учат сегодня ваших детей? На уроках домоводства вашу дочь научат делать кебаб или жарить овощи бхаджи. На уроке истории ваш сын будет проходить Африку и Индию или еще какую темнокожую страну на краю земли. Об англичанах ему будут рассказывать как о злобных колонизаторах».

— Видишь, что они делают?

Шану хотел шагнуть, но запутался в книгах. Замер, балансируя руками.

— Им что Африка, что Индия — одного цвета. Теперь переверни.

— «А про что будет читать ваше чадо на уроках религиоведения? Про Матфея, Марка, Луку и Иоанна? Нет. Про Кришну, Авраама и Мохаммеда.

Христианству медленно перерезают горло. Это «всего лишь одна» из мировых «великих конфессий». И действительно, в наших местных школах ничего не скажут, если кто-то назовет ислам государственной религией».

Шану бросился к дочери и выхватил у нее листовку:

— Вот, сейчас начнется. Вот к чему они ведут.

Назнин заметила дырочку на его рубашке, через которую видны курчавые седые волосы во впадинке под горлом.

— «Неужели нас заставят с этим мириться? — продолжал Шану. — С тем, что христианство называют религией ненависти и нетерпимости. С тем, что мусульманские экстремисты хотят превратить Британию в исламскую республику с помощью иммиграции, высокой рождаемости и своей идеологии». И так далее и тому подобное.

Он скомкал листовку в кулаке.

Биби прислонилась к плечу Назнин и сосала кончики косичек. Назнин посмотрела на Шахану,

та поправляла лямочки своего первого бюстгальтера. «Ну скажи что-нибудь отцу, что-нибудь правильное». Шахана выпятила нижнюю губу и дунула в челку.

Шану сел в кресло:

— Шахана, иди и надень что-нибудь приличное.

Она посмотрела на свою школьную форму.

— Иди, надень какие-нибудь штаны.

— Биби, и ты тоже иди, — сказала Назнин.

Шану расправил листовку:

— «Мы просим вас написать вашему завучу, чтобы ваш ребенок больше не ходил на уроки религиоведения. Это ваше право как родителя, оно записано в разделе 25 в «Постановлении об образовании» от 1944 года».

Шану тяжело дышал. Язык его тыкался в щеки, как маленький слепой грызун в толстом одеяле.

— С сегодняшнего дня, — сказал он, — все деньги откладываем на отъезд. Каждое пенни.

В этот вечер, впервые с тех пор как они поженились, Назнин увидела, что Шану достал Коран с верхней полки. Он сел на пол и просидел над Книгой весь вечер.

Назнин шла на шаг позади мужа по Брик-лейн. На фонарных столбах порхают ярко-зеленые и

красные флажки, рекламируя бенгальские цвета и рис басмати. В витринах ресторанов висят вырезки из газет и журналов, где название ресторана выделено желтым или розовым маркером. Здесь есть дорогие заведения с накрахмаленными скатертями и бесчисленными сияющими серебряными ножами. В таких местах вырезки из газет оформлены в рамочку. Столики стоят далеко друг от друга, и декораций мало. Назнин знала, что такова сейчас мода. В других ресторанах зазывалы и официанты в белых, запятнанных маслом рубашках. А в дорогих — одеты в черное. Если вход украшает большой папоротник в горшке или бело-голубая мозаика, то, значит, ресторан супердорогой.

— Понимаешь, — сказал Шану, — деньги, деньги, везде только деньги. Десять лет назад такого количества денег здесь не было.

Между бенгальскими ресторанами примостились магазинчики, торгующие одеждой, сумками и брелоками. Покупают здесь молодые люди в широких штанах и сандалиях и девушки в топиках на бретельках, которые еле закрывают грудь и открывают пупок.

Шану остановился перед витриной:

— Семьдесят пять фунтов за эту маленькую

сумочку. Да в нее даже книга не влезет.

Остановился возле кафе:

— Два девяносто за большой кофе со взбитыми сливками.

За деревянным столиком на тротуаре девушка раскрыла ноутбук и отрегулировала его, чтобы на экран не падало солнце. Назнин вспомнила о компьютере Шану, который покрывается пылью. Между монитором и клавиатурой теперь паутина с пауком.

Они подошли к овощному магазину на углу одного из переулков. Назнин осталась ждать снаружи и немножко прошлась по переулку. Трехэтажные старые дома, но кирпичная кладка чистая, дерево покрашено. Деревянные ставни на окнах темно-кремовые, бледно-серые и серо-голубые. Двери большие и солидные. Наружные ящики для растений — в тон ставням. Внутри, наверное, сияющие кухни, богатые темные стены, полки с рядами книг и мало людей.

Назнин прошлась по переулку. Заметила на Брик-лейн группу юношей. Среди них узнала Вопрошателя. Его голос был слышен хорошо, шел он быстро. Кариму он не нравится. Карим ничего не сказал, но Назнин уже все поняла.

В последнее время Карим рассказывает о мире

своего отца. О таблетках, которые каждое утро ему оставляет: голубые и желтые — для сердца, белые — транквилизаторы. Розовые — для пищеварения. На ночь снотворное. О работе его: двадцать с лишним лет на автобусах. Униформа, пояс, значок. Шапочка с козырьком. Машинка для билетов в сумочке из коричневой кожи, какой успокаивающий звук она издавала, когда поворачивали ручку. Как он гордился отцом в детстве.

Шану вышел из овощного с белыми пластиковыми пакетами. Она приноровилась отставать от него на шаг. Шану прошел несколько метров и остановился. Назнин ждала, что он скажет. Посмотрела на витрину, но Шану молчал, и она поняла, что он не заметил, как остановился.

— Понимаешь, им угрожают, — сказал Шану через несколько секунд.

Назнин обернулась (кому угрожают?) и улыбнулась про себя: ее поймали, как маленькую Биби.

— Наша культура сильная. А что такое их культура? Смотрят телевизор, ходят в паб, кидают дротики, пинают мяч. Вот она, культура белого рабочего класса.

И снова тронулся с места. Назнин следом. На секунду ясно увидела себя со стороны: идет вслед за мужем, голова вниз, волосы покрыты — и оста-

лась довольна. В следующий момент ноги вдруг налились железом, плечи заломило.

— С точки зрения социологии это очень интересно.

Молодая женщина с мужской стрижкой навела внушительный объектив на официанта возле входа в ресторан. Женщина в брюках, надень она еще и рубашку, то определить пол стало бы сложно. Чтобы не создавать такого рода сложности, женщина решила не надевать рубашку и вышла в одном белье. Она повернулась и направила объектив на Назнин.

— Понимаешь, — продолжал Шану, — в своем сознании они превратились в подавляемое меньшинство.

Назнин поправила шарф на голове. За ней наблюдают. Все, что делает, все, что успела сделать со дня своего рождения, все учитывается. Иногда ей кажется, что краем глаза видит их, двух своих ангелов, которые ведут учет каждой мысли и поступку, хорошему, злому, всему — ко Дню Суда. Вдруг дыхание у нее перехватило: она увидела, что вся улица наполнена ангелами. За каждым человеком — по два ангела, и воздух наполнен ими до отказа. Она идет опустив голову, проталкиваясь сквозь завесу крыльев. Назнин в первый

раз услышала трепет тысяч ангельских крыльев, и ноги отказались идти дальше.

— Ты решила передохнуть?

Шану поставил сумки с покупками на землю.

Назнин подняла голову и увидела, как официант вытряхивает скатерть.

— Нет.

— Хорошо, ладно. Отдохни, — сказал Шану.

Постояли. Шану что-то мычал под нос. Одну руку положил на бедро, другой гладил себя по животу.

— Где мои записи из Открытого университета?

— Ты их не выбросил?

— Нет, нет. Они где-то лежат.

Они снова пошли, миновали кондитерскую. Пирамидка золотых ладду и белая кирпичная башенка шондеш.

Все это время Назнин чувствовала, что сзади — ангелы. Она дернула плечами. Вспомнила о Кариме. Ангелы это отметили. Она почувствовала раздражение. «Я не просила его приходить ко мне в мыслях». И это отметили.

Во вторник отсчитала ему двадцать пять юбок. Карим нагнулся за ними, его плечо прошло на расстоянии тончайшего волоска от ее плеча.

Она ничего не решает.

— Кое в чем, — продолжал Шану, — их не стоит обвинять.

Из торгового центра доносились звуки ситара и табла[51], запах благовоний. На выходе трое мужчин громко обсуждали свои колени — либо они вообще глуховаты, либо в разговоре друг от друга оглохли.

Шея у него, думала Назнин, что надо. Не слишком массивная и не слишком тощая. Еще он богобоязненный. Сильнее, чем ее муж.

В этих сандалиях у Шану свисают пятки.

Все не так просто. Даже если в будущем ее ждет Карим, и от этого никуда не деться, в настоящем много проблем. Например, счастье. Оно может обернуться против нее. Потому что волю судьбы надо слушать спокойно. Специально для ангелов Назнин сказала:

— Куда ни глянь, везде одно и то же.

Шану помолчал. Поводил бровями:

— Нет, я бы не сказал, что везде одно и то же.

Он улыбнулся, и щеки подобрели.

— Не переживай. Скоро мы будем дома.

У Назнин выступили слезы. Лицо и шея так разгорелись, будто на нее пахнуло из ада. Она

---

[51] Примечания: 51
Табла — индийский барабан.

заслужила наказание пострашнее.

— А, — сказал Шану, — вижу, как сильно ты хочешь вернуться.

И почему она такая глупая? Протерла глаза. Что за злобный дух в нее вселился и вытворяет такие шутки? Внушает, что молодой парень станет частью ее жизни и что его при одной мысли о ней не выворачивает наизнанку.

Шану оживился:

— Да, сложно не переживать. Знаешь, что я придумал? Я хочу получить место в университете Дакки. Буду преподавать социологию, или философию, или английскую литературу.

Чтобы скрыть свое мучительное состояние, она неожиданно уверенно сказала:

— Какая замечательная идея.

— Это точно, сегодня же вечером отправлю электронное письмо.

Она начала вслушиваться и уже пожалела, что отреагировала.

— Конечно, сначала возьмусь за любую работу. Соглашусь на все, что предложат.

Значит, впереди маячит нищета, и впервые Назнин подумала, что, если они и поедут когда-нибудь в Дакку, беспокоиться надо будет не только о Шахане.

— Со временем вновь займусь своей любимой английской литературой.

На горизонте появилась седовласая женщина, которая, несмотря на солнце, надела плотную кофту поверх сари. Рядом с ней гордо вышагивал мужчина помоложе с медицинской сумкой в руке.

Шану заговорил по-английски:

О, ликуйте!

Пишите золотыми письменами

На нерушимых каменных скрижалях[52].

Назнин напряженно вглядывалась.

— Это Шекспир, — сказал Шану.

Он проследил за ее взглядом, и, когда оба удостоверились, что это миссис Ислам, в молчаливом единодушии свернули на соседнюю улицу.

В квартале шла война. Воевали листовками. Грубый текст, печать на бумаге не толще туалетной, заляпанный множеством неравнодушных рук. Вокруг размера заголовков и их шрифта тоже развернулось сражение. Сначала соревновались

---

[52] Примечания: 52

Слова Гонзало из пьесы Шекспира «Буря». Акт V, сцена I. *(Пер. Мих. Донского.)*

в напыщенности стиля — высокие тонкие буквы, потом экспериментировали — толстые присевшие, потом «Бенгальские тигры» поместили ошеломляющее название на первой странице, а весь текст дали на обороте.

«Львиные сердца» не остались в долгу:

ЗМЕЙ ИСЛАМА ДАВИТ НАМ НА ГРУДЬ!

Повсеместная исламификация зашла слишком далеко.

Со стен нашего местного зала заседаний удалены третья страница календаря и плакат. Совсем скоро экстремисты начнут надевать паранджи на наших женщин и бить наших дочерей за короткие юбки. Сколько еще мы будем это терпеть? Напишите в районный совет! Это ведь Англия!

Кровь у Шану кипела.

— Понимаешь, — объяснял он, — они чувствуют угрозу. Их культура, все, что у них есть, — дротики, футбол и голые женщины на стенах.

На следующий день «Бенгальские тигры» ответили:

Отвечаем на листовку и ее создателям,

тем, кто претендует на право «подлинной» культуры.

Вот что мы хотим сказать.

НЕ НУЖНЫ НАМ ВАШИ ГРУДИ.

И еще. Не мы унижаем женщин, выставляя части их тел на обозрение.

— Мы в их возрасте молчали, — сказал Шану, — молодые больше не хотят молчать.

Ответного залпа ждали пять дней. Назнин видела, кто работает с листовками. Молодой парень и пожилой человек, по разнице в одежде и возрасте можно сказать, что отец и сын. Отец одет, как сказал бы Шану, «респектабельно». Похож на учителя Шаханы в школе. С «сыном» Назнин не хотела бы встретиться на одной дороге. На этот раз решили обратить внимание, что в местном зале по выходным стали устраивать дискотеку, в будние дни открывать по вечерам игровой зал. И продавать алкоголь.

СПАСИТЕ НАШ ЗАЛ!!!

Три восклицательных знака в конце отлично заполняли оставшееся место и определили тон предстоящего ответа «Тигров».

Нежелательные элементы мечтают превратить наш зал в притон с азартными играми и бухлом.

Наше терпение кончилось! Напишите в районный совет!

Шану засмеялся. Эта война ему уже нравилась.

— Так они думают, что в районном совете станут эти письма читать? Я сам работал в районном совете, — сообщил он своей жене. — На что способны в районном совете? Ценные кадры там не задерживаются.

УСТРОИМ МАРШ ПРОТИВ МУЛЛ

В основном наши исламские соседи — это мирные мужчины и женщины.

Мы ничего не имеем против них. Но есть горстка мулл и милитаристов, которые брызжут здесь слюной. Устроим марш против мулл вместе.

Все, кто заинтересовался, пишите за подробностями на П/Я за номером ниже.

Шану нахмурился. Позвал девочек.

— На марши не ходите, — посоветовал он. Долго изучал листовку, потом просиял:

— Они ведь даже дату не поставили. А к тому

времени мы будем уже в Дакке.

Двенадцать красных букв на всю первую страницу в контрнаступление. *ДЕМОНСТРАЦИЯ.* На обороте зеленым:

> *Становитесь в ряд, стройтесь против марша язычников против всех нас.*
>
> *Только старые и немощные могут оставаться дома.*
>
> *Беспорядков не будет, все пройдет организованно.*
>
> *Наш Духовный лидер будет морально нас поддерживать.*
>
> *Все, кому интересно, присылайте вопросы.*

— Адрес не написали, — сказал Шану, — много ошибок. Мусульмане произведут плохое впечатление.

Листовки сделали свое дело. Вокруг людей с листовками собирались небольшие группы народа. Переругивались. Из окна Назнин видела Вопрошателя, он махал руками, словно все остальные не согласные с ним мнения были всего лишь пузырьками, которые лопались от одного щелчка его пальцев. Вместе с Биби она пошла забирать из

школы Шахану. Втроем они двигались в длинной очереди других мам. До начала летних каникул оставалось всего несколько недель. Назнин знала, что Карим будет ходить к ней намного реже, хотя по многим причинам она старалась не думать об этом. И каждый его приход становился для нее мучительно-сладким.

Карим приходил и работал над черновиками листовок за обеденным столом, пока она шила. Он читал их вслух и сам комментировал. Два раза заставал дома Шану, который отдыхал после вечерней смены, плавно перетекающей в ночную. Карим быстро выполнял все необходимое и уходил, и Назнин казалось, что все, как обычно, что так же все происходит и когда мужа нет. Несколько раз он говорил ей: «Надо стоять на своем». И она любовалась им — его уверенностью в том, что стоит там, где надо. Когда телефон напоминал о саляте, она доставала коврик и слушала, как он молится. Карим говорил, что у его отца больше нет религии. У него нет ничего, только таблетки. Назнин рассказала, что религия ее мужа — это образование.

— Нам нужно действовать. Какой смысл в этих листовках? Хватит говорить, надо делать.

И продолжал писать листовки.

— Я не слышу ничего, кроме стонов. Хотят, чтобы я всем заведовал и плюс постоянно ходил по улицам. Господи. Детальная организация. Не все так просто, раз — и получилось.

Карим жаловался на недостаток интереса у распущенной молодежи, на которую не действуют чары «Бенгальских тигров»:

— Мы же для них работаем. Когда я учился в школе, каждый день по дороге домой меня поджидали. Били всех. Потом мы стали собираться вместе, переворачивали столы. Если одного из наших трогали, за него платили все. Мы везде ходили вместе, мы начинали драку, нас стали уважать. — И он улыбнулся. — Нынешние дети уже не помнят, как все было. Собираются в банды, дерутся с ребятами из Кэмдена или Кинг-Кросса. Или из соседнего квартала. Или вообще не ввязываются, хорошо зарабатывают в ресторанах, и им ни до чего дела нет. Думают, что их никто пальцем не тронет.

Но главной занозой был Вопрошатель.

— Здесь дело в стратегии, — объяснял Карим, — а он этого не понимает.

Он мужчина и говорит как мужчина. В отличие от Шану не утопает в трясине собственных слов. Шану говорит и говорит, пока уверенность его

полностью не иссякнет.

Иногда Карим злился, и его гнев был направлен точно в цель.

— Это моя группа. Я председатель.

В подобных заявлениях чувствовалась внутренняя сила, но Назнин ничего не могла с собой поделать — перед глазами вставали Шахана и Биби, которые дерутся за игрушки.

— Мне судить, что радикально, а что нет.

«Радикально» было для Назнин новым словом. Она так часто слышала его от Карима, что уже начала понимать его значение: просто еще один синоним слова «правильно». И не смотрела больше на него исподтишка, а когда он ловил ее взгляд, не отворачивалась.

— Ты постоянно работаешь, — сказал он однажды.

— Пуговицы сами не пришьются.

— Поговори со мной. Отложи работу.

— Я лучше тебя послушаю. Говори ты.

Карим взял пригоршню пуговиц для лифчиков из картонной коробки. Положил их в передний карман. Собрал оставшиеся пуговицы, отправил туда же. Назнин почувствовала струю тока от сосков до пальцев на ногах. Не шелохнулась.

— Знаешь о наших братьях в Египте?

Карим взял на столике журнал и поискал нужную страницу.

Назнин старалась не думать о пуговицах. Но ни о чем другом она думать не могла. Почему он их взял? Почему положил в карман? Вся ее кожа натянулась на тысячи тончайших шелковых нитей, за каждую тянули, и каждая, натягиваясь, впрыскивала боль.

Карим рассказал о Египте, о притеснении, о тюремных заключениях, о трусящем перед американцами правительстве, и оба притворялись, что он не прочел это все только что в журнале. Назнин подумала о Шану с его книжками. Так много прочитал, а толку никакого.

— Как все грустно, — сказала она.

— Туми ашол котха койсо. Да. Господи. Как ты права.

С ним рядом она чувствовала, что сказала что-то весомое, провозгласила что-то новое.

Шану с его книгами. Сколько всего знает, а вид у него бестолковый.

Карим вытащил пуговицы и положил их обратно в коробку. Зазвонил телефон, он открыл его, посмотрел на номер и отключил звонок. Значит, звонил отец. Теперь телефон у Карима поменьше, потоньше, и Карим теперь не может отвечать на

звонки отца. Золотая цепь на шее стала толще.

Назнин приступила к работе, но Карим все не мог успокоиться. Прошелся вокруг стола — хоть и не так свободно, как по сцене: слишком много преград на пути. Посмотрел в окно, но ничего интересного там не происходило. Внимание привлек сервант. Карим наклонился, открыл его. Вытащил глиняного льва и тигра, потом фарфоровую статуэтку девочки в танце. Потерял к ним интерес, поставил их обратно, забыв закрыть сервант. Секретер набит книгами. Карим взял пару книг и повертел в руке, словно, взвесив книгу, можно о ней что-то сказать. Пошел в дальний угол комнаты и стал возле тележки. Она завалена файлами. Там же и клавиатура от компьютера, которую Назнин убрала, чтобы освободить место на столе. Карим подтолкнул тележку ближе к стене. Вернулся к дивану, сбросил кроссовки и лег.

Пальцы ее дрожали, и работать она не могла. Карим потер шею. Закрыл глаза. Покачал вверх-вниз правой ногой. Если Шану ерзал, значит, он нервничал. Если Кариму не сидится на месте, значит, в нем бурлит энергия. На несколько секунд Назнин беспомощно растворилась в желании. Рот у нее приоткрылся, взгляд рассеялся.

— Когда я был маленьким ребенком…

Карим сел и положил ноги на кофейный столик. Он словно заявлял свои права в этой комнате и отмечал своим присутствием каждый предмет.

— Если ты хотел стать крутым, нужна была особенность, надо было быть немного светлее, немного темнее, отличаться. Даже когда все только началось, всякие бангра и тому подобное, на волне оказались пенджабы и пакистанцы. А не мы, понимаешь? Если ты хотел стать крутым, надо было перестать быть самим собой. Бенгальцем. Понимаешь?

— Да, — ответила Назнин. Но не поняла, о чем он. Ей хотелось быть востребованной.

— И смотреть мне было не на кого.

— Только на отца.

— Именно.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и она не отвела взгляд. Как обидно, что глаза у нее так близко посажены.

— Именно, — повторил он, — сейчас все по-другому. Для молодых. А нам надо было стоять на своем.

В ванной, под сип холодной воды из страдающего недержанием крана, Назнин рассматривала волосы на ногах. Волосы тонкие, редкие, но все

равно заметные. Она провела рукой по голени. На потолке сырость нарисовала маленький цветочек. Назнин представила, что штукатурка вдруг осыпается в ванную и покрывает ее белой пылью с головы до ног. Услышала шаги и спуск унитаза. Женщина наверху за ночь три-четыре раза встает в уборную. В этом уже нет ничего необычного.

Назнин вспомнила о списке покупок (надо дописать оловянную фольгу, горчичное масло и семена фенхеля). Что, если самой оштукатурить потолок в прихожей, насколько это трудно? Вспомнила о списке дел, которые у себя на стену крепит Шахана, и как быстро она ставит галочки. Назнин заглядывала в ее тетради:

«Здесь ты еще не закончила».

Или:

«А здесь ты все написала?»

Шахана показывала ей красные отметки — учитель поставил. На столе у нее красная ручка. Биби начала грызть ногти. Назнин проговорила про себя письмо Хасине. Сосчитала деньги в тайничках. И когда уже больше не могла сдерживаться, начала думать о Кариме. Вспомнила о его плечах, порадовалась, что они не костлявые. Подумала о маленькой плоской родинке на правой щеке, вспомнила, как поразилась тому, что заметила ее

только на этой неделе. Подумала о его уверенности, о том, как он идет напролом там, где другие разворачиваются и спотыкаются. Но самое главное, подумала она, то же самое ищут и Хасина, и Шану, но не находят. А он просто взял и нашел. Свое место в этом мире.

Назнин сидела в ванне, пока вода совсем не остыла, потом взяла бритву Шану, намылила ноги и начала бриться.

На следующий день Назнин возвращалась с детьми из школы и увидела во дворе, куда запрещен въезд на транспорте, полицейский фургон. Дверь была открыта, внутри полицейский поглаживает собаку, которая дрожит от нетерпения сорваться с поводка. Четверо полицейских повернулись спиной к двоим из «Львиных сердец». На полицейских рубашки с коротким рукавом и шлемы, такие огромные, как сахарные головы на витрине. Несколько молодых бенгальцев стоят плечом к плечу, глядя на полицию в упор. Вопрошатель в центре.

Парень с листовками, помоложе, сделал шаг вперед, поднял палец вверх и снова отступил назад. Вопрошатель тоже двинулся вперед, но парни рядом удержали его, да и он сам явно хотел, чтобы его не пустили. Полицейские пошутили.

Их рации щелкали, шлемы скрывали глаза.

Шахана шла немного впереди. Когда она проходила мимо парней, двое обернулась ей вслед. Она тоже посмотрела на них и тряхнула головой. Назнин пожалела, что Шахана не надела брючки. Но сегодня Шану приказал им надеть юбки без брюк. Вчера же девочкам велено было под школьную форму надеть брючки. Все зависело от того, на кого в данный момент злился Шану.

Если в руках у него была листовка от «Львиных сердец», он приказывал дочерям одеться традиционней. Его не запугают эти неучи, которые ненавидят мусульман.

Если он видел девушек в хиджабах, то его злило невежество неучей. И тогда девочки шли в школу в юбках.

Иногда он оправдывал и тех и других: «Несчастные эти белые: понимаешь, они отовсюду чувствуют угрозу. А наша молодежь бунтует. Молодежь всегда бунтует. Если родители либеральны, то молодежи приходится отказываться от либерализма, чтобы бунтовать».

И тогда Назнин и девочкам предоставлялось право самим выбрать, что надевать в школу.

Они поднялись в квартиру, девочки сели за учебники перед телевизором. Назнин села с

ручкой и бумагой. О чем рассказать Хасине? Хотелось бы поведать ей о том, что происходит в квартале. Но как рассказать, чтобы понятно было? Она не знала, с чего начать, чтобы Хасину не встревожить. И Назнин начала так: «Сестричка, я надеюсь, что у тебя все в порядке. У девочек в школе все хорошо. Я все еще шью дома. Я посылаю тебе немного денег. Жалко, что немного. Здесь что-то происходит в квартирах».

Она разгладила несуществующие морщинки на бумаге. На колене у Биби лежала раскрытая книга, Шахана даже и не пыталась сделать вид, что читает.

«Здесь что-то происходит в квартирах. Мужчины пишут листовки и суют их под двери».

Она улыбнулась. Вот и все, что здесь происходит. Захихикала. Шахана переключила канал. Биби посмотрела на мать. Назнин пошла в спальню и из укромного местечка в ящике с нижним бельем вытащила письма от сестры.

Апрель 2001 года

Хорошие новости ты пишеш про швейную машинку и твою теперешнюю работу. Ты пишеш што пришлеш денег скоро но сестричка мне не нужны деньги. Все

дает Аллах. Пиши мне побольше про себя это все што мне нужно.

Здесь все по старому. Все хорошо. Иногда я так устаю што мне хочется уснуть когда дети ложатся спать но тогда я не смогу постирать а я должна работать. Я выношу белье стирать и иногда вижу девушку соседку. Ие завут Саида она из Джесора. Лица спокойнее чем у Сайиды в жизни не встретиш. Она говорит немного но она приходит и садится рядом со мной и мне с ней спокойно. Смешно я думаю о Лапушке и Саиде. Лапушка очень часто улыбается и улыбка у нее красивая но под ней штото очень нещасное. Она улыбается штобы штото скрыть или порадовать человека рядом или штобы лицо было краше а то вдруг ты подумаешь што она нещасна. У Саиды рябое лицо и простое как картошка и я никогда не видела как она улыбается. Но у нее щасливый вид и всегда я это вижу когда она сидит на корточках как йог рука между коленями и вторая прикрывает глаза. Я спросила как там работать в доме который как дворец и везде на лужайке фонтанчики. Она

сказала очень хорошо и она это серьезно. В доме слева девчушка восьми десети лет. Я звала ее пару раз но она боитса и бежит внутрь. Я потихоньку ее буду звать и она придет.

Муж Джеймс очень беспокоится о выборах. Если к власти придет Бегам Халеда Зия это для ниво плохо. Зейд сказал страную вещ. Они платят собакам штобы те кусались но им не нравится если собаки вдруг оборачиваютса к ним. Потом он говорит што скоро ево время. Он мелко рубит воздух как режет одну большую луковицу. У ниво очень темная кожа и он не такой страшный для человека без плоти. Лапушка говорит мой муж Джеймс расказывает мне все. Он со мной делитса каждой мысл'ю поэтому я знаю што он так волнуется изза денег и доли затрат и выборов. Многие муж'я ничиво не расказывают своим женам. И Джеймс такой милый.

Она теперь ходит к Бетти милосердничать. Это новое милосердие для вичинцифированых женщин которых заразили случайно гулящие муж'я и также для

детей. Бетти всегда одевается в самое модное и когда для милосердия. Так говорит Лапушка. Приехал водитель за ней и она поцеловала детей и называет их милашками но от вас так устаеш. Дейзи кричит Лапушка! Лапушка! Мы все смеемся. Она надела узкие белые джинсы и кофточку в кружавчиках и белье просвечивает как в кино и драгоценостей как на невесте. Она говорит што это как в Бомбее.

Май

Случилось очень страшное. Вчера я ходила в Мотиджхил[53] и видела такое и досихпор у меня оно перед глазами. Закрываю глаза и тоже вижу. Я все видела как случилось. Двое мужчин вышли из банка Ислами и когда они несколько шагов прошли по дороге пять шесть раз бабахнуло и они упали. Я стояла не двигалась. Двое мужчин в черных очках и хороших рубашках подошли и обокрали тех кто лежал и тут же запрыгнули в мотоцикл. Только несколько метров

[53] Примечания: 53
Мотиджхил — район в Дакке.

проехали и люди закрыли улицы. Мотоцикл хотел поехать мимо старого здания Биман[54] и гостницей Пурбани где начинается большая дорога. Но было сотни человек. И все кричали и ругались. Я побежала через дорогу. Толпа все больше и я чуть не оглохла. Мужчины стаскивали грабителей с мотоцикла и били их кулаками и ногами и лати[55]. Через несколько секунд грабители убежали в толпу. И их не видно и толпа сгущаетса к середине штобы ударить. Потом открылся бак в мотоцикле и его подожгли. Огонь так быстро пошел. Я смотрела. И толпа должна быстро разбежатса. Потом я увидела грабителей они лежали на земле и горели и я не знала может они уже умерли или нет горели и я смотрела. Я не могу это забыть.

Сестричка што случилось с полицией и судом и всем? В Англии может такое быть? Люди судят быстро и жестоко. Все

[54] Примечания: 54

«Биман» — название авиакомпании.

[55] Примечания: 55

Лати — длинная тяжелая палка, обычно из бамбука, окованная железом.

говорят об этом. Лапушка говорит как ужасно но она говорит што это хорошо показать грабителям што улица не ихняя и што деньги тоже не ихний.

Сегодня вечером муж Джеймс кушает дома и вместе с Джимми. Я подметала за Джимми потому што он кидает на пол еду и вытирала ножки стола и мыла под столом. Муж Джеймс говорит лицом в газету. Все видят небеса говорит он. Стране нужна стабильнось. Она не будет если менять правительство. Партии враги от них много проблем и они приходят в дом и пугают и могут даже насильничать с женой. Иногда они платят полиции за аресты и чтобы пугать. И ище студенты сичас совсем не студенты а душегубы. Партии враги дают им деньги и оружие и у студентов нет времени читать книги. Это большая проблема для бизнеса. Нет стабильсти и все плохо. И он ище много про бизнес и то и се а Джимми из риса лепит шарики и клеит под стол. Муж говорит што все большие компании гнилые и преступники. Есть Один Человек у которого большое вилияние и который

украл пятнадцать миллионов така из стальной компании и все об этом знают. Муж Джеймс говорит што это выйдет наружу. Што выйдет наружу спрашивает Лапушка. Он опустил газету и обяснил што все вокруг воруют тащут и несут и государственые придприятия и судьи только делают што охотятся в часных компаниях за взятками. Лапушка смотрит и прячет зевок. Как мило муж што ты мне все расказываеш но я так устаю. У нее закрываются глаза. Средняя компания говорит она.

Зэйд стоит за двер'ю и слушает. Когда мы пошли на кухню он мне сказал што эти люди постояно гадят и говорят што это не от них дерьмом несет. Он говорит и никогда не обясняет што имеет ввиду. И ище он говорит што все нанимают силу штобы выяснять отношения на улице а у силы редко бывают собственые мозги. Он постучал по голове.

У ниво маленькая голова и лоб низкий и у ниво может немного места для мозгов но у ниво неглупый вид и вобщето он ничиво.

Май

Сестричка я молюсь штобы Аллах тебя хранил. Я молюсь штобы это письмо нашло тебя такую же как и другое. У меня снова новости. Я услышала от людей што моя подруга Монжу лежит в Дакке в больнице при медицинском коледже и она вотвот умрет. Я пошла к Лапушке и все об'яснила и она мне сказала иди к ней. Мать может посидеть с детьми часок. Но вместо этова она красит ногти на ногах постояно и выталкивает меня штобы я не мешала.

Сестричка как мне, расказать што я видела? Я не знаю как я пошла в больницу и искала ие. Никто на ние не был похож. Я спросила сестру и она мне показала в угол. Кровать прямо рядом со стеной и совсем нет места. Когда я подошла ближе от белья шел очень плохой запах. Я даже зажала нос рукой и рот и живот мне пригрозил. Я встала на колени перед кроватью и близко близко наклонилась. Я увидела Монжу. Только по правому глазу узнала. Левый глаз очень узкий и отуда течет. Щека и рот тают а уха нет какбутто

ево собака откусила. Я начала шептать но сестра проходила мимо и сказала што надо орать. Она сичас очень плохо слышит. Я кричала Монжу! Монжу! Я больше не знала што говорить. Она сказала Господь послал им боль от которой я сичас умираю. У ние рот стал такой узкий што она не может кричать и громко говорить. Я была у ние петнацатъ минут. Она шептала а я кричала. Ие муж сделал это с сестрой и братом. Брат и сестра ие диржали и он вылил на них кислоту на лицо голову и тело. И сичас везде заражение и так ваняет што люди не могут подходить близко.

Она мне показала на пятно грязи на потолке как отпечаток пальца. Я увидела это. Она сказала не хочу штобы это было последнем што я вижу в жизни. Я ей сказала што все будет хорошо и што последним она увидит внука но я не смотрела тогда ей в глаза.

Я пришла домой и сидела немного с Самдой. Она точно самая щасливая. Я всегда хочу быть рядом с ней. Но мне нужно смотреть за детьми а малышка Дейзи

тычит мне в щеку кулаком и трет носом об мой нос и я благодарю Аллаха за эту любовь ко мне наконец.

Назнин вернулась к столу и прочла, что написала. Теперь ничего смешного не увидела:

«Мужчины пишут листовки и суют их под двери».

Голова распухла — вот-вот взорвется. Дети, Шану, сестра, стирка, готовка, шитье, нервотрепка. Все это занимает много места, и мысли кружатся так назойливо и разлетаются так легко, как туча мух над помойкой.

Решила начать письмо снова. На этом письме напишет список покупок. Перевернула листок. Ни о чем не думая, начала писать. Небрежное что-то, скомкала листок, разорвала. Все ложь. Она не влюбилась. Она ничего не сделала.

Взяла новый листок, приготовилась писать. За дверью раздались шаги. Работал телевизор, и шаги могли ей послышаться. Если постучат, придется открывать. Снаружи могут услышать телевизор. От миссис Ислам можно спрятаться утром. За дверью послышался пронзительный голос старухи, и Назнин на цыпочках прокралась в постель и забралась под одеяло. Если сыновья взломают дверь, она притворится спящей. Но за

дверью стало тихо — ушли.

Назнин записала суммы на чистом листе. Последний платеж сто фунтов, предыдущий восемьдесят пять, шесть раз по семьдесят пять и четыре — пять раз по пятьдесят. Сколько Шану занял денег? Сколько они еще будут выплачивать? Если в неделю платить по сто фунтов, то Назнин ничего не сможет отложить, даже если станет работать по ночам.

Пришла Биби и заглянула к ней в записи:

— Мама, что ты делаешь?

Назнин постаралась не хмуриться и ответить беззаботным голосом. Треплет нервы нервотрепка.

— Ничего, в магазин собираюсь. Покажи-ка мне свое горло.

Она слегка нажала на горло Биби с каждой стороны, проверяя на припухлости и одновременно поглаживая.

— Мне уже целую неделю лучше.

— Да, тебе точно лучше.

Биби из-за ангины не ходит в школу. Назнин отвела ее к доктору Азаду. Кресло у него с последнего посещения стало больше. Наверное, он сейчас ногами начнет болтать, подумала она, но доктор Азад был, по обыкновению, корректен.

— Скажи «ааа», — велел он Биби.

Поставил диагноз, на компьютере выписал рецепт. Биби рассматривала снежные игрушки-бури. Они выстроились в ряд с краю стола, переливаясь всеми цветами радуги. Выстроились по цвету, начиная от прозрачного до маленького черного купола над замерзшим зимним садом. Доктор Азад взял одну и протянул Биби. Биби расправила ладонь и заглянула в маленькую салатную башенку внутри.

— Нет, нет, надо встряхнуть.

Доктор Азад рассказал, что купил ее в Париже. Они смотрели, как кружится снег внутри и как постепенно мирно оседает на дно.

— Вот так. — Доктор поставил игрушку на место. — Так же и в жизни. Запомни, что так и в жизни.

— Почему? — спросила Биби, удивленная его словами. С трудом сглотнула.

Доктор Азад взял еще одну бурю и встряхнул.

— Если ты сильная, то выстоишь бурю. Видишь? Начинается буря, ничего не видно. Но все, что прочно на земле, стоит и ждет, когда она стихнет. Видишь?

Биби кивнула так медленно, словно боялась трясти головой.

— А ты знаешь, что надо сделать, чтобы стоять прочно?

И так же медленно Биби отрицательно покачала головой.

— Тогда не могла бы ты мне подсказать, как это делается?

Они вышли от доктора, и в приемной Назнин увидела Тарика. Он прислонился к доске для объявлений и засунул руки в карманы, хотя вокруг было много свободных стульев. Веки его отяжелели, волосы приплюснулись от грязи. Он весь как-то обмяк, словно из него вынули все кости. Назнин остановилась было с ним поговорить. Он уронил голову на грудь, и Назнин решила уйти, потому что не сможет смотреть ему в глаза.

Каждое утро одно и то же. Назнин открывает глаза рядом с большим черным шкафом, и каждый раз первое ощущение — легкость во всем теле. И первая мысль — что этот день наконец настал. С трудом вспоминает, какой день, в чем его важность, и понимает, что этот похож на остальные. Сегодня утром, еще не поднявшись с постели, она провела рукой по гладкой лакированной двери шкафа. Ни царапинки. Пятнадцать лет его ненавидит, а ему хоть бы что.

Шану заерзал и положил ей руку на живот. Она

посмотрела на эту хлипкую конечность, на два красных прыща около локтя. Подложила свою руку под его, и во сне он сжал ее.

И снова ощущение. Что сегодня именно тот самый день. Глаза закрыты, в животе разливается приятное тепло.

Шану захрапел. Два длинных тяжелых храпа, как у глохнущего мотора.

Назнин освободила руку, перевернулась на бок, подтянула колени и просунула между ними кулак. Нет, сегодня не тот самый день, вернулось напряжение в груди, которое не оставляет вот уже много недель. Она набрала побольше воздуха и приготовилась громко выкрикнуть — что-то очень важное, на уровне вопроса жизни и смерти, — но и комок воздуха, и крик застряли в груди. Им никогда не выйти наружу. И это ощущение вечно.

Все это из-за войны листовок.

Все это из-за миссис Ислам.

Все это потому, что до сих пор не рассказала Разии.

Все это из-за Хасины.

Все это из-за того, что сбережения не увеличиваются.

Все это из-за девочек, которые не хотят ехать

домой.

Села и посмотрела на часы.

— Все это из-за меня, — сказал Карим.

— Что?

Он приложил палец к губам. Его волосы, хохолок колышутся игриво, хотя сквозняка в комнате нет.

— Это все из-за меня, — прошептал он.

Закрыла глаза, но он не уходит. Пальцами ласкает ее лицо. Чтобы вытеснить его из сознания, пришлось встать с постели и начать новый день.

В войне листовками участники сменили тактику, теперь листовки разбрасывали по ночам. Наутро в квартале все тихо. И когда Шану уже почистил зубы, вышел из ванной и обнаружил под дверью листовку от «Бенгальских тигров», во всех трехстах тринадцати квартирах раздался его гневный голос.

— Какой остолоп, — взревел он, — какой остолоп это написал?

Он помахал листовкой в воздухе и пронзил взглядом каждый угол в квартире.

Биби глянула назад, почти не повернув головы. Шахана ела кукурузные хлопья. Она перебирала кнопочками на панели радио.

— Выключи его, — завопил Шану.

От полученного шока заплясал подбородок с ямочкой.

Он начал читать листовку:

— «Не забудьте отблагодарить Аллаха за наших братьев, которые стали шахидами и умерли, защищая своих братьев».

Шану трясло от негодования:

— «Братьев»! Эти лопухи претендуют на то, чтобы называться моими братьями. Они даже предложения не могут составить как следует. Шахана, ты знаешь, что значит «шахид»? Это значит мученик за веру. А ты знаешь, что это значит?

И он, не дожидаясь ответа, продолжал:

— «Мы благодарим Господа за Фарука Замана, который умер во время военных операций в селе Дуба-Юрт, в Чечне, в феврале 2000 года. Большую часть жизни он был неверующим человеком, пока не раскаялся в этом и не посвятил себя джихаду. Он был убит пулей в сердце. Через три месяца русские вернули его тело. Очевидец рассказывает, что от него исходил аромат мускуса и из всех тел шахидов, которые он видел в Чечне, это тело было самым красивым. Воистину, Аллах покупает у верующих их тела и имущество и платит за них раем».

Шану беззвучно хлопал губами, слов у него не было, только слюна появилась в уголках. Его волосы, оскорбленные до самых корней, взъерошились. Брови затанцевали от страха. Через пару минут он перевернул листовку и прочитал ее обратную сторону:

— «Если будет на то воля Аллаха, наш брат Фарук уже в раю. Он оставил жену и маленькую дочь.

Если будет на то воля Аллаха, рассказ о нем придаст нам храбрости, и мы отдадим свои жизни за правое дело. Мы собираем пожертвования для тех, кто останется».

Шану не мог ни шагу ступить от ярости. Шахана закончила завтракать и слонялась на опасно близком расстоянии от телевизора.

Наконец Шану нашел что сказать:

— Запах мускуса. После трех месяцев! Что это за фетиш и суеверия? Они с ума все, что ли, посходили? Совать эти безумные письма под двери белым. Они хотят, чтобы здесь все вспыхнуло? Они хотят, чтобы мы здесь все стали шахидами?

Назнин пыталась знаками остановить Шахану: *Не включай телевизор.*

— Им деньги как — сейчас или потом? Ведь им нужно больше оружия. Быстрей, давайте скиды-

ваемся в складчину.

Он начал шарить в складках своего лунги, будто оттуда могли посыпаться монеты.

У Назнин загорелась шея, как будто на нее упал луч солнца. В последний раз Карим читал в журнале о детях-сиротах в лагерях беженцев в Газе. Назнин видела, как вспыхнуло его волнение, как оно нарастало. Чужим горем можно проникнуться со слов другого человека. И Кариму становилось все горше и горше. По ходу рассказа глаза его увлажнялись. Она пошла на кухню и под раковиной нащупала пластиковую коробочку из-под еды. Ей захотелось сделать что-то для сирот. И что-то для него. Дала ему деньги. Карим медленно заговорил на бенгальском, родные слова давались ему с трудом, сказал, что это очень красивый поступок. Но если об этом узнает Шану, что он подумает? Что скажет?

Молчание. Приглушенное жужжание водопровода, вода то наполняет, то опорожняет трубы. Биби хрустит челюстью: двигает ею из стороны в сторону. Назнин посмотрела на старшую. Впервые обратила внимание, что у Шаханы рот, как у Хасины: такие же невозможно-розовые губки, верхняя полная, нижняя ровная и широкая. Но Шахана так часто их поджимает, что форму не

так-то просто рассмотреть. Девочка потянулась к экрану и нажала кнопочку.

— Ты что, с головой совсем не дружишь? — заорал Шану, но тут же велел ей не загораживать экран, стал к нему ближе, листовка незаметно выпала у него из рук.

На экране молодые люди в масках, лица в шарфах, как у участников интифады, они бросают булыжники и звереют, когда вспыхивают подожженные ими машины. Между шарфами и масками кое-где мелькает темная кожа. Там же и полиция, прячется за прозрачные пластиковые щиты, то вперед, то назад короткими перебежками. Почему они не достают свои дубинки или оружие, думала Назнин. Ведь не надо всех бить. Только несколько человек для наглядности.

— Понимаешь… — сказал Шану, — понимаешь.

И успокоился.

Беспорядки случились в Олдеме[56]. Пошла другая картинка: день, камера скользит по вымершим тоскливым улицам, которые то и дело оживляет черный остов машины. Дороги по-

[56] Примечания: 56

Имеется в виду погром в Олдеме, что на северо-западе Англии, в ночь на 27 мая 2001 года, продолжавшийся несколько дней и носивший расовый характер.

крылись оспинами ям, дома стоят впритык, как оскаленные зубы.

Глава тринадцатая

Сегодня она без особых причин надела свое красное с золотым шелковое сари. Все утро маленькие золотые листочки отвлекают от работы. Кричат, чтобы на них смотрели. Она вытянула ноги под столом, листочки заплясали в складках. Прикрыла лицо краем сари и покачала головой, как девушка в танце джатра. Вдруг в панике откинула ткань — ее душило. Не хватало воздуха. Ноги запутались под столом. Сари, которое пару секунд назад казалось легче воздуха, стало вдруг как железные цепи. Задыхаясь, Назнин еле встала со стула и пошла на кухню. Выпила воды прямо из-под крана. От воды заболело в груди, с последним глотком закашлялась.

Кашель прошел. Назнин пошла в спальню и повалилась на постель. Если забраться выше, на подушки, видно собственное отражение в зеркале. Назнин вдруг подумала, что, если по-другому одеваться, изменится вся жизнь. И если она наденет юбку, жакет и высокие каблуки, то будет ходить только вокруг стеклянных дворцов

на Бишопсгейт[57], говорить по тоненькому мобильнику и кушать ланч из бумажного пакета. Если наденет брюки и белье, как та девушка с большим фотоаппаратом на Брик-лейн, то и походка у нее станет безбоязненной и гордой. Если обзаведется малюсенькой-премалюсенькой юбкой одного цвета с трусиками и обтягивающим ярким топом, то — а как же иначе? — заскользит по жизни с сияющей улыбкой на лице, рука об руку с красивым юношей, который бы кружил ее, кружил, кружил…

На один прекрасный миг показалось, что жизнью распоряжается не судьба, а одежда. И если бы он продлился еще чуть-чуть, Назнин сорвала бы с себя сари и разорвала его на мелкие кусочки. Но он кончился, и Назнин села на край кровати, упершись коленями в ящик комода. Достала расческу, вытащила две заколки, волосы упали до талии, и она стала расчесывать их — яростно, до боли.

После обеда закончились нитки. Назнин пошла по окраине района мимо велосипедных стоек, которыми никто не осмеливался пользоваться, мимо стоянки машин, где на полуденном солнце

---

[57] Примечания: 57
Бишопсгейт — административный район в Лондоне.

слегка поджаривались «ниссаны» и «датсуны» с желтыми замками на рулях, мимо потрескавшихся клумб с розмарином и лавандой, которые посадили здесь по распоряжению районного совета и бросили на растерзание детям, собакам и бумажкам от еды на вынос. Она прошла мимо клочка земли, который когда-то был отведен под детскую площадку с качелями, горкой и каруселью. Асфальт уже старый, трава изрезала его на трещины, высасывая соки из черноты и увядая на лужайках. Осталась только карусель. Ее отгородили заборчиком из металлических барьеров, чтобы не убежала.

Чтобы выйти на проспект, надо обогнуть зал — низкое кирпичное здание с металлическими ставнями, которое построили на окраине района Догвуд на заасфальтированном пустыре. Здесь на ровных гладких дорожках катаются скейтбордисты и пишут миру послания на стенах зала. Назнин спустилась по ступеням на один уровень вниз и увидела граффити, сгущающиеся до плотных серебряных, зеленых и ярко-синих пятен; кое-где мелькала киноварь оттенка мехенди[58], как на ногах невесты. Она спустилась еще на

[58] Примечания: 58

Мехенди — росписи хной на руках и ногах в Индии, обычно в честь свадьбы или большого праздника.

одну ступеньку и поправила конец сари.

Внезапно перед ней выскочил Секретарь. Сегодня тюбетейка у него на голове выбеленная, ажурная, словно за ней хорошо ухаживают. Он радостно ей улыбнулся, показав свои маленькие зубы:

— Садитесь, сестра, в поезд раскаяния, покуда он еще не ушел. Вы пришли на собрание?

Назнин не успела ответить, как он проводил ее внутрь. Помог ей, как маленькой козочке, спуститься по ступенькам в зал. Рука ее скользила по спинкам складных металлических стульев, она все хотела развернуться и уйти. Но вместо этого села в первом ряду, куда было велено. Через одно сиденье от нее — Вопрошатель. Сосредоточился на стопке бумаг, то перелистывает, то выравнивает, перелистывает и выравнивает. Через проход Назнин увидела музыканта. Рядом с ним две фигуры в черном. Узнала их голоса. Эти девушки в прошлый раз пришли в хиджабах, теперь отважились на бурки.

Узнала еще один голос, обернулась. В центре небольшого сборища черный человек. На нем серая фетровая шляпа и мешковатый белый костюм.

— Я был в баптистской, в англиканской, в

католической церквах, у адвентистов, в Церкви Христовой, в Церкви Христа Исцелителя, у Свидетелей Иеговы, в евангелистской, в Церкви Ангелов и в Чудотворной церкви Спасителя нашего. — Он набрал воздуха и помотал головой. — И везде свобода и разврат. Свобода и разврат.

Зал наполнялся народом. В воздухе — говор десятков голосов, смесь бенгальского и английского. Назнин передалось всеобщее возбуждение.

Она представила, как входит Карим и видит ее прямо перед собой, у самой сцены. Представила, как он стоит, сложив руки на груди и расставив ноги, и все, что он говорит (только она об этом знает), предназначается для нее. В полумраке зала, где стены болеют экземой и тускло светят голые лампочки, от облегчения закружилась голова, ведь сегодня она надела красное с золотым сари.

Двери закрыли, на сцену поднялись Вопрошатель и Секретарь. Карим не пришел.

— Больше ждать не будем, — сказал Вопрошатель, стараясь придать голосу оттенок повелительности.

Секретарь поднялся на цыпочки.

— Я открываю собрание, — пропищал он, — я открываю собрание.

— Тогда давай открывай.

Секретарь сверился с планшетом. Уронил ручку, она скользнула в рукав его куртки. В задних рядах послышался сдавленный смех.

— Пока ты возишься со своей канцелярией, там Олдем полыхает. Давайте проголосуем, кто за открытие собрания…

— Подождите, подождите. — Секретарь потряс руками, ручка вылетела с места парковки и приземлилась где-то в центре зала. — Никакого голосования, пока собрание не открылось.

Назнин прикрыла рот рукой, чтобы спрятать улыбку. Стерла ее с лица.

И в эту минуту в зале стало светлее: сзади открылась дверь, вошел Карим. Он был в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Джинсы на нем новые, темные, ремень на поясе не нужен. Одним безупречным движением запрыгнул на сцену и повернулся к залу:

— Отлично, начинаем.

Вытащил лист бумаги из заднего кармана джинсов. Текст был отпечатан зеленым и красным.

— Первый вопрос. — Он отдал листовку Секретарю, который изобразил к ней интерес. — Первый вопрос будет касаться этой листовки насчет

Чечни. Кто писал текст? Кто его разрешил? Кто ее распространял?

Он сделал вид, что внимательно обводит взглядом зал, тщательно избегая Вопрошателя.

— Обратимся к Секретарю. Эта листовка «Бенгальских тигров»?

Секретарь кивнул и продемонстрировал листовку всему залу.

— И разрешение на ее печать дал Комитет по печати? Секретарь поднес листовку очень близко к лицу

в поисках печати или водяного знака с разрешением.

— И распространение ее тоже Комитет разрешил?

И Вопрошатель, который все это время сжимал кулаки так, что побелели костяшки, не смог дальше контролировать себя.

— Комитет? Время комитетов кончилось. Сейчас время джихада.

Нос его раздувался от желания действовать, а глаза от напряжения превратились в щелки.

— Брат, не рассказывай мне про джихад. Я говорю про дисциплину.

— Дисциплина, — выплюнул Вопрошатель, — Комитет? Это ты у нас Комитет, а Комитет — это

ты.

Карим потрогал телефон на поясе. Увидел перед собой Назнин. Сложил руки и застучал правой ногой.

— Не надо меня со счетов сбрасывать, брат.

— Я тебя не сбрасываю, раз ты до сих пор стоишь.

Несколько бесконечно длинных секунд они молча перестреливались убийственными взглядами и пытались столкнуть друг друга самоуверенностью.

— Поставить ли мне это на голосование? — спросил Секретарь, вступая между ними. Он снова показал свои маленькие молочно-белые зубки.

— А что происходит?

— Ничего не происходит, голосование не нужно, — ответил Карим, — любой, кто хочет создать и возглавить свою собственную группу, может немедленно покинуть зал. И забрать свои листовки.

Вопрошатель шагнул к самому краю сцены. Носки его обуви зацепились за бортик. Он хотел подойти ближе к публике. Он хотел, чтобы все его слышали:

— Нас истребляют по всему миру. Давайте не

будем ссориться из-за листовок.

Он незаметно сделал еще шаг вперед, и Назнин увидела, что у него прошиты подошвы. На задних рядах зашевелились.

— Я вам кое-что покажу.

Он достал из жилета стопку бумаг. Перелистал, достал фотографию, такого же размера, как записные книжки у Шану. Фотография свернулась по краям, когда на нее падал свет, она бликовала, но все-таки Назнин разглядела ребенка.

— Это Нассар, ей один годик. Вес девять фунтов четыре унции. Нормальный вес двадцать два фунта. Фотографию сделали в Басре в декабре 1996 года.

Он наклонился и передал фотографию Назнин:

— Передайте ее по залу.

Девочка лежит на спине в коротеньком белом платьице с красными рукавами. Назнин коснулась ее истощенных ножек. Девочка еще ни разу не ходила и не ползала. Назнин посмотрела на сморщенное личико, на большие темные глаза с недетским выражением. И только волосы у нее, как у всех малышей: тоненькие, легкие, чуть вьющиеся.

Вопрошатель достал еще одну фотографию:

— Это тоже иракские дети. Машгал, Адрас и

Мисал. Всем еще нет и года. Эта фотография сделана в 1998 году.

Назнин передала дальше фотографию Нассар и взяла новую. Черно-белая. На одеяле лежат три малыша, тоненькие косточки, обтянутые тоненькой кожицей. Они куда-то вверх тянут ручки, и по их требовательному взгляду Назнин поняла: надеяться им не на что, но они еще не знают об этом.

— Прямым следствием начала санкций против Ирака стала смерть больше половины иракских детей. По самым оптимистичным подсчетам.

Вопрошатель снова перелистал свою стопочку. Он на секунду присел и вытащил еще несколько листов:

— Это Нур. Ей было шесть. Вот что стало с Нур после американской ракеты класса «земля-воздух», сброшенной на Аль-Джамхурия[59] рядом с Басрой 25 января 1999 года.

Сначала Назнин подумала, что это тоже черно-белая фотография. На фоне серого пепла и пыли красивый полузасыпанный профиль девочки.

---

[59] Примечания: 59

Аль-Джамхурия— бывшая резиденция Саддама Хусейна, во время этой атаки погибло местное население, в том числе и девочка Нур, фотография тела которой есть на информационных сайтах. Все описанные фотографии не вымышлены.

Назнин с трудом различила плечо и рукав, утонувшие в пыли. Волосы у девочки стянуты назад и примяты горсткой камней. Красивая фотография — этюд об остановившейся жизни, но не о смерти. И только спустя несколько минут Назнин заметила вверху фотографии руки, отцовские руки, баюкающие маленькую головку, поняла, что снимок цветной, и поняла, что он означает.

— Она была простой мусульманской девочкой. Одной больше, одной меньше, кому какое дело? Об этом надо молчать, — сказал Вопрошатель, — ничего нельзя печатать, ничего нельзя делать. Если умрет десять мусульманских детей, кому какое дело? Если десять сотен, сотня тысяч, полмиллиона, миллион, кому какое дело? Нам нельзя писать о наших братьях в Ираке или в Чечне или еще где, потому что нам до них дела нет. Они для нас никто.

В зале была полная тишина, потом послышались голоса. Стулья отодвигались, люди поднимались с мест, эхом разносились по залу и английские слова, и бенгальские, гулко отзывался плиточный пол. Все заговорили разом, никто больше не собирался терпеть.

Назнин наблюдала за Каримом. Он тер шею, словно хотел снять с нее голову. Фотографии

почти довели ее до слез, но ей все равно было интересно, как он себя поведет.

Вопрошатель отошел в глубь сцены. Он остановился в центре, и сцена теперь принадлежала ему. Он поднял руки и подождал, чтобы все успокоились.

— Послушайте, я всего лишь казначей. Говорить мне не положено. Некоторые предлагают: «Вышвырнуть его. Его позиция слишком радикальна».

В зале послышался ропот протеста.

Слово взял Карим:

— Никто никого не собирается вышвыривать. Мы здесь все и собрались для принятия радикальных мер. Я предлагаю сначала разобраться с тем, что творится у нас в районе.

Кто-то заулюлюкал. Назнин краем глаза заметила чьи-то кулаки, но тут же раздались одобрительные возгласы.

— Будем бороться с пивом и с бинго? — спросил Вопрошатель. — Что нас убьет, бинго или пиво? Или полуобнаженные женщины?

Кое-где засмеялись. Вопрошатель решил закрепить успех. Он бросил Назнин последнюю фотографию. Его маленькие глазки под тяжелыми веками превратились в треугольники.

— Вот последствия санкций. Вот цена, которую своими жизнями платят дети, больные и старики.

Концом сари Назнин утерла слезы, которые все-таки навернулись.

Но людям уже не сиделось на месте. Фотографию просмотрели очень быстро и вернули на сцену.

— Как вы думаете, почему они называют себя «Львиными сердцами»? — Карим отошел по сцене влево. Прислонился к стене. — Вы знаете, что это означает?[60]

Вопрошатель не почувствовал смены настроения в зале.

— Я вам сейчас кое-что прочту.

Он пошарил по карманам своего жилета, который не снимал, несмотря на жару. По-видимому, жилет у него, как передвижной кабинет. Подкладка из того же материала, что и ластовица на кальсонах Шану. На внутренней стороне целые гроздья карманов.

Он начал читать:

— «В последние несколько лет перед началом

---

[60] Примечания: 60

Намек на Ричарда Львиное Сердце, который прославился во время Третьего крестового похода как рыцарь храбрый и очень жестокий к мусульманам.

третьего тысячелетия только одно преступление против человечества несравнимо с остальными по размаху, жестокости и тому, что еще впереди. Это американские санкции против двадцатимиллионного населения Ирака».

— Но мы-то что можем сделать? — раздался голос позади Назнин. — Как мы будем сражаться с американцами?

Кариму у стены было явно очень уютно. Он прощупал пальцами свою щеку. Назнин вспомнила родинку и вздрогнула.

— Сначала давайте разберемся с теми, кто у нас на пороге стоит, — крикнул кто-то с задних рядов.

— Мы знаем, что означает «Львиные сердца». Девушки в бурках встали вместе и вместе же объявили:

— Нас обзывают. Мы хотим, чтобы они это прекратили.

— Дайте мне закончить, дайте мне закончить — повторял Вопрошатель. — «ООН тоже участвует в этом геноциде, его участие поддерживается угрозой военного насилия, и если все человечество не в силах этому противостоять, то жестокость, террор и человеческое горе в новом тысячелетии превзойдут все, что мы уже успели испытать». Это

заявил бывший Генеральный прокурор США[61]. Новое тысячелетие уже наступило.

— Если ты защищаешь жестокость, то я пересмотрю обещания, данные мной Аллаху.

Назнин обернулась и увидела черного человека, он поднялся с места. Он снял тюбетейку и прижал ее к широченной груди.

— Вероотступник! — выкрикнул кто-то.

— Кого это вы называете вероотступником?

Голова у него вылеплена очень искусно, черная, как чугунная сковородка. В своем белом наряде он похож на короля.

— Я не вероотступник, — буркнул он.

— Братья, — сказал Вопрошатель, — давайте будем держать себя в руках.

— И сестры, — разом поднялись девушки в бурках.

Вопрошатель уставился на них:

— Коран повелевает нам существовать отдельно друг от друга. Сестры. И вообще, что вы здесь делаете?

В знак протеста они продолжали стоять.

— А еще здесь есть квакеры поблизости, — сказал черный человек и сел на место.

---

[61] Примечания: 61
Имеется в виду Рамси Кларк.

Назнин перестала слушать, что говорят на сцене. Она посмотрела на запястья, на зелено-голубые вены, приподнимающие кожу, на веснушки, рассыпанные между сухожилиями. До нее то и дело долетали слова, как мотыльки в сумерках, мелькнет — и вот уже нет его, вроде и не обращаешь внимания, но замечаешь. Она сложила руки. Вот бы сейчас оказаться в квартире — Карим читает журнал, она шьет. Он ходит по квартире, наполняет ее собой. Он ходит по квартире так, будто учится ее собой наполнять. С каждым разом его присутствие чувствуется сильнее.

Вдруг Назнин подумала, что о своих мыслях там он может рассказать здесь, в зале. И снова вслушалась.

Обсуждали Олдем, надо ли отправлять на север своих представителей. Секретарь присел на сцене и пристроил планшетик на колене. Он записывал реплики и жевал колпачок. Карим и Вопрошатель стояли по разные стороны от Секретаря, и каждый пытался взять на себя роль главного.

Поднялся музыкант. На нем черная обтягивающая футболка с серебряной надписью на груди и черные кожаные перчатки с обрезанными пальцами.

— Давайте купим звуковую систему, тогда народ к нам повалит. Ходил я на тусовки к диджею Куши и Эм Си Манаку. Ну и толпищи там собираются! И в основном — белые. Блин, клево так было.

Вопрошатель махнул рукой:

— Это демонстрация, а не дискотека.

— Да, но и на демонстрации тоже народу надо побольше.

Карим кивнул:

— Точно. Господи. Народу побольше.

И он продолжительно закивал головой, словно по-другому невозможно изобразить всю полноту его согласия.

— Братья, — взял слово Вопрошатель, — хотим ли мы…

— И сестры, — добавили девушки в бурках.

— Братья, — повторил Вопрошатель. — Хотим ли мы превращать наши действия в карнавал? Хотим ли мы, чтобы белые ребята пришли на дискотеку?

Слово взял черный человек:

— Когда я был в твоем возрасте, черные ребята ходили в клубы для черных, а белые ребята ходили в клубы для белых. Интересно посмотреть теперь на тех и других вместе. — И он повернулся

к музыканту: — Будете бангру играть?

— Не, не. Бангру? — изумился музыкант. — Мы с бангрой иначе, сечешь? Немного рага добавили. Мы, эта, играем бангл[62]. И джангл. Сечешь?

— Мы что, говорим про клубы? И про дискотеки? — спросил Вопрошатель. Его сейчас только тронь.

— А почему бы и нет, давайте поговорим, — снова подскочил музыкант.

Реакция последовала неоднозначная. Те, кто был согласен, решили тут же обсудить это с соседями. Те, кто не был согласен, решили немедленно обсудить с соседями, что обсуждать это не надо.

— Братья, — начал Вопрошатель, но никто не обратил на него внимания.

— Братья и сестры, — начал Карим, и девушки в бурках зашикали на окружающих, чтобы помолчали и послушали Карима. — Братья и сестры, давайте выслушаем все ваши предложения. Поднимайте руки и вставайте по очереди.

Карим вызывал по очереди и каждого слушал так, что человек говорил, чувствуя великую важность своих слов. Вопрошатель яростно ворошил

---

[62] Примечания: 62

Бангл — направление в музыке конца девяностых, смесь рага (соул + бангра) и джангл (черное техно с пенджабскими ритмами).

свои бумаги и качал головой. Он перебрал весь свой переносной кабинет в жилете и почистил ногти. Пока Карим подбадривал выступающих нечленораздельными возгласами удивления, его соперник принялся выдавливать прыщ возле рта. Когда Карим закончил, публика сидела довольная и спокойная, а прыщ ярко пылал на лице.

Затем Карим произнес короткую речь, подводя итоги. Мыслить глобально, действовать локально, говорил он. Официальные письма поддержки будут разосланы во все уммы в мире, и в Олдем, и в Ирак. Ответственность за это на себя возьмет Комитет. Все листовки с нынешнего дня будут проходить в Комитете тщательную проверку. Он попросил всех, кто с этим не согласен, поднять руку. Все сидели молча. Вопрошатель сложил руки на груди, ладони в подмышки. Собрание, на этом окончено, объявил Карим.

Назнин поднялась и быстро пошла к выходу, не глядя по сторонам. Всю дорогу домой сдерживалась, чтобы не броситься бежать. Очутившись дома, ждала возле двери, чтобы открыть Кариму прежде, чем он постучит.

Он поцеловал ее в губы и отвел в ванную. Раздевайся, велел он, и ложись на кровать. Вышел. Она переоделась в ночную рубашку и легла в

постель. Смотрела в окно на кусок голубого неба и заплатку белого облака. Натянула покрывало повыше и закрыла глаза. Как же хочется спать. Бодрствовать еще пару секунд выше ее сил. Она заболела, ей нужен отдых. Жар, ее лихорадит. Уткнулась лицом в подушку и застонала, и когда он поцеловал ее в шею, снова застонала.

Глава четырнадцатая

Прожив в Лондоне тридцать с лишком лет, Шану решил, что настало время посмотреть достопримечательности.

— Я видел только здание парламента. И то в семьдесят девятом году.

Возник целый проект. Закупалось оборудование. Шли приготовления. Шану купил шорты чуть ниже колена. Он примерил их, затем рассовал по многочисленным карманам компас, путеводитель, бинокль, бутылку воды, карты и два одноразовых фотоаппарата. В результате шорты опустились до середины голени. Он купил бейсболку, надел ее и ходил по квартире, то поднимая, то опуская козырек, вертя его из стороны в сторону. Кошелек на поясе держал шорты на талии, не давая им упасть до щиколоток. Он составил список туристических мест и разработал систему звездочек, чтобы оценивать историческую значимость, «развлекательный» момент, как он выражался, и денежные затраты. Девочки отлично проведут время. Об этом их заранее предупредили.

Жарким субботним утром ближе к концу июля

проект принес первые плоды.

— Провел здесь большую часть жизни, — сказал Шану, — а за пределы двух-трех улиц так и не выехал.

Шану выглянул в окно на угрюмые краски Бетнал-Грин-роуд.

— Всю жизнь здесь я сражался, сражался и так и не нашел времени поднять голову и посмотреть вокруг.

Они на втором этаже автобуса на передних сиденьях. Шану рядом с Назнин, а Шахана и Биби через проход. Назнин скрестила лодыжки и подтянула ноги под сиденье, чтобы не упираться в два целлофановых пакета с обедом.

— Ты провоняешь весь автобус, — сказала ей дома Шахана, — я с тобой рядом не сяду.

Но в автобусе не стала прятаться.

— Понимаешь, — сказал Шану, — когда у тебя целая куча времени впереди, чтобы осмотреть достопримечательности, ты их не осматриваешь. Теперь мы собираемся домой, и во мне проснулся турист.

И он напялил темные очки. Они тоже входили в список оборудования.

Назнин посмотрела на его сандалии, тоже новые. Увидела толстые желтые ногти на ногах.

Торчат из-под ремешка набухшие, как поп-корн. Она уже давно не занимается его ногами. Смахнула с его плеча воображаемую былинку.

Шану повернулся к девочкам:

— Как вам нравится наше путешествие?

Биби сказала, что ужасно нравится, Шахана покосилась на него, заерзала и прислонилась головой к окну.

Шану начал напевать. Закачал головой в такт мелодии и застучал ритмично по колену. Запел он низким грудным голосом, и этот звук совпал с гулом автобуса, которого трясло на басах.

Назнин решила, что сегодняшний день должен запомниться им на всю жизнь. Она сделает все, чтобы у мужа сегодня весь день было радужное настроение.

Подошел кондуктор с билетами. Опущенная челюсть придает ему выражение полного безразличия.

— Два по одному фунту и два детских, пожалуйста, — сказал Шану. Взял билеты. — Мы на экскурсию, — объявил он и погладил путеводитель, — у нас семейное путешествие.

— Хорошо, — ответил кондуктор.

Перевернул сумку в поисках сдачи. Эта работа давит на него. Под потолком автобуса он посто-

янно горбится.

— Вы не могли бы мне ответить на один вопрос? Как вы думаете, что выше по уровню, Британский музей или Национальная галерея? Или все-таки вы посоветуете сначала в галерею, а потом в музей?

Кондуктор оттопырил нижнюю губу вместе с языком. Он тяжелым взглядом посмотрел на Шану, как будто решая, надо ли его выставлять из автобуса.

— По моей оценочной системе они идут ноздря в ноздрю, — объяснил Шану, — мне бы хотелось услышать мнение местного жителя.

— А сам-то ты где живешь, приятель?

— Через пару кварталов отсюда, — ответил Шану, — но это первая наша вылазка за последние двадцать-тридцать лет.

Кондуктор покачивался. Время еще раннее, но в автобусе уже жарко, и Назнин уловила от него запах пота. Он посмотрел на путеводитель Шану. Повернулся и посмотрел на девочек. Беглый взгляд в сторону Назнин — с ней все ясно, покачал головой и пошел прочь.

На подъезде к Букингемскому дворцу уместилось бы сорок повозок с буйволами. Какая роскошная дорога! Ничего серого и черного. Ничего

коричневого и грязно-желтого. Она красная. Как раз для королевы. Высокую черную ограду вокруг дворца венчают золотые наконечники. Назнин прикоснулась к ней и стала рассматривать дворец. Через пару секунд обернулась. На тротуаре уйма туристов. Молодые пары держат друг друга чуть пониже талии; семьи, в каждой кто-нибудь скучает; туристические группы, различающиеся по расовым признакам и по снаряжению; группки подростков, которые курят, жуют жвачку или открыто и яростно целуются. Многие смотрят на дворец так, будто ждут, что он что-нибудь покажет. Назнин снова посмотрела на здание. Белое, большое и, на ее взгляд, выдающееся только по своим размерам. Ограда впечатляет, но дом королевы просто большой. Фасад невзрачный. Две колонны (тоже невзрачные) у главного входа, и в плане украшений посмотреть не на что. Будь Назнин королевой, она бы снесла этот дворец и построила новый, не такую коробку с плоской крышей, а что-нибудь изящное и одухотворенное, с минаретами и башнями, куполами и мозаиками, с красивым садом вместо этого голого двора. Что-нибудь вроде Тадж-Махала.

Шану отыскал соответствующую страницу в путеводителе: «Букингемский дворец с 1837 года

является официальной резиденцией британских монархов. Поначалу был построен как особняк, и в начале восемнадцатого века им владели герцоги Букингемские».

Шану опустил путеводитель и оценивающе смотрел на открывшийся вид. Шахана и Биби рядом с Назнин, Шахана повернулась к дворцу спиной. Она хочет проколоть дырочку в губе. По последней моде. До дырочки в губе мечтала о татуировке. С подобными просьбами она не обращается к отцу. Адресует их матери в доказательство, что ее нельзя «забрать домой». К заявлению о сережке в губе присовокупила: «Это мое тело», словно это что-то решает. Назнин улыбнулась в ответ и получила пинок за то, что не сможет ей помочь.

— Королева Виктория приказала пристроить четвертое крыло с детскими комнатами и двумя спальнями для гостей. Мраморную арку перенесли в Гайд-парк, в северо-восточный его угол.

Шану снял бейсболку и вытер пот. Увидел, что дочь прислонилась к ограде.

— Шахана, посмотри. Посмотри, какое красивое здание.

На дворец посмотрела Назнин.

— О, да, — сказала она, — как мудро поступил

ваш отец, что привел нас сюда. Какой прекрасный выбор.

Кое-где на окнах занавески, совсем как на окнах у них в квартале. Назнин хотелось спрашивать Шану, чтобы он отвечал на вопросы. Но в голову лезут сплошные глупости. Сколько у них уборщиц? Сколько времени уходит на то, чтобы сменить постели во всех комнатах? Как в этом здании семья общается друг с другом? Наконец она спросила:

— Какая здесь самая большая комната и для чего она используется?

Шану был польщен.

— «Бальная зала — сто двадцать два фута в длину, шестьдесят футов в ширину и сорок пять футов в высоту. Когда ее только построили, она была самой большой комнатой в Лондоне. Использовалась по самому разному назначению». Понимаешь, королева должна развлекать много людей. Это одна из ее государственных обязанностей. В Британии многие известны тем, что они присутствовали в то или иное время на чаепитии у королевы. Так она и завоевывает любовь и преданность своих подданных.

Назнин задавала еще вопросы. Шану отвечал обстоятельно, заглядывал в книгу, строил ги-

потезы. Биби не спускала глаз с дворца, словно пыталась его выучить. Она хватала косички, когда Шану упоминал какие-нибудь невероятные факты или цифры, и вставала на цыпочки, чтобы понять их. Шахана переминалась с ноги на ногу и смотрела вокруг. Ей не хотелось стоять на солнце.

— Я почернею, — ныла она рядом с Назнин, — ты мне хоть бы крем купила от загара.

— Тише, отец рассказывает.

— Когда он соизволит замолчать, дай мне знать.

Шану перечислял сокровища и произведения искусства во дворце. Экскурсовод, который говорил на непонятном Назнин языке, стал с группой неподалеку от Шану. Оба они заговорили громче.

Назнин хлопнула в ладоши:

— Какой у нас сегодня чудесный выходной, правда, девочки?

— Да.

— Да.

— Пошли, — сказал Шану, — давайте отойдем в сторону и посмотрим на дворец под другим углом. И чтобы на фотографиях он был лучше виден.

Он достал бутылку с водой и отхлебнул из нее.

Предложил бутылку Шахане, но она сделала вид, что не заметила.

Через двести ярдов им встретилась тележка с горячим арахисом в карамели. Назнин, осуществляя запланированное с утра веселье, оживилась:

— Ммм. — И погладила себя по животу. — Как вкусно пахнет. Купишь?

Шану похлопал по кошельку на поясе:

— Угощения я тоже продумал.

Они сели на ступеньки напротив входа в парк и принялись за орехи в бумажных пакетиках, вдыхая запах жженого сахара. Назнин ела, смеялась, разговаривала и задавала сотни вопросов. Через несколько минут Шану начал на них отвечать, Назнин снова засмеялась, Шану замолчал и посмотрел на жену, склонив голову набок.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Может, это у тебя от солнца?

Назнин вспыхнула и снова засмеялась. Слишком много она смеется, но, однажды начав, уже не так просто остановиться.

— Нет, нет. Со мной все очень хорошо.

И икнула, и снова расхохоталась. Схватилась за живот, который уже болел от смеха. Шахана улыбнулась, потом захихикала. Легонько стукнула мать по голени носком своей кроссовки:

— Хватит, ма.

И тоже начала смеяться. Биби расхохоталась, сначала без видимого веселья, потом с более серьезными симптомами. Навернулись слезы, тельце затряслось. Шахана показала на сестру, обе взвизгнули, глянув друг на дружку, и сделали свой первый и единственный оборот на карусели смеха.

— Ну что ж, — сказал Шану. — Его распирало от гордости за отлично организованный день. — Как же нам весело.

Они перешли на другую сторону аллеи и пошли обратно к Букингемскому дворцу. Девочки шли впереди, каждая с пакетом в руках, не отпуская друг друга.

— Это зрелище самое прекрасное из всех достопримечательностей, — сказал Шану Назнин, она споткнулась и схватила его за руку.

Они вернулись к дворцу, потому что Шану хотел испробовать фотоаппарат и сделать общий кадр. Должно получиться, объяснил он, если подойти к дворцу достаточно близко и следить, чтобы в видоискателе помещалось все. И завозился с маленьким картонным фотоаппаратом.

— Он одноразовый, — сказала Шахана, — чего с ним возиться?

Шану закончил с первым фотоаппаратом, и веселье закончилось. Начал искать второй, заявил, что его украли. Предложил обратиться к гвардейцам, стоявшим в низеньких черных коробках во внешнем дворе дворца.

— У них ведь есть ружья, пусть пристрелят этого подонка.

Назнин предложила выложить все, что у него в карманах.

— Господи, — сказал он, — ведь я же не ребенок.

Шану опорожнил все карманы, нашел фотоаппарат и велел девочкам приготовиться к снимку.

Девочки послушно заулыбались и успели столько раз сменить позы, наклонить головы в разные стороны, что, когда наконец из кадра ушли все люди и когда наконец Шану понравилось то, как они стоят, даже Биби была не в силах улыбаться.

— Улыбайтесь, — приказал Шану, и тут кто-то вошел в кадр, — О господи. Почему у вас такие несчастные лица?

Настала очередь Назнин фотографироваться с дочками.

— Если весело улыбнешься, — прошептала она Шахане, — куплю тебе те сережки.

— Те висячие?

— Да.
— Те длинные висячие?
— До колен. Улыбайся.

Шану в кадре вместе с дочками. Назнин держит палец на спуске. Этот снимок, наверное, будет поставлен на кухне, на столе возле кафельной стены, он постепенно будет покрываться тонким слоем жира с куркумой из кастрюль. На снимке запечатлен человек в возрасте: длинные красные шорты поверх жилистых голеней, белая футболка обтягивает несуразный живот. Он приобнял двух маленьких девочек в салвар камизах. Слева, подняв руку и защищая лицо от солнца, девочка постарше: о начале подросткового возраста говорят прыщи вокруг подбородка и впечатление (загадочным образом отразившееся на снимке), что от смущения она поджала пальцы на ногах. Она в зеленом, выбрала самый темный оттенок, почти черный, волосы ее распущены и свободно лежат на плечах. Через несколько лет Назнин никак не могла вспомнить, что за черное пятно у дочери на лице — либо царапина на пленке, либо прядь волос во рту. Под вторым крылом у человека маленькая девочка с приклеенными к бокам руками. Она смотрит на мужчину снизу вверх и улыбается так, словно ей тычут ножом в

спину. На ней красивый розовый камиз, шарфик волочится по земле. Мужчина улыбается прямо в объектив, его вместительные щеки излучают радость. Глаза спрятаны за темными очками.

— Мы должны все вместе сфотографироваться.

Шану оглянулся и поискал, кому бы доверить снимок. Выбрал молодого человека, сияющего благополучием, словно всю жизнь его кормили только молоком и медом.

— Конечно, — сказал человек, как будто только этой просьбы и ждал, — становитесь ближе друг к другу.

Назнин стала так близко к Шану, что задела его плечом. На фотографии должна выйти послушная и скромная жена, в простом цветном сари. Положила руки на плечики Биби.

— И откуда вы все приехали?

Говорит как диктор в телевизоре.

— Мы из Бангладеш, — ответил Шану очень медленно, на случай, если человек с трудом его понимает.

— Что вы говорите!

Это озадачило Шану.

— Да, — сказал он, — из Банг-ла-деш.

Шану произнес это слово так осторожно, словно человек собирался его записать.

— Что вы говорите!

Человек вернул фотоаппарат. Он вел себя очень просто. Спокойный, как ребенок у матери на руках.

— А что я говорю? — ответил Шану.

Шахана закатила глаза:

— Я из Лондона.

— Это в Индии?

На молодом человеке голубая рубашка в клеточку, лицо излучает здоровье.

— Нет, нет, Индия — это одна страна. Бангладеш — другая.

— Что вы говорите!

Человек поразился этому факту, но быстро взял себя в руки.

— Не возражаете, если я вас сфотографирую на свою пленку? — И вытащил свой аппарат. В качестве объяснения добавил: — Я хочу туда как-нибудь съездить, в Индию.

Назнин снова приготовилась фотографироваться и вдруг подумала, что сегодня они впервые позируют перед объективом. От мысли, что на этой обычной семейной фотографии они все вместе и никуда не разбегаются, внутри смесь паники и надежды.

После проявки пленки на этих кадрах оказа-

лись размытые цветные кляксы, такие пятна глаз выхватывает сквозь приоткрытую дверь, за которой муссон размыл все очертания предметов, в их семейном портрете ничего нельзя было разглядеть, только обувь.

Расположились на травке в Сент-Джеймс-парке. Назнин выложила еду на четыре кухонных полотенца. Куриные крылышки в щедрой подливке из йогурта и специй, запеченные в духовке, тонко нарезанный лук, смешанный с чили, обвалянный в муке с яйцом и обжаренный на масле, концентрат с турецким горохом и томатами, тушенными с тмином и имбирем, бесформенные чаппати[63], еще горячими завернутые в фольгу и сейчас покрывшиеся влагой, золотистые, вкрутую сваренные яйца, покрытые тонким слоем карри, треугольнички плавленого сыра в круглой картонной коробочке, яркие упаковки с бессовестно оранжевыми чипсами, кекс (ингредиенты микроскопическим шрифтом, иначе не поместились бы). Назнин все разложила на большие бумажные тарелки и убрала коробочки в пакеты.

— К столу! — крикнула она, как дома.

---

[63] Примечания: 63
Чаппати — разновидность пресной лепешки.

Шахана развернула треугольничек сыра и затолкала сыр в чаппати. Биби начала жевать куриное крылышко. Шану, не торопясь, нагрузил тарелку всем, что разложено перед глазами, и не забыл про чипсы (три штучки) и кусочек кекса. Осторожно поставил тарелку на колени.

— Какое изобилие, — сказал Шану по-английски, — знаете, судьба мне улыбнулась, когда моей женой стала ваша мать.

Шану показал рукой на полотенца, словно именно так и выглядит улыбка судьбы. И с яростью набросился на еду, что исключило возможность всякого разговора.

После обеда Шану снял с пояса кошелек, сандалии и лег. Глаз его не было видно за очками, но Назнин по подъемам и опусканиям живота поняла, что Шану уснул. Девочки захотели погулять вокруг озера. Назнин велела им гулять только по тропинке, чтобы не потеряться. Ей тоже хотелось пойти с ними к зовущим кронам парка, бродить среди цветов, стать рядом с фонтаном, смотреть, как в серебристо-голубое небо он стреляет сказочными бриллиантовыми стрелами. Но оставить растянувшегося на спине Шану было бы нечестно, и она осталась.

Назнин окунула ступни в траву и смотрела, как

проходят люди с красными ведерками и белым мороженым. Возле озера приземлилась цапля, расправила и снова сложила крылья.

Утки с веселым оперением скользили по воде, как цветочные венки: так же лениво. На другом берегу дерево опустило листья, как зеленые волосы, в вечно спокойную воду озера. Солнце теплыми пальцами касалось ее рук. Назнин смотрела на людей: все разные, разных цветов кожи, и всех объединяет одно. Они гуляют, быстро, неторопливо, праздно, хотят получить удовольствие. Прошла темнокожая семья. По всей видимости, патаны[64] — высокие, полные достоинства. Точеные скулы, широкие лбы. Интересно, подумала Назнин, они тоже выбрались на отдых из какого-нибудь уголка этого города? Нет, судя по тому, как все разглядывают, путь они проделали немалый. Девушка на роликах, шортики выше ягодиц, пронеслась между ними на большой скорости, они смотрят ей вслед, и если бы вдруг девушка подняла руки и взлетела, они бы не удивились.

Назнин сорвала травинку. Разрезала ее ногтем и закрутила спиральками в разные стороны.

---

[64] Примечания: 64

Патаны (пуштуны) — этническая группа, проживают по обе стороны современной афгано-пакистанской границы. Издавна славятся своим военным искусством.

Выбросила. Так и мы все, подумала она: «Жизнь человека не важнее травинки на этой лужайке».

Последние несколько недель, после первого раза с Каримом, когда жизнь наливается значением, когда от малейшего движения бьет током, она каждый день напоминает себе: «Ты никто. Ты никто».

Они выработали систему условных обозначений. Рано утром она смотрит в окно. При его появлении взмахивает рукой, как бы с желанием почесать лицо. И Карим поднимается. Если Шану еще дома, она прислоняется лицом к стеклу. Карим не машет ей и не улыбается, вообще ничего не делает и проходит мимо. Каждый раз Назнин представляла, что будет прислоняться лицом к стеклу каждое утро, пока однажды он просто не придет. Она будет смотреть на него сверху вниз, со временем Карим все поймет и однажды не придет. На следующее утро ее охватывала дрожь, и она поднимала руку.

Только Карим видел ее голой. От стыда подкатывало к горлу. И от желания. Они совершали преступление. Это ведь преступление, приговор — смерть. В постели, в его объятиях ее охватывает такое отчаянное наслаждение, словно палач уже ждет за дверью. После смерти — вечное пламя

ада, и в каждом прикосновении мужской плоти она ищет мужества выстоять перед огнем. Сначала объятия были нежными, она не могла им противиться, но радости они не приносили, и Назнин, как мотылька на огонек, звала Карима за собой в безрассудство.

В спальне все менялось. Все было настоящим и ненастоящим одновременно. Как суфий в трансе, как дервиш вихре, она бросает нить одной жизни и берет другую.

— М-медленнее, — стонал он.

Она не может медленней.

За дверями спальни она то боится, то ведет себя с вызовом. Впервые жизнь ей не принадлежит. Когда-то она подчинилась воле отца и вышла замуж. И подчинилась воле мужа. Сейчас Назнин снова уступила, но новая власть гораздо сильнее мужниной и отцовской, и Назнин перед ней абсолютно беспомощна. Закравшуюся мысль, что власть — внутри нее, что творит она сама, и никто кроме, Назнин отвергла как слишком смелую. Разве может в слабой женщине быть столько силы? И Назнин опять все списала на судьбу.

Назнин сменила простыни (вот она — настоящая боль, не смазанная бальзамом страсти), и они пошли в гостиную. Карим развалился на диване.

Проверил мобильный: нет ли сообщений.

— Волнение и нервы, мой отец воет, а не воюет. И покой ему только снится.

Можно подумать, что у отца нет повода беспокоиться за сына.

«Принеси мне чаначур[65]», — говорил он, и Назнин шла на кухню.

«Стакан воды».

«Я там свой журнал оставил».

«Передай, пожалуйста, телефон».

«О господи, только не садись за машинку».

Назнин только и приплясывала. Как здорово играть в семью. Но она-то играла, а для Карима все, кажется, по-настоящему.

Карим рассказал о матери:

— Ступни ее редко касались пола. Я закипал, наблюдая, как отец готовит ей чай, приносит еду, вытирает руки. Если отец был поблизости, она лежала. Если его не было, она все делала медленно, чтобы не перетрудиться, не перезаботиться о детях. Все больше времени проводила она в постели, постоянно требуя себе что-нибудь принести. Меня это приводило в ярость. На отца я злился за его слабость, за то, что не ведет себя по-мужски.

---

[65] Примечания: 65
Чаначур — легкая закуска.

И мне в голову не приходило — дети все такие смешные, — что, может быть, она больна.

— Значит, отец твой, наоборот, был сильным.

Карим погладил себя по голове. Волосы у него такие короткие, что их и потрепать нельзя.

— Не знаю. Я об этом никогда не думал.

Временами Назнин охватывало необъяснимое беспокойство. И она ночами сидела на кухне и доедала остатки обеда, словно еда могла вытеснить собой беспокойство, как воду из ванны. В конце концов Назнин тошнило и от еды, и от мысли «а что же дальше?», и она проникалась чувством усталости и безысходности. Все равно уже ничего не исправить.

Но по большей части ей очень хорошо. Она чаще разговаривает с дочерьми, те удивляют своим умом, сообразительностью, непосредственностью. Ухаживает за мужем, видит, какой он заботливый, честный, образованный, как он охоч до знаний. За работой чувствует, что работа приносит удовлетворение, если стремиться в ней к совершенству. Убирать квартиру и вытирать пол после наводнения в туалете легче с музыкой в душе и на устах. Как будто адское пламя ее свиданий с Каримом осветило все вокруг, как будто после жизни в сумерках наконец рассвело. Как

будто она родилась ущербной и только сейчас ей подарили недостающее.

Назнин больше не ходила на собрания. «Бенгальские тигры» жили своей жизнью, но жили плохо. Проблема заключалась в отсутствии проблем. «Львиные сердца» перестали выпускать листовки. «Бенгальские тигры» выпустили еще пару (одна называлась «Десять способов стать богобоязненным», на другой был свернутый плакат со словами «исламский джихад», полыхающий на фоне АК-47), но без искры «Львиных сердец» костер затух.

Это мучило Карима:

— Они что-то задумали. Легли на дно, и поводов для беспокойства сейчас больше, чем раньше.

На севере продолжались беспорядки.

— Наверное, туда поехали, чтобы накалять обстановку. Но они вернутся. И у нас снова начнется девяносто третий год[66]. Нет, даже хуже станет. — Он сказал это после выборов советника, когда стало опасно выходить на улицу.

Но ряды «Бенгальских тигров» таяли, численность особей сокращалась. Однажды на собрание

---

[66] Примечания: 66

В 1993 году состоялись выборы в районный совет Тауэр-Хэмлетс; советником стал кандидат Дерек Симпсон от Национальной партии Британии, которая известна своими расистскими взглядами.

пришло пять человек. И Карим не выдержал:

— «Львиные сердца» ушли в подполье. Набирают людей. А мы что?

Он стоял в коридоре, но Назнин ни о чем, кроме спальни, думать не могла.

— На что мы будем годны, если вдруг настанет время?

Он переминался с ноги на ногу. Закатал рукава выше локтя. Назнин расстегнула пуговицу у него на рубашке, пальцем провела вокруг цепи, по шее. Дотронулась до его подбородка, родинку теперь не видно под бородой.

С тех пор как они стали любовниками, Карим отращивает бороду. Щетина такой же длины, как на голове. Он обращается за религиозными наставлениями к Духовному лидеру, имаму в женских тапочках.

— Ты знаешь, что в собрании аль-Бухари семь тысяч пятьсот шестьдесят хадисов. Второй по величине сборник хадисов аль-Хаджджаджа, там семь тысяч четыреста двадцать два.

Карим присел на туалетный столик, пока она меняла простыни и сворачивала их.

— Чтобы хорошо разбираться в исламе… Господи, какую хорошую надо иметь память.

Он подвинулся, чтобы она достала другой по-

стельный комплект из ящика.

— А ты знаешь, что Кааба[67] был воздвигнут Адамом, и что это первая церковь на земле для вознесения хвалы Господу?

Назнин постелила простыни и заправила их по краям.

— А ты знаешь, сколько надо сделать таваф[68] вокруг Кааба? Три раза. Я думал, что знаю все. Я не знаю самых основных вещей.

Назнин готова была его слушать бесконечно, только бы молча убирать следы своего неисламского поведения. Вечером, когда Карим давно уже ушел, когда она суетилась и готовила на кухне, к ней пришла Шахана с учебником:

— Ты знаешь, что у человека сорок шесть хромосом, у собак и куриц семьдесят восемь, у скорпионов четыре, а у горошин четырнадцать?

— Нет, — призналась Назнин, — я этого не знала. А что такое хромосома?

Шахана обиделась:

— Ну, это такая штука в биологии. Нет, ну представляешь, у человека их меньше, чем у курицы.

---

[67] Примечания: 67

Кааба — священный храм мусульман в Мекке. Имеет форму куба, расположенного в центре прямоугольного двора.

[68] Примечания: 68

Таваф — обход вокруг Каабы.

Назнин сорвала еще травинку и силой вернула себя на землю. Пришли с прогулки девочки, попросили мороженого. Назнин колебалась, будить ли Шану, но, пока она думала, Шану проснулся сам. Он рыгнул, закрыв рот рукой, и зевнул, не прикрываясь.

— Я пойду за мороженым, — сказал он, — потяни мне ноги.

— Мне сегодня хорошо, папа, — сказала Биби.

— Это самое главное. — И он посмотрел на Шахану. — А тебе?

— Лучше не бывает.

Шану помедлил. На лицо набежала тучка. Но потом ушла. Обвислые его щеки растянулись в улыбке:

— Все для нашей мемсахиб. — И пошел по траве к берегу озера.

— Ты его любишь? — со злостью спросила Шахана. Глаза ее сузились.

Назнин словно вытолкнули из самолета. Кивнула.

— Я имею в виду, была ли ты в него влюблена? Может, до того, как он *разжирел?*

Назнин потянулась к дочери. Дотронулась до ее руки, захотела обнять ее, прижать к себе крепко-крепко.

— Твой отец очень хороший человек. Мне повезло в замужестве.

— Ты хочешь сказать, что он тебя не бил, — сказал Шахана.

— Когда ты повзрослеешь, все поймешь. И про мужей, и про жен.

Назнин не знала, кто из них мудрей: она или дочь. Может, вопросы Шаханы не так уж наивны? Так или иначе, она чувствовала гордость за свою девочку.

Но Шахана не успокаивалась:

— Ты его любишь?

Биби села рядом, обняв колени руками и приготовившись к худшему:

— Ты его любишь, мама?

Назнин засмеялась:

— Глупые вы девчонки! Что за вопрос — люблю ли я свою семью. Смотрите, вон ваш отец с шоколадным мороженым.

В понедельник утром пришла миссис Ислам за деньгами. Она прислонилась к стене в прихожей, и тут же отлетел еще один шмат штукатурки. Несколько минут миссис Ислам терла ногу, и в ее стонах слышались одновременно и боль, и стремление ее превозмочь. Она опрыскала бедро спреем от растяжений. Большая часть вылилась

на шифоновое сари, но от спрея полегчало.

— Деточка, я тебе кое-что принесла. Вот. Принеси мне мою сумку.

Улегшись на кровать, миссис Ислам закрыла глаза.

Назнин стояла рядом. За стеной в соседней квартире — ритмичный стук. О стенку хлопает кровать. У соседки новый дружок. Назнин вспыхнула. Интересно, слышат ли соседи, как стучит ее кровать, и много ли ее кровать уже рассказала.

— Господу осталось назвать только час, а я уже готова.

Назнин привыкла. Не хочется спорить. Надо подождать. Слушать миссис Ислам все равно что в Гурипуре слушать радио в грозу. Назнин просто отключалась.

«Ближайшие соседи — белые. В чужие дела они не лезут», — однажды много лет назад сказала ей миссис Ислам. Теперь Назнин знает почему. Остается сказать англичанам спасибо за эту их особенность.

— Школа переполнена. Не отправляй к нам своих дочек. Мы не сможем их принять.

Назнин заметила, что на бородавке у миссис Ислам вырос еще один узелок. Из него торчит четвертый волосок. Все четыре волоска длинные.

Может быть, руки миссис Ислам трясутся сильнее, а может, у нее ухудшилось зрение. Возможно, она и вправду становится немощной. Белый пучок прически уже не такой плотный и аккуратный, как раньше. Он теперь похож на гнездо неряшливой и неразборчивой птицы, и вместо невидимых сил, резинок и заколок в нем сверкают с десяток черных металлических шпилек.

Назнин подошла к серванту и открыла дверцу. Из-за деревянного слоника вытащила желтый конверт и в третий раз за день сосчитала пять десятифунтовых банкнот. Шану решил больше не отдавать проценты. Две недели повторял:

— Ничего больше не дам этой воровке. Отныне все деньги откладываем на поездку.

Но после визита сыновей Шану стал более сговорчивым, и они остановились на пятидесяти фунтах в неделю.

— Сколько денег ты мне приготовила, деточка?

Миссис Ислам принялась разминать себе руку, все еще не открывая глаз.

— Пятьдесят фунтов. Как и договаривались.

Миссис Ислам открыла глаза. От этих глаз ничего невозможно скрыть. Они маленькие и опасные.

— Артрит. Теперь и руки мои искалечены. Но не волнуйся. Я уже слишком стара.

Она пошарила в кармане своей кофты и что-то оттуда вытащила.

— На, возьми.

Ее голос стал совсем тихим, она запрокинула голову, как будто потеряла сознание. Пришла в себя.

— Когда я была совсем маленькой, мама каждый день массировала мне ручки. У меня были самые маленькие и мягкие ручки в Тангайле. Но теперь, — она вздохнула, — я не смогу их надеть. Возьми, деточка. Возьми их.

Браслеты из темно-зеленого стекла с крупицами золота, застывшими внутри.

Миссис Ислам вынула платок, вытерла лоб. От нее запахло ментоловыми карамельками и сиропом от кашля: слоеный запах, как туалетная вода на потном теле, сладкий запах разложения.

— Очень красивые, — сказала Назнин.

— Да, да. Бери все, что хочешь.

И снова покорно закрыла глаза. Голос ее не громче шороха сиреневого сари из шифона.

В руках Назнин держит конверт. Язык держит за зубами.

Миссис Ислам начала тереть виски корявыми

пальцами.

Назнин ждала и теряла терпение, но молчала. Миссис Ислам открыла рот, чтобы полностью расслабить лицо. Назнин представила, что заталкивает деньги ей прямо в эту черную дыру.

— Так, значит, вы домой собираетесь, — еле слышно старческим голосом.

Наверху заработал пылесос. Кровать у соседки о стену больше не стучит.

— Не знаю. — И Назнин в четвертый раз пересчитала деньги.

— Не знаешь. Конечно. Откуда тебе знать? Раз ты собралась грабить пожилую женщину, тебе и не положено знать. Надо держать рот на замке.

— Вот ваши деньги.

— Здесь все? — быстро спросила миссис Ислам. Ее глаза засверкали. — Давай их сюда. Сколько тут? Должны мне тысячу и собрались бежать? Давай все остальное.

— Это все, что у меня есть. — Во рту горько, как от желчи.

— Нет, деточка. Что ж вы поплывете домой с кастрюлями на голове через океан? У вас должны быть деньги на самолет.

Назнин готова была плюнуть, немедленно, сейчас же, на этот сиреневый шифон. Но сглотнула.

— Здесь нет. Здесь у меня нет денег.

С гостьей случилась перемена. Она начала тяжело дышать. Схватилась за грудь и вся сжалась, словно что-то начало ее пожирать изнутри. Начала хватать ртом воздух и замахала рукой. Назнин бросилась к сумке за сиропом или за более серьезной панацеей. Но миссис Ислам не дала ей сумку.

— Сядь ко мне поближе, — закаркала она.

Назнин опустилась возле дивана на колени, и миссис Ислам схватила ее за руку. Кожа у нее сухая и горячая, как испеченные солнцем листья, костяшки острые. С такого близкого расстояния видны все малюсенькие вены на щеках и в носу. Они, наверное, стали заметны, потому что кожа стерлась.

— Я уже много лет вдова.

Назнин почувствовала смесь больничных запахов и запахов, которые убивают запахи.

— Только Богу известно, сколько я страдала. Все эти годы я без мужа. Послушай меня. Сядь ближе. Господь испытывал меня, остаться вдовой это не шутки. Погоди, мне нужен сироп… Хорошая девочка. Положи обратно. Нет, дай мне снова руку. Я рассказывала тебе о своем муже. Он оставил меня одну. Но и при жизни, Бог свидетель,

пользы от него не было. Не знаю, что у него было в голове, но точно не мозги. Он был Дулалом, сыном Алала[69]. Ты меня понимаешь? Он вроде как испорченный. Без меня он был никто. — Миссис Ислам замолчала. Посмотрела на Назнин так, как рассматривают манго на рынке, нежно надавливая пальцем. — Какое напряженное у тебя лицо. Тебе нужно тереть виски, чтобы расслабиться. Иначе начнутся морщины.

— У меня уже есть морщины.

— Глупости, ты еще совсем молоденькая. Ты немногим старше моих сыновей. — Она вздохнула и втянула воздух через сомкнутые зубы. — Они не лучше своего отца. Господь один ум разделил на них двоих. Хуже того, они об этом не знают. Понять, что ты глуп, можно только став хоть немного умнее. Понимаешь? У матери от них только головная боль. Я благодарю Господа, что он послал мне сыновей, но почему именно таких сыновей?

Глаза у нее увлажнились, и она часто заморгала. Назнин сжала ее руку.

---

[69] Примечания: 69

Дулал, сын Алала. По другой версии легенды, Дулал — брат Алала, последний заставил его развестись с любимой женой и жениться на богатой невесте. Дулал послушался, но через несколько месяцев новой женитьбы раскаялся и вернулся домой. Увидев, что жена умерла от горя, отправился странствовать по свету.

Голос у миссис Ислам стал жестче:

— Физической силой они компенсируют нехватку мозгов. Нужно везде искать плюсы. Нужно извлекать максимум пользы из того, что дал Господь. Мне всегда это удавалось. Можешь мне поверить.

— Принести вам чего-нибудь? Стакан воды?

— Когда меня не станет, сыновья мои не умрут от голода. Слышишь, какой слабый у меня пульс? Я им кое-что оставлю. Не мало, но и не много, не хочу, чтобы они промотали все, что я заработала. Лучше отдам часть денег на мечеть. Лучше отдам школе, чтобы дети с мозгами сумели ими воспользоваться. Да, я делаю это для нашей общины и не жду благодарности.

Миссис Ислам махнула рукой, чтобы Назнин не вздумала ее благодарить.

— Если болеют, приходят ко мне. Если бросает муж, приходят ко мне. Если ребенку нужна крыша над головой, приходят ко мне. Если не осталось даже пенни на рис, приходят ко мне. И я даю. Все время даю.

Голова ее упала набок. Она отдала все силы, до последней капли.

Назнин посмотрела на сухую, прозрачную руку женщины, которая старше и лучше, чем она.

Наклонилась и поцеловала ее.

— Я даю только по самым лучшим велениям души. А потом те, кто получил, не платят то, что должны, и сбегают в другие страны, повторяя: «С чего мы должны ей платить? Она же обычная старуха». Да, вот так. Вот так.

Назнин пошла на кухню, открыла шкаф под раковиной. Отодвинула кастрюльку для риса, сковородку, дуршлаг и терку. Из-за колена трубы достала коробочку для еды и вынула оттуда три голубые банкноты и пять бледных монет с золотом по краям. Положила двадцать фунтов в кармашек с молнией в черной передвижной аптеке. Миссис Ислам взяла сумку и с трудом поднялась на ноги:

— Не грусти. Когда будете уезжать в Бангладеш, я для вас устрою большой обед на прощание. За мой счет. Вы только расплатитесь, а уж об остальном я позабочусь.

И миссис Ислам удивительно легкой походкой направилась к выходу.

Разия захотела купить ткани, и Назнин пошла с ней на Вентворт-стрит. Вдоль дороги выстроились рыночные прилавки с изделиями из кожи, пальто из разнообразной синтетики, яркими сумками на дешевых цепочках, обувью,

которую не жалко выбросить, ямайскими пирожками, консервированной едой со скидкой в сорок центов. Они шли мимо прилавков, ближе к тротуару. Мимо «Ридженси текстайлс» и «Эксэльсуар текстайлс», где на витринах развешана ткань: балийский рисунок; африканский рисунок (сертификат подлинности имеется); дальше — «эксклюзивные» чемоданы «Ригал сторс»; витрины без вывесок, где куски ткани развешаны ромбом прямо в целлофановых упаковках. Назнин и Разия перешли улицу, заглянули в «Нарвоз фэшнс». «Йелоу роуз юневерсал фэшнс» ненадолго привлек их внимание, в «Падма чилдренс пэрэдайз (Ист-Энд)» Назнин затащил расторопный продавец, предложивший «специальные цены» на весь товар. Назнин потрогала платье для маленькой девочки из сливового велюра и с серебряной сеточкой.

— Ты от меня что-то скрываешь? — спросила Разия, поглаживая живот.

Назнин оставила платье:

— Нет конечно.

Разия внимательно изучала товар в «Гэлекси текстайлс» — в розницу, оптом, на экспорт, со скидкой 70 процентов. Ничего интересного она не нашла, и они пошли в «Стармен фэбрикс».

— Как дела у Шефали?

— Ждем результатов экзаменов. Если оценки хорошие, значит, поступит в университет Гилдхолл.

— Какая умница.

Назнин рассматривала рулон шелковой ткани цвета календулы. И подумала, что Шефали такой материал пошел бы.

— А Тарик?

Разия склонилась над набивным ситцем: на лимонном фоне тонкие волнистые розовые линии.

— Тарик дома почти не появляется. Бывает, что мы за неделю ни разу не видимся.

Она засмеялась и заправила прядь волос за ухо. Волосы она с каждым годом стрижет все грубее, словно ножницы затупились.

— Что ж жаловаться, что его не бывает дома. Таков уж наш материнский удел. Чем бы ребенок ни занимался, мы все равно жалуемся.

Продавщица, девушка лет двадцати с толстым слоем пудры на лице и розово-лиловыми заплатами теней на глазах, посмотрела на Разню с подозрением. Разия надела сегодня мужскую рубашку без воротника и коричневые брюки-стрейч, которые неожиданно для глаза кончались там, где еще не начались носки. Продавщица

мельком глянула на свой туалет и оправилась, словно этим чудовищно немодным одеянием можно заразиться.

Назнин посмотрела на девушку в упор, та тоже, не моргая, ответила ей взглядом.

— Куда он ходит? — спросила Назнин.

Она все думала и думала, сказать ли Разии о своих подозрениях. Но как такое сказать подруге? И какие у нее доказательства? Доказательств нет, только уверенность, которой хватает с лихвой. Карим рассказывал ей о наркотиках в районе. Он много об этом знает.

— Видишь там ребят?

Он у окна, но Назнин не подошла. Не хочется стоять рядом с Каримом у открытого окна.

— Все эти ребята сидят.

Она не поняла его слов.

— Сидят. На игле.

— Что это значит? На игле?

— На героине. Все они сидят на героине.

— Это наркотик?

— В районе его *полно.* Ты не представляешь себе сколько…

Он отошел от окна. Прошел совсем рядом с ней, не коснувшись. Они прикасались друг к другу только в спальне.

— Некоторым по двенадцать лет. Знаешь, с чего все пошло? Сначала нюхали бензин. Потом травка. Ганжубас. Все вроде нормально. Ничего серьезного. Но потом здесь все зашевелилось. К Брик-лейн начал подбираться город. Сюда потекли деньги, начали обустройство. Недвижимость подорожала, наехали новые люди, бизнесмены, все дела. И господи, мы тут хорошо зажили. Он присел за швейную машинку. — Вот в чем сложность. Вот с чего все покатилось. Никаких совпадений. Так же и в Америке было, когда черные стали объединяться. «Черные пантеры», все дела. Их надо было приструнить, чтобы не выступали.

Мобильный лежал на столе. Карим крутанул его. Назнин вспоминала его мускулы под рубашкой.

— ФБР, правительство объединились с мафией, и на черных хлынул поток наркотиков, оружия и всего остального, чтобы, обколовшись, они могли друг друга перестрелять. По тюрьмам сажать — одна головная боль.

Назнин подумала, что недопоняла его мысль по-английски.

— Правительство давало наркотики?

— Понимаешь, о чем я? Во всем нужно сомне-

ваться.

Карим замолчал и углубился в журнал. Потрогал бороду, подпер подбородок рукой, потер небритую щеку.

— Они ведь остановили *бы*это, если бы захотели. Дилеров знают все… — Карим коротко, отрывисто засмеялся. — Посадить их несложно. На дилеров всегда смотрит молодежь. У них потрясающие машины, они в золоте купаются. И знаешь, что я думаю? Я думаю, — он покачал головой, словно сам в это не верил, — я думаю, что, пока молодежь на наркоте, она далека от религии. А для правительства ислам страшней, чем героин.

— Куда ходит Тарик? — Разия пожала плечами. Потерла свой длинный нос. — Кто мне ответит? Только не он сам.

— Вам помочь?

Пудра на продавщице на несколько тонов светлее кожи. Поэтому шея кажется грязной.

— Я ищу ткань для дочери.

Разия сняла очки и надавила на глаза. Брюки сзади болтаются мешком, грудь почти достает до живота, а рукам, наоборот, тесно в рукавах. Как будто ее наклоняли в разные стороны и плоть переместилась не туда, куда надо.

— Как тебе этот? — спросила Назнин.

Разия посмотрела на оранжевый шелк:

— Не знаю еще. — Она повернулась к продавщице: — Мы сами посмотрим.

— Прекрасно, — сказала девушка, словно покупательницы приняли самое лучшее решение.

— Эта молодежь, — зашептала Разия на ухо Назнин, — совсем забыла, что такое уважение.

— Так и Ка…

— Что?

Так и Карим говорит. Он говорит, что молодежь сейчас творит что вздумается. Прикуривают на улице и при виде старшего даже не прячутся. Гуляют со своими подружками. Даже целуются на улице, в присутствии старших. Но Разии о словах Карима знать не обязательно.

— Человек, который приносит мне вещи с фабрики, тоже так считает.

— Этот посредник? Мальчик, который носит тебе работу?

Назнин вытащила моток джерси вишневого цвета. И очень сильно им вдруг заинтересовалась.

— Ну да. Да все так говорят.

Почувствовала на себе взгляд Разии.

— Он тебе скучать не дает.

Назнин потянула материал: ее вдруг чрезвычайно заинтересовала его эластичность. И сделала вид, что слушает вполуха и что они ведут обычный светский разговор.

— А? Да, работы полно.

Наконец подняла голову. Разия выжидает. Ее ресницы под линзами очков похожи на лапки паука. В глубине зрачков еле заметно пляшут золотые частицы света. Наверное, ей можно рассказать все.

— Так какой тебе нравится?

За спрос денег не берут. Но Разия решила не спрашивать. Вместо этого они принялись обсуждать ткани. Цвет, вес, текстуру, стойкость, внешний вид и практичность. Они доставали рулон за рулоном, а продавщица на каблучках цокала вокруг них.

Назнин пересчитала, сколько у нее тайн. Как так получилось? Как будто она вдруг проснулась и обнаружила, что владеет целой библиотекой тайн, не имея ни малейшего представления, когда начала их собирать и насколько успела разрастись библиотека. Может быть, ее тайны живут друг за счет друга. Представила, как тайны растут, словно муравьиный ручеек, который сперва и не заметишь, а потом — уже не остановишь.

Назнин почесалась. Разия тоже. Назнин показалось, что она вся покрылась тайнами. Ей захотелось рассказать Разии все: о Кариме, о подозрениях насчет Тарика, правду о Хасине, сагу о деньгах и миссис Ислам.

Когда продавщица отошла на безопасное расстояние за прилавок проверить свой макияж в зеркальце без оправы, Назнин прошептала:

— Мы заняли денег у миссис Ислам.

Писк от Разии Назнин еще ни разу не слышала. Столько лет знакомы, но слышать, как Разия пищит, ей не приходилось.

— На что? Зачем?

— Чтобы купить швейную машину. «Без начального капитала ничего не получится», — процитировала Назнин своего мужа. — И чтобы купить компьютер.

— У человека сертификатов вот столько, — Разия развела руками в стороны, — а ума ни грамма.

— Самое страшное, сколько бы мы ни платили, она требует все больше.

— Разумеется, она требует больше. По-другому и не делается.

— Да, — согласилась Назнин, — но сколько еще придется платить?

— Она ведьма.

— Не знаю. Если кому-нибудь что-нибудь нужно, идут к ней. Она дает. Дает деньги, если они нужны. И она старая. Ее бедро…

Назнин замолчала, но почувствовала, что сказанного недостаточно:

— И руки у нее совсем плохие.

Разия фыркнула и тряхнула головой:

— Руки плохие! Что у нее совсем плохое, так это сердце. Посмотри на мои руки. Два месяца без перерыва я работаю с кожей. И посмотри на ее руки. Ей поработать чуть-чуть совсем не помешало бы. — Разия поджала губы, и они совсем исчезли. — «Когда я была совсем молоденькой, руки у меня были самые красивые в стране, хоть всю ее пройди с востока на запад».

Разия в точности скопировала «загробный» голос миссис Ислам.

— «Люди приезжали издалека, чтобы взглянуть на них».

Разия искоса посмотрела на Назнин, и голос ее задрожал от смеха.

— «Но того, кто на меня заглядывался, — громче сказала Разия, — отец рубил на котлеты».

Назнин расхохоталась. Продавщице стало не по себе, словно смех — это ненормально и должно

тревожить. Она взяла карандаш, листок то ли с ценами, то ли со списком товаров и с деловитым видом прошлась по магазину.

— Сколько вы ей должны? — Разия снова стала серьезней.

— Около тысячи.

— А сколько заняли?

— Примерно столько же, но я не уверена.

— Сколько вы уже заплатили?

— Не знаю. Подсчет вести сложно, но мне кажется, мы уже должны заканчивать, но никак не начинать.

— Слушай, вы с этим долгом никогда не рассчитаетесь. Сколько бы вы ни платили, она скажет, что у вас еще проценты набежали, или найдет что сказать. Я знаю людей, которые выплачивали по шесть, а то и семь лет.

— У нас лежат деньги на Дакку. Не знаю сколько. У Шану есть счет в банке.

— И пусть лежат, — быстро сказала Разия, — смотри, чтобы она своими крючковатыми ручками до них не дотянулась. Я что-нибудь придумаю. Предоставь это мне.

Разия остановилась на куске шелка цвета слоновой кости и бирюзовой кисее на шарф:

— Сошью на работе. Будет ей сюрприз. Как раз

к концу экзаменов.

Продавщица завернула ткань в бумагу и, высунув маленький розовый язычок, заправила у свертка края. Назвала цену.

Разия открыла кошелек и заглянула внутрь, поднеся его почти на уровень глаз. Начала доставать бумажки, чеки, фотографии, билеты и мелочь. Когда в кошельке ничего не осталось, Разия вынужденно призналась:

— У меня только два фунта.

Продавщица уперлась руками в свои костлявые бока. Положила руки на сверток и посмотрела на Разню. С такими, как Разия, ей приходилось иметь дело.

— А скидок у вас нет? — спросила Разия.

Но продавщица не улыбнулась. Подвинула ткань к себе.

— Не знаю, — сказала Разия Назнин, — я в последнее время все забываю. Я думала, что у меня с собой сорок фунтов. Наверное, сунула их куда-то.

Назнин открыла свою сумку:

— Я за тебя заплачу. У меня есть. Я собралась их отправить Хасине.

Но Разия не взяла деньги, и они вместе пошли в банк «Сонали» в начале Брик-лейн, мимо газетных киосков с амулетами и травяными сна-

добьями в окошках, мимо магазина «Сангита» с бумажными цветами, наборами для цветочных гирлянд и клеем.

— Ты знаешь, — начала Назнин, — доктор Азад рассказывал мужу, что в нашем районе очень многих молодых людей удается подсадить на наркотики.

— Я от всей души благодарю Бога, — и Разия высоко подняла голову, — что это проклятье обошло мой дом стороной.

— Чтобы расплатиться за наркотики, они вынуждены воровать. Доктор Азад говорит, что иногда они крадут, — она помедлила, — у собственных родителей.

Разия посмотрела на подругу, но Назнин ничего не смогла прочитать у нее на лице.

— Я тебе уже сказала, что благодарю Бога.

Они прошли мимо бенгальского супермаркета с объявлением «Свежие газеты из Медины», мимо официантов, которые зазывали посетителей с улицы, и овощного, где круглый год висела красивая ложь: «Манго нового урожая».

Шторы опущены, хотя еще не совсем стемнело. На стенах возле окна — вытянутые прямоугольники насыщенного солнечного света. От телевизора лучи жидкие, цветастые, но слабые.

Высокий торшер возле противоположной стены освещает телевизор и отражается в нем. На тележке настольная лампа. Круг желтого света ложится на книгу Шану, на его живот, колени и бумаги. Назнин наводит порядок, протирает стол в последних теплых лучах заходящего солнца, текущего в комнату сквозь тонкие серые занавески. Девочки в ночных рубашках с ногами сидят на диване в мерцающем свете телевизора. Шану — над кругом света, его лицо в тени.

— Ты знаешь, что британцы отреза́ли пальцы бенгальским ткачам?

Кому адресован вопрос, неясно. Шахана целиком во власти телевизора. Биби обернулась к отцу, посмотрела на мать и вернулась к телевизору.

— Я сегодня ходила с Разией за тканью.

Назнин не могла забыть о пустом кошельке Разии.

— И британцы уничтожили нашу текстильную промышленность.

— Да, — отозвалась Назнин. — Как они это сделали?

Шану в очередной раз что-то нашел и обезвредил в дыхательных путях. Для проформы прокашлялся и начал:

— Понимаешь, все дело в тарифах. Затраты на экспорт и импорт. Налоги на шелк и хлопок достигали семидесяти-восьмидесяти процентов, и нам невыгодно стало их производить.

Назнин витала в облаках. Она выравнивала стулья вокруг обеденного стола и трепетала от приятных воспоминаний.

— Мы пожертвовали ткацкими станками в Дакке, чтобы в Манчестере народились новые фабрики.

Назнин вернулась на землю:

— Их закрывали англичане?

— Вообще-то, — Шану склонил голову, — не совсем закрывали.

Он отложил книгу в сторону и сунул руки под жилет, где они тут же оживились.

— Представь себе марафон, где один бежит и ничего ему не мешает, а ты должен бежать со связанными сзади руками, с завязанными глазами, по горячим углям и, и… — Шану подумал немного, щеки у него заходили ходуном. — И с отрезанными ногами, — закончил он и показал рубящим движением на колени, где именно ноги должны быть отрезаны.

— А-а, так вот как все было на самом деле.

Назнин хотелось, чтобы Шахана и Биби хоть

немного вслушались в их разговор. Внезапно ей стало жалко стольких лет, которые ушли впустую на мелочные, никчемные волнения и подробности, разъедающие мозг. Взяла книгу, перевернула, надавила на обложку, словно захотела выжать оттуда знания. Что еще Шану скажет?

У Шану затанцевали колени. Он что-то пробормотал, то ли подводя итоги, то ли успокаивая себя, встал. Вышел из комнаты, вернулся с небольшим ковриком из деревянных шариков.

— Это автоматический массажер спины, — объявил он, — и каких только штучек-дрючек сегодня не найдешь.

С таким удивлением, словно это откровение из уст самого архангела Гавриила.

— Сейчас попробуем.

Шану жестом велел девочкам подвинуться.

— Для машины.

Он приладил коврик к спинке дивана и уселся на него.

— И чего только в наши дни не придумают.

Действительно. У Шану за время работы в таксопарке появилось много затрат. Для бардачка всякие мелочи, чтобы не пустовал, ножик для удаления льда (по хорошей цене, зимой заплатил бы втридорога), еще одно зеркальце, чтобы

осуществлять надзор за всякими невежами на заднем сиденье, освежитель воздуха в форме лягушки, маска на глаза из толстого черного нейлона, чтобы можно было поспать между вызовами. Самое серьезное вложение было сделано в прибор, который отображает состояние на дорогах и предлагает объездные пути по городу. Шану перед ним благоговел.

— Как человек может такое придумать, уму непостижимо.

Стоил прибор очень дорого. И приносил такое количество головной боли, что это обходилось еще дороже. Как ни упрашивал Шану, как ни подольщался к своему прибору, тот так и не заработал.

Кроме этих расходов — еще штрафы и пени. Хотя Шану очень аккуратный и добросовестный водитель, власти, кажется, устроили за ним настоящую охоту. Штрафы Шану платил как за превышение скорости, так и за принижение. Однажды его даже вызвали в суд за сфабрикованное против него обвинение. Он надел костюм и отрепетировал речь перед зеркалом.

— Там, в суде, и не подозревают, с кем им предстоит иметь дело, — сказал он Назнин. — Они решили, что придет невежа, который задрожит

перед их париками да мантиями.

Ушел он в приподнятом настроении, пришел с черной тучей на лице. Лег на кровать и отвернулся к стене. Назнин принесла ему поесть и поставила на столик.

— Суд был нечестным, — предположила она. Дотронулась до его спины. Твердая.

— Оставь меня.

Поднялась цена за парковку, машину отбуксовали, пока не будет оплачена разница. Шану сцепился с рабочими на буксире. После суммирования всех расходов и уплаты аренды за машину в «Кемптон каре» чистая прибыль оказывалась совсем ничтожной. Шану много работал, и чем больше он работал, тем чаще подозревал обман.

— Гоняюсь за дикими быками, — говорил он, — и ем собственный рис.

Автоматический массажер для спины вроде работает. Шану уселся на него и хрюкнул от удовольствия.

— Даже не знаю, — сказал он и всхлипнул. — А то за рулем иногда можно и заснуть.

— Можно, я попробую, папа?

Биби всегда интересовалась последними приобретениями Шану. Она играла с лягушкой-освежителем, хлопала ее по спинке, пока Шану

не приказал:

— Хватит, а то там все закончится.

— Это для снятия напряжения и для расслабления мышц, — объяснил Шану, прочитав по-английски на упаковке. — У тебя есть напряжение в теле?

— Нету, — тихо сказала Биби.

— Что за чушь ты смотришь, Шахана? Немедленно выключи.

— Откуда ты знаешь, что это чушь, ты же не смотришь?

У Назнин перехватило дыхание.

На улице стемнело. Комнату будто загерметизировали. Слишком много вещей. Слишком много людей. Слишком мало света.

Шану встал и выключил телевизор. Вернулся на свое место и протянул старшей дочери руку:

— Иди, иди сюда, сядь ближе.

Шахана не шевелилась. Дунула в челку.

К ней подошла Назнин:

— Иди. Посиди с отцом. Слышишь, он тебя зовет.

Шану махнул жене рукой:

— Пусть сидит. Она уже взрослая. Она уже не ребенок. Ведь ты уже не ребенок, правда, Шахана?

Шахана еле заметно дернула плечом.

— Ладно, ладно, — сказал Шану.

Он вытащил что-то из зубов. Прижался спиной к своему массажеру и повращал лодыжками.

— Как школа? Все еще лучшая ученица? Наверное, умнее всех, а?

— В школе все о'кей, — ответила она по-английски, слегка обернувшись.

— «О'кей, о'кей». Без конца смотрит телевизор и все равно хорошо учится. — Он заговорил тише. — Когда я учился в школе, у меня были очень хорошие оценки. Ваша мать тоже очень умная женщина, хотя тщательно это скрывает. Но, понимаешь, не было у нас возможности прокладывать себе дорогу. Мы пытались…

Он потерял мысль и замолчал.

— Да, мы пытались.

Назнин села в кресло. Биби — на ручку кресла.

— Я знаю, — ответила Шахана, — насчет этого не волнуйся.

— Ты права. Волнение ни к чему не приводит.

Шану улыбнулся и слегка коснулся плеча Шаханы.

— Пора спать, — сказала Назнин.

Но Шану запротестовал:

— Нет, пусть еще посидят. У нас разговор отца с дочерью.

Он посмотрел на Шахану и поднял брови, словно хотел сказать: «Эта женщина вечно портит нам всю малину». Шахана удостоила его улыбкой, и он обрадовался:

— Я не знаю, Шахана. Иногда оборачиваюсь назад и прихожу в ужас. Каждый день своей жизни я готовился к успеху, работал на него, ждал и не заметил, как прошли годы, и жизнь осталась почти вся позади. И тогда наступает шок — то, чего ждал всю жизнь, давным-давно куда-то ушло, потому что двигалось в другом направлении. Как будто ты ждешь на другой остановке автобус, в который все равно не влезешь.

Шахана быстро кивнула.

— Но ты не волнуйся, — сказала она.

— Ты уже взрослая, и говорить с тобой об этом можно. Это утешает. У меня такая умная дочь. — Глаза у него засверкали, он слегка прокашлялся. — Понимаешь, мне пришлось сражаться с расизмом, невежеством, бедностью, и я не хочу, чтобы ты через это прошла.

Биби погрызла ногти. Назнин нежно убрала ее руку ото рта.

— Папа, я…

— Знаешь мистера Икбола? Он торгует газетами. Он вырос в Читтагонге, в очень богатой

семье. Одному Богу известно, сколько у них слуг. Он образованный человек. Мы с ним о многом разговариваем. Почему он не может выбраться из этой дыры, зачем хоронит себя в своих газетах? У него руки вечно черные от типографской краски. В Читтагонге он бы жил, как принц, а здесь он днем ишачит, а ночью спит в крысиной норке.

— Мистер Икбол только что продал свою квартиру, — сказала Шахана.

— Вот что меня огорчает, — продолжал Шану, продолжая собственную речь.

— За сто шестьдесят тысяч фунтов.

— Меня огорчает жизнь по крысиным норкам. — Шану склонил голову, и щеки его преисполнились грусти.

— Он пятнадцать лет назад оформил себе право на покупку[70], — сказала Шахана, — платил по пять тысяч фунтов наличными.

— И поэтому мы с вашей матерью решили…

— Тебе тоже надо было оформить договор, чтобы выкупить эту квартиру.

— …уехать домой.

Шану исследовал живот, проверил его на плотность и остался доволен.

---

[70] Примечания: 70

Право на покупку — программа выкупа жилья, по которой оплачиваемое проживание считается выплатой за жилье.

— Хорошо, — с сияющей улыбкой обратился он к Шахане, — я рад, что мы с тобой поговорили, как отец с дочерью. Теперь ты меня понимаешь. Понимание — самое главное. Хорошо. Иди чистить зубы, скоро в постель.

Назнин не могла уснуть. Она подошла к девочкам, убрала волосы с их лбов. Ей хотелось разбудить их, как раньше, когда они были совсем маленькими, убедиться, что они могут проснуться, и со спокойной душой вновь убаюкать. Она собрала разбросанную одежду и пошла на кухню. Принялась стирать под краном, намыливать и тереть на стиральной доске. Пальцы разбухли от холодной воды. В голове, как в переполненной комнате, когда все разом громко разговаривают, крутились неразборчивые мысли. Назнин бросила одежду в раковину и надавила на виски.

Помассировала лицо и щеки, вернулась к вискам. Еще недавно казалось, что нет повода так сильно волноваться. Теперь ясно, что волновалась она недостаточно. И поэтому снова оказалась на канате, где по одну сторону муж, по другую дочки, только ветер теперь крепче, и удержаться все труднее.

И еще Карим.

Вдруг ее охватил ужас. Ее вырвало в раковину,

прямо на постиранную одежду. Она застыла, словно, очнувшись, увидела на полу труп, а в своей руке — окровавленный кинжал.

Назнин умылась и прополоскала рот.

— Бог все видит. Он знает каждый волос у тебя на голове, — сказала мама из угла под шкафчиком с отбеливателем и непочатыми рулончиками туалетной бумаги. Она сидела на корточках между совком и щеткой.

Назнин отвернула кран на полную. Вода хлестала в раковину и на руки.

— Когда ты была еще маленькая, ты все спрашивала: «Мама, почему ты плачешь?» Теперь ты понимаешь, почему? — Мама заплакала и высморкалась в краешек сари. — Это удел всех женщин. Когда ты была маленькая, тебе не терпелось узнать об этом.

Ее пронзительные всхлипывания терзали слух Назнин. Она стала убирать рвоту из раковины, чтобы дать воде стечь.

Мама подползла ближе, не поднимаясь с корточек и подметая пол своим сари.

— Послушай меня, девочка. Не отворачивайся. У меня мало времени.

Назнин повернулась к ней. Мама улыбнулась, обнажив кривые желтые зубы:

— Бог испытывает нас. Разве ты не знала, что жизнь — это испытание? Некоторых Он испытывает богатством и наследством. И многие его не прошли. Над ними свершится Суд. Других Он испытывает болезнями и бедностью. Третьим посылает джинна в обличье мужчины или мужа. — Мама схватила Назнин за край ночной рубашки и потянула к себе. — Сядь со мной, я расскажу тебе, как пройти испытание.

— Нет, мама, — сказала Назнин и попыталась освободить рубашку. — Лучше ты поднимись.

— Нет, девочка, иди сюда. — Мама потянула сильнее, так что Назнин уступила и села на пол. — Все очень просто. — И мама захихикала, не прикрывая рта, и рот становился все шире и шире, а зубы все длиннее и острее. (Назнин закрыла лицо руками.) — Все очень просто. Надо только терпеть.

Глава пятнадцатая

Шану потом рассказывал, что проснулся ночью от того, что не слышал биения ее сердца. Он нашел ее на кухонном полу, с открытыми невидящими глазами, с застывшей рвотой вокруг рта. Включил свет, но Назнин не сощурилась. Шану отнес ее в спальню и положил на кровать. Он впервые нес ее на руках, как жаль, что она этого не помнит.

Несколько дней Назнин лежала в постели совершенно без сил. Она погружалась в болезнь все глубже и глубже, глуша в себе призывы жизни и проталкиваясь на самое дно. Ей хотелось побыть там — там, где вода мутна от грязи, куда не проникает свет, где умирает звук, где, кроме тела, ничего нет. Временами она оказывалась в этом мертвом месте и покоилась в нем. Но потом ее опутали сети снов и потащили на поверхность. Солнце пронзило воду и резануло глаза, и Назнин, как в разбитом зеркале, увидела мир, раздробленный на кусочки, и услышала разом смех девочек, плач сына, бормотание Шану, речь доктора Азада, стон Карима, вопль мамы, и каждый звучал так же чисто, как одинокая струна ситара в душный

сонный полдень.

Назнин не могла вырваться из опутавших ее снов, не могла нырнуть на дно, и бред начал подходить к концу. Несколько дней она не открывала глаз, даже если не спала. Сегодня она их открыла. Над ней — доктор Азад в темном костюме и белой рубашке. Какой беспорядок: подносы и тарелки на туалетном столике, на дверях шкафа висит одежда, на полу и на тумбочке салфетки, книги, газеты… Назнин посмотрела на доктора. Доктор слегка кивнул, словно приветствуя важное лицо:

— Вам лучше?

— Да.

— Позвать вашего мужа?

Назнин медлила. Подумала, что сначала не мешает прибраться. И закрыла глаза.

— Мы рады, что вы снова с нами.

Интересно, подумала Назнин, почему доктор кричит. Никогда не слышала, чтобы он кричал. Она через силу открыла глаза и посмотрела на него.

— Ваш муж за вас очень волновался.

Доктор улыбнулся своей особенной антиулыбкой — уголки рта вниз.

— Нет, это не то слово. Это еще мягко сказано.

Его немыслимо черные волосы сверкают, они

похожи на ошибку молодости, пронесенную на голове до старости. Назнин вспомнила, что ей надо волноваться. О чем — подумает позже.

— Ваш муж прекрасный повар. Он готовил вам эксклюзивные блюда.

И он, как полицейский на загруженном перекрестке, показал на поставленные стопкой подносы на туалетном столике.

— Но выиграл от этого, боюсь, только я.

Вошел Шану, увидел, что Назнин сидит, и расцвел улыбкой, такой же яркой и веселой, как гирлянда цветов, украшающая жениха.

— Она сидит. Почему вы меня не позвали? Посмотрите, она сидит! Нервное истощение позади? Она разговаривает? Она такая же, как раньше? До того, как упала в ванной и столько времени даже глаз не могла открыть? Она поест супу? Может, риса? Она разговаривает? И почему вы меня сразу не позвали?

Шану застыл возле кровати и, хотя он не двигается, производил впечатление перпетуум мобиле.

— Мои рекомендации — постельный режим, — сказал доктор, — и поменьше волнений.

Шану приложил палец к губам, словно хотел утихомирить взволнованного доктора.

— Да, да, сейчас с ней надо понежнее. Она будет кушать?

— Почему вы ее сами не спросите?

— Конечно.

Шану подумал. Покашлял, но почти неслышно:

— Ты поешь? Может, риса? Яйцо?

Назнин захотелось подобрать колени под одеялом. Но колени запротестовали против несанкционированного покушения на их покой, и Назнин их просто потерла.

— Риса чуть-чуть.

Шану захлопал и потер ладони:

— Рис! Вы слышали, доктор? Не нужны нам ваши больничные койки и всякие лекарства. Ей поможет только рис.

Доктор Азад откуда-то вытащил желтую папку для бумаг. Он начал писать, продолжая стоять, и, глядя на кончик ручки, сказал:

— Я счастлив, что, как я и предсказывал, вы пришли в себя. В таких случаях необходим покой, и все пройдет.

— Я всегда с уважением отношусь к мнению профессионала, — заявил Шану, словно это само по себе достижение.

— Да, — сказал доктор на этот раз так тихо, что

Назнин усомнилась, слышит ли Шану, — только если вы с ним согласны.

Шану смотрел на Назнин. Щеки у него раздулись от счастья и почти закрыли глаза. Потер руки и принялся хрустеть суставами.

— Хочу риса, — сказала Назнин. Приподнялась, как будто собралась встать.

Шану засуетился, стал собирать посуду на туалетном столике.

— Доктор велел лежать, — замахал он руками, — лежи, надо следовать его рекомендациям. Я все принесу.

И он с шумом вышел из комнаты, забыв забрать посуду.

В дверях столкнулся с девочками. Громким шепотом запретил им беспокоить мать. Биби и Шахана забрались на кровать и молча обняли ее. Биби принялась расчесывать маме волосы, легонько нажимая пластмассовой расческой на кожу головы, распутывая каждый узелок. Шахана растянулась на розовом постельном белье, и волосы у нее наэлектризовались от нейлона. Назнин заметила, что Шахана сильно продвинулась в борьбе с отцовской неприязнью к узким джинсам на девочках. Доктор Азад закончил писать, измерил у Назнин давление и снова взял ручку.

Вернулся Шану, поднос у него в руках уперся в живот.

— А ну кыш! — крикнул он, хотя на дороге ему мешала только мебель. — Вот тебе рис и картошки немного.

Он поставил поднос у кровати.

— В картошке совсем чуть-чуть специй, — сказал он доктору, как бы предупреждая, — и немножко сладкого мяса на блюдечке. Для восстановления сил.

— Хорошо, хорошо, — ответил доктор и собрал свои вещи. — Вы можете снова выходить на работу, — сказал он Шану. — Лондонская транспортная система без вас совсем развалится.

Шану склонил голову набок:

— Пусть катятся ко всем чертям — я ухаживаю за женой.

Он взял кусок сладкого мяса, и, только набив рот, вспомнил, что мясо для Назнин. Поставил тарелку.

— Как себя чувствует ваша жена?

— Чудненько, — в тон ему ответил доктор. — Что слышно из районного совета?

— Из районного совета?

— Насчет…

— Библиотеки? Спасибо, что интересуетесь,

но, как видите, — и Шану с сияющей улыбкой посмотрел на жену и дочек, — сейчас у меня семья на первом месте. Пусть тоже катятся ко всем чертям, все эти читатели, невежи и неучи, с районным советом в придачу. Пусть катятся.

И с невероятным облегчением вздохнул.

— Оставайтесь в постели, — сказал доктор Назнин, — пока не надоест. Звоните, если почувствуете себя хуже. Я вам пропишу успокоительное.

— Глупости, — пропел Шану, — моя жена очень и очень спокойная. Спокойней моей жены в мире человека нет. У нее нет поводов для волнений, — с гордостью сказал он.

— Хорошо, хорошо. Я должен идти. Меня ждут другие больные.

— Да, вам нужно идти, — согласился Шану, — идите, лечите больных. И передавайте привет своей семье.

Назнин скатала щепотку риса в шарик. Она вспомнила один давний вечер, когда впервые задалась вопросом, что связывает этих двух людей. Теперь ей стало ясно что. У доктора есть положение и деньги, от отсутствия чего так страдает Шану. Но у доктора нет семьи, о которой он мог бы говорить без боли в голосе. У Шану хорошая жена, дочери, которые умеют себя вести. Но ее

муж, несмотря на все свои книги и образование, самый обычный рикша. Поэтому их жизненные дороги переплелись — каждому нужно испить из источника печали другого. В этих источниках они черпали силы.

За окном был уже вечер, когда она решила открыть глаза и вернуться к обычной жизни. По такому случаю девочкам разрешили лечь попозже, а Шану превратился в клоуна. Он сделал отчет о неудачах, постигших его на кухне, и, показывая, как порезался ножом, вдруг начал скакать по комнате, схватившись за большой палец. Ночью он спал на самом краю кровати, чтобы ей «было чем дышать». Он показал, как упал на пол в первую ночь, и его актерские способности были вознаграждены. Шахана хоть и закатила глаза, но помимо воли улыбнулась. Биби более официально захлопала. Назнин улыбнулась и завязала волосы в узел. Поднимать руки ей было тяжело, ноги болели. Кажется, от этого отдыха она невероятно устала. Снова вернулось чувство, что надо о чем-то подумать.

— Я хочу попробовать встать.

Шану погрозил пальцем:

— Она не слышала, что велел доктор? Постельный режим. Такое лечение.

— Я уже належалась. Я хочу встать.

— Она не слушается доктора. Допляшется.

Еще чуть-чуть, и от улыбки у Шану лопнули бы щеки.

Назнин стало интересно, почему муж говорит о ней в третьем лице. Будь у нее побольше сил, почувствовала бы раздражение. Она собрала все имеющиеся в запасе силы и встала, несмотря на продолжительные увещевания Шану.

Гостиная была завалена игрушками, одеждой, книгами и разбросанной кухонной утварью. На столе — рулон туалетной бумаги, на диване — пять банок из-под консервированной фасоли. Здесь разгружали сумки с покупками — почему-то на полпути к холодильнику. Если пакет ненароком освобождался от содержимого, его бросали на пол для вящего беспорядка. Вот след от двери до дивана и стола: это кто-то захотел добавки. Назнин молча ходила по комнате. Внутри — удовлетворение. Столько лет она приказывала себе не расслабляться. Если расслабиться, все развалится. Постоянная бдительность и расчет, низкая, незаметная и неблагодарная работа женщины не давала всему хозяйству рухнуть.

Шану поднял туфлю и упаковку фломастеров. Положил на ручку кресла.

— Девочки сейчас на каникулах. Что уж тут поделаешь? — Он пожал плечами и покачал головой в знак беспомощности перед этим стихийным бедствием.

Назнин подошла к окну и посмотрела на оранжевый свет фонарей. Болезненный, отравленный свет. Она почувствовала, как память комком собирается в горле — нечто бестелесное, но ясно ощущаемое.

Шахана тоже выглянула в окно. На углу собрались дети лет десяти-двенадцати и выстроились вдоль стены, как заключенные.

— Вон Актар, — сказала Шахана, — и Али.

— Который час? — спросила Назнин.

— Почти одиннадцать, — ответил ей Шану и подошел к окну, морща лоб и поджимая губы в знак неодобрения.

— Почему родители разрешают маленьким детям слоняться по улице в такое время?

— Они не маленькие дети, — сказала Шахана. — А у Али десять братьев и сестер. Их родители не любят, когда они все вместе дома. — Шахана откинула челку. — Они просто действуют друг другу на нервы, — с чувством добавила она.

— Ах да, *перенаселение,* — сказал Шану, вставив английское слово. — *Перенаселение* в нашей об-

щине самая серьезная проблема. В одной комнате по четыре-пять бенгальцев. Это официальная статистика районного совета.

— Какая разница, — продолжала Шахана, — ведь еще не поздно. Некоторые и позже ложатся.

— Что? Позже? Собираются в банды поздно ночью? Небось ни у кого нет ни одной книжки. Как ты думаешь, что эти овечки изучают? Чему учатся?

Лицо у Шаханы стало отчужденным. Она отвернулась от окна.

Шану вспомнил, что у них сегодня особенный вечер. Обнял дочь.

— Тише, тише, — сказал он, — доктор не велел. Маме нельзя волноваться.

Биби уже начала зевать. Шану отправил девочек спать и, лежа на диване, поглаживал живот. Назнин смотрела на комнату и пыталась справиться с желанием начать уборку. Она сидела очень спокойно, чтобы все вспомнить.

— Мне нужно на работу, — сказал Шану, — она думает, что справится без меня?

Назнин посмотрела на швейную машинку. Машинку отодвинули в глубь стола, и ее почти не видно из-за стопки книг и картонной коробки.

— Работа, — воскликнула Назнин и подскочи-

ла. Заглянула в коробку. Целая пачка молний, которые ждут не дождутся, когда их пришьют на жилетки.

— Она не может работать, — затряс головой Шану, — больной не может работать.

— Их надо было вставить на прошлой неделе.

— Ничего, подождут.

Назнин прислонилась к столу. Кружится голова, поташнивает. Однажды она пробовала покурить с Разией — примерно такое же ощущение.

— Хорошо, а теперь она пойдет в постель.

Но в итоге, после всех протестов в третьем лице, в постель отправился сам Шану. Назнин осталась на ногах. Воспоминания хлынули, как волна прилива. Ей надо выстоять, не утонуть. Она ходила по комнате, брала вещи, не понимая, что это и куда это класть. Пол стал чище. Она принялась перекладывать то, что уже сложила, беспорядочно переставлять то, что уже поставила. Здесь был Карим. Он приходил и снова приходил, пока Шану не заподозрил. И девочки. Девочки все знают. Или Карим не приходил. Нет, это еще хуже. Он приходил, и его стали подозревать. И больше она его не увидит? Он больше никогда не придет. Это хорошо. Нет. Это плохо. Во всяком случае,

это конец. Но как все может закончиться без ее участия? И если закончилось, то зачем вообще началось? И зачем оно вообще было нужно? Карим придет еще раз, она все объяснит. А может, не станет объяснять, и это действительно будет конец. Она положит этому конец. Нет, не сможет. Как только увидит его, не сможет. Не настолько она сильная. И в любом случае не ей выбирать. Когда он придет? И придет ли?

Обессилев, Назнин рухнула в кресло навозного цвета и стала выковыривать набивку через дырочку. Приказала себе думать медленнее. На каждый пятый вдох тебе разрешается подумать одну мысль. Начала считать. По идее Карим должен прийти во вторник днем, когда девочки отправятся в гости к подружке. Каждый вдох она старалась выдохнуть как можно тщательнее. Он придет, потому что для нее есть работа. На вдохе она старалась наполнить легкие воздухом от самого основания, пока ключицы не заболят. Или увидит ее в окне и пройдет мимо. Следующие пять вдохов пошли быстрее — короткие вдохи через нос. В любом случае какая разница, что случилось? Важно, что будет теперь. У Назнин перехватило дыхание, она жадно ловила воздух ртом.

Ты никто. Ты никто, — повторяла Назнин, раскачиваясь в кресле. Слова эти немного смягчали непомерную, сокрушительную важность всего этого. Встала за Кораном. Поискала знакомые страницы, слова, которые всегда утешали. В панике не могла ничего найти: слова на страницах не пускали в себя, прятали свой смысл, не давались ей.

Она пошла в спальню, посмотрела на высящийся посреди кровати живот спящего мужа, прислушалась к его храпу. Взяла из ящика с нижним бельем пачку писем, завернутых бережно, как священная реликвия, и вышла из комнаты.

Под скудным светом настольной лампы она впитывала в себя слова сестры, упивалась ими. Она гладила пальцами их страницы, словно так можно передать Хасине все, что внутри. И на душе у нее стало тихо и спокойно.

Июнь 2001 года

Я расказала Лапушке о Монжу как она в больнице. Она вышла замуш в тринацать лет и родила. Когда сыну было семь дней старый муж хотел продать ребенка.

Лапушка сказала мы должны ей помоч. Дай подумать. Может быть государсвеные

фермы для выличившихся наркоманов. Очень хорошее милосердие и все очень хорошие люди в комитете. Она наркоманка? И она больше не будет?

Монжу думает семь лет только о сыне Хуршеде. И она только просит. Ага сказала Лапушка вот што не так в этой стране. Деньги должны приходить сами. Допустим она меня просит. А где я возьму деньги? Допустим я прошу у подруги. Где она возьмет деньги? Допустим она возьмет у подруги. А где она возьмет деньги?

Я хотела сказать у мужа. Но держала рот на замке.

Понимает што я хочу сказать? Деньги сами поевляются. Поэтому все милосердие сичас по схеме работа-и-навык. Лапушка покачала красивой головой и сказал ище деньги это не ответ.

Монжу сказала што не отдаст ребенка и отец вылил кислоту на ребенка семи дней. А потом медлено медлено выходит наружу што у ниво есть маршрут для детей в Индию и сестра ево четыре года в тюрьме за тоже самое. Все деньги которые Монжу просит это на операцыю сыну.

Лапушка приготовилась итти. Она мерила одежду и я вешала опять на плечики и убирала. Она стояла перед зеркалом в белье немножко ущипнула себя за бока. Она какбутто хотела стащить с себя мясо. Когда она услышала про Хуршеда она села. Она очень грусно сказала я из этой страны всегда хотела уехать.

Потом она запрыгала и быстро двигалась и пела и глаза сверкали. А как нащет Козочек отпущения? Это спицальный проект для женщин только. И в прошлом месеце приезжали англиские ученые и проверяли результаты. Много процентов улучшения в желании и сами как они оценивают себя. Как твоя подруга оценивает себя? Часто причина в бедности. И низкая самооценка.

Сестричка она ходила в зимний сад Шератон на шоу Пантин Хэд энд Шолдэ. Там такой конкурс есть Выглядиш на все сто! И девушки и ребята получали призы за лучшие прически и лучший облик. Лапушка сказала што это значит што страна развиваитса и што молодые люди и девушки теперь хотят достич цели в

жизни. Одна победитенница девушка только пять футов роста и она не модель по мировым стандартам но Лапушка не против. Может скоро и судить на следущем конкурсе будут лучше. Когда она ушла и дети легли спать я ходила по ее комнате и до всево дотрагивалась до кровати до вышивки слона на стене до мраморново столика до шелковой одежды до бутылочки с духами до украшений. Я трогала и думала все в ее руках подругому. И когда она дотрагиваетса то тоже чуствует другое. Но сичас я не знаю. Мне кажетса я была неправа.

Зейд теперь ходит за мной и орет кийяяяя! В ухо очень громко и я подпрыгиваю. Потом он улыбаетса и говорит Неожиданость это оружие. Помни об этом когда нападаеш. На што я нападаю я ево спросила. Он улыбаетса и показывает кунфу ногой или рукой. Маленький Джимми лупит меня ззади по коленкам так што я сажусь и чуть не падаю Малютка Дэйзи тоже орет кийяяяяя но неожиданости у нее не получаица.

Июль

Сестричка твои деньги пришли спасибо Аллаху. Не сердись я отнесла их в больницу и заплатила штобы Монжу переодели в чистое. От ее запахов болит нос. От взгляда на нее болят глаза. Когда узнаеш ее болит серце.

Когда метсестра принесла новую одежду Монжу сказала не надо. Всеравно я эти деньги потратила. Ты свои береги для Хуршеда. Но она только шепчет и она не может двигатса поэтому все получилось.

Она накопила почти деветъ тысяч така на следущую операцию. Поэтому муж обжег ее. Она не хотела ему давать денег.

Теперь деньги ушли на нее штобы она не умерла и она думает как накопить для ие мальчика. Это не дает ей покоя и это больнее чем кислота.

У малютки Дэйзи вырос задний зуб. Она все время хочет штобы я ее носила. Когда я ставлю ие на пол это как смиртелъный приговор. Она вижжит. Вчера я постояно ходила на веранде и для нее вчера веранда была самым любимым местом. Она свесила голову и закрыла глаза. Если

я останавливалась она открывала глаза широко и боялась. На улице очень очень жарко но мне нравитса на веранде. Я тебе расказывала про дом? Он покрашен в розовый цвет как на ногтях. На веранде длиные такие кресла штобы и ноги ложить и много подушек зеленых в белую полосочку. На крыше живет зимородок. Он сидит на перилах и поет поет. Лети и найди воду я ему говорю. Но он не улетает просто сидит и крылом не пошевелит и поет штобы прилетели наверно все ево братья к нему на крышу потому што он здесь нашел такое прекрасное место как рай. Сад уже стал коричневый и только где Саида работает сад еще зеленый. Возле под'езда стоит кокосовое дерево которое уже давно мертвое. Зейд должен ево спилить но он сидит в приемной и сморит с Джимми кунфу. Я сморю на зимородка а он на меня сверху.

Через арки с розами (Лапушка так ими гордитса своими розами даже сичас когда они не цветут) я вижу как люди мешают цемент для нововo домика летнево. У них есть два маленьких мальчика которые

носят воду и кирпичи и все такое. Даже когда они ничево не носят они ходят как старички жара давит их к земле.

Дейзи наконец уснула и я сижу ее голова у меня на плече. На затылке у нее кудряшки. Видела бы ты эти кудряшки! Какое хорошенькое личико. Я целую ее очень осторожно. Боюсь дышать иногда когда смотрю на малютку Дэйзи. Как мыльные пузыри на руке под солнцем милион красивых красок.

Зейд выходит и говорит Смотри не перепутай. Она не твоя.

У ниво на челюсти синяк и порез на левой руке выше локтя.

Мне он тогда не понравилса. Я прижалась губами к кудряшкам и мне интересно што чуствует Лапушка когда так делает. Подругому мне кажется. И я теперь права. Когда она трогает мраморный столик итал'янский стул муслин вышитый рукодельницами он у нее в шкафу лежит павлиные пер'я в серебреной вазе она чуствует как все это скользит в руках. Она хочет штобы было больше. Штобы было в целости. Но когда она касаетса гу-

бами головы ребенка тогда она знает што у нее это есть и што она это не потеряет а у меня этово никогда не будет.

Июль

Штото в твоем письме не так. Теперь я поняла какие девочки твои растут разные. И у мужа твоево вроде очень хорошая постояная работа таксиста и он везде ездит.

Лапушка устроила прием для Бетти и ее мужа. Пришли только два человека а готовились много дней преставь што на землю вернулся Бангабанду[71] и оказал нашему дому честь и посетил ево. Лапушка одела спицальные брюки с блестяшками и она поворачиваетса и каждый раз они как крошки разбитово брильянта сверкучие. Бетти одела желтое сари и Лапушка потом сказала што даже у самых пресамых иногда хромает вкус.

Я подавала еду и смотрела за детьми они туда сюда на кухню бегали. Мущины говорили все про выборы и целофановые

[71] Примечания: 71

Бангабанду (Друг Бенгалии) — прозвище шейха Муджибур Рахмана, лидера освободительного движения во время войны с Пакистаном.

пакеты.

Муж Бетти сказал можно подумать што если к власти придет НПБ то дадут зеленый свет целофановым пакетам.

Муж Джеймс покраснел и говорил очень здержаным голосом. Вот почему в этой стране все не так. Никому не нужен прогрес. Разве в Н'юерке и Париже и Лондоне покупки носят в джутовых сумках? Нет! Там все целофановое.

Бетти и Лапушка скучали. Они устроили целое преставление. Зевали и закатывали глаза. Им на самом деле было скушно но они должны притворятса что они притворяютса.

Муж Бетти сказал сто двацать один милион целофановых пакетов каждый день делают в Бангладеш. Сто милионов каждый день используетса. Я не знаю. Разве это прогрес?

Муж Джеймс говорит в чем чорт возьми дело? Все эти туземцы говорят што целофановый пакет забивает стоки и поэтому затопляет поля, но это у них с головой штото случилось. Четыре тысечи народу работают штобы сделать эти пакеты. Они

так кормятса. А наши туземцы хотят штобы у них стоки забивали трупы. И он сел так ровно и стучит кулаком по столу.

Авами Лиг тоже хочет запретить сказал муж Бетти и Бетти положила руку на ево руку. Лапушка улыбаетса какбутто у нее улыбка прилиплась к лицу. Она играет волосами и говорит мой муж Джеймс знает все про целофан.

Потом я позно уложила детей спать и пошла на кухню. Лапушка ище развлекает гостей но обед уже кончился. Зейд приготовил дхай[72]. Дети ево любят на завтрак. Повар говорит ты слышала о чем они говорят? Политика то. Политика се. Задирают носы и крутят задами как кошка которая идет по луже. Все забастовки и насилие и оружие и убийство и то и это. Какбутто они тут нипричем. Но это же система. А кто делает системы? Не рабочие. Не нищие.

Он маленький человек из проволоки. Я тебе говорила? Ево можно сложить и сунуть в карман. Но не похож на слабово.

---

[72] Примечания: 72
Дхай — простокваша или йогурт, который подают с карри.

Я ево снова спрашиваю за ково он в политике? Он наклонил голову и говорит за себя. Потом он мне об'еснил. Он подерживает тех кто дает зарплату. Поэтому он за Авами Лиг Национальную партию Бангладеш и за Джамаат-э-Ислами. Они думают што нанимают только силу но и у силы есть мозги.

Он накопил много денег и потом хочет придумать што делать. У нево много идей. Одна это продукты для служащих. Хорошие продукты. Другая ресторан для семейных пар. Ище он думает тренироватса на актера кунфу. Ище хочет штобы посылать людей на работу заграницу. Только нужны деньги на мобильный телефон. Знаеш сколько надо денег штобы уехать в другую страну? Сто педесят тысеч така. И это в плохую страну. В Сингапур надо больше.

Однажды он сам думал уехать за море. Но он говорит што у тебя будет когда ты вернешся? Проведеш три четыре года и света белово невидя все время работа работа работа и вернешся ничево не работает ни холодильник ни телевизор

потомушто элитричества нет и ты возьмеш молоток и к чертовой матери все это разнесеш. Одна женщина продала свой надел земли штобы отправить сына в Сингапур. Три года он работал на стройке и когда вернулся ему не хватало денег штобы выкупить землю. Ище другая женщина увидела об'евление в газете о работе и поехала в Малазию. Она шила одежду с восьми утра до десяти вечера семь дней в неделю. И так пять лет. Когда она приехала домой ее муж потратил все ее деньги которые она посылала и у нее теперь одни долги.

Если ты уежаеш ты должен знать зачем ты возвращается. Пока тебя нет кто здесь будет штото строить? Я ему расказала про твоево мужа и што у нево есть работа и все. Он спросил сколько он уже живет в Лондоне?

Я сказала што помоему больше двацати лет.

Зейда я видела первый раз под впечатлением. Он даже замахал руками. Тогда это стоит тово. Через двацатъ лет он может сюда приехать и построить себе город

где все работает как надо.

Август

Я снова ходила в больницу коледжа. Лапушка сказала ой пожалуста возьми с собой моих крошек. Я ей расказала немножко как выглядит Монжу и ничево не сказала как она пахнет. Лапушка закрыла уши и говорит што иногда хочетса закрыть все милосердие потому што все время ево мало.

На обезболивающие Монжу нет денег. Молюсь Аллаху штобы она почаще теряла сознание.

Позно позно пришла Саида смотреть на дожь на веранде. Мы почти не говорили. Сидели рядышком и вдыхали запах земли. Когда она уходила она сказала Хорошо. Вот так. Какбутто мы все все обсудили на земле и обдумали каждый шаг.

На следующий день Шану не пошел на работу. Он ходил по дому и мешался под ногами. Назнин начала мало-помалу приводить квартиру в порядок. Девочки с необычным рвением хватались за поручения. Шану руководил операцией и рассуждал о природе домашней работы. Домашняя

работа есть ни начало, ни конец, как Бог. Она *есть*.

— Мама, ты больше не нервная? — спросила Биби, обкусывая ноготь.

— Нервная? — переспросила Назнин.

— Нервное истощение, — объяснил Шану. — У нее было состояние, известное как нервное истощение.

— От чего? — спросила Шахана.

На долю секунды Шану замешкался. Потом пришел в себя:

— Нервы. Это у женщин. Вы, когда вырастете, все сами поймете.

— И все? — не отставала Биби. — У нее больше нет нервов?

— Больше нет, — ответила Назнин.

Она посмотрела на широкое личико дочери, на плоские щеки, тяжелый лоб. В ее бархатных карих глазках тревога. Открытое лицо, не сказать, что простое, но и не особо красивое, хотя очень приятное из-за постоянного желания сделать приятное. Такая же и мать. Назнин вспыхнула, сначала от гордости, потом от волнения:

— Не переживай за меня.

— Не переживу, — быстро ответила Биби и забеспокоилась, когда Назнин засмеялась.

Уборка всей семьей была похожа на первую репетицию в театре, все хотят что-нибудь делать и постоянно ошибаются. Шахана разозлилась на Биби, которая вытащила все из кухонного шкафа.

— Я хочу его помыть, — ответила Биби.

— Я только что там все расставила, — простонала Шахана.

Шану усмехнулся и погладил живот:

— А вы думали, у вашей мамы простая работа? Сколько раз вам говорил, помогайте маме. Ей тяжело. Ей очень тяжело.

Он ел хлеб и никакой необходимости в тарелке не видел. Назнин подмела за ним крошки.

— К тебе заходила Разия, — сказал он, — ты помнишь? Кажется, ты ей что-то сказала, а со мной не хотела разговаривать.

И улыбнулся, чтобы показать, что совсем не сердится.

Но она не вспомнила.

— Да, приходила, — продолжал он, — она, конечно, простушка, дамой ее не назовешь. Но чувства выражает вполне искренне.

Назнин продолжала уборку. В этих нехитрых «скрести, чистить, подметать, стирать», в этой тупой и сладкой пустоте она нашла себе убежище,

которое сегодня ночью пыталась отыскать в Коране. Пришла Разия, потом Назма с Сорупой. Они накормили ее самыми лакомыми сплетнями, которые она проглотила, не почувствовав вкуса. День пробежал незаметно, и ночью Назнин ничего не приснилось.

Убирая ванную на следующий день, Назнин думала о Хасине. Казалось, что судьба все вертит и вертит жизнью сестры, подкидывает и крутит, как собака слепого и голого крысенка. А Хасина этого словно не замечает. Видит укусы на теле, и каждый может объяснить. *Здесь я сама виновата и здесь и здесь.*

Назнин вытерла пыль со швейной машинки и принялась за работу. Шану, который, похоже, отвык от работы, суетился вокруг.

— Она не должна переутомляться, — сказал он.

Когда Шану хотелось подчеркнуть хрупкость жены, он отправлял ее в лингвистическую ссылку третьего лица.

— Она не переработает, — пробормотала Назнин.

«Я давно переработала», — подумала она про себя.

— Она должна выполнять предписания врача.

«Что сделано, то сделано». Эта мысль казалась

свежей и поразительной, как грандиозный научный прорыв или откровение.

— Ей надо лежать в постели и отдыхать.

«Для меня уже приготовили место в аду на вечную вечность. С этим все ясно. Хоть с этим все ясно».

— И муж ей советует то же самое.

«Градусом ниже, градусом выше, годом больше, годом меньше. Какая разница?»

— Она должна слушать, что говорит муж.

«Хорошо. Значит, так. Так».

— Она, по-моему, совсем не слушает.

— Слушает, — ответила Назнин, — слушает. Но не слушается.

Шану улыбнулся, ожидая, что Назнин объяснит свою шутку. Улыбка побродила вокруг его рта, глаза внимательно посмотрели на жену в поисках нити разговора, потом на комнату в поисках выхода.

— Ну что ж, — сказал он наконец, — я, пожалуй, почитаю. Шахана! Биби! Скорее. Кто мне сегодня полистает?

На дворе теплый августовский вечер, солнца нет. Толстое серое небо укутало все вокруг своим плотным одеялом. Назнин смотрела в окно, как самолет размазывает серое варево неба своим

белым хвостом и исчезает за комками домов. Она прилетела в Лондон на самолете, но не запомнила путешествия. Запомнилось только, как разносили завтрак, как ей подали миску с кукурузными хлопьями, как что-то надломилось внутри и как в миску хлынули слезы вместо молока. На тот момент она со многим смирилась, но тот странный завтрак был выше ее сил. Шану тогда понял ее состояние. Он забрал у нее миску, запрятал куда-то и пообещал то, пообещал это и столько начал обещать, что она попросила его остановиться.

Как давно это было, как серьезно она тогда все воспринимала. Назнин посмотрела на окна их старой квартиры и увидела, что подоконники уставлены цветами в горшочках. Надо было накупить цветов, ухаживать за ними и любить их. Давно надо было это сделать. Надо было сшить новые чехлы на диван и кресла. Надо было выкинуть старый шкаф или хотя бы перекрасить этот. Надо было заштукатурить и покрасить стены. Надо было повесить на стены сертификаты Шану. А она все эти годы ничего не делала.

Все, что столько лет она считала прочным, рухнуло. Теперь незачем что-то менять, некогда что-то сажать. Уже, кажется, поздно.

Назнин посмотрела на крошащуюся кирпичную кладку под подоконником, на черные, как грязь под ногтями, трещины. Здесь она прожила половину жизни, неужели здесь и умрет?

Размышления прервал стук в дверь. По дороге к двери Назнин уже поняла, кто там. Она узнала его по особенному, слегка нетерпеливому стуку. Под рукой — связка джинсов, перевязанная толстой веревкой. Он положил джинсы на пол и сложил руки на груди. Они молчали, боязливо глядя друг на друга, и каждый гадал, кто начнет объяснения и что надо объяснять.

Оба не выдержали и одновременно опустили глаза. Воздух переполнился невысказанным, напряжение вот-вот выступит капельками влаги на стене. Назнин ощущала свое тело, как будто только что в него вселилась, и физическое ее воплощение было и странным, и волшебным. Кровь пульсирует за ухом. Игла возбуждения прокалывает бедро насквозь. В желудке жуткий, невыносимый голод.

Назнин забыла, кто сорвался первым, но они оказались в спальне и так сжали друг друга, что между ними не осталось воздуха. Укусила его за ухо. Укусила за губу и ощутила кровь. Он толкнул ее на постель, обнажил ее грудь и задрал подол

сари. Сари болтается на талии, но она голая, как никогда. В девственно-чистом прошлом остались времена голых тел под простынками. Она помогла ему раздеться. С ней сегодня можно все. Она впустила его, но даже не со страстью — с яростью, словно за один этот акт можно либо все выиграть, либо все потерять. Он сжал ей горло рукой, и она хотела всего сразу: испариться в этой жаре, как капля росы, хотела, чтобы он сильнее надавил на горло и утихомирил ее, чтобы вошел Шану и увидел ее, свою жену.

Карим лежал на спине, подложив руки под голову. Назнин не шевелилась, раскинув на кровати конечности, как после аварии. Лежала и ждала, когда же внутри появится отвращение. Но отвращения не наступало. Назнин чувствовала только тепло его тела рядом. Она уже погружалась в сон, когда Карим повернулся на бок и заговорил. Он бормотал нежности, шептал обещания, постанывал и бурчал о любви, сладкие фразы, глуповатые по молодости, скупые из-за заикания. Она встала, пошла в душ и смыла все его слова.

Позже Карим сидел на диване, положив ноги на кофейный столик, а она шила. На носке у него дырка, из нее торчит большой палец. Назнин

старалась не смотреть. Принесла ему стакан воды. Газеты. И отворачивалась от белых носков с посеревшими пятками и косточками, да еще и с дыркой.

Пару раз Карим тыкал в кнопки на мобильном, но, видимо, не с кем было разговаривать. Он вытянул руки и заерзал.

— Надо дела поделать, — сказал он, никого конкретно не имея в виду.

Назнин возилась с молниями. Если бы Карим спросил, она бы все рассказала, про болезнь, про невозможность дальнейших отношений, и потом они бы говорили и договорились бы до разрыва.

— Ты на меня злишься?

Назнин обернулась, думая, что это он по мобильному.

— Ты на меня злишься, потому что я пару дней не приходил?

— Нет.

Карим улыбнулся:

— Ладно, вижу же, что злишься.

Ему это, кажется, нравилось.

— Я уезжал в Брэдфорд, с родственниками встречался.

— Я не злюсь.

— Я заглажу свою вину.

И вдруг Назнин разозлилась:

— Почему ты не веришь, когда я говорю, что не сержусь? — Она перешла на бенгальский и свои слова прошипела.

Ему понравилась шутка:

— Верю тебе, сестра. Вижу, как ты счастлива.

Она молчала, и несколько минут ответом ему была тишина. Потом ей захотелось что-то сказать, но ничего не приходило в голову.

— Пошел я, — сказал Карим и убрал ноги со стола.

Он говорил легко, словно они сейчас просто дурака валяли.

— Надо в пару мест зайти, пару человек увидеть.

— Не надо. Не уходи.

— Пару дел сделать. Джинсы отнести.

Но не встал.

— Девочки завтра дома. И послезавтра.

Он помолчал. И голос его прозвучал не так беззаботно.

— Может быть, знаешь, мне пора с ними познакомиться?

Назнин перехотела с ним разговаривать. Вернуться бы на две недели или на десять минут назад и все изменить, и чтобы все пошло по-но-

вому.

— С кем ты встречался в Брэдфорде?

Он пожал плечами, как будто ответ на этот вопрос невозможен.

— С семьей. С кузенами там.

— У тебя много кузенов?

Он снова пожал плечами:

— Целый вагон.

Она повлияла на его решение, он легко согласился остаться. Решил посидеть за компьютером Шану. Назнин протерла монитор. Возясь со входами и проводами, Карим заговорил о «Бенгальских тиграх».

— Надо как-то оживить дело. На собрания никто не ходит. Жалкое зрелище.

Влажной тряпкой Назнин прошлась по клавиатуре. Карим так близко, что слышится запах: лайм, гвоздичное масло и еще не остывший запах недавнего секса, хоть и смытый водой, но заметный, как вычищенное пятно, если о нем знаешь.

— Сначала на собрания ходили все, — сказал он Назнин, будто она никогда там не была, — а потом бац, — он щелкнул пальцами, — и нет никого.

Борода у Карима отросла. Но и с бородой видно, какой он красивый. Она вспомнила собрание, вспомнила, как сидела прямо возле сцены, как

в красном сари все пылало, как он переманивал аудиторию на свою сторону, как бежала домой и ждала его, знала и не могла поверить, что он придет. Тогда она его хотела, а не сейчас — с ногами на кофейном столике и дырками в носках.

— Когда мы организовывали марш, было совсем другое дело.

Он нагнулся распутать провода.

— Организуйте опять.

— «Львиные сердца» устраивали марш против нас. А мы против них. Но они все свернули. Знали, что по числу нас будет больше. И что они нам проиграют.

Разгибаясь, он ударился головой о стол и потер кулаком ушибленное место.

— Организуйте еще один марш. Почему обязательно надо делать марш против кого-то?

Карим обернулся на нее и погладил бороду.

— Не так все просто.

— Почему?

— Нельзя устроить марш просто так. Это все равно что, Господи, все равно что пойти погулять.

Назнин заупрямилась:

— Почему?

Карим внимательно изучил ее взглядом, слов-

но заподозрил в ней самозванку.

— Потому что, — тихо, но настойчиво произнес он.

— Ты же хочешь, чтобы люди опять к тебе потянулись?

— «Бенгальские тигры» доживают последние дни.

Карим нажал на клавишу, и компьютер зажужжал, как насекомое в сумерках. Сел и нажал еще несколько клавиш.

— Сделай из марша праздник, люди всегда ходят на праздники. Кто-то споет, кто-то станцует.

— Вроде мелы?[73]

Он оглянулся и улыбнулся — как погладил по голове.

— Да, — не сдавалась Назнин, — как мела.

Карим погрузился в экран, и Назнин замолчала. Она стояла рядом, молча требовала к себе внимания. Через пару минут Карим, не поворачиваясь, сказал:

— Знаешь, можно устроить что-то вроде мелы.

— Ты правда так думаешь?

— Зачем нам обязательно *негативный* повод? Он может быть и приятным.

---

[73] Примечания: 73
Мела — фестиваль.

— Ну да, именно.

Карим просидел за компьютером около часа, Назнин успела сточить о молнии две иглы. Время от времени она вспоминала, что Шану уехал на работу рано утром, что может в любой момент прийти и увидеть, какие у них здесь мир и согласие. Но ей было все равно. Придет, не придет. Назнин, удивляясь собственному равнодушию, вдруг затрепетала: с одной стороны, это разврат, но в то же время и величие — в сущности, она впервые проявляет истинный стоицизм перед лицом Судьбы.

— Что ты смотришь?

— Один день из жизни бенгальской деревни.

Она подошла и глянула на изображение повозки с волами и возницы: и у животного, и у человека кости торчат, как в неприличном жесте.

— Когда ты был там последний раз?

— Н-н-никогда, — сказал Карим и начал заикаться сильнее обычного, — я там никогда не был.

Назнин отправилась на кухню готовить чай, чувствуя легкую неловкость, словно небрежно поинтересовалась о родственнике, не зная, что тот умер.

Вернувшись, Назнин увидела, что картинка исчезла, и появился английский текст.

— Что это? — спросила она и удивилась требовательным ноткам в своем голосе.

— Это хадис на сегодняшний день, на исламском сайте.

— Продолжай, о чем там?

И он прочел по-английски:

— Абу Хурайра (да будет доволен им Аллах!) от пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) рассказал: «Сыну Адама непременно записывается его доля прелюбодеяния: прелюбодеяние глаз — взор, прелюбодеяние ушей — выслушивание сладострастных речей, прелюбодеяние языка — распутные речи, прелюбодеяние руки — жестокое избиение других, прелюбодеяние ноги — ходьба к месту совершения греха. Сердце же желает и хочет этих порочных дел, а половые органы либо совершают прелюбодеяние на самом деле, либо нет.

После первых слов Назнин не слышала ничего, кроме пульса в ушах. Смотрела на Карима, как мышь смотрит на кошку, он повернется, и она все ему скажет.

— Здесь полно всяких интересных вещичек.

Карим не повернулся. Голос не изменился. Ка-

ким ей будет наказание? Надо ли поверить, что Карим случайно наткнулся на этот хадис?

— *Исламское образование открыто для всех.*

Карим поводил мышкой и продолжал смотреть на экран. Если он случайно его открыл, что тогда?

— *Как кушать по-исламски, как спать по-исламски.*

Карим наконец обернулся, и Назнин увидела, что ничего не изменилось.

— Что тебе сначала почитать?

— Тебе пора уходить. — И она отнесла чай обратно на кухню и вылила его в раковину.

По всему району Догвуд появились объявления, раскрашенные красным и зеленым фломастерами, они были похожи на поздно распустившиеся цветы на фонарных столбах и мусорных баках. Один Шахана принесла домой.

— Можно нам пойти?

Ее вопрос прозвучал, как ультиматум.

— Туда все пойдут, — добавила она тоном человека, уставшего объяснять очевидное.

Шану взял объявление:

— Что это за чушь?

Шахана дунула в челку:

— Туда все пойдут.

— «Бенгальские тигры», — сказал Шану, пережевывая это название.

— И «Бенгальские тигрята».

— Я, кажется, припоминаю это название.

И он наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону, пытаясь таким образом выудить застрявшее где-то воспоминание.

— Они организуют фестиваль. Все, кто хочет помочь, приглашаются в понедельник.

Шану вспомнил:

— Эти идиоты кидали мне листовки под дверь.

Он прокашлялся и сложил руки на животе.

— В этом обществе…

— Мы пойдем туда или нет?

— Биби, — крикнул Шану, — иди и скажи нашей мемсахиб, что она в кровавое месиво у меня превратится. Руки-ноги не отыщутся.

— Так нечестно, — закричала Шахана.

Биби, которая стояла возле входа, выскользнула из комнаты.

— Ничего от тебя не останется, — визжал Шану, — только косточек осколки.

Назнин встала между мужем и дочерью.

— Она пойдет, — сказала Назнин, но оба так орали, что не слышали слов матери. — Я сказала, она пойдет, — завопила Назнин.

Оба, оторопев, замолчали, словно она им обоим вырвала языки.

— Шахана, побольше уважения к отцу.

— Да, мама.

— А ты, — повернулась Назнин к Шану, — думай, что говоришь маленькой девочке.

Шану молча открывал рот.

— Ты права, — получилось у него через несколько секунд.

Отец с дочерью смотрели друг на друга, словно заговорщики. Их заговор вдруг обернулся забавой. Они улыбнулись и еле сдерживались, чтобы не расхохотаться. И не смотрели на Назнин. Шану подмигнул дочери и сказал:

— Мы забыли, что она еще не совсем здорова.

— Мам, — сказала Шахана, все еще не поднимая глаз, — может, ты сядешь?

— Может, я сяду, — ответила Назнин, — а тебе не пора за книжки?

У Шану затряслись щеки, он исподтишка делал знаки Шахане:

— Надо сматываться от этой сумасшедшей, пока еще есть время.

Прошло несколько дней. Назнин осторожно спустилась с натянутого каната под куполом и сделала первые шаги по земле. На удивление

земля оказалась довольно прочной. На цыпочках теперь ходили Шану и девочки.

— Помните, о чем мы договаривались? — повторял Шану девочкам, и те чуть заметно кивали, чтобы не заметила Назнин.

— Мы должны пойти на собрание всей семьей, — сказал Шану, — будет весело.

Назнин ответила, что пойдет, если он так хочет, и он погладил ее по щеке и сказал:

— Ну, хорошо. Так-то лучше, правда?

И засуетился вокруг нее, пока Назнин не выдавила улыбку, лишь бы он ушел.

За день до назначенной даты Шану сидел по-турецки в лунги и жилете на полу и читал газету.

— Шахана! Биби! Идите сюда.

Пришли девочки, каждая пыталась спрятаться за другую.

— Как вы думаете, какая нация самая счастливая в мире? — И от улыбки у него раздулись щеки.

Шахана передернула плечами, а Биби сунула палец в рот.

— Ну, у кого есть предложения? — От удовольствия Шану раскачивался взад-вперед, от чего живот у него шлепался о бедра. — Ну же, кто догадается?

— Самая счастливая? — спросила Биби, с трудом понимая значение слова.

— Бангладешцы, — монотонно ответила Шахана.

— Правильно. Здесь пишут, что в опросе «Какая нация самая счастливая?» первое место занимает Бангладеш. Индия на пятом месте, США на сорок шестом.

— О господи, — сказала Шахана.

Но Шану не обратил внимания.

— «Исследования, проведенные профессорами Лондонской школы экономики на предмет количества затрачиваемой энергии каждым человеком и получаемого качества жизни, показали, что самые счастливые люди в мире живут в Бангладеш». Кстати, Лондонская школа экономики очень респектабельное заведение, на уровне университета Дакки или Открытого университета.

И Шану передал Шахане газету, чтобы она сама посмотрела.

— Что мы теряем, если вернемся на родину? Бургеры, чипсы и, — он кивнул на ноги Шаханы, — узкие джинсы. А что получим? Счастье.

— Господи, — повторила Шахана.

Биби стояла на одной ноге и пыталась сосредо-

точиться, но получались у нее только гримаски.

— А как ты думаешь, какой класс присвоен этой стране? Глянь-ка. Тридцать второй. Видишь, какая разница.

Шану начал напевать песню из старого фильма и изучать мозоли на левой ноге. Девочки выскользнули из комнаты, бросив газету на пол.

— Здесь надо срезать, — сказал Шану через несколько минут.

Наклонился в поисках мозолей, насколько позволил живот.

— Не верю, — сказала Назнин.

Она сидела за машинкой, не работала, не убирала, просто сидела.

— Что ж, тогда я сам.

— Нет. Я не верю в это исследование. Какие профессора его проводили?

Брови у Шану взлетели вверх, глазки остались одни, маленькие, уязвимые, незащищенные, как две улитки без раковин. Шану потянулся к газете:

— На, посмотри. Я ничего не придумал.

— Написать можно все, но я в это не верю.

— Почему?

Удивительно, как лицо может вместить столько изумления.

Назнин не знала, что ответить. Зачем затеяла этот разговор. Не знала, верит ли исследованию или нет.

— Моя сестра несчастлива.

— Нет. Хасина очень счастливая.

— Нет, она несчастна. И не была счастлива…

И Назнин рассказала, что скрывала все эти годы, сначала запиналась, как будто говорит неправду, но потом слова хлынули потоком. Шану сидел неподвижно, как никогда, со спокойным лицом. Назнин рассказывала о своей сестре, ничего не скрывая, начиная с мистера Чоудхари, хозяина, которого Шану окрестил уважаемым человеком. Слово «изнасилование» Назнин заменила на деревенское выражение «у Хасины украли накпул», или «кольцо в носу», о том, как сестра начала торговать телом, Назнин не упомянула, сказала только, что «сестре надо было зарабатывать на жизнь», и увидела, что Шану понял намек.

Закончив, Назнин сложила руки на коленях и сидела очень ровно, протестуя своей аккуратной позой против мирового хаоса и беспорядка. Шану склонил голову и обвел взглядом комнату.

— Я что-нибудь придумаю, — сказал он, — надо что-то делать.

На следующий день после собрания «Бенгаль-

ских тигров» Назнин отправилась на другой конец района к Хануфе.

Хануфа надавала ей упаковок из-под маргарина и мороженого.

— А еще — вот тебе дал, кебаб и нирамиш. Я много наготовила.

— Я себя уже хорошо чувствую, — сказала Назнин.

— Возьми, — сказала Хануфа, — я много наготовила.

Она принесла стульчик, чтобы Назнин могла поставить ноги. На возражения ушло бы больше сил. Назнин послушалась.

Хануфа снабдила ее очередной порцией новостей. Старший Назмы устроился менеджером в ресторан «Бенгальский воин», Джорина пытается вернуть дочь и зятя в Англию, но служба иммиграции создает трудности, у Сорупы все не проходит простуда.

— И все говорят о мелe.

Назнин на секунду закрыла глаза и вспомнила вчерашнее собрание.

Само собрание уже походило на мелу. Зал украшали нарядные, ярко одетые детишки и младенцы на руках у родителей. Люди бродили по залу, одни входили, другие выходили, пробовали

бхаджи и самосы, по тридцать пенсов штучка, на тележке в левом проходе. В дальнем углу человек в грязном фартуке продавал сладкие ласси и пачки мангового сока. Шахана сдержанно махнула группе молодых парней в замысловатых кроссовках и с заговорщическим выражением лица. Биби встретилась со школьной подружкой, они сели вместе, болтая ногами. Шану смазал копну волос кокосовым маслом, заточил три карандаша, нашел блокнотик, как у журналистов, и с трудом, но втиснул его в нагрудный карман рубашки.

— Сколько же здесь народу, — сказал он, — как в таких условиях можно провести собрание?

— Я хочу купить ласси[74], — сказала Шахана.

— Молоко наверняка скисшее, — предупредила Назнин, — у продавца ни холодильника, ни льда.

— Пойду посмотрю, — сказала Шахана и убежала.

Шану вытащил блокнотик:

— Помню, в районном совете говорили, что если собирается больше четырех человек, то это уже базар.

---

[74] Примечания: 74

Ласси — йогуртовый напиток с добавлением сахара, иногда приправленный специями.

Назнин вспомнила его слова. Шану оказался прав. Более того. На этом базаре он говорил больше всех.

Народ на задних рядах начал ворчать на Карима:

— Кажется, он забыл свой родной язык.

— Какая разница, что так треп, что сяк, — прошептал Шану в ответ.

Собрание проходило по обычной схеме. Секретарь на цыпочках пытался успокоить зал. Снова выборы. Черному человеку присвоили титул «Главный по межкультурным связям». Снова баталии между Каримом и Вопрошателем.

— Что мы отмечаем этим фестивалем? — спросил Вопрошатель. — Неужели у наших детей все в порядке в школе? Разве они разом выбрались из последних учеников в первые? Разве проблема наркотиков, о которой мы умалчиваем, как о чем-то постыдном, исчезла? Что изменилось? Наших братьев в Палестине, Индии, по всему миру больше никто не притесняет?

И тут поднялся Шану. Все в зале повернулись в его сторону. Со всеми мыслимыми и действующими на нервы звуками он выкорчевал глубинные залежи в горле:

— От своего имени я сам бы хотел добавить,

что народ Бангладеш самый бесправный в мире представитель своей этнической группы во всем Соединенном Королевстве. В этом трагедия иммигрантов. И, как человек, изучавший философию…

Дальше Назнин не слушала. Ей было все равно, что он говорит. Ей было все равно, что люди смотрят. Она сидела рядом с мужем напротив любовника, и в ней медленно поднималось чувство удовлетворения. Оно медленно растекалось внутри, нашло сердце и согрело его. Назнин, приобняв себя, стерла улыбку о плечо. Подумала, сколько лет, сколько времени, сколько сил ушло на то, чтобы научиться равнодушию, научиться *принимать*. Видишь ли ты меня сейчас, мама, видишь, как я научилась все это принимать? И ощущение теплоты тут же начало уходить.

— В одном местечке на Бернерс-стрит, для женщин, — сказала Хануфа.

— Что там? — спросила Назнин.

— Курс массажа. Хочешь сходить?

— Как-нибудь в другой раз, — сказала Назнин, с трудом поднимаясь, — у меня много работы.

По дороге домой Назнин встретила четырех бенгальских парней. Они пришли в самый разгар собрания. Подъехали к входу на шикарной

машине серебристого цвета. Открыли двери, изнутри понеслась музыка. Стояли, опершись на капот, им нужен был только повод. Потом вошли и чуть не устроили драку. Некоторые ребята в зале хотели их вышвырнуть. Это наше помещение. Что они здесь делают? Всех успокоил Карим и, как всегда, каждого внимательно выслушал.

Назнин обошла парней у машины стороной, поднялась к себе. Возле двери ее поджидала Разия в своей фуфайке с английским флагом. Лицо мокрое. Фуфайка тоже намокла, брюки прилипли к ногам.

Назнин подошла ближе.

— Что случилось? — спросила она, но догадывалась, что ей ответят.

Разия протянула руки. Темные глаза с золотыми крапушками полны страха, седые волосы всклочены, губы растрескались, ноздри длинного носа раздуваются. Она схватила Назнин за руку:

— Он продал мебель.

Глава шестнадцатая

После того как мужа завалило насмерть семнадцатью замороженными коровьими тушами, Разия занялась квартирой. У Назнин на глазах Разия соорудила погребальный костер из мебели, полупустых банок с краской, изувеченных кукол и дешевых консервов. Она выбрасывала все, что могла поднять. Назнин казалось, что вот-вот Разия и детей возьмет за шкирку и вышвырнет. Потому те и старались не попадаться на глаза. А вот Назнин даже после больницы не нашла в себе сил ничего выбросить — к ней как-то заглянула Разия и унесла вещи сына.

С годами квартира Разии перестала походить на лагерь переселенцев, на временную землянку во вражеском стане, куда стаскиваются всевозможные запасы. Разия превратила ее в настоящий дом. Она откладывала деньги и в первый год купила ковер в гостиную, на следующий год — ковер в прихожую и так далее. По стенам развесила зеркала; украдкой посматривая на себя, говорила, что зеркала зрительно увеличивают пространство. А в прошлом году купила новый гарнитур: два кресла и диван с темно-зелеными

подушками, отделанными бахромой с золотыми кистями.

— Что я наделала? — повторяла Разия.

Комната почти пуста. Единственная односпальная кровать придвинута к стене. Это кровать Разии. На полу в углу матрас, на нем спит Шефали. Тарик удостоился отдельной спальни. Шефали сидела на одиноком стуле с высокой спинкой, как на необитаемом острове.

— Ты знала об этом? — спросила Разия у дочери, и Назнин догадалась, что этот вопрос задается не в первый, а в десятый или в двадцатый раз.

Назнин прислонилась к подоконнику. Конечности отяжелели, как будто тело вдруг заснуло. Ей захотелось лечь.

— А где телевизор?

Разия застонала и так рванула на груди рубашку, словно та прилипла.

— Он забрал его в ремонт месяц назад, вместе с видиком. И с концами.

— Где он сейчас?

Обе посмотрели на Шефали, и та возмущенно ответила:

— Я его не прячу.

От матери Шефали достался длинный нос, и оттого, когда она запрокидывала голову, ее взгляд

казался высокомерным.

Разия прикурила сигарету и глубоко затянулась.

— Мне его сначала надо было высечь, а потом вопросы задавать. Теперь ищи свищи.

— Не беспокойся, — сказала Шефали, — вернется. Когда деньги кончатся. Ты же все равно дашь.

Разия бросилась к дочери, но в шаге остановилась и отвернулась. С сигареты упал пепел, и она растерла его ногой по ковру.

— Сынуля твой драгоценный, — сказала Шефали.

— Что же я наделала?

Назнин заставила себя подняться. Подошла к Разии, обняла. Они постояли, потом Назнин потихоньку ослабила объятия, словно Разия могла в буквальном смысле развалиться на кусочки.

Разия рассказала все. Шефали подсказывала матери слова, которая та не в силах была произнести. Это продолжается уже почти два года. Разия проклинала свои глаза за то, что не видела очевидного. Но наконец Тарик сознался. То заливаясь слезами раскаяния, то огрызаясь, он рассказал, что понемногу продавал наркотики, совсем чуть-чуть продавал, чтобы заработать на карманные расходы. Все красиво описал: хотел

сам себя содержать. Ее сын продает наркотики. Она радоваться должна, ведь ее сын сам себя содержит.

Но потом все изменилось. Пришли ребята из другого района и сказали: ты не будешь здесь больше торговать, потому что мы пришли. И потребовали заплатить за то, что он уже продал. Обложили его налогами, как будто они из правительства. Тарик не хотел неприятностей.

— Сказал, что не хочет неприятностей. И забрал телевизор и мебель. — Разия терла и выворачивала руки, словно пыталась что-то с них смыть. — Я не знаю, что делать. Я не знаю, что делать.

Назнин пошла вместе с ней к доктору. По дороге сказала:

— Насчет Карима…

Разия молчала.

— Это правда, — сказала Назнин, — то, о чем ты подумала.

Разия отвела взгляд. Они прошли мимо машины с опущенными стеклами. Три молодых бенгальца, мотая головами, слушали какую-то похабную музыку.

— Не доросли еще машины водить, — сказала Разия, — почему они постоянно сидят в машинах? Почему домой не пойдут?

— Ты мой единственный друг, — сказала Назнин.

Разия посмотрела на нее:

— Не надо. Если мне тяжело, это не значит, что ты тоже должна грузиться.

Дальше они шли молча.

Доктор Азад ухитряется сидеть неудобно в любом кресле. Спина выпрямлена, ведь он человек физических и моральных добродетелей. В итоге кресло на колесиках с кожаной обивкой похоже на специально разработанную модель для умерщвления плоти. Закончив что-то писать в папочку, доктор посмотрел на Разию:

— Он хочет завязать? — Лицо доктора не выражало удивления. Казалось, он давно этого ждал.

— Хочет? — переспросила Разия. — Откуда он знает, чего он хочет? Что вообще он сейчас знает?

— Если он хочет избавиться от наркотической зависимости, я ему помогу.

Доктор Азад посмотрел на свои ноги. Незаметным движением выровнял носки туфель, чтобы они оказались на одной линии.

— Я пришла к вам за помощью, — сказала Разия. — И еще: я очень прошу, чтобы об этом никто не узнал.

— Уверяю вас — от меня никто ничего не услышит.

Разия подскочила. Заметалась по кабинету, словно ее уже несколько дней держат взаперти, словно срочно нужно бежать.

— Но люди уже знают. Все говорят. Я чувствую.

— Сядьте, миссис Икбол. Пожалуйста, сядьте.

Хочет навести порядок, подумала Назнин. Кабинет из-за Разии ему кажется неопрятным.

Разия не села. Пот на одежде высох, и под мышками стали заметны белые разводы соли.

— Что обо мне говорят? — спросила она Назнин.

— Пусть говорят, если у них есть на это время.

— Можно себе представить, что скажет Назма. Сорупа, конечно, повторит вслед за Назмой.

У Разии вырвался какой-то странный звук. Ухнул куда-то в носоглотку.

— Ах да, мне ведь никто не нужен. Я живу, как англичанка.

— Я запишу его на прием. Он может прийти один, может с вами. — Доктор Азад прижал ладони к коленям. Каждая его клеточка сияет чистотой.

— Вы его вылечите, доктор?

Разия наклонилась и коснулась его ног. Доктор

уставился на носки своих туфель так, словно искал там отпечатки ее пальцев.

Назнин удивил поклон Разии. Ежедневно сотни детей приходят домой из школы и касаются ног отца. Шану называл этот обычай индусским и языческим:

«Мусульмане никому не кланяются. Запомни это, Шахана. Только невежи, в основном безграмотные, соблюдают эти языческие ритуалы».

Но Разия не из тех, кто любит кланяться.

— У него должно быть желание вылечиться, — ответил доктор.

— Желание? — воскликнула Разия. — Что значит «желание»? А если он пожелает принимать наркотики до самой смерти? Если он пожелает убить себя этими наркотиками?

— Ступайте и поговорите с ним. Не теряйте время.

Разия покрутила головой, разминая шею. Посмотрела на доктора, но сказать ей было нечего.

Полным ходом шла подготовка к меле. Шахана и Биби создавали гигантскую мозаику из разных упаковок из-под круп — в качестве фона для стенда с поделками. Биби вооружилась ножницами с закругленными концами, формой похожими на

кончик ее языка, который выскальзывал каждый раз, когда она принималась вырезать. Шахана вдохновенно клеила, проявляя присущий ей артистический темперамент: она то и дело вздыхала, дула в челку и даже визжала, если мозаике угрожала опасность. Они не знали, что будет на стенде.

— А это уже не наша забота, — объясняла Шахана, совсем как отец.

— Поделки всякие, — вежливо говорила Биби.

Шану возился с магнитофоном. Умудрился прищемить палец.

— Ой. Я этим пальцем ветровое стекло протираю. Будем надеяться, что дождь не пойдет.

Шану взяли в Комитет классической музыки. Он включил однажды Устада Алауддин Хана и Устада Айет Али Хана[75], послушал, склонив голову и постукивая по животу, как по барабану-дугги.

Шахана заткнула уши и скривилась.

— Скажи мне, в кого ты у нас такая мемсахиб? — спросил Шану.

— Я не просила, чтоб меня рожали здесь.

---

[75] Примечания: 75

Устад Алауддин Хан (1862–1972) и Устад Айет Али Хан (1884–1967) — братья, прославившиеся своим мастерством в бенгальской классической инструментальной музыке, а также своими нововведениями.

Говорили они быстро и тихо, поглядывая на Назнин и опасаясь, что она услышит их перебранку.

Шану выключил музыку:

— Понимаешь, я бы лучше пошел в Комитет поэзии. Что эти люди знают о поэзии? Ну, держали они в руках пару-тройку книг, основы-то нет. С поэзией так нельзя. Поэзию надо пить с молоком матери.

И Шану выдал очередную серию прокашливаний.

Хлещет ливень, и мрак небеса заволок.

Я стою у реки. О, как я одинок!

Мой урожай был к сроку сжат,

У ног моих снопы лежат.

Река размыла перекат,

Блещет стремнины клинок.

Хлещет ливень. Я жду. Я до нитки промок.

Я один на пустынном прибрежном лугу.

Что на том берегу — разглядеть не могу.

Чуть вырисовывает мгла

Штрихи деревьев у села,

А хижины заволокла.

Здесь, на этом пустом берегу,

Ни души. Я один на прибрежном лугу[76].

Он выдохнул и глубоко вдохнул, словно почувствовал влажный запах рисового поля, сидя за книжками.

— Простота жизни. Вот что мы потеряли. — Он оживился. — Но снова обретем. Разберемся с домом в Дакке, построим дом в деревне. Только не такой особняк, как строят здесь ребята из Силхета, а простой маленький домик. Деревенский.

Назнин сидела за столом. В последнее время она часто сидела просто так; казалось, чем меньше делаешь, тем меньше дел. Иногда сядет и подумает, что надо, например, помыть холодильник, а потом оказывается, что прошло уже полчаса или час, а то и больше, а мысль все такая же свежая, словно только что пришла.

— Я ничего не имею против Комитета классической музыки, — сознался Шану, — но все же попробую доказать (у меня ведь за плечами

---

[76] Примечания: 76

Отрывок из стихотворения Рабиндраната Тагора «Золотая ладья». *(Пер. А. Ревича.)*

небольшой курс по искусству спора), что баулы[77] — это тоже часть нашего классического наследия, хотя, конечно, это народная музыка. Я даже осмелюсь предложить свой скромный голос в качестве инструмента. И он начал напевать:

В небесном зеркале
Отражается моя душа.
О бродяга-баул,
О баул, мое сердце,
Что привязало тебя
К углу комнаты?

Когда буря бушует,
В хижине твоей,
Вода доходит до самого ложа.
Твое одеяло
Уносит поток,
Убежище твое снесло.

О бродяга-баул,
О баул, мое сердце,

---

[77] Примечания: 77

Баулы— изначально полуграмотные нищие, нонконформисты в жизни и в религии. В песнях, обычно исполняемых одним человеком под аккомпанемент эктара, воспевают жажду воссоединиться с божественным началом.

Что привязало тебя
К углу комнаты?

Шану пел с закрытыми глазами. Девочки по-кошачьи поднялись, но не ушли. Песня их захватила. Закончив, Шану не сразу открыл глаза, растягивая удовольствие. И девочки не уходили. Всех нас что-то держит в углу комнат наших, подумала Назнин. Эта мысль на весь день задержалась у груди, как сосущий молоко ребенок.

Август 2001 года

Бетти напечатали в газете для вичинцифированых. Это для Лапушки большое горе. На той же странице напечатали Шафин Ахмед. Ты ево знаешь? Он самая знаменитость рок групы «Майлз». Лапушка говорит што Бетти думает што она тоже теперь знаменитая. Она сказала по секрету што муж Бетти ие никогда не одговаривал от модельного бизнеса но стандарты красоты в Читтагонге не такие высокие как во всей стране и поэтому Бетти так и не нашла себе работу.

Она говорит што мне делать? Все самое лучшее милосердие разобрали.

Она ходит по дому и тресет головой как-

бутто на нее смотрит много камер. Потом она придумала. У меня будет свое милосердие. Она пососала палец. И говорит мне как матери лучше всево заниматса детским милосердием.

У Бетти нет детей. Лапушка говорит што она займется таким милосердием штобы не работали дети. И кому вы скажете не работать я ее спросила. Она говорит всем. И девочке-соседке? Я ее спросила. Она удивилась. У соседей служанка как родная дочка. Мальчикам на крыше которые теперь чистют стоки от листьев? Она немношко разозлилась. Это другое говорит. А кому тогда скажете? Мальчику который приносит масло на продажу? Лапушка говорит ты пол мыть собираешса?

Штото очень беспокоит Лапушку. Она не лежит теперь и не смотрит журнал а ходит ходит по дому. Зейд говорит штобы не видел ее на кухне. Но она везде ходит. Однажды я помогала ей одеватса и она смотрит в зеркало и все вздыхаит вздыхаит. Я бы хотела говорит быть некрасивой. Я бы хотела штобы не было всей этой красоты и штобы ничево не надо было

делать. Я бы хотела быть такой невзрачной как ты.

Ей посигналил водитель и она уехала с детьми в гости. Когда она уехала я ходила по дому как она. Потом пошла в комнату для гостей и сняла белье с постели. Но я не вышла из комнаты а залезла в постель. Какая это постель! Простыни все из белово хлопка мяхкие и хрустят. На подушках белые кружева. Много много подушек. Матрас обнимает как любовник. Через две секунды я думала што усну но когда закрыла глаза вспомнила о чем давно уже не думала.

Я пошла в хозяйскую спальню. Села за стол посмотрела в зеркало. Лицо у меня какбутто незнакомое. Я взела ращеску. Ращесалась. Помазала кремом щеки. Взела тени. Накрасила глаза. Взела серьгу. Вдела ее в ухо. Потом чуствую ктото смотрит. Это тихо зашел Зейд но он молчал. Он смотрел на меня и я знаю этот взгляд.

Што мне сказать сестричка? Знаеш как написал поэт

Волнение на серце, а не в глубине.

Хочу я нет

Сказать волне.

В иные дни она так уставала, что ложилась в постель, и тогда дни становились короче, ночи длиннее.

«Она выздоравливает», — говорил Шану.

Иногда с приливом хрупких сил Назнин плевалась едкостями в адрес детей и мужа.

«Ей нельзя много работать», — говорил Шану в такие дни.

«Я убегу, — ныла Шахана, — если он потащит меня на самолет, я укушу его за руку и убегу».

«Не забудь надеть кроссовки, — говорила ей тогда Назнин. И добавила в адрес Биби, которая от удивления открыла рот: — И бабушка у тебя была святая».

У девочек начался учебный год, и с утра пришел Карим. Борода у него уже густая.

Муж скоро вернется.

После его ухода она легла на запачканные простыни, вдыхая его запах. Когда низко падаешь, хуже всего — притворяться, что ты все еще на вершине. Она завернулась в простыни; так ее и застали девочки, придя из школы.

Шану купил жене расческу из слоновой кости. Купил отрез сиреневого шелка с серебряной вышивкой по краю. Она велела унести ткань.

Он нашел дамский роман бенгальского автора и читал ей в постели, сведя свои замечания до минимума: раз в три-четыре страницы. Назнин отослала его заниматься своими книжками. Однажды вечером Шану, просматривая газету, увидел, что по телевизору передают фигурное катание.

«Ваша мать заядлая болельщица, — объяснил он Шахане, — в молодости она даже подумывала, не заняться ли фигурным катанием».

Девочки понимали, что он шутит, но рассмеяться не посмели. Освободили маме место на диване, подложили подушку ей под спину. Назнин смотрела на пару в экране. Фальшивые лица, наклеенные улыбки, якобы безумное преследование перед тем, как заключить в объятия. Выключите это, попросила она.

Приходила миссис Ислам, исходя спреем от растяжений и жалостью к себе.

«Берите, — сказала Назнин и затолкала десятифунтовую купюру ей в руку, — берите все. Праведников ждет воздаяние».

Однако съежилась под жестким взглядом черных глаз.

Она много времени проводила у окна, как в первые месяцы жизни в Лондоне, когда, глядя на

мертвую траву и асфальт, видела нефритово-зеленые поля и даже представить себе не могла, что годы сотрут и это. Теперь перед глазами только квартиры, охапки сваленных друг на друга людей, мусорная свалка народа, гниющая под ничтожной полоской неба, в которой ни одна из этих душ не отразится. Назнин опускала тюлевую занавеску и смотрела на парней, которые постоянно разъезжают по району, даже там, где машинам въезд воспрещен. Некоторых она видела впервые. Они выходили из своих машин, подходили к другим. От них веяло настоящей, не показной жестокостью, которой они словно бы напитались с детства, неважно, хорошим оно было или плохим. Иногда Назнин замечала Тарика. Он проходил, опустив голову, и никогда не садился в машины.

Пришла Разия, села рядом:

— Он говорит, что я должна еще ему спасибо сказать. Он не тронул мое свадебное золото.

— Он уже ходил к врачу?

Разия сжала колени и напрягла спину. Заговорила шепотом:

— «Если парень не хочет завязывать с наркотиками, это его выбор».

Пародия на доктора у нее не получилась. Она

закурила и выдохнула две струи дыма через ноздри.

— У доктора английская болезнь, — сказала она. — А я, если надо будет запереть сына в комнате, я на это пойду.

Разия курила жадно, почти не вынимая изо рта сигарету между затяжками.

— Видела я твоего мальчика. Он спускался по лестнице.

Знакомый пожар вспыхнул у Назнин на шее. Перекинулся на щеки и хлынул вниз по позвоночнику.

— Да, он здесь был. — И ее укололо стыдом, как будто в затекшем от неудобного сна месте заплясали иголки совести.

Ощущения жизни, как кровь к затекшему месту, приливали постепенно. Тревога, которая во время болезни никак не могла прокусить толстое одеяло ее депрессии, теперь овладела ею целиком. Она говорила себе, что ее ждет вечность в аду, и здесь уже ничего не изменишь. Но облегчения не наступало. Надо ведь еще сначала жизнь прожить. Вспомнила, как груба была с детьми, и начала так над ними кудахтать, что даже Биби отмахнулась. Разрослись мозоли у Шану — она обрезала их и соскребывала; стригла ногти на

ногах, которые уже начали закручиваться.

— Ей лучше, — сказал Шану и подставил ноздри, чтобы выщипала волоски.

Гроши, отложенные на отправку Хасине, отправились к миссис Ислам. Назнин снова взялась за шитье и шила, пока глаза не начинали слипаться. Шану обещал придумать что-нибудь с Хасиной, но вопрос этот больше не поднимал. Хасина в его планы не входила. Назнин склонялась над работой и сосредоточивалась на очередной петельке.

Шану распахнул дверь с такой силой, словно хотел ее выбить. Этот человек, который никогда не будет сидеть, если можно прилечь, никогда не будет стоять, если можно сидеть, двигался с невиданной для себя скоростью.

— Быстрей. Быстрей! — кричит он. — Включай телевизор.

Вихрем носится по комнате в поисках пульта, наконец включает кнопку на панели внизу экрана:

— О господи, мир сошел с ума.

Назнин мельком смотрит на экран. Показывают высокое здание на фоне голубого неба. Смотрит на мужа.

— Это начало безумия, — говорит Шану. Держится за живот, как будто его могут украсть.

Назнин подвигается ближе. Здание обволакивает толстая завеса черного дыма. Она кажется слишком тяжелой, чтобы висеть. Из угла кадра медленно летит самолет. На одном уровне со зданием. Надо продолжать работать.

— О боже! — кричит Шану.

Назнин садится на диван и кладет руку на сияющее пятно обивки, начищенное мужниным маслом для волос. Сцена повторяется. Шану садится на корточки, живот свисает у него между колен, он обхватывает колени руками. Телевизор завладел им полностью. Он раскачивается от волнения и страха.

Снова в кадре самолет. Его показывают снова и снова.

Назнин, подавшись вперед, силится понять. Придвигается ближе к краю дивана. Слова и фразы повторяются, и она постепенно начинает улавливать их смысл. Шану закрывает лицо руками. Назнин ловит себя на том, что уже сложилась почти что вдвое. Выпрямляется. Кажется, поняла, но продолжает думать, что может ошибиться.

Другие кадры.

— Пентагон! Знаешь, что это? Это Пентагон.

Самолет летит снова и снова. Назнин и Шану смотрят на него как зачарованные.

Теперь они видят дым: рушится столб дыма. Назнин и Шану поднимаются. Стоя смотрят, как столб падает один раз, второй, третий. Кадр гипнотизирует, на нем ничего не разобрать, чем чаще его прокручивают, тем непонятней он становится, пока Назнин не чувствует, что надо встряхнуться и выйти из транса. Шану разминает плечи, вытягивает руки и вращает ими. Он тяжело дышит. И ничего не говорит.

В дверь стучатся, но Шану, кажется, не слышит. Назнин впускает Назму и приглашает сесть.

— Я ненадолго, — говорит Назма, стоя посреди комнаты, — свояк брата моего мужа поехал в Нью-Йорк. — Помолчав, добавляет: — Но сейчас он в Бостоне.

Назму можно разъять на шарики. У нее не только голова круглая, она вся состоит из шаров, один другого больше (маленьких нет). Даже руки у нее круглые, как у снеговиков, которых рисует Биби.

Назнин смотрит на экран через плечо соседки.

— Ладно, — говорит Назма, словно Назнин ее задерживает, — я пришла спросить, не посидишь ли завтра с детьми после школы.

Назнин соглашается. Уже на выходе Назма проводит рукой по швейной машинке:

— Все так же много работаешь?

От блеска ее глаз у Назнин все переворачивается внутри.

Приходят девочки. Теперь они все вместе сидят у телевизора. На экран смотреть невозможно, отвернуться от него — тоже. Шахана начинает задавать вопросы, но Шану машет рукой, чтобы замолчала. Он снова присел на корточки, то ли из почтения, то ли в знак из покорности судьбе. Девочки сели с обеих сторон от Назнин и тоже зачарованы.

В комнате стемнело, но никто не двигается.

— Посмотрим, что будет дальше, — говорит Шану.

Шахана скидывает туфли, устраивается на диване. Биби накручивает прядь волос на палец, другую отправляет в рот. У Назнин такое чувство, что они что-то пережили вместе, как семья. Она идет на кухню готовить ужин, включает свет и на пару секунд прикрывает глаза. Вернувшись в комнату, видит новые кадры. Маленькая фигурка высунулась из окна, высоко-высоко, может, на сотом этаже. Человек протягивает руку, но спасти его невозможно. Еще один выпрыгивает, и Назнин кажется, что ни надеждой, ни отчаянием не справиться с этим миром. Ни с тем, что он преподносит всем, ни с тем, что он преподносит тебе.

Ночью ей снится Гурипур. Она на краю деревни, смотрит на слегка политые поля, на движение темных точек вдалеке: мужчины делают то малое, что им под силу.

Щепотка нью-йоркского пепла перелетела океан и упала на район Догвуд. Дочь Сорупы стала первой, но не единственной. Когда она шла по улице в колледж, с нее содрали хиджаб. Разии плюнули на фуфайку с английским флагом.

— Посмотрим, что будет дальше, — говорил Шану, — сейчас начнется.

Обложился газетами, из-за газет слышалось его бормотание и ворчание. К аудитории он больше не обращался.

Назнин отправилась за топленым маслом и мукой для чапатти. На прилавок облокотились четверо мужчин и так низко склонились над газетой, что она ожидала увидеть в их глазах пятна типографской краски, когда они на нее посмотрели.

— Это очень серьезно, — сказал самый старший, остальные были мрачнее тучи.

«Сюда бы моего мужа, — подумала Назнин. — А то ему размышлять одиноко».

Самый старший коснулся газеты, словно читал ее пальцами.

— «Забастовка планируется на конец этого месяца».

Все недовольно вздохнули:

— А нам, хозяевам магазинов, что прикажете делать?

— Мы полностью в их власти.

— Да, если мусор перестанут убирать, на Бриклейн будет вонять, как в заднице у слона.

Шану совсем не волновала забастовка мусорщиков. Он работал по многу часов подряд, а в оставшееся время смотрел новости или читал газеты о планирующихся воздушных ударах по Афганистану.

— Надо уезжать, — говорил он, ни к кому конкретно не обращаясь, и, собираясь с силами, подтягивал живот. — Жизнь может кончиться в любой день, в любую секунду. Хватит, напланировались.

Как-то он начал считать деньги. Взял пачку банкнот, сел и долго смотрел на них, моргая.

— Жена, жена моя, — сказал он, — жена да не прячет ничего от своего мужа.

Походя Назнин ударила его по голове. В руке остались два волоска. На кухне в шкафчике под раковиной открыла коробку с деньгами.

— Нам не хватает совсем немного, — сказал

Шану, — и, когда наберем столько, сколько надо, перестанем откладывать.

Он позвал девочек. У Шаханы вновь проснулся исключительный интерес к ковру под ногами. Биби сосредоточенно сжала кулачки.

— Время от времени я пытался вас учить, рассказывал вам разные вещи.

Шахана застонала. Шану не обратил на нее внимания.

— Может, вы не запомнили моих уроков. Это неважно. Значит, так надо.

Назнин редко случалось видеть его таким спокойным.

— Но сейчас я вам расскажу то, что вы вряд ли забудете, даже если сильно захотите.

Помолчал, Назнин ждала, что он прочистит горло. Но горло оказалось чистым.

— В Маймансингхе жил художник. Звали его Зайнул Абедин. Его работы выставлялись по всему миру и заслужили много хвалебных отзывов. Этот человек не рисовал вазочки с цветами и салонные портреты. Он изображал простых людей Бангладеш. Он показывал жизнь такой, как она есть. И смерть. Такой, какая она есть.

Шахана подняла голову. Сегодня она надела новые джинсы, и Шану перестал возражать про-

тив старых узких. Новые висят, как два мешка с рисом, а низ штанин Шахана отрезала и хорошенько растрепала.

— Этот художник, Абедин, рисовал голод, который случился в нашей стране в 1942 и 1943 годах. Эти знаменитые картины теперь висят в музее в Дакке. Я вас поведу их посмотреть. В голоде есть и жизнь и смерть. Люди Бангладеш умирали, а вороны и грифы жили. Абедин ничего не приукрасил: ребенок, совсем ослабевший, не может ни идти, ни даже ползти, и черные жирные вороны терпеливо ожидают очередного пиршества.

Так было на самом деле. Три миллиона человек умерли от голода. Представляете? Нет, это невозможно себе представить. Тогда представьте вот что. Пока грифы и вороны глодали наши кости, британцы, наши правители, вывозили зерно из страны. Это тоже невозможно себе представить, но теперь вы об этом знаете, а значит, запомните навсегда. — Шану глубоко вздохнул, но лицо его оставалось спокойным. — Вот так. И очень скоро мы отсюда уедем.

Шану каждый день считал деньги. Щеки у него похудели.

— У меня такое ощущение, что, пока меня нет, ты не шьешь, а баловством занимаешься. Неуже-

ли в этой проклятой стране даже денег нельзя заработать?

Назнин кивнула:

— Вот. Вот еще немного.

Шану посмотрел на деньги. Действительно немного.

— Я с ним поговорю.

— Нет!

Шану хотелось что-то сделать с вдруг повисшей тишиной. Тишина стала удушающей, и Назнин задышала чаще.

— С кем «нет»? — спросил Шану. — С кем ты не хочешь, чтобы я разговаривал?

— Ни с кем. Я поговорю… Нет, ни с кем. Тебе ни с кем не надо разговаривать.

— Тогда я с ним поговорю.

— Я сама.

— Что сама?

— Поговорю с ним.

— С кем?

— Зачем ты это делаешь?

Шану пожал плечами:

— Я? Что я такого делаю? — Потер пальцем подбородок. Слишком долго он наблюдал за внутренним миром, не за внешним. — Попроси прибавки хотя бы вдвое. Объясни, что это

ненадолго. Скажи, что муж просит, скажи, что, к счастью, твой муж — образованный человек.

Однажды вечером Шану сказал:

— Дети привыкают ко всему. Место — понятие нематериальное. Они привыкнут там, на месте.

— Шахана слишком быстро взрослеет.

Шану покачался пару минут.

— Слишком быстро созревший плод слишком быстро сгнивает.

Он сидит по-турецки посреди кровати в желтом жилете и голубом клетчатом лунги. Назнин в ночной рубашке — с краю, расчесывает волосы. Наблюдает за мужем в зеркале. Чувствует на себе его взгляд. Это длится уже, кажется, целую вечность. Расческа скользит по прямым черным волосам. Лоб кажется тяжелее обычного, и Назнин выпятила подбородок, чтобы сгладить это ощущение.

Она думала о муже. Столько лет говорит о поездке на родину. И теперь собрался воплощать эти разговоры в жизнь. Уроки истории: в конце концов они учат не прошлому.

— Как ты думаешь, что с ними там будет? — спросил Шану.

— Одному Богу известно.

Шану поморщился. Назнин решила, что он об-

думывает ответ, но увидела, что это он от боли.

— Что случилось?

— Язва опять.

Назнин принялась яростно расчесывать правую сторону. Шану наблюдал за ней.

— Мне кажется, я поступаю правильно, — сказал он.

Она опустила расческу. Волосы упали на щеку. Погрузила в них руку — плотные, густые, как патока. Приоткрыла губы и увидела в зеркале, что мужчина смотрит на женщину. Лицо женщины мягкое, с плавными изгибами, она хоть и не красавица, но есть в ней что-то, что привлекает мужской взгляд.

— Ты рада, что мы уезжаем? — Шану улыбнулся. Улыбка получилась грустная.

— Раз на то воля Господа.

Шану подвинулся к ней. Положил руку ей на спину. Она услышала запах его масла для волос и дезодоранта, почувствовала тепло его руки. Где-то наверху смыли в туалете, открыли и закрыли дверь, заскрипели пружинами на кровати.

— Но ты ведь хочешь, правда?

Он положил подбородок ей на плечо.

Между его лицом и ее — занавес волос.

«Будем ли мы так же сидеть в Дакке? — подума-

ла она. — В такой же комнате? И будем ли мы так же сидеть и так же чувствовать, и будет ли все так же, как здесь, только в другом месте?»

Шану поднял голову:

— Конечно, хочешь. — Улыбнулся. — Иначе какая же ты сестра, если не хочешь? Конечно, ты хочешь домой.

Все проекты свернуты. Остался только один, и все ненужные расходы сокращаются. Никаких безделушек на компьютер и на машину. Резко упали расходы на книги. Шану теперь подолгу ездит, а когда возвращается, не хватает сил рассказывать о невежах на заднем сиденье. Может, от усталости, может, из-за открывшейся язвы, но удовольствия от еды он тоже не получает. Стоя съедает тарелку каких-нибудь хлопьев или отрезает себе чуть-чуть хлеба, словно, чтобы отрезать нормальный кусок, понадобится слишком много сил.

— Подожди, я разогрею бхаджи, — говорила Назнин.

Но он не поддается соблазну.

Деньги Шану носит в кошельке на ремне, который купил как часть туристического снаряжения, и снимает его вечером в последнюю очередь. В этом кошельке — все их деньги, и дверь Назнин

открывает с осторожностью. Дважды она слышала, как ругается миссис Ислам в общем коридоре, стоя у себя в прихожей и прижавшись к стене.

После молчания в ответ на стук миссис Ислам начинала своим загробным голосом:

— Я прошу у тебя всего лишь стаканчик воды. Стаканчик воды старой женщине, которая забралась так высоко, чтобы встретиться с подругой.

Назнин смотрела на отваливающуюся штукатурку.

— Я знаю, что ты дома.

Опять тишина.

Однажды вечером после двойной смены Шану пришел домой и застал Карима за компьютером.

— Салам алейкум, — сказал Карим.

Он уже долго сидел за компьютером и теперь зевнул и потер глаза.

— Ваалекум асалам.

Шану положил ключи на сервант. Руки болтаются. Брюки завернулись внизу, показались носки, один серый, другой черный.

Карим потянулся. Уставился в экран, снова начал зевать, как будто по-другому не передать, как он устал и как спокоен. Назнин погрузила пальцы в ткань сари на коленях. Если она сожмет пальцы еще сильнее, то закричит, и от крика комната

развалится надвое. Но она не издала ни звука.

Шану расстегнул и снял куртку. Он ее держал за капюшон и рассматривал, словно не понимал, что это такое. Бросил ее, она упала на пол и прикрыла его ботинок и серый носок.

— Интересно?

Карим не торопился с ответом. Почесал ухо, хрустнул суставами.

— Да, брат. Это исламский сайт, — прикрыл рукой очередной зевок, — надеюсь, брат, ты не возражаешь.

— С чего бы мне возражать?

Карим пожал плечами. Посмотрел на ногти.

— Когда я был в вашем возрасте, молодой человек, знаете, кем я хотел стать? Государственным чиновником. Собирался сдать все экзамены, потом спекулировать на бирже, потом зарабатывать больше всех, потом возглавить отдел, потом стать непременным секретарем, потом секретарем кабинета министров, потом чертовой правой рукой чертова премьер-министра.

Впервые в жизни все лицо у Шану стало серьезным, не только глаза. Все лицо объединено одним выражением.

— И я думал, а почему бы и нет? Ведь возможно все.

Нога Карима запрыгала, беззвучно отбивая ритм.

— Возможно все, поэтому все, чего я хотел, казалось возможным, — продолжал Шану, — но как же все остальные возможности? На которые мы не обращаем внимания в молодости, но которые все равно присутствуют? Однажды просыпаешься и говоришь себе: это не мой выбор. А потом сидишь и думаешь: а чей?

— Я знаю, чего хочу, — сказал Карим. Он посмотрел на Шану в упор, но Шану, кажется, уже забыл про него.

Шану поднял куртку и ключи. Положил ключи в карман и зазвенел ими.

— Я знаю, чего хочу, — повторил Карим.

— Когда стареешь, понимаешь одно: важно не то, что возможно, важно то, что выбрано.

Шану надел куртку и, хотя ему некуда было идти, снова ушел.

Мелу отменили.

— Не ко времени, — объяснил Карим, — только подумай. Американский президент готовит свой крестовый поход. А мы что, готовим праздник? Это невозможно.

Девочки расстроились. Шану принял новость настолько философски, что даже не стал фило-

софствовать на эту тему. Но петь перестал. И даже не мычал себе под нос. Сначала Шахана сказала:

— Слава тебе господи, он заткнулся.

Примерно через неделю спросила:

— Он что, заболел?

В конце концов заключила:

— Значит, все-таки это случится. Он все-таки нас отсюда украдет.

Шану сидел на полу и читал газету.

Шахана помимо воли подошла к нему:

— Хочешь, полистаю?

— Умница моя. Иди к себе, занимайся.

— Папа, сколько у тебя сейчас денег?

Он продолжал читать.

— Я вот думаю, если ты меня оставишь здесь, с Биби, если она захочет, то тебе меньше надо будет копить. А нас кто-нибудь удочерит или просто будет за нами присматривать.

Он не поднял головы:

— Хочешь, чтобы я тебя высек?

Шахана скривилась. Царапнула воздух.

— Да, — завизжала она, — да!

— Ну что ж, — тихо ответил он, — бить я тебя не буду. Но и не оставлю тебя здесь никогда.

Он каждый день съедал по упаковке таблеток для пищеварения, но живот все равно болел.

— Сходи к доктору, — каждый день говорила ему Назнин.

— Это симптомы, — отвечал Шану, — надо бороться с причиной.

Биби пыталась заинтересовать отца своими учебниками.

— Хорошо, — говорил он, — занимайся. — И осторожно гладил ее по голове, словно она хрустальная.

— Папа, хочешь, я похожу у тебя по спине?

Девочки всегда ненавидели ходить у отца по спине. Шахана просто отказывалась это делать, даже под угрозой порки. Биби осторожно ступала по морщинистой плоти с таким же удовольствием, с каким девочка может гулять по свежим коровьим лепешкам.

— По спине? — спрашивал Шану. — Нет.

Будто у него спины и вовсе нет.

Затем Шану сделал приобретение. Он положил его на диван, и все шеренгой выстроились перед ним. Биби наклонилась и прикоснулась к нему, проверяя, не поддельное ли. Шахана закрыла глаза, губы ее беззвучно двигались. Шану расстегнул молнию и поднял крышку:

— Можем начинать паковаться.

Чемодан был самый заурядный: блестящий

черный нейлон, два ремня с серебряными застежками, похожий на пару дешевых плащиков, нашитых на раму. Назнин была потрясена. В том, что Шану купил чемодан, ничего удивительного. Все его проекты начинались с покупки снаряжения. Но сейчас что-то изменилось. Шану не произносит речей. Не прочищает горло. Не обсуждает планы насчет дома в Дакке и деревенского домика. Ни невежи, ни неучи больше не упоминаются. Не рассматриваются вопросы трагедии иммигранта, столкновения культур и исторических уроков. Не слышно ни песен, ни мычания под нос, ни пословиц.

И Назнин подумала: «Это всерьез. Мы возвращаемся в Бангладеш».

Карим сменил имидж. Исчезла золотая цепь, джинсы, рубашка и кроссовки. Некоторые родители заставляли дочерей оставлять свои головные платки дома. Карим же надел пенджабские штаны и тюбетейку. А еще телогрейку из овечьей шерсти и большие ботинки, у которых не завязывал шнурки. Телогрейка и ботинки очень дорогие. Назнин заметила, как он касается лейблов. Сняв телогрейку, осторожно ее расправил. Ботинки должны быть аккуратно не зашнурованы, шнурки не должны ни болтаться,

ни натягиваться. Назнин почувствовала: Карим не хочет, чтобы она обращала внимание на его новую одежду. Вопрос об одежде либо слишком тривиален, либо слишком важен, чтобы его обсуждать.

У ее отца в поле служил один работник по имени Арзу. И ничего он не имел, кроме имени. Разве что руки и ноги, жесткие, как джут, от работы в поле, два лунги и две жилетки. В холодную погоду он надевал обе жилетки и мешок с прорезями для рук.

Однажды Арзу произвел фурор. Он появился в красном шерстяном пиджаке с двумя накладными карманами и четырьмя медными пуговицами. Никто не мог понять, что случилось.

— Эй, Арзу! Ты теперь в цирке работаешь?

— Эй, люди, быстрей отсюда! Полицейский идет.

— А штаны на следующий год, а, Арзу?

Арзу был польщен. Он ходил теперь медленнее, чтобы каждый смог оценить его пиджак. И сопел, высоко подняв нос.

— Чем это пахнет? Кто бы подумал, что зависть может так вонять?

Никто ни разу не видел, чтобы Арзу снял свой пиджак. Он надевал его в поле, и на пиджак

налипала грязь. На прогулке Арзу нравилось отслаивать засохшие кусочки, чтобы лишний раз прикоснуться к пиджаку.

В деревне люди потешались над ним:

— В наши дни мужчине больше не нужна жена. Ему достаточно приласкать хорошенький пиджачок.

— О, махараджа! Сахиб! Разве ты не видишь, как мы нуждаемся! А что для такого богача, как ты, лишние пара тысяч така?

Арзу не обращал на них внимания, но шаг ускорял, и Назнин казалось, что он хочет избавиться от пиджака.

Пришел он как-то к отцу за зарплатой. Папа посмотрел на его жилетку и мешок на плечах:

— Что случилось? Бандиты?

Арзу опустил голову и помрачнел:

— Если бы кто посмел дотронуться до моего пиджака, ему сначала пришлось бы убить меня. Но с пиджаком покончено. Одни от него неприятности.

Кожа у него была темная, как финики, только в одном месте не лежал слой пыли — в глазах. Он раскрыл их шире:

— Вы думаете, что одежда — это просто одежда. Это не так. В наших местах одежда — это серьез-

ная вещь.

Назнин не могла сосредоточиться на шитье. Смотрела на затылок Карима, на его мощную шею. Если описать его Хасине, какими словами?

Даже когда знаешь, что ничего такого не сказала, все равно проживешь до конца дней своих с уверенностью, что сказанное тобою слово изменило всю его жизнь.

Можно написать, что он очень много знает.

Шану тоже много знает, но знание ставит его в тупик. Если бы знание было едой, то Карим, потребляя, становился бы сильнее, Шану же только раздувало бы, у него разливалась бы желчь и все болело. Рядом с Каримом тебе…

Она перебирала слова, приходившие на ум, но ничего не получалось. Как бы Хасине объяснить? Она унеслась мыслями в деревню.

Тамизуддин Мизра Хаке работал в Гурипуре парикмахером. Он расположил свое заведение под фикусовым деревом: принес три-четыре табуретки, два ведерка, специальные мыла, масла, бритвы, больше похожие на сабли, и ножницы (единственная на много миль чистейшая, сияющая вещь). Сзади сплошной стеной стоял бамбук, огораживая парикмахерскую и придавая ей статус официального учреждения. Человеку,

который никогда не видел Тамизуддина Мизра Хаке, вместо описания можно предложить указать на самого важного человека в комнате. Любой, дай ему такое задание, неизбежно выбрал бы парикмахера. И если бы короновали за внешность, то парикмахера в Гурипуре посадили бы на трон. Красота и привлекательность не играли здесь большой роли. У Тамизуддина Мизра Хаке было важное лицо. И даже за работой, а ведь у парикмахера не такой уж высокий статус, важность в его облике не убывала. Глядя на него, можно было предположить, что для этого влиятельного человека либо внезапно наступили тяжелые времена, либо он просто играет роль. И возможно, именно благодаря этой особенности никто к нему иначе как «Тамизуддин Мизра Хаке» не обращался. Сократить его имя не было никакой возможности, и, если бы вы, соблюдая обычай, уважительно назвали парикмахера братом, или дядей, или еще каким родственным титулом, вам в ответ нахмурились бы.

Даже жена говорила ему:

— Тамизуддин Мизра Хаке, не соизволишь ли притащить домой свою презренную задницу?

Назнин и Хасине нравилось играть возле парикмахерской. Когда лицо посетителя исчезало

в облаке белого мыла, как же было интересно наблюдать за летающей по горлу и щекам бритвой и видеть, как под ней проступает новая нетронутая кожа. И когда парикмахер громким шлепком смягчал кожу лосьоном, даже у Назнин начинало пощипывать щеки.

Но больше всего пользы парикмахерская приносила как информационный пункт. Если о ком-то хочешь что-то выяснить, сразу иди к фикусовому дереву. Слишком близко не подходи, потому что взрослые шугают детей, как уток. Но и слишком далеко тоже не надо.

Так или иначе, человек здесь узнавал все новости и походя еще массу всего интересного. Здесь обсуждали все, что под луной, а также то, что выше, в поднебесье, и не дважды, и не трижды, а множество раз. Мужчины приходили сюда бриться и стричься, но в основном, чтобы поговорить. И в результате Тамизуддин Мизра Хаке был самым крупным источником информации во всей деревне.

Например, встречаются двое или трое и обсуждают что-нибудь, что угодно. Если обсуждать нечего, то хотя бы один, хотя бы из вежливости, но заведет о чем-нибудь речь:

— Абдул Али наконец выкупил свою землю.

Три с половиной гектара.

— А я слышал, что только два.

— Три с половиной.

— Это он сначала хотел три гектара. А в итоге купил только два.

— Бог мне свидетель, клянусь…

— Да отсохнут у меня уши, язык и глаза, если я лгу, да ссохнется мое достоинство в мертвую мокрицу.

Так продолжается некоторое время, ножницы пляшут, как крошечные молнии в темных волосах. Парикмахер, невозмутимый и непередаваемо безразличный, не принимает в дебатах никакого участия. Он не спешит.

Наконец кто-нибудь говорит:

— Тамизуддин Мизра Хаке, рассудите нас. Сколько гектаров?

Свой вердикт парикмахер выносит без колебаний:

— Три с половиной гектара.

Или:

— Два гектара.

Независимо от приговора, противоположная сторона тут же сдается. Человек может стать желтым или лиловым, может клясться собственной честью, жизнью своих детей, даже своими

яйцами, он может разглагольствовать на все лады, излучать искренность, плеваться от злости, плакать от бессилия, но когда Тамизуддин Мизра Хаке произнес окончательное слово, человек тут же сдается:

— Вы так считаете, Тамизуддин Мизра Хаке? Что ж, вам лучше знать.

Назнин и Хасина очень любили этот момент превращения. Они брались за руки, садились в грязи на корточки и смотрели на человека, который все мог уладить двумя-тремя словами. Они гордились, что такой человек, который знает все, что только можно знать, живет в Гурипуре. И то, что место его проживания именно здесь, само по себе было чудом.

— Что бы ты хотела узнать? — спрашивали девочки друг у друга. — Пойдем и спросим у Тамизуддина Мизра Хаке.

Назнин думала долго. Хасина предлагала:

— Какая самая высокая гора в мире? Нет, это слишком просто. Если питон целиком заглотил ребенка, можно ли ему распороть живот и вытащить ребенка живым? Кто убил майну Мамтаз? Вот что я бы у него спросила. Нет, больше всего мне хочется знать, за кого мы выйдем замуж!

Они часто играли в эту игру, но так ни разу и не

спросили у парикмахера ничего. Подойти к нему с вопросом — значит испортить все-все-все, что им так нравилось.

Но другие дети не были так очарованы. И кричали с безопасного расстояния:

— Тамизуддин Мизра Хаке, а что у президента сегодня на завтрак, а?

Надо бы написать Хасине. Назнин провела рукой по тоненьким трещинкам бледно-зеленого корпуса машинки и вспомнила, что сегодня работать даже не начинала. Скорей бы уже Карим ушел. Еще минута-другая, мобильник заиграет салят, и он останется еще и на молитву. Назнин разрешила себе продолжить эту мысль. И мысль так ее увлекла, что она не могла сопротивляться.

Судя по всему, Карим хочет сесть за компьютер. Журналы, по его словам, очень радикальны. Но с Интернетом по радикальности мало что сравнится.

Назнин знала, что никогда не напишет Хасине о Кариме. Ее следующее письмо ничем не будет отличаться от предыдущих: «У нас у всех все в порядке. Шахана получает в классе самые лучшие оценки, а Биби выросла еще, по крайней мере, на один дюйм. Я снова пыталась приготовить дхойе, но у меня он никогда не получается как надо.

Может, слишком много сахара кладу, а может, другое молоко нужно. Я молюсь за твою подругу Монжу и за ее мальчика».

Какой безликий ответ. Вчера она получила письмо от Хасины.

> Я тебе раскажу о подруге Монжу. Кислота растварила челюсь и нос и один глаз. Другой глаз только болит и очень ненавидит. Сложно как не знаю тебе об'еснитъ. Хуже смотреть в здоровый глаз. В нем должна быть надежда но и ие не осталось.
>
> Сестра Монжу забрала Куршеда в деревню. Мальчик не видел маму. И мама ему это не разрешит. Обещай мне она говорит каждый раз когда я ухожу. Обещай што мальчику зделают операцыю. А што мне ответить? Што сказать?

Назнин прошлась по комнате. Наверное, надо написать Хасине про Тамизуддина Мизра Хаке, спросить, каким она его запомнила. Конечно, парикмахер не знал всего на свете. «Это только так казалось нам, детям». Но ведь он многое знал о том, что происходит в деревне, и люди уважали его право на обладание истиной. Такие вопросы

он очень легко улаживал. А может, так было принято заканчивать споры. Может, над ним посмеивались, и он знал так мало, что даже не догадывался, что над ним посмеиваются.

— Кому от этого польза? — Карим подскочил так быстро, что перевернул стул. — Это ключевой вопрос. Кому от этого польза?

— От чего?

Надо было следить за его рассуждениями.

Но Карим ее не слышал.

— Я тебе вот что скажу: выигрывают не арабы. И не мусульмане, в какой бы стране они ни жили. Мы будем страдать. И теперь спроси: кому от этого польза?

Назнин посмотрела по сторонам.

— Не так уж трудно вычислить, — ответил Карим.

«Сколько же в голове моей всякой чепухи про парикмахеров и фикусовые деревья, словно ни о чем более важном и поразмышлять нельзя». С другой стороны, о Нью-Йорке, террористах и бомбах до сих пор думают только ее муж и этот парень. А все остальные живут своей жизнью.

Карим поднял стул:

— Правоверный мусульманин готов пожертвовать собой во имя религии. Разве он ходит по

барам, смотрит на обнаженных девок, пьет алкоголь? Покажите мне мусульманина, который ходит с Кораном в бар! И оставляет его там! Все эти истории насочиняли идиоты. Люди, которые ничего не знают об исламе. Может, христианин и таскает с собой Библию, как пачку сигарет. Он не знает, как обращаются с Кораном.

Назнин посмотрела на специальную высоко подвешенную полочку и на Коран в обитой тканью коробке.

— Пишут, что еще один Коран был найден в машине, взятой напрокат, и что оставили его так называемые исламские террористы, — рассмеялся Карим. — Да, правоверные разбрасываются Словом Бога, как ненужными газетками.

— Мусульманин не может покончить с собой, — заметила Назнин.

Сколько бы он ни объяснял ей суть мученичества за веру, она не верила, что это не грех:

— Убивающего себя мечом, ядом или прыгающего с горы будут этим же мучить в День Воскресения.

— Не все так просто, — ответил ей Карим, — есть еще кое-что. При чем тут самоубийство? Представь: все четыре черных ящика с самолета (в них записывается все, что происходит) уни-

чтожены. А вот паспорт оказался волшебным. У одного из угонщиков паспорт не сгорел при пожаре, при температуре больше тысячи градусов по Фаренгейту. Его нашли в каменной кладке Всемирного торгового центра. Нас что, ФБР совсем за дурачков считает?

— Тогда кто это сделал?

Он коснулся своей тюбетейки. Так женщина касается прически, чтобы убедиться в ее сохранности.

— Вопрос надо ставить по-другому. Кому это выгодно?

Назнин подумала, что никому.

Нельзя больше разрешать ему здесь молиться. Может быть, этот грех не записан нигде, но это грех. Так нельзя. У нее достанет силы с этим покончить, и тогда, может быть, она сможет прекратить и все остальное. Попытка оказалась неудачной.

— Это неправильно, — сказала Назнин, чувствуя у своего уха его горячее дыхание.

— Я знаю, — простонал он, — я все улажу. Не волнуйся.

И кроме тяжести его тела, ей ничего уже не было нужно.

Как сказать ему, чтобы больше не приходил?

Что это будет значить? Что она получила удовольствие — и будет с него? Что ей под силу самой прекратить отношения? Если она с самого начала могла прекратить отношения, значит, не было необходимости их начинать?

Одно время Назнин надеялась на Шану. В тот день, когда муж пришел домой, а Карим сидел за компьютером, Назнин подумала, что Шану все знает. Но Шану ничего не сказал. Все ее знакомые уже давно все поняли. Назма с огоньком в глазах провела рукой по машинке: «Все так же много работаешь?» Разия совсем не удивилась, когда ее посвятили в «тайну». Давно ли Разия догадывается? Не замечать визитов Карима может только слепой.

«Только бы муж обо всем узнал, — молилась Назнин и добавляла: — Пусть он убьет меня».

Но Шану не торопился. «Неужели ты не видишь, что происходит у тебя под самым носом?» — молча допрашивала она его.

С утра читала молитвы, занималась хозяйством, начинала шить и ни о чем другом не мечтала. К обеду, когда она высматривала Карима через окно, в желудке от возбуждения и страха все поднималось, а когда он не появлялся, уходила из квартиры, опасаясь, что, вымеряя комнату

шагами, сотрет последние нитки в ковре.

— Чем я тебе нравлюсь? — однажды спросила Назнин, надеясь, что вопрос прозвучит естественно, как только что придуманный.

Карим был настроен игриво:

— Кено тумаке амар бхало лаге? Кто тебе сказал, что ты мне нравишься? — И прикоснулся пальцами к ямке у нее на горле.

— Я сказала, — твердо ответила она.

— Я заметил.

И процеловал дорожку от горла к подмышке.

— Я не красивая. И не молодая.

— Не молодая и не красивая? Тогда я, наверное, совсем слепой.

— А ты молод.

— Как насчет красоты?

Но Назнин настроилась говорить серьезно:

— Ты не ответил.

Карим перевернулся на спину. И когда он подкладывал руки под голову, Назнин наблюдала, как мышцы на его руках напрягаются. Кожа у него золотистая, как мед. Хочется ее лизнуть.

— Ну, вообще-то, на свете есть две разновидности девушек. Выбирай — не хочу. Есть такие прозападные девушки: носит что хочет, на лице штукатурка, юбка короткая, и все — за спиной у

отца. Такие девушки выходят в свет, ищут работу, развлекаются. А есть очень религиозные девушки: носят шарф на голове, иногда даже бурку. Смотришь на них и думаешь: из таких хорошие жены получаются. Но на деле по-другому. И те, и те хотят спорить. И думают, что все знают, потому как ездили во всякие лагеря для мусульманских сестер.

— А я?

Он приподнялся и облокотился на подушку. На Назнин пахнуло его потом, она почувствовала возбуждение.

— А ты? Ты — настоящая.

— Настоящая?

— Можно привезти деревенскую девушку. Прямо сюда. — И Карим продолжил размышления вслух: — Но здесь начинаются всякие передряги с обустройством. И что получишь в итоге, неизвестно.

— Я настоящая?

Вспомнился разговор по телефону, который она услышала в первые дни замужества. Она стояла в ночной рубашке в коридоре, Шану говорил по телефону. «Неиспорченная девушка. Из деревни. Да, я все учел, я всем доволен».

Карим встал. Повернулся к ней спиной.

— Муж увозит нас в Дакку, — сказала она.

Всмотрелась в изгиб его позвоночника: заметил ли он, что она не сумела произнести эту фразу спокойно.

Карим выпрямился, но не повернулся.

Назнин свернулась клубочком. Сопит носом, в голове еле уловимые щелчки, в груди хрип, в желудке урчание, тупо стучит кровь за ушами.

Наконец он заговорил:

— В Брэдфорд я ездил на смотрины. Там мне выбрали девушку. Я отказался. Из-за тебя.

— Что же мне делать?

Лицо у нее мокрое и горячее.

— А что ты хочешь?

До этого разговора она хотела ехать. А теперь не знает. Девочки будут страдать, Шану будет утопать в новых разочарованиях, и она уже больше не девочка из деревни. И ненастоящая.

Карим взял ее на руки и обнял, как ребенка.

— Не бойся. Пусть твой муж уезжает. Так будет лучше. Потом он даст тебе развод, потому что бросил тебя. Не бойся. Я все устрою.

Наступил октябрь, а с ним болезненные опухоли у Шану, простуды у девочек и конденсация на окнах. Каждое утро для Назнин начинается с зимнего ритуала — протирания окон полотен-

цем. Полотенце можно выжимать. Пришли двое рабочих чинить туалет:

— И сколько он у тебя уже сломан, красавица?

Она сказала.

— Тогда тебе в муниципалитет, красавица.

Они покачали головами:

— Ты еще с ним повозишься, золотая. Не надо было тянуть. — И ушли.

Возле платяного шкафа на сертификатах Шану чемодан на колесиках. Назнин попробовала его поднять. Тяжелый.

Она уже не уговаривает Шану поесть и не готовить. Девочки питаются бутербродами, консервированной фасолью или чем захотят. Однажды она встала посреди ночи, дернула за ручку пустого холодильника и начала готовить цветную капусту карри, и когда специи упали в горячий жир и взорвались в нем прожилками, ей показалось, что сейчас все проснутся, и они поедят вместе, как нормальная семья. Но на часах было два ночи, и Назнин ела одна, стоя у раковины, смотрела на луну и спрашивала себя, поедят ли они когда-нибудь вместе с Хасиной.

На следующий день в почтовый ящик кинули листовку:

МАРШ ПРОТИВ МУЛЛ

Листовку поднял Карим. Перевернул ее.

— Йес! — воскликнул он. — Назначена дата.

Сложил руки и расставил ноги:

— Пусть приходят. Мы будем готовы.

Пришел Шану, взял листовку и изучал ее некоторое время. Положил обратно, ушел в спальню и закрыл за собой дверь.

Глава семнадцатая

Все пришли к единодушию только по одному пункту: парня зарезали ножом. Насчет всего остального спорили до посинения, как по поводу цен на бринджалы[78] в воскресный день. Одни говорили, что была драка между бандами и дрались по меньшей мере десять человек. Другие говорили, что двадцать, тридцать, пятьдесят. Их противники отвечали, что людей было двое: убитый и убийца. Утверждали, что у всех этих банд уже длинная история: все начиналось, когда ребята еще в школе учились и сбегали с уроков на дневные тусовки рейверов где-нибудь в заброшенных складах, переодевались в туалете, отхлебывали виски, затягивались сигаретами и слушали «Джой Бангла», Майкла Джексона, Джеймса Брауна, Амируддина и Абдула Гани[79], придумывали новые танцы и поводы для драк и сочиняли себе стиль жизни, в котором их никто себе не представлял, и в первую очередь роди-

---

[78] Примечания: 78
Бринджал — индийский баклажан.

[79] Примечания: 79
Джой Бангла, Амируддин и Абдул Гани — бенгальские музыканты.

тели. Между двумя этими бандами всегда было напряжение, и остается только удивляться тому, что только сейчас кого-то зарезали.

Враки все это. Парни из одной банды, и повздорили они из-за девушки. Тоже враки. Весь сыр-бор из-за наркотиков. Или из-за денег. Или из-за денег за наркотики. И теперь парень валяется в больнице с вот такущей раной в бедре.

Некоторые тупы, как ослы! Ранили-то его в грудь, он не выживет, его жизнь в руках Аллаха, чего ждать — умрет, не умрет, надо было раньше думать, что-то такое обязательно должно было случиться, и что еще бывает от банд, кроме неприятностей?

А чему тут удивляться — ведь у некоторых в ушах растет горчица: они всему верят. У них, как в той песне поется, глаза есть, только мало толку. Какие банды, вы что? Их выдумала белая пресса, чтобы похуже обозвать выходцев из Бангладеш. Больше всех постарался «Сигнал из Тауэр-Хэмлетс» (вы что, не знали: во всех белых газетах сидят преступники), и если начитаться этой чепухи, то и впрямь можно подумать, что наши мальчики превращаются в плохишей, как негры в свое время. Нет никаких банд. Есть просто мальчишки, которые росли вместе и вместе

проводят время.

«Сигнал» сообщает, что установлено имя жертвы: Харун Заман. И все поверили. А парня, который лежал при смерти, вернее, лежал на правом боку, чтобы закрыть рану в левом бедре, зовут Джамал Заман. Или Джамал Шамсар. Или, как сказала Разия, которой рассказал Тарик, это некто Нонни. Никто не знает, как Нонни зовут на самом деле, хотя очень многие делают вид, что слыхали это имя и согласны, что у парня воинственный нрав, с таким только в драку лезть, а другие сочувствуют Нонни, потому что это скромный мальчик, каких постоянно дразнят.

— Знаете, почему у этих ребят все не так? — спросил Шану.

— Потому что они плохо учатся, — прилежно ответила Биби.

— Потому что они везде слоняются, — ответила Шахана, — как овечки.

— Не надо умничать.

— Расскажи нам, папа, — поднялась Биби.

— Я не знаю, — ответил Шану, — иногда кажется, что весь мир против тебя, и тогда очень тянет стать с миром заодно.

Он взял ключи от машины, Шахана потянулась к пульту.

— Конечно, если бы они лучше учились, они были бы сильнее. Сила ума — вот в чем все дело. — Шану взял у дочери пульт и отдал его Назнин. — Сегодня пусть посидят за книгами.

Разия, Назнин и еще несколько матерей стояли возле магазина «Лучшие овощи Алама» на Бетнал-Грин-роуд. На прилавке, сооруженном из двух столов возле витрины, ящик с перезрелыми помидорами, цветом больше похожими на старые синяки, чем на красные овощи; волосатая пирамидка кокосовых орехов, кучка темно-зеленых узловатых корел[80], от одного взгляда на которые во рту становится горько, веточки нима[81]в большой стеклянной банке. Назма прикоснулась к помидору и вытерла палец об искусственную траву на столе.

— Лучшие фрукты? — спросила она, и от возмущения щеки у нее задрожали. — Если в Бангладеш человек именует свои овощи лучшими и продает гнилые помидоры, ему это просто так не сходит

---

[80] Примечания: 80

Корела — существует несколько названий этого растения: момордика, индийский огурец, горькая дыня. Применяется в основном в индийской кухне. В тексте овощ темно-зеленый, значит, уже совсем перезрел.

[81] Примечания: 81

Ним — растение, в котором содержится вещество, обладающее антисептическими свойствами, из нима жители Бангладеш делают даатон, щеточку для десен.

с рук.

— О да, — сказала Сорупа, — у нас на этот счет свои законы.

— Законы? — воскликнула Назма, словно впервые услышала это слово. — Такого стервеца даже на порог суда у нас не пустят.

Сорупа, уже разуверившись в собственных словах, с воодушевлением поддакнула:

— Не пустят.

— Люди бы у нас сами разобрались, без суда. Пару раз бы ему съездили, все бы понял. Просто, быстро. Доходчиво.

Назма подошла к столику с корелой. Назнин представила, как перекатываются ее маленькие круглые ступни. Назма взяла овощ и чуть надавила на него. Судя по выражению ее лица, оттуда выползло не меньше десятка гусениц.

Сорупа наконец поняла, о чем речь.

— Это лучшая-прелучшая система в мире. Размозжить стервецу голову. И никаких взяток, никакой полиции, адвокатов и прочего.

И начала превозносить достоинства сельской судебной практики. Когда список достоинств иссяк, она с готовностью принялась читать его заново.

Назме это быстро надоело.

— Я слышала, у мальчика, которого зарезали, колотая рана в легком. Я слышала, что он связан с наркотиками.

Назма посмотрела на Разию и широко открыла глаза.

У Назмы высокая грудь распирает тонкое черное пальто, круглая, как два футбольных мячика. Грудь Разии по сравнению с ней совсем тощая и висит где-то у пояса под толстовкой.

Разия изучала кокосовые орехи. Взяла один, взвесила на руке, взяла другой, взвесила.

— Наркотики, — повторила Назма.

Она произнесла это слово, как родители произносят слово «чудовище», чтобы напугать ребенка.

— Наркотики, — повторила Сорупа.

Назме это не понравилось. Она щелкнула языком и посмотрела на Сорупу, та притворилась, что не заметила.

— Конечно, сейчас чего только не услышишь про то, как мальчики влипают в истории с наркотиками. Родители не могут за ними уследить, и дети позорят всю семью. Если у кого и просыпается здравый смысл, то ребенок тут же отправляется обратно в Бангладеш.

На помидоры, другие первоклассные овощи

и на головы женщин посыпались мелкие (как перхоть у Шану) и легкие хлопья. Они падали и исчезали без следа.

— Дождь, — сказала Разия Назнин, — пошли скорей.

— Снег, — сказала Назма, — есть же люди, которые не замечают, что творится у них прямо под носом.

Сорупа подставила руку, чтобы всем стало ясно — пошел снег.

Прямо у них под носом.

По Комершал-стрит двигалась похоронная процессия. Четыре большие черные машины за катафалком, битком набитым лилиями и хризантемами, под которыми, видимо, находился гроб. В машинах люди, тоже битком. Красный фургончик с нарисованной свиньей застрял в процессии и все пытался свернуть на соседнюю улицу. Свинья сидела на невидимом стуле, скрестив маленькие толстые ножки, и ела пирожок. Назнин ждала посреди дороги, пока процессия проедет, глянула в одну из черных машин и увидела внутри женщину, которая, взглянув в маленькое зеркальце, подняла голову и уставилась на Назнин. У женщины были короткие белые волосы, очень аккуратно постриженные на висках. Выражение

лица дежурно-приветливое, на губах полуулыбка, но в глазах пустота. Так смотрят на знакомую вещь, на ключи, которые наконец нашла, на кухонный стол, протерев его от сока, разлитого дочерью. Так смотрят на знакомые величины: на мебель в комнате или на темнокожих женщин в сари, которые готовят рис, воспитывают детей и слушаются мужей. Назнин помахала ей рукой. Похоронная процессия двинулась дальше.

Они свернули на Вентворт-стрит, и Разия за все это время не сказала ни слова. Назнин думала о Назме, Сорупе и об остальных возле «Алама». Там она еще не заметила, что с ней никто не разговаривает. Или ей показалось? Может, если присмотреться, и люди на улице спешат мимо нее быстрее? Неужели никто к ней больше не придет за сладким тмином (пару ложечек), за парой веточек коричного дерева, за щепоткой шафрана и не согласится вдруг остаться на обед? С ее знакомыми так случалось. Совсем недавно перестали разговаривать с Хануфой, когда узнали, что она посещает курсы массажисток. Ее поведение расценили как неисламское — по всей видимости, имам в мечети высказался по этому вопросу. Хануфа оправдывалась, что курсы только для женщин, что она хочет научиться мас-

сажу, потому что у мужа сильные боли в спине. Но было поздно.

«Черт побери, если она так этим гордится, зачем туда бегать тайком от нас?»

Назнин вспомнила, что и сама уже давно не заходила к Хануфе, хотя и не избегает ее специально. Назнин несколько раз спросила себя, так уж ли не специально. Потом сдалась и решила, что теперь у Хануфы есть возможность избегать ее в отместку, ведь преступление Назнин гораздо серьезнее.

Они прошли мимо прилавков с обувью, где каждая туфля походила на орудие пытки. Рядом с палаточным грилем человек так нежно охлопывал куриные ножки, словно хотел, чтобы курицы очнулись. Назнин разглядела, что он натирает кожу специями. Несколько девушек-африканок мерили туфли и выгибались, чтобы посмотреть на каблук.

Назнин хотела спросить у Разии, обращаются ли с ней так же, как с Хануфой.

— Зайдем в «Иеллоу роуз»? Или в «Гэлекси текстайл»?

Разия пожала плечами.

— Давай вот в этот магазин, — предложила Назнин и потянула Разию за руку.

Они зашли внутрь, потрогали вишнево-красный шелк, коричневый и бирюзовый хлопок, переливчато-синий сатин.

— Сегодня настроения нет, — сказала Разия.

Таким голосом обычно разговаривают люди, которых невозможно ничем заинтересовать, так что продавец даже не пытался их задерживать.

Было рано, но уже темнело, загорались огни витрин, и женщины, сами того не желая, останавливались. Они смотрели на лотки с золотыми кольцами: стоят один на другом и неприлично подмигивают в свете лампочек. В магазине «Лучшая покупка» их задержали три манекена, задрапированных в соблазнительно-розовый крепдешин. Манекены, как в танце, раскинули руки, будто могут двигаться, радоваться или прощаться. При этом лица их невозмутимы, и объяснить восторг конечностей невозможно. Так что сей телесный порыв остается неразгаданным.

Назнин хотелось разговорить Разию, чтобы она закатила глаза, за-*пых-пых*-тела. и превратилась в Назму. Назма у нее получалась великолепно. Через каждые два слова Разия вставляет *пых-пых,* и, хотя в жизни Назма не говорит *пых-пых* каждые пять секунд, Разия таким образом удивительно

точно передает нахальность этой женщины и некоторую ее округлость. С Сорупой Разия тоже справляется отлично. Так же самодовольно поджимает губы, так же покусывает их и смотрит в сторону, когда Назма ее осаживает.

Назнин хотелось, чтобы Разия снова стала их передразнивать, чтобы вернулась прежняя Разия. Она посмотрела на подругу. Сегодня у нее весь день потухшие глаза. Их не оживляет ни гнев, ни страх, ни боль. Сколько времени уже в золотых крапинках на дне ее зрачка лежит только одно — горе?

Назнин вспомнила, как на днях они ходили за тканью, как ее распирало от секретов. Как она выпалила про миссис Ислам, и ей сразу полегчало. Теперь у Разии собственные заботы, и Назнин не может спросить, как же насчет обещания помочь ей. Подозрения насчет Тарика оправдались. Но что ж теперь, заламывать руки, плакать при каждой встрече и обсасывать горе по кусочку?

Остается еще Карим.

Несколько раз Назнин представляла себе разговор с Разией. Она разыгрывала его по ролям, пробуя то одну, то другую фразу. «Он никогда меня не бросит». И Разия подворачивает ногу и наклоняется вперед, чтобы просмаковать каждое

словечко. «Это выше нас. Мы не можем это контролировать». Разия передергивает костлявыми плечами, от напряжения, даже в воображении Назнин, Разия не может не содрогнуться: «Самое поразительное…» И Назнин никак не могла придумать, что последует за этими словами, но они постоянно приходили ей на ум. Разия как будто поддразнивала ее, сузив глаза и отводя взгляд. «Самое поразительное…»

О нем они не разговаривали. Это было невозможно. Несмотря на все секреты, общаться им легко. Разговор течет как Мегна[82]: стремительные потоки новых сплетен, всплески и шипение жалоб друг другу, крутые пороги на вопросах серьезных, всегда о семье, где-то шире, где-то у́же, то мелко, то глубоко, даже в тихих местечках течение их разговора никогда не останавливалось, и все многочисленные излияния бесконечно впадали в море их дружбы. Теперь же река встретила плотину, построенную из правды, знания и горя. И обе замолчали.

Остановились возле нового магазина.

— «Модные идеи», — прочитала Разия.

В магазине перед зеркалом вертелась белая

---

[82] Примечания: 82
Мегна — река в Бангладеш.

девушка, на ней был черный верх от камиза с белыми вышитыми цветами и крапинками жемчуга вокруг ворота. Брюки — не обычного мешковатого покроя салвар, а узкие на бедрах и слегка расширяющиеся книзу. Девушка взяла несколько браслетов из зеленого стекла с полочки и попыталась сразу все надеть на руку.

— Не наденет, — сказала Назнин.

Похожий наряд красовался и на витрине, только с черной вышивкой и черными бусинами. Разия посмотрела на ценник. Покачала головой и вздохнула, словно ей внезапно приоткрылось все зло этого мира.

— Посмотри, сколько англичане готовы выложить за камиз. И они же смотрят на меня свысока. Они даже готовы плюнуть на собственный флаг, если я в него одета. Что же это такое? Что такое?

Шану уехал развозить невеж и собирать штрафы за парковку. Теперь он складывает квиточки об оплате штрафа в конверт с адресом местного районного совета. На каждом он написал: «Такого адреса не существует, возвратить выписавшему штраф». Девочки на диване, пульт у Биби на коленях. Как только она к нему прикасается, Шахана бьет ее по щиколотке.

— Мама, Шахана меня бьет.

— Шахана, не бей сестру.

— Она хочет переключить канал.

— Ничего я такого не хочу.

— Подожди, приедем в Бангладеш, — сказала Шахана, — тебя тут же выдадут замуж.

— А-а…

— А муж твой будет запирать тебя на ключ в маленькой вонючей комнатке, и ты целыми днями будешь ткать ковры.

Биби подпрыгнула на месте:

— А тебя? Ты старше меня. Замуж сначала отдадут тебя.

Шахана обхватила колени:

— Это ты так думаешь.

Назнин выключила телевизор:

— Разве вы не хотите посмотреть, где выросла ваша мама?

Девочки замялись и ничего не ответили.

— Не хотите увидеть тетю Мамтаз?

— Расскажи нам про тетю Мамтаз, — попросила Биби и с готовностью слушать устроилась на диване по-турецки.

— Только про джинни. — И Шахана поджала свои хорошенькие розовые губки. — Остальные рассказы скучные.

И Назнин рассказала им про доброго джинни.

Мамтаз унаследовала джинни от своего отца, который держал его в пустой бутылочке из-под лекарства со свинцовой пробкой. После смерти отца джинни согласился стать собственностью Мамтаз, но с условием, что его выпустят из бутылки и разрешат жить на свободе. Мамтаз накрыла бутылочку суровой марлей и ударила по ней молотком с возгласом:

— Джинни, дарю тебе свободу, а ты подари мне мудрость.

Поначалу джинни, казалось, не собирался выполнять свою часть сделки. Мамтаз звала его, но никто не отзывался. Она бродила возле банановых деревьев, помня с детства, что джинни неравнодушны к бананам. Но джинни не отзывался. Искала его в сахарном тростнике, в слоновой траве, в зарослях чили. Под плоскими кронами деревьев, в загоне для скота, в колодце и под листами кувшинок в пруду. Джинни обманул ее.

Мамтаз проверила постель, шкатулки с драгоценностями, проверила, не запутался ли джинни в волосах, и смирилась с потерей. Может быть, решила она, джинни все-таки подарил мне мудрость: никогда не следует доверять джинни.

Наступил барса[83], и дожди в тот год были такие сильные, что зерно риса раскалывалось надвое. Сарат[84] покрыл землю золотом, прилетели снежные журавли с севера и простаивали на морщинистых ногах посреди темно-зеленых рисовых полей. Один сварливый старичок, похожий на учителя на пенсии, пристрастился к прогулкам вокруг деревенского пруда: руки за спиной, следит за детьми глазками-пуговками, которые, как маленькие коричневые рыбешки, плещутся и визжат в воде, и мечтает приучить их к дисциплине. Пришел хеманто[85], расцвели жасмин, лотос, водяные лилии, гиацинт, кришначура, кадам, магнолия, повсюду стоял запах высыхающих рисовых стеблей. В тот год одна из коров принесла трех телят, что было воспринято как благоприятный знак, и повсюду спешили отыграть свадьбы, хотя время свадеб еще не наступило.

---

[83] Примечания: 83

Барса — сезон муссонных дождей, продолжающийся с июля по сентябрь.

[84] Примечания: 84

Сарат — ранняя осень (сентябрь — ноябрь) — время сбора урожая.

[85] Примечания: 85

Хеманто — поздняя осень, время второго посева, продолжается с ноября по январь.

До самого басанто[86] джинни никак не напоминал о себе Мамтаз. Однажды она чистила большую и очень кровавую рыбу хилшу и размышляла о затруднении, в котором оказалась одна женщина в деревне. У нее уже три сына и пять дочерей, она с трудом кормит такое количество ртов. Несмотря на это, муж продолжает делить с ней ложе, чтобы на свет появилось еще больше ртов и пустых желудков. Что делать? Как отказать мужу? Как наколдовать побольше еды в кастрюле? Мамтаз вытащила рыбьи кишки. На сари брызнула струя крови.

— Что мне ей посоветовать? — вслух спросила она.

И джинни ответил:

— Скажи, что она должна собрать всех своих детей и поставить в ряд перед мужем. И пусть она ему скажет: «Сначала выбери, кто из них умрет. Убей одного ребенка, и я рожу тебе другого. Нам нечем кормить еще одного, поэтому ты должен выбрать, кто из них умрет. За каждого убитого ребенка я буду рожать тебе нового».

Мамтаз понравился такой ответ, она тут же решила пересказать женщине совет джинни. Но

---

[86] Примечания: 86

Басанто — весна, считается прохладным сезоном, в это время обычно празднуют свадьбы, продолжается с марта по май.

сначала, разозлившись на джинни, закричала:

— Почему ты убежал от меня?

— Я от тебя не убегал, — ответил джинни, — ты только сейчас стала готова меня слушать.

С тех пор Мамтаз могла в любое время обратиться к джинни, и люди стали приходить к ней с разным важными вопросами. И хотя она утверждала, что может болтать с джинни и просто так, как дочь с матерью, когда перемешивает навоз или солому или разводит огонь, для таких случаев Мамтаз садилась в чистой комнате, зажигала свечи и благовония, одевалась в белое и белой кисеей прикрывала рот и нос. Чтобы вызвать джинни, она со скоростью полета бабочки бормотала специальные заклинания, которые невозможно было расслышать.

Назнин умоляла научить ее этим заклинаниям, но Мамтаз отвечала, что для этого ей надо обзавестись собственным джинни.

— Возьмут ли меня в совет?

— Как мне назвать ребенка?

— Мой недруг поклялся сглазить меня. Как мне защититься?

Мамтаз в маленькой белой комнатке, раскачиваясь, произносила свои заклинания. Дав ответ, она падала на бок, и человек тут же понимал, что

ей необходим отдых после того, как дух воспользовался ее телом.

И только маму невозможно было обмануть:

— Она притворяется, притворяется.

И втягивала воздух через сомкнутые зубы и вытирала кончиком сари уголки рта.

Девочки умывались перед сном. Назнин вошла в ванную и присела рядом с ними.

Шахана вытащила из отцовской кружки для щеток его даатон.

— В Бангладеш зубы чистят палочкой. Там нет зубных щеток.

Шану очень обрадовался, когда нашел веточки нима в «Лучших овощах Алама». Он жевал кончик, пока тот не расплющился, энергично потер палочкой во рту и заявил, что лучшего массажа для десен не придумаешь.

— Знаешь, Биби, там и туалетной бумаги нет. Ты там попу будешь мыть водой, — не унималась Шахана.

Биби расстроилась:

— А ты? Тебе тоже придется.

Лицо у Шаханы стало непроницаемым.

Потом она кинулась на сестру с даатоном, чтобы его запихнуть ей в рот.

Назнин разняла девочек и погнала в спальню.

Она стояла посреди комнаты, как судья на поле, и ждала, пока они улягутся. Джинни не шел у нее из головы.

Была и другая история, которую она никогда не рассказывала детям.

Назнин тогда было лет восемь-девять, и она уже могла, не вставая на цыпочки, заглянуть в колодец. В тот год мама стала одержима злым джинни. Он не давал ей мыться, и от нее пахло, как от козы. Он путал ей волосы в колтун и насмешливо вставлял за ухо веточки жасмина. Иногда она несколько дней подряд не разговаривала. Хуже того — по наущению джинни она набрасывалась на мужа, метя ему в глаз бамбуковыми палками, которые строгала часы напролет, чтобы получился острый кончик. Когда джинни ослаблял хватку, а может, ложился спать, мама возвращалась в свое обычное состояние. Брала кусок мыла, шла на пруд, мылась. Снова становилась к плите и заводила бесконечные жалобы на слуг. И, как обычно, начинала комментировать свою жизнь:

— Что уж тут поделаешь? Я пришла на эту землю страдать.

— Поднаторела она в страдании-то, — говорил папа.

— Джинни снова может в меня вернуться, — предупреждала мама, — когда ему взбредет в голову, он снова воспользуется моим телом, моей силой и моей душой.

И папа закатывал глаза:

— Будем надеяться, что он не заставит себя ждать.

Но по возвращении джинни озорничал пуще прежнего, и папа был вынужден пригласить факира.

Изгнание нечистой силы в деревне было настоящим зрелищем. Собралась такая многочисленная и возбужденная толпа, какой не было даже у Манзура Бойяти, самого высококлассного рассказчика в округе. Факир сам по себе уже представление. Высокий, прямой, как сахарный тростник, борода не меньше двадцати дюймов в длину, заплетена в две косички, как у женщины. Сразу по прибытии два его помощника потребовали вынести керосинку и поставили варить снадобья, которые, как решила Назнин, должны были отпугнуть джинни уже своим запахом. Факир издалека смотрел на маму. Мама лежала на матрасе, по рукам и ногам ее, как и положено, пробегали спазмы. Факир остался доволен.

— Есть желающий помочь этой проклятой

женщине? — строго спросил факир.

Глаза у него были мутные, как мраморные шарики, он посмотрел на всех одновременно и остановился взглядом на каждом.

— Я желающий, — вызвался мальчик-слуга в доме Назнин и пробрался вперед.

Люди расслабились, начали почесывать бока и носы.

Слуга был угрюмым парнем, для забавы он держал на привязи у пальмового дерева полуголодного мангуста и тыкал ему пальцем в рот, чтобы тот кусался. Мангуст, по натуре пацифист, иногда поддавался на эту провокацию и каждый раз получал вознаграждение в виде ответного пинка, отчего взлетал на пару футов в воздух.

— Садись, — рявкнул факир и положил ему руку на голову.

Парень презрительно скривился, но сел. Помощник намазал ему голову и плечи тошнотворной мазью. Изгнание началось. Для разминки факир и два его помощника ходили вокруг слуги и попеременно то распевали, то произносили стихи, в которых слова связаны так же тесно, как пальцы на руке: двигаются, гнутся и скручиваются, но остаются единым целым.

Ке Каса койре, декха дейна

Ке Каса койре, декха дейна

Ноде чоде хатер каше

Быстрее и быстрее кружила музыка, быстрее и быстрее неслись слова. Белые тряпки у факира на талии вместе с руками парили за спиной, мощь, которой он победит злого джинни, стала видна всем.

Ке Каса койре, декха дейна

Кто говорит и не показывается

Кто говорит и не показывается

Кто здесь ходит, под рукой.

Парень исчез в круговороте рук и ног.

Я ищу его

Под небом и на земле

Я себя самого не знаю

Я ищу его

Под небом и на земле

Я себя самого не знаю

Кто я?

Кто он?

Кто я?

Кто он?

Пение резко оборвалось. Помощники куда-то испарились, а факир раскинул руки и завопил:

— О, злой джинни, оставь тело этой женщины. Именем Аллаха приказываю тебе, оставь ее. Небо! Вода! Воздух! Огонь! — Он на секунду замолчал и для благозвучности прибавил: — Земля! Прекрати мучить ее.

Руки его безвольно упали, живот вздымался, и каждый раз так странно, будто внутри двигался ребенок.

Все посмотрели на маму, которая теперь спокойно лежала на матрасе, уткнувшись в него лицом.

И тут же слуга, который пожертвовал своим телом в качестве нового прибежища для джинни, начал корчить рожи и злобно смотреть по сторонам. Он даже позволил себе выругаться, сжать челюсти и наморщить макушку.

— Зачем ты обижал эту бедную женщину? — спросил факир, обращаясь к джинни.

Парень вскочил на ноги. Он оскалился, как испуганная обезьяна, и начал царапать воздух.

— Она пошла в буш, — сдавленно ответил он, — она под тамариндом наступила на мою тень.

Факир подбежал к парню и согнул его, чтобы перебросить через спину. Факир был мужчи-

ной крупным и согнул парня легко, как хвост у собаки.

— Убирайся отсюда, — взревел факир, его стеклянные старческие глаза наводили ужас. — Увижу тебя еще раз, уничтожу.

— Чего ругаешься-то? — пискнул парень, у которого лицо становилась впечатляюще лиловым.

— Вон! Вон! Вон! — орал священный доктор-чародей.

Он отпустил свою жертву, и та замертво рухнула на пол.

Факир поправил бороду и зевнул. Джинни понял, что это шанс, прыгнул на своего противника, схватил его за две косички на подбородке и ловко намотал на кулак.

— Ах ты, свинья, иди сюда. Любитель молоденьких козочек.

Он продолжал трепать факира за бороду, тот споткнулся и осел на колени.

— Иди, иди, похотливый любитель трупов, пожиратель дерьма.

Факиру пришлось туго. Глаза его выскакивали из орбит, пот лился градом.

Физическая сила парня произвела на толпу впечатление. Предстояло настоящее шоу. Никто не произнес ни слова, люди подталкивали друг

друга локтем в бок, чтобы сосед не зазевался и оценил каждую секунду происходящего.

— Он притворяется, — закричал факир, — остановите его!

Факир с трудом поднялся на ноги.

— Никуда от меня не уйдешь, — визжал парень, — она наступила на мою тень под тамариндом и потревожила мой отдых.

Он снова скрутил факира за бороду и на этот раз, разнообразия ради, вдобавок высунул язык.

Никто не сдвинулся с места. Помощники присели рядом с керосинкой и курили скрученные вручную сигареты, действуя строго в рамках предписанного.

— Вы что, будете смотреть, как он меня убивает? — завизжал факир.

— Парень не виноват, — выкрикнул кто-то из толпы, — ты сам в него джинни засунул.

— Он притворяется, — запротестовал факир, — вы что, не видите — он притворяется?

Парень продолжал мучить священного врачевателя, пока из толпы не появились несколько человек и не навалились на него. Парень затряс руками и ногами, голова завертелась в разные стороны.

Факир хотел сам добраться до парня и изрыг-

нуть на него пару-тройку мстительных демонов. Разгорелся спор.

— Почему ты решил, что он притворяется?

— Разве ты сам не видел, как им завладел джинни?

— Если он притворялся, давайте привяжем его к дереву и побьем. Но тогда ты денег не получишь за изгнание духов, раз оно не состоялось.

Ситуация стала опасной для факира. На карту был поставлен весь его недельный доход (ведь он готовился к сеансу и потратился), его гордость, его желание вышибить парню мозги и его репутация.

Для парня, перегнувшего палку, ситуация тоже складывалась не лучшим образом. И он решил напустить себе пены возле рта.

Мама продолжала лежать, про нее все уже забыли.

— Смотрите, — сказал кто-то, — парень одержим. Посмотрите, у него изо рта пузыри.

Папа стоял в стороне. Хотя поступил он вроде правильно, пригласив факира изгнать злого джинни, священный врачеватель вызывал у него отвращение, потому что взял деньги за визит, и папа предпочитал не вмешиваться.

Он отказался вынести окончательный вердикт.

Последовали дальнейшие разбирательства, чуть не приведшие к всеобщей потасовке. Наконец компромисс был найден: факиру разрешили снова сцепиться с парнем и перебросить его через спину в обмен на клятвенное обещание полностью изгнать злого джинни.

Факир подошел к этому со всей ответственностью. Все видели, с каким старанием он принялся за работу.

Маме действительно стало лучше. Теперь она каждый день купалась и нападала на мужа, вооруженная только самым острым из своих инструментов — языком. Назнин ходила под впечатлением и от зрелища, и от выздоровления матери. Позже услышала, вернее подслушала, у парикмахера, что парень теперь хвастается, что унизил такого большого человека, но Назнин все равно верила — еще бы! — что джинни из мамы изгнали. Как — оставалось загадкой, и загадку эту нужно было не решать, а лелеять, как сокровище.

И, складывая чистое белье в стопку, Назнин спросила себя, что действительно случилось в тот день и почему мама верила в злых джинни, а в добрых — нет.

С Каримом они виделись редко. Он занялся перераспределением сил «Бенгальских тигров», планировал марш против «Марша против мулл», предвидел катастрофу всей уммы (как местной, так и всемирной) и советовался по религиозным вопросам с Духовным лидером. Когда им все же удавалось провести вместе часок, Карим строил планы на женитьбу.

— Вопрос не такой уж сложный. Очень даже простой, но что касается религиозной стороны…

Назнин улыбнулась. Как это все забавно.

— Я выясняю насчет развода. Чтобы без осложнений.

Она напрягла мышцы таза, внезапно испугавшись, что сейчас из нее потечет. Если она останется здесь, разве будет другой выход, кроме как выйти замуж за Карима? От этой мысли она испытала такие противоречивые эмоции, что удивилась, как еще контролирует функции своего организма. Надо вычленить из всех мыслей одну, хоть какую, и обдумать ее хорошенько. Дети. Как представить девочкам их нового отца? Что они подумают? Ужасно, если на ум им придет только один вопрос, которым они будут задаваться снова и снова: «На что наша мама словила этого парня?»

А самое ужасное — она не знает, что именно случится. Какой смысл готовиться к тому или к этому, когда случится все равно либо *то,* либо *это?* Если Шану будет продолжать паковать чемоданы, если купит билеты и потребует ее отъезда, будет ли это означать конец? Будет ли Карим, настаивая на своем, просить, чтобы она осталась? Что, если возвращение домой — просто очередной проект Шану? Еще недавно она была в этом уверена, сейчас уже нет. И напомнила себе: надо подождать, пока все не станет ясно.

Это не утешало, внутренние терзания продолжались. Почему она должна ждать? Ей вдруг представилось, что, пока она ждет, кто-то уже взял лист бумаги, написал ответы и направил свет на страницу. Она готовила девочкам луковые бхаджи, которые съедят с кетчупом — для смягчения вкуса, и, забыв, что режет чили, потерла глаз. Глазное яблоко чуть не взорвалось от острейшей боли; она закричала. Включила воду и подставила под кран лицо. Но огонь чили не потушишь целебной струей холодной воды. Назнин вдохнула, и вода потекла в нос.

Назнин сосредоточилась на рези в глазах, подняла голову навстречу боли, чтобы сжиться с ней, чтобы прочувствовать ее до конца. Огонь был

яростный, и с такой же силой вспыхнула в ней злоба. Назнин вдруг всю охватил пожар гнева. «Я сама буду решать, что мне делать. Я сама скажу, что со мной будет дальше. Я это сделаю сама». По телу пробежал ток, и она снова вскрикнула, на этот раз от радости.

Боль отступала медленно. Тень от нее оставалась до ночи. Радость тоже поиссякла, от нее остались только воспоминания. *Что* она решит? *Чего* она хочет?

Первая мысль — отправиться в Дакку с мужем и детьми. Так будет правильно, и она снова будет с Хасиной. Но сомнения атаковали ее со всех сторон. Девочки будут страдать. Шахана никогда там не приживется. Что в Дакке будет с Шану? Если разобьются его мечты, то что их снова склеит? Как они будут жить? Что они будут есть? Может, остаться здесь и посылать Хасине побольше денег будет лучше? Получится ли вообще ее сюда привезти? А если Шану согласится уехать без них, что тогда? Выйдет ли она замуж за Карима? Хочет ли она этого? Девочкам будет трудно. Но просто отвергнуть его невозможно. Наверное, лучше все-таки поехать в Дакку.

И Карим, непрошеный, возник у нее в памяти и заполнил ее собою, терзая покорную душу.

Ночью, когда все в семье уснули, Назнин превратилась в вуду и достала с полки Коран. Она открыла суру «Милосердный»:

Он разъединил моря, которые готовы встретиться.

Между ними преграда, через которую они не устремятся. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

Выходит из них обоих жемчуг и коралл. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

Она вспомнила, как вечером муж сидел на диване, безмятежно подстригая ногти, как, придя домой, поцеловал ее в лоб и сказал: «За все эти годы я ни разу, ни единожды, не пожалел о выборе невесты». Она подумала о дочерях — таких красивых подарках Господа. На душе стало спокойнее. Никакое из благодеяний Господа она не считает ложным. И снова начала читать:

О, сонм джиннов и людей, у Нас будет время судить вас. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

Марш против мулл был назначен на 27 октября. Листовки «Львиных сердец» летали в почтовые ящики (Назнин нашла им применение, составляла на них списки покупок), засоряли двор и

кружили по зеленому пригорку в Альтаб-Али-парке.

> По всей стране наших детей учат, что ислам — это великая религия. Но правда ясна. Ислам — это кипящая ненависть. Он порождает жестокие массовые убийства за рубежом. В наших городах он размножает злобных бунтарей.

Шану внимательно читал каждую листовку. Он сохранял спокойствие.

Карим горячился:

— Господи, они же до конца жизни будут жалеть об этом. Они даже не понимают, что говорят. Ислам устанавливает четкие правила ведения войны. Не разрешается убивать женщин, детей, невинных мужчин и стариков. Не разрешается убивать других мусульман. Сколько мусульман погибло в Нью-Йорке?

Он стоял за тюлевыми занавесками Назнин и стучал ногой, словно разминался перед пробежкой или стряхивал судорогу. Зазвонил мобильный. Он посмотрел на него, выключил, и Назнин поняла, что это был отец.

— Им нужны факты.

Он сложил руки и посмотрел на Назнин сверху

вниз. В своих пенджабских штанах, телогрейке, больших ботинках и тюбетейке он выглядел так, будто собрался либо в мечеть, либо на драку.

— «Исламские террористы, исламские террористы»! Мы слышим это постоянно. Но никто ни разу не слышал про католических террористов, правда? Или про индусов террористов. Или про евреев террористов.

Если Шану потерял свою невидимую аудиторию, то Карим ее внезапно увидел. И начал разглагольствовать:

— Но давайте представим себе…

Назнин попыталась представить, но захлебнулась в потоке его гнева. Муж к концу тирады говорит обычно все меньше и меньше, Карим — все больше и больше. И чем больше он говорит, тем меньше в нем уверенности.

— Знаешь парня, которого зарезали?

— Он вышел из больницы? — спросила Назнин.

— Все ходят, болтают о бандах и питают тем самым ненависть расистов. А газетам это нравится. Только на самом деле нет никаких банд.

Назнин открыла и закрыла рот. Еще совсем недавно Карим с легкостью употреблял это слово. А как же парни, которые пришли на собрание,

разве им недостаточно было малейшего повода, чтобы начать потасовку? Они каждый вечер патрулируют район, «слоняются, как овечки», по выражению Шану.

— Есть просто компания ребят; они бездельничают, шалят. Ну, порой нарываются на неприятности. Но они хорошие ребята. Когда у нас будет марш, они тоже придут. Поддержат нас. Когда на марш выйдут «Бенгальские тигры», мы все окажемся по одну сторону баррикад. Что до беспорядков — наше дело не начать их, а разрулить.

Сентябрь 2001 года

Аллах избавил ее от страданий. Благодарим Ево Самово Милосердново и Самово Доброво.

Сестричка я тебе писала какая Лапушка хорошая? Она доказывает свое имя. Я пошла к ней спросить какже план штобы начинать милосердие? Она мне показала нокти как она нарисовала на каждом маленькую звездочку и спросила красиво? Я поняла што милосердие ище не началось. Я сказала што в нашем городе очень нужно милосердие для детей на которых вылили кислоту. Я и название

придумала Жертвы Кислоты. Она и не думала долго спрашивает меня как зовут мальчика Монжу. Черес две три минуты она уже звонит в газету и все соопщаит газетчику Самое главное што Лапушка сама заплатит за операцию Куршеду.

Я сказала Монжу. Даже ее растаившее лицо видно как меняется. Она закрыла здоровый глаз и немного отдохнула. Слишком много радости. Это как привести на пир голодающево человека.

Когда она открыла глаз она штото сказала што я не раслышала. Я наклонилась ухом к ее рту. Перед уходом нужна исповедь. Так она сказала. Я сделала такое плохое и я никогда никому не говорила. Так она мне сказала. Я посмотрела ей в здоровый глаз и увидила што она должна расказатъ иначе не успокоитса.

Она мне сказала што когда Куршеду было два годика он так кричал так кричал што она потеряла расудок и ударила ево сильно по ногам. Она сказала только неделю до этово ему сделали операцию на ноги. И она говорит што может изза нее и вдруг нужна ище операция на ноги.

Она так сказала.

Ты спрашивала у врача? Я ей говорю. Ты спрашивала врача? Я кричу штобы она меня услышала. Нет. Она ни у ково не спрашивала.

И потом я пошла и ходила вокруг больницы. И я вернулась и наклонилась к ней и кричу. Доктор говорит нет. Это не ты, это кислота ево испортила.

В глазе у нее уже нет тревоги. Я даже почти увидела прежнею Монжу. Она шепчет и у ие вместо рта такая маленькая дырочка она почти не открываитса. Они эти секреты нас уничтожают. У тебя есть секреты? Ты мне хочеш расказать? Я их никому не раскажу! И она кажетса даже улыбнулась.

На следущий день я сказала штобы приходил газетчик и фотографировал ее с Лапушкой. Но на следущий день сестричка моей подруги не стало.

Глава восемнадцатая

Собрание «Бенгальских тигров» было назначено на пятницу, за неделю и один день до марша.

— Давай туда сходим, — предложил Шану.

Назнин уронила ножницы.

— Да, — продолжал Шану, — мне кажется, будет интересно.

Назнин подняла ножницы и продолжала распарывать шов на залатанной подкладке жилета.

— Иди один. У меня работа.

— Пойдем! Тебе понравится.

И Шану скрылся за газетой.

Всю ночь Назнин думала, что могли значить его слова. Что собирается Шану устроить на собрании? Если Шану знает о Кариме (сколько раз она мечтала, чтобы он все узнал! Он не уступит, но знать все-таки должен), то не хочет ли он сразиться с противником на собрании? Но зачем прилюдно? Хочет ли он унизить Карима, спровоцировать его на публичный поединок интеллектов? Если зовет ее с собой, не хочет ли и ее унизить? Хочет ли кинуть в нее камень, на что имеет полное право? Чего хочет Шану? Ничего утешительного ей в голову не приходило.

Девочки ушли в школу, и Назнин отправилась с Шану на собрание. Вынудили ее на это его приготовления. Шану надел костюм. На воротнике пиджака появилось маленькое белое пятнышко, которое он начал оттирать фланелевой тряпочкой, от чего пятно стало больше. Костюм из темно-голубого сержа с двубортным пиджаком был старенький, с оттопыренными локтями и коленями. Но сидел вполне прилично, потому что Шану от обострения язвы похудел. Ему удалось даже застегнуть все пуговицы на пиджаке, чего раньше не получалось. Завязал оранжево-розовый галстук времен службы в районном совете и положил в карман пачку таблеток от несварения. Из папки с надписью «Речь» достал блокнот формата А4. Раскрыл блокнот, погладил его и покачался на каблуках. Губы двигались, но слов не было слышно. Через несколько минут слегка поклонился и закрыл блокнот. Прокашлялся.

— Мы готовы.

Назнин шла на шаг позади него. Шану очень спешил. Назнин едва успевала за ним. На подходе к залу сердце у нее колотилось повсюду: в груди, в животе, в голове и в ушах.

Возле дверей околачивался Секретарь. Его окликнул парень в лиловом спортивном ко-

стюме:

— Эй, брат, садись в поезд раскаяния.

Секретарь улыбнулся:

— Он уже ушел со станции, брат.

Они похлопали друг друга по плечу.

Зал был наполовину пуст. Исчезла домашняя атмосфера, которая поразила ее в прошлый раз. Большинство собравшихся — молодые люди. Горстка девушек гнездилась на заднем ряду, еще несколько, в бурках, — на переднем. Справа от прохода разбили прямые ряды стульев и сделали круг. Внутри круга кто сидит, кто стоит; несколько человек уселись на спинки стульев, как на крылечке; кое-кто встал на стул. Все слушают человека в центре. Судя по гулу, Назнин поняла, что речь его в самом разгаре. Она попыталась расслышать голос — не Карим ли, но голос был незнакомый, а слов не слышно.

Назнин и Шану сели слева, рядом с ними парни смотрели на мини-собрание в круге и качали головой. Один стукнул себя в ладонь кулаком, потом тряхнул рукой, как мокрой тряпкой, и суставы у него захрустели. Его товарищи засмеялись и начали повторять за ним этот жест. Они одеты в джинсы или в спортивные костюмы с большими галочками на груди, как будто всю

одежду проверил учитель и, помимо прочего, отметил общую одинаковость. Несколько человек в традиционных бенгальских нарядах с вариациями: у кого манжеты из джинсовой ткани, у кого — черный кожаный жилет, у кого штаны заправлены в высокие ботинки до колена. Шану единственный в костюме, хоть и с обтрепанными локтями. Он поправил узел галстука, словно опасаясь удушения.

Вытащил блокнот из папки и открыл первую страницу.

— Тебе понравится, — сказал он Назнин, — послушай название: «Расы и сословия в Соединенном Королевстве: краткое изложение вопроса о белом рабочем классе, расовой ненависти и пути к решению проблемы».

Так вот в чем дело. Он решил сразиться с Каримом на словах. Доказать, что он Кариму ровня. Что он лучше. Значит, все эти недели молчания Шану подбирал слова, копил их для сегодняшнего сражения, оттачивал для поединка за собственную жену.

Круг распался, стулья со скрипом поставили на места. Люди слева смотрели на людей справа. Некоторые поднялись на ноги, чтобы было лучше видно. Затем двери в зал захлопнулись, и на

сцену поднялся Карим. За ним спешил Секретарь, таща за собой что-то вроде старого ящика из-под манго. Он перевернул его, поставил и взобрался на него.

— Тихо, тихо, тихо. Я требую тишины у собрания.

Бродившие по залу прекратили разговоры, перешли на прогулочный шаг и стихли.

— Братья и сестры, — сказал Карим, — радостно видеть, что вас здесь так много, что мы все объединились против грязных людишек, которые осмеливаются приходить в наш район и клеветать на нашу религию.

— Выбить их отсюда надо, — крикнул кто-то на задних рядах.

— Пусть убираются туда, откуда пришли, — крикнул еще кто-то.

Карим сложил руки:

— Давайте дешевые методы борьбы оставим для расистов. — Помолчав, он обвел взглядом аудиторию, не спеша, чтобы каждый понял: он может заставить ждать. — Во время марша мы докажем, что они ошибаются насчет ислама. Они увидят, что мы — сила. Причем мирная сила. Что ислам — это мир. Сегодня нам надо обсудить, как мы организуем каждый час, каждую минуту

и секунду с этого момента и до того, когда на улицы выйдут двадцать семь человек и начнут собирать народ.

На первом ряду подняли руку.

— Да? — сказал Секретарь. — Теперь, на ящике, ему не надо постоянно вскидываться на цыпочки. — Задавайте ваш вопрос.

— У нас будет грузовик с платформой? Может, наймем?

— Это что, для безногих? — спросил Секретарь. — Или для совсем больных?

— Для звуковой системы, брат. Или, если хотите, могу установить там клавишные и играть вживую.

— Живая музыка — это не по-исламски, — сказал Секретарь, поглаживая бороду.

— Что? — спросил музыкант. — А как же религиозная музыка? А как же суфи? Они, знаете ли, всегда и поют и танцуют.

— Не по-исламски, — быстро сказал Секретарь, — следующий вопрос.

Кто-то в зале сказал:

— Вот поэтому Талибан их и запрещает.

— А музыкальные записи? — спросил музыкант.

— Это тоже запрещено.

— Где наш Духовный лидер? Давайте спросим у него, что по этому поводу говорит Коран.

Нашли Духовного лидера. Секретарь спустился к нему для переговоров. Духовный лидер за последние несколько месяцев сильно набрал вес. И консультация по вопросам шариата не помешала ему одновременно употреблять внутрь большое пирожное с толстым слоем глазури.

— Мы выяснили, — объявил Секретарь, вернувшись на сцену, — запрещено.

— Господи! — воскликнул музыкант.

— Еще, еще вопросы, — требовал Секретарь.

Снова поднялся музыкант. Он опять в странных перчатках без пальцев. Может, это не от ожогов, подумала Назнин. Может, у него какая-нибудь кожная болезнь.

— Раз мне говорят, что я не по-исламски себя веду, тогда я ухожу.

— Сядь, — сказал Карим, — все в порядке. О музыке позже. Сейчас у меня в руках список местных районов, и я хочу, чтобы в каждом районе было по два представителя…

Из дальнего угла сцены показалась фигура.

Карим замолчал.

— Продолжай, я не буду мешать, — сказал Вопрошатель.

— Я уже закончил, — ответил Карим.

— Раз ты закончил, позволь, я кое-что людям покажу.

В зале, как в закипающей кастрюле, послышался низкий гул.

— Показывай, — сказал Карим.

— Показываю.

Вопрошатель засунул руку во внутренний карман жилета и вытащил свернутые в трубочку листы бумаги. Он развернул их и скрутил в обратную сторону, чтобы разгладить. Прижал к груди:

— Наш Председатель мирный человек. Я тоже мирный человек. Ислам — это мирная религия. Но что мы делаем, когда к нам приходят с войной? Убегаем? Несколько недель назад неизвестные совершили нападение на американскую землю. Убиты невинные люди. Мирное население. Мужчины, женщины и дети. Мир плакал и посылал деньги. Теперь Америка мстит, и наших братьев убивают. Дети наших братьев тоже умирают. Наши дети так же не виноваты, как и американские. Но мир их не оплакивает.

Он развернул пачку, взял листки за верх и низ, чтобы не сворачивались, и протянул залу. На фотографии была крошечная девочка в лохмотьях с оторванной взрывом ногой до колена.

— Вот они, попутные разрушения, — сказал Вопрошатель.

Он показал другую фотографию:

— Обыкновенная война.

Мальчику не больше шести-семи лет.

Он скатал фотографии и убрал их в карман.

— Наш Председатель говорит, что мы должны продемонстрировать свою силу. При этом он имеет в виду, что мы должны пройти все вместе по улице. И ничего больше нам делать не нужно.

— И что же нам в таком случае нужно? — спросил кто-то из зала. Люди немного пошумели, будто Вопрошатель присвоил слова, которые у них и так срывались с языка.

Вопрошатель пожал плечами. Сунул руки в карманы:

— Самое сильное государство на планете атаковало самую нищую в мире страну. Мы здоровые, сильные мужчины. Мы ничем не привязаны к этим стенам. Если чуть-чуть подумать, чуть-чуть поднапрячься, мы можем горы свернуть, — он снова пожал плечами, — что уж тут поделать?

Назнин посмотрела на Шану. Он покачивал головой. Щеки у него болтались, как пустые кошельки.

Поднялся черный человек, Главный по меж-

культурным связям.

— Я тут почитал, — начал он. Он так тяжело дышал, словно хотел дать понять, что в чтении ему пришлось нелегко. — Я тут почитал, и кажется мне теперь, что быть мусульманином — значит исполнять много тяжелых обязанностей. Не только молиться, не пить алкоголь, не есть бекон, не спать с женщинами и еще много чего не делать. В Коране еще написано, что каждый мусульманин должен стремиться к одному объединенному исламскому государству на всей земле. Написано ведь: халифат — это фард[87].

Он похлопал большой рукой по широкому полотну белой рубашки на огромной груди:

— А теперь давайте подумаем, что мы все вместе можем сделать?

— Хороший вопрос, брат, — сказал Вопрошатель.

Карим выступил на шаг вперед:

— Послушайте меня. Давайте не будем все коллективно сходить с ума…

В двух сиденьях справа от Шану вскочила девушка. Четкая линия хиджаба подчеркивала ее тонкие скулы.

---

[87] Примечания: 87
Фард — обязанность.

— Согласно статистике ООН, одиннадцатого сентября произошла еще одна трагедия. В этот день тридцать пять тысяч детей умерли от голода.

Девушка говорила это Кариму прямо в лицо. Карим сложил руки. Он не сводил с нее глаз. Девушке едва исполнилось двадцать. У нее красиво очерченные большие глаза с длинными ресницами. В обрамлении темного шарфа ее лицо было само совершенство.

— Что мы знаем об этой трагедии? — продолжала девушка.

Она взглянула на листок бумаги в руке:

— Жертвы — тридцать пять тысяч. Место трагедии — самые бедные страны мира. Специальные репортажи в новостях — ни одного. Воззвания от имени жертв и их семей — ни одного. Комментарии глав государств — ни одного. Дань памяти со свечами в руках — ни одной. Минуты молчания — ни одной. Лозунги призвать виновников к ответу… — Девушка подняла голову. Ее лицо раскраснелось от возбуждения. — Ни одного.

И быстро села.

Карим медленно обвел взглядом всех собравшихся. Он увидел Назнин и Шану, который наклонил голову, и на долю секунды его брови

сомкнулись.

Что бы он сделал, если бы сейчас она вскочила и начала говорить?

— Сколько мусульман? — раздался голос с переднего ряда. Голос женский, доносился он с территории, занавешенной бурками. — Сколько из числа этих тридцати пяти тысяч были мусульманами?

Какая разница, подумала Назнин. Разве от этого те, кто немусульмане, станут менее мертвы?

— Люди, люди, давайте приступим к делу.

Карим вышагивал взад-вперед по сцене. Локтем он задел Вопрошателя, но, по-видимому, этого не заметил.

— Там, за дверьми, прямо сейчас живут люди, которых переворачивает от ненависти к нам и к исламу. Они собираются маршировать прямо у наших дверей, но мы не дадим им это сделать. Давайте покажем «Львиным сердцам», что наш бенгальский район охраняется. И «Тигры» готовы принять вызов «Львов» в любую минуту.

Карим подошел к Секретарю и вынул у него из планшета листок бумаги:

— Отлично. Список районов. Нам нужны добровольные представители. Первый район — Бернерс.

Справа от сцены поднялись двое ребят:

— Это наш.

В ту же секунду на противоположном конце подскочили трое:

— Он наш, и вы это прекрасно знаете.

— Он вам не принадлежит.

— Подойди сюда и повтори это.

— Сам подойди.

Парни смотрели друг на друга воинственно, но в бой не рвались, словно знали, что есть угрозы пострашнее, но утруждаться им не хочется.

— И в этих стенах, — сказал Карим, — и за ними все мы — «Бенгальские тигры». Это понятно? Никакой район никому не принадлежит. Оставляем все, что не касается дела. О'кей?

Он посмотрел сначала на одних, потом на других:

— О'кей, ребята?

Карим расписывал людей по районам. Распоряжался по поводу агитации жителей, обрисовывал цели, размышлял, как будет происходить марш. Он обязал представителей отчитываться, назначил дату их сбора. Расхаживая по сцене, он не замолкал ни на минуту и полностью владел аудиторией. Никто не подвергал сомнению его полномочий. Каждому он давал «конфетку»: «У

тебя это отлично получится, Халед», «Ты просто создан для этого, Монзур», «Женский комитет отвечает за флажки».

Назнин поглядывала на мужа: когда же он выступит? Шану не смотрел на нее. Шея его опускалась все ниже, пока не стало ясно, что он изучает не блокнот, а собственную грудь. Назнин осторожно прижалась к нему коленями. Но отклика не последовало.

Некоторое время она не слушала, что говорит Карим, а следила за его напряженной фигурой, как он снова и снова меряет шагами сцену.

Она вдруг перестала быть собой. Ей никогда не было свойственно задумываться о мире: в голове не помещаются глобальные вопросы, хватает мыслей о себе, о настоящем часе, дне, неделе. Но вот она смотрит на Карима: как поглощен он всем этим! Вопрошатель — о «Львиных сердцах», Карим — об Афганистане. Вопрошатель ему — черное, а он — белое. Назнин почувствовала, что Шану как паром окутывает отчаяние, поняла, что он сам не свой от страданий, и ни раса, ни сословие, ни краткое изложение вопроса его не спасают.

Так зачем переживать за весь мир, если она не может поддержать сейчас собственного мужа?

— Пойдем.

Шану не услышал. Назнин толкнула его коленом, и его нога безвольно отлетела.

Собрание подходило к концу. Шану прокашлялся и сунул свой доклад под мышку.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он и улыбнулся, но глаза у него бегали, плясали, как на углях.

— Если кому-то интересно, о чем я говорю, подходите ко мне! — крикнул Вопрошатель.

Вокруг него собралось несколько человек. Назнин увидела среди них старшего Сорупы.

— Клянусь Аллахом, мы все выступим, как один, — не замолкал Карим, когда люди начали уже выходить из зала.

«Но Господь этого не хочет, — подумала Назнин. — Ах, Карим, почему ты видишь только то, что хочешь видеть?»

На этот раз скрыться от миссис Ислам не удалось. Как только Назнин переступила порог мясной лавки, она чуть не отдавила гранд-даме ногу.

— Ах, молодость, мечтания на ходу, — сказала миссис Ислам.

Назнин со всей возможной вежливостью осведомилась о ее здоровье.

Миссис Ислам проигнорировала вопрос.

— Мечтаешь уехать домой? Ждать уже недолго.

Запах мяса сшибал с ног. Зайти в эту лавку все равно что прогуляться внутри кишечника. Куча ощипанных кур в окне. Убиты обычным способом, как встарь. Совсем непохожи на тщательно запаянные в целлофан части куриных тел в английских супермаркетах. За прилавком — люди в белых халатах, честно и откровенно забрызганных кровью. На прилавке — горой наваленные куски баранины. С потолка свисают на крючьях половины коров, покрытые слоем желтого жира. В глубине виднеется единственная морозильная камера, в которой стоит пустая коробка из-под мороженого, чтобы в нее капало, ибо камеру отключили после короткого срока службы, на возобновление которого вряд ли стоит надеяться. Камеру недолюбливают. Никто не хочет покупать мясо, которое полежало там сколько-нибудь времени.

Мясной запах такой сильный, что, когда Назнин открыла рот, ей показалось, будто она лизнула сырую и жирную котлету.

— Вы сегодня отлично выглядите, миссис Ислам.

Миссис Ислам покопалась у себя в рукаве. Вытащила розовый носовой платок с кружевом по краю и покашляла в него. Назнин впервые услышала ее кашель. Может, у нее кончился сироп?

Миссис Ислам положила платок обратно в рукав. Рукава у нее болтались мешком, как будто она заболела слоновой болезнью.

— Я умираю, — огрызнулась она, — ты решила, наверное, что смерть мне к лицу.

Ее маленькие черные глазки мерцали бешенством.

Назнин рассмотрела ее со всем вниманием. Миссис Ислам и вправду сегодня не такая, как всегда: вроде все как обычно, а суть будто исчезла, будто угасает миссис Ислам. Назнин обратила на это внимание. Может, она похудела?

— Значит, муж твой уже купил билеты, — сказала миссис Ислам, — а ты бежишь домой собираться.

— Какие билеты?

Ни с того ни с сего миссис Ислам схватила Назнин за подбородок. Пальцы у нее хрустели, как сухие листья.

— Такое честное личико. С таким и врать не стыдно!

Назнин поняла, что даже на таком близком

расстоянии она не чувствует больничного запаха от миссис Ислам. Вот что изменилось.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказала Назнин.

Она взяла руку миссис Ислам и мягко отстранила от своего лица.

— Не знаешь? Конечно, такое невинное создание, как миссис Ахмед, вряд ли что-нибудь знает. Разве ты не знаешь, что твой муж в слезах прибежал к доктору Азаду, и доктор Азад дал ему денег на побег?

Дыхание ее стало тяжелым. Она покачнулась, и Назнин еле удержалась, чтобы не подать ей руку.

— Доктор Азад дурак. И денег своих не получит. Я сказала ему, но разве кто будет слушать старуху, которая отжила свой век?

Назнин отступила. Дверь совсем близко. Она обернулась. Шаг — и свобода. Внезапно ей захотелось бежать от этой женщины.

Миссис Ислам, словно прочитав ее мысли, схватила ее за руку своими бумажными пальцами. Она добавила в голос сахару, но результат получился сомнительный — все равно что насыпать сахару в чили.

— Я бы тебя отпустила, дитя мое, простила

бы тебе долг и благословила, но как мне быть с остальными? Дашь уйти одной — все захотят уйти. Мои сыновья придумают, что делать. Лучше просто отдай мне долг.

— Это невозможно, — воскликнула Назнин, — сколько вам ни отдавай, все равно долг не уменьшается.

Миссис Ислам отпустила ее руку.

— Бог всегда показывает путь, — сказала она, скромно улыбаясь, — надо его только увидеть.

Шану ездил по городу до раннего утра, но Назнин встретила его на пороге.

— Это правда? — потребовала она ответа.

— Хороший вопрос, — ответил Шану, — мне кажется, что это самый лучший из всех вопросов.

— Я хочу знать…

— Тогда подожди, — сказал Шану, — подожди минутку. Я ведь вошел всего секунду назад. И еще не снял куртку. — И он начал стягивать ее, чтобы не было возражений. — Ты ведь ненавидишь, когда я вхожу в дом и забываю ее снять. Ты ведь скорее высосешь внутренности таракана, чем будешь смотреть, как я ем в куртке.

У нее пересохло во рту. Так он это знает? Она же так тщательно скрывает свои эмоции.

— Да, — сказал Шану, — пойми, не настолько

уж я слеп.

Он продолжал стоять в коридоре. Прямо над его головой — лампочка. Надо ее заменить, очень слабая. Не убивает темноту, а заметает ее по углам и в складки на лице Шану.

Шану стоит, и Назнин пробирает страх — не от того, что Шану скажет или сделает, а от того, что он видит, глядя на нее.

— «Это правда?» — Он взвесил каждое слово. — Как нравится мне этот вопрос. Студент, изучающий философию, должен постоянно себя спрашивать: истинна ли природа мира вокруг? Таким же вопросом должен задаваться и студент, изучающий физику, историю и даже литературу и искусство, потому что только правдивое искусство достойно называться искусством.

Он замолчал и расстегнул куртку. Куртка моментально соскользнула с его покатых плеч. Шану поднял ее и отряхнул.

— Когда нам что-то говорят, то, прежде чем раскрыть навстречу ум и сердце, нужно это проверить. Мы открываем книгу, переворачиваем газетный лист, мы позволяем телевизору и радио поселиться у нас дома. Все, что мы слышим каждый день, — правда ли это?

Она ждала.

— Когда говорит имам, это не есть Слово Господа. Говорит ли он правду? Легче верить, чем не верить. Например, слухам. Или тому, что говорила нам мать и что осталось на уровне спинного мозга. Эти ответы появились раньше, чем вопросы. И прочее, много чего еще. Мужчина может врать самому себе. И женщине тоже.

Шану опустил взгляд. И обращался теперь к куртке:

— Сердце говорит так и так, оно кричит, оно бьется в истерике. А проверь его — и выясняется, что это громкий и пустой шум. Когда испытываешь сильные чувства и сомнений нет, надо спросить себя: это правда?

Оба на несколько секунд застыли, и секунды эти показались вечностью.

Потом Шану потер нос ладонью и встряхнул щеками, как человек, который только что опустил лицо в воду.

— Давай в комнату зайдем хотя бы. Я покажу тебе билеты.

Назнин изучила красные косые буквы логотипа авиакомпании «Биман» на кармашке билета. Она потрогала каждый билет, удивилась, какие они тонкие, словно бы худосочные.

— Двадцать седьмое октября. Еще пять дней, —

сказал Шану, — а сделать надо очень много.

— Но мы не успеем. Что будет с квартирой? Мы ведь не можем ее так оставить.

— Доктор Азад нам поможет. Он согласился все уладить. Он сдаст ее или передаст районному совету, смотря что я ему скажу по телефону из Дакки.

Назнин прошлась по комнате. Коснулась тележки, уголка, серванта, обеденного стола, кофейного столика и книжного шкафа. Зашла за диван цвета коровьего помета и погладила спинку.

— Но что ты будешь делать в Дакке? На что мы будем жить?

Шану погладил живот:

— Думаешь, мой желудок долго протянет без еды? Я шел к доктору не за деньгами, а за лекарством. Не волнуйся. Язва скоро успокоится; я не собираюсь жить только на хлебе и воде. Беспокоиться не о чем. Займусь мыльным бизнесом.

И яростно откашлялся, хотя ничего не откашлял.

Назнин сидела у Разии на подоконнике. Ужас разрастался в ней, вспухал, как мыльные пузыри у губ. Между домами вклинились кусочки серого неба. Какие они маленькие. Ничтожные. А в Гу-

рипуре небо доходит до самых краев земли. Здесь же его можно измерить пальцами.

Ужас ушел в горло и застрял под ключицей. Она застыла. Если двинуться, то ужас может попасть в легкое и взорваться. В дверь спальни ритмично колотят ногой.

Разия лежит на полу. Ее волосы, наэлектризовавшись от паласа, поднялись вокруг головы, как большой серый морской анемон.

— Давай посмотрю, чего он хочет, — предложила Назнин.

— Нет, — ответила Разия, — ему нужно только одно.

Остается три дня. За три дня надо что-то придумать, если вообще можно что-то придумать. Шану купил еще чемоданов. Девочки и Назнин стояли вокруг них, как вокруг могилы.

Стук стал громче и чаще.

Разия встала. Потерла чашечки коленей. Пошла к двери, преодолевая невидимую сковывающую силу, словно она по грудь в воде.

Ужас разрастается. Вот-вот сломает ключицу. Назнин дышит с осторожностью.

Разия остановилась и посмотрела на нижний железный засов на двери. Потом — на верхний железный засов.

Осталось три дня, и все это кончится. Ужас немного уменьшился. Они сядут в самолет и улетят отсюда.

Чудовищный грохот в дверь, словно Тарик решил ее выбить.

Потом тишина. Может, выключился.

Разия, как кошка за собственным хвостом, сначала развернулась от двери, потом снова к ней. Потом легла на бок и закрыла глаза.

Правильнее всего — ехать с мужем. Шану она сейчас очень нужна. У детей должен быть отец. Нет другого выбора, кроме как ехать.

— Все время кажется, что для детей стараешься, — сказала Разия, не открывая глаз, — но хорошо ли будет, не знаешь. А вернуться и переделать уже невозможно.

— Сколько он там уже?

— Два дня. — Разия открыла глаза. — Посмотри, — сказала она, будто только-только заметила, что в комнате нет мебели, — это он сам придумал — перегородки, дверь на замке. Сказал: «Даже если буду называть тебя всеми мыслимыми именами, не выпускай меня, пока все не кончится, о'кей-ма?» И я пообещала: «Сынок, твоя о'кей-ма тебя не выпустит».

…Хасина стояла у пруда и, наклонившись впе-

ред, стряхивала волосы.

«Ну же, — кричала она Назнин, — давай прыгнем».

И не стала ждать. Она никогда не ждет. Она побежала и прыгнула, исчезла в воде и снова появилась на поверхности. За спиной струились волосы, играя самоцветами из воды и солнца…

Еще три дня, и она поедет домой и увидит Хасину. Назнин сжала кончики пальцев и прижала к губам. Попыталась представить лицо сестры не таким, каким его запомнила. Попыталась представить женщину со множеством шрамов от тяжкой жизни. Но перед глазами все равно появлялась девочка с губами цвета граната — лицо, от которого перехватывает дыхание, и расправленные плечики, которые не станут ждать.

— Ма! Ма! — голос у Тарика, как у человека, который сделал потрясающее открытие и хочет им поделиться.

Разия перестала почесывать ногу.

— Поговори со мной, ма. Мне скучно.

— Что такое? — спросила Разия недоверчиво.

— Иди сюда поближе. Я не хочу кричать.

— Я тебя очень хорошо слышу. Кричать не нужно.

Тарик замолчал.

Она не попрощается с Каримом. Он сейчас весь в этом марше. Если повезет, то до отъезда он не придет. А когда придет, будет уже поздно. И Назнин представила, как он стучит в квартиру, потом бьет со всех сил, потом выбивает дверь плечом. Он в ярости и плачет. Назнин грустно улыбнулась Разии.

— Слышь, ма? Мне лучше. Точно, намного лучше.

— Хорошо, — сказала Разия.

— Ма, все кончилось. У нас, кажется, получилось. Мы прошли через это.

— Хорошо.

— Честно, честно, честно, я уже могу выйти отсюда и к этой дряни больше не прикасаться.

— Хорошо.

— Ма? Может, ты откроешь дверь на минутку, и мы с тобой вдвоем чайку выпьем?

— Нет.

— Все хорошо. Я сразу пойду обратно. Я не хочу рисковать.

— Я тебе обещала.

— Да, ма. Слушай, ты просто молодец. Я без тебя бы не справился. Открой дверь, а?

Разия подтянула ноги и коснулась лицом коленок. Обхватила их руками.

Сможет ли он утешиться с кем-то еще? Назнин представила, как Карим падает в объятия другой девушки и прячет лицо у нее на груди. Что это за девушка? Назнин представила себе лицо той девушки на собрании, которая знала все про тридцать пять тысяч детей, с памятью о которых поступили так несправедливо. Именно с такой девушкой Кариму должно быть.

За дверью Тарик тихо засвистел, как будто только что пробудился от яркого и красивого сна.

Карим целует свою новую подругу.

Тарик засвистел громче.

Карим разматывает ее сари.

Назнин подскочила к окну. Карим завернул плечи девушки в сари и накинул сари на голову. Уже лучше.

Свист больше не напоминает мелодию. Так свистит полоумный.

Тысяча мыслей рвется в голову. Дакка — это катастрофа. Шахана ей никогда не простит. У Шану ничего не получится. Это не возвращение домой — в Дакке она никогда не была. В Дакке живет Хасина, но, судя по ее письмам, это уродливое и очень опасное место. И Карим. Если она так просто его бросит, если это так легко, то зачем надо было все это начинать?

— Открой дверь, сука!

Разия еще сильнее сжала колени.

— Ма! Ма! Я умираю.

У Назнин заколотилось сердце от панических ноток в его голосе.

— Ай, ай, опять спазмы. Выпусти меня, разотри мне ногу. Я сейчас с ума сойду.

«Клянусь утром! Клянусь ночью, когда она густеет! Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел.

Воистину, будущее для тебя лучше, чем настоящее. Господь твой непременно одарит тебя, и ты будешь удовлетворен».

— Ма, меня стошнило в ведро. Ведро полное и воняет. Выпусти меня, я его вылью.

Назнин усилием воли вернула себя на землю. Будь что будет. От нее ничего не зависит.

— Ты там? Ты меня слышишь?

Слова из Тарика так и посыпались, как дождевые капли на оконное стекло.

— Мне кажется, мы торопимся. Так нельзя. Это неправильно. Так у меня рецидив может случиться. Мне сейчас надо немножко. Выпусти меня на часок. Я вернусь через час, у меня будет намного больше сил. Выпусти меня. Ну же, ма, выпусти меня.

«От меня ничего не зависит. От меня ничего не зависит».

— Одну дозу за пять фунтов, — визжал Тарик, — это все, что мне нужно. Ах ты сука.

Все смолкло. Тарик заплакал.

Назнин с Разией на кухне, попивают чай. На стенах плитка, до самого потолка голубые и зеленые квадратики. Узкий белый стол, его втиснули между холодильником и дверью. Разия называет его «баром для завтрака». У стены она выстроила в ряд упаковки со злаками, как солдатиков на плацу. Когда муж ее был еще жив, когда в квартире было полно всякого хлама, каждый лишний фунт (причем лишним был далеко не каждый) отправлялся на родину, на покупку еще одного кирпича для строящейся мечети. После его смерти Разия тратила деньги на детей и на квартиру. Она никогда не говорила о возвращении домой.

«Ты мне скажи, — спрашивала она с кривой улыбочкой, — если там дома все так замечательно и прекрасно, почему целые толпы каких-то безумцев выстраиваются в очередь за визой?» И доставала свой новенький британский паспорт и помахивала им.

Назнин села на стульчик у «бара». Стульчик из пластика, с двумя выемками для ягодицы.

Интересно, во сколько обойдется выложить всю кухню маленькими квадратиками?

— Значит, — сказала Разия, — бросаешь свою старую подругу.

— Доктор Азад одолжил немного денег, и у Шану было что-то отложено.

— Сказала своему парню?

Назнин посмотрела на Разию и беззвучно, одним ртом ответила: «Нет». Посмотрела в свой чай. В уголках глаз собрались слезы и закапали с кончика носа.

— Ну же. Рассказывай. Отвлеки меня от других проблем.

И Назнин начала диалог, который столько раз репетировала в одиночестве, но проговорила все равно одна. Разия, не разучившая своих реплик, молчала.

— С ним у меня все внутри поднимается. Это похоже… — она лихорадочно подыскивала сравнение, — не знаю. Представь, что ты смотришь черно-белую передачу, и вдруг — все цветное.

— Мм, — сказала Разия.

— А потом тебя втаскивают в экран, и ты больше не смотришь со стороны, а участвуешь.

— Мм.

Назнин осталась довольна своим сравнением.

Описать такое сложно.

— Это называется *влюбиться*, да? — спросила Разия.

— Это очень тяжело. И глупо.

— Но тебе оно нужно?

— Все против этого. Семья, долг — все.

Разия размяла большие костлявые плечи. Она устала. Даже плечи ей сегодня тяжело держать.

— Влюбиться, — сказала она, — это очень по-английски.

У Назнин с ноги упала сандалия, она слезла за ней. Почувствовала на себе взгляд подруги, но не ответила. Как же иногда Разия раздражает! Кто, интересно, строит из себя англичанку, в конце-то концов? Британский паспорт, спортивный костюм с британским флагом на груди… Больше не будет спрашивать у Разии. И будет поступать, как сочтет нужным.

В дверь постучали.

— Это, наверное, доктор, — сказала Разия, — пришел дать Тарику лекарство.

Разия впустила доктора. Он пришел с помощником, который встал у двери в спальню, чтобы отрезать путь к побегу. Разия засуетилась, вынося помои, выбрасывая с виду нетронутую пищу и заменяя ее свежей.

Назнин сидела на кухне и смотрела, как за окном гуляет по выступу голубь. Он стал на краю, наклонил голову и снова пошел по выступу.

В кухню вошел доктор Азад.

— Ах, хорошо, хорошо, — сказал он. Нашел стакан, налил воды.

«Нужно поблагодарить его за деньги».

— Как мальчик? — спросила она.

— Он невыносимо страдает, — сказал доктор, — ему очень, очень больно.

— Он поправится?

— Может быть. Все зависит от него.

Доктор быстро выпил и снова наполнил стакан водой. Потом достал что-то из кармана:

— Это я принес Тарику. Пойду отдам ему.

Но не пошевелился. Тряхнул стеклянной игрушкой и стал смотреть, как крохотный буран заметает снегом миниатюрные башенки замка. Постучал по голубому стеклянному куполу:

— Успокаивается, правда?

Еще раз встряхнул:

— И мы видим, как все оседает.

Назнин кивнула.

— Вообще-то, эту бурю подарила мне жена.

И снова его особенная улыбка — уголки рта вниз, брови вверх — под густую черную челку.

— Много лет назад мы часто дарили друг другу подарки, маленькие, скромные, потому что денег было мало. Мы питались только рисом и далом, далом и рисом. Моя жена вам рассказывала. Чашка риса, миска дала и любовь, которую ничем не измерить.

Доктор выпил второй стакан воды. Проверил манжеты, убедился, что они идеально ровно облегают запястья и сияют из-под рукавов пиджака девственной белизной. Назнин подумала, что он закончил рассказ. Что запьет сейчас водой оставшиеся слова. Но доктор слишком много рассказал, чтобы остановиться.

— Мы думали, что любовь никогда не иссякнет. Что она как волшебный мешочек с рисом, и из него можно черпать и черпать, и мы никогда не достанем до дна.

Он подождал, пока шторм уляжется, и снова перевернул игрушку:

— Это был, что называется, брак по любви.

Серая кожа вокруг глаз разбухла, как будто там, под кожей, текут слезы.

— По молодости я и не знал, что существуют два вида любви. Одна берет разбег высоко и медленно опускается. Тебе кажется, что парить она будет вечно, но однажды она падает на землю. И есть

другая, которой поначалу не замечаешь, но которая день ото дня потихоньку прибавляется, так в устрице растет жемчужина, частичка к частичке, и из песчинки получается драгоценность.

Он положил стеклянный шторм в карман. Прополоскал стакан, перевернул и поставил на сушилку. Вытер руки, посмотрел на ногти.

— Что ж, посмотрим на пациента, а потом у меня обед. Хорошо, хорошо.

Он прищелкнул каблуками, словно отдавая честь, и собрался уходить. У двери обернулся:

— Эти пустячные ссоры. Кто бы мог подумать, что они сделают свое дело?

Назнин снился Гурипур. Она сидит по-турецки на чоки, мама сзади, заплетает ей волосы в косички. Руки, пахнущие чесноком и имбирем, тянут волосы вверх, пока коже головы не становится больно.

— Когда ты родилась, я приложила тебя к груди, но ты не брала грудь.

Назнин нравилось слушать эту историю. Но где-то внутри она чувствовала свою вину. В первый же день после рождения доставить столько неприятностей.

— Сколько дней я не ела, мама?

— Много, много дней! — Мама завязала лен-

точку на одной косичке. — Ты была как птенец, выпавший из гнезда.

— А что потом было?

Мама с шумом втянула воздух:

— Все приходили с советами. Отнеси ребенка в больницу, говорили, иначе к утру умрет.

Мама начала заплетать вторую косичку, дергая волосы так сильно, что Назнин запрокинула голову. Мама выпрямила ей шею:

— Что мне было делать? Я всего лишь женщина, все были против меня. Но я сказала: «Нет, никуда я девочку не понесу. Если ей суждено умереть, значит, ничего не исправишь. Если ей суждено выжить, тогда доктора ни при чем». И все ушли, увидев, что я непреклонна.

Мама продолжала плести косу. Кожу щипало, как будто кусали муравьи.

— Так я была предоставлена Судьбе, — сказала Назнин.

Эта часть ей нравилась больше всего. В ней было столько смысла.

— И так ты была предоставлена своей Судьбе, — сказала мама, — поэтому ты сейчас здесь, рядом со мной.

— Что же мне делать, мама? Мама? — Назнин оглянулась.

За спиной никого. Через двор вприпрыжку скачет собака. Надо поискать маму, решает она и ставит ноги прямо. Когда она пытается подняться, гладкое дерево чоки превращается в клей и прилипает к ногам. Она пытается освободиться, но липкие ветви держат ее ноги. Вырываясь, она теряет равновесие и падает на спину. Толстые разлапистые листья обвиваются вокруг живота и рук, они теплые и влажные, как слизь, и крепкие, как виноградная лоза. Она хочет пошевелить руками, но руки крепко привязаны к бокам. Она брыкается, но чем больше сопротивляется, тем сильнее листья опутывают ее, пока ими не покрывается и грудь, и шея, и лицо. Она хочет крикнуть, но рот набит липкими волокнами, которые уходят в горло все ниже и ниже.

Назнин проснулась. Наволочка мокрая. Разве можно плакать во сне?

Пошла в гостиную, села за швейную машинку. Положила голову на прохладный пластиковый корпус.

— Что мне делать, мама? — вслух спросила она.

В комнату зашла мама в своем лучшем сари. В сари из Дакки, зеленое с золотом.

— Вы современные девушки. Вы делаете, что

хотите.

На веках тени, на шее тяжелое золотое ожерелье — весит не меньше, чем ребенок.

— Но запомнить тебе нужно одно.

— Что? — Назнин закрыла глаза.

Мама пришла к ней, и теперь Назнин хочется, чтобы она снова ушла.

Ответа не последовало.

Назнин открыла глаза.

— Так-то лучше, — сказала мама и улыбнулась, прикрывая рот рукой. — Кажется, ты забыла о своем сыне.

— Нет. Не забыла.

— Я слышала все, что ты себе говорила.

— Что я говорила?

— Ах! Ах! — воскликнула мама громко, и Назнин испугалась, что девочки сейчас проснутся.

— Она забыла. Эта женщина, которая называет себя матерью, забыла.

— Куда ты собралась? — вдруг спросила Назнин. — Зачем ты нарядилась?

Мама наклонила голову:

— Не твое дело. Сейчас я тебе напомню. Когда твой сын, благословение, дарованное тебе Господом, лежал в больнице, я слышала все, что ты говорила.

— Ты мне это уже сказала.

И Назнин понравился небрежный тон, каким она разговаривает с мертвой матерью.

— Я наблюдала за тобой, — огрызнулась мама.

Из уголка ее рта показалась тоненькая красная струйка. Все так же тайком жует бетель, подумала Назнин.

— Ты думала, что ты сильная. Ты думала, что не дашь ему умереть. Ты решила, что выбор за тобой.

Мама выплевывала слова вместе с красной слюной.

— Когда ты встала между твоим сыном и его Судьбой, ты украла у него последний шанс.

Мама подошла ближе. Положила ей руку на грудь. Между пальцев сочилось красное.

— А теперь скажи себе, скажи вслух: «Я убила своего сына».

— Нет! — закричала Назнин.

— Скажи. Скажи.

— Нет! Нет!! Нет!!!

Над ней склонился Шану: лицо серьезное, полное волнения и беспокойства.

— Это всего лишь сон, — тихо сказал он. — Проснись, расскажи его мне. Когда настигаешь свой сон словами, он рассеивается.

Глава девятнадцатая

ДХАНМОНДИ, ДАККА

Октябрь 2001 года

Сестричка столько дорог передо мной. В голове никак не уляжеца. И постоянно у меня вопросы. Утром дети играли в коридоре. Маленький Джимми возит машинку по плитке до двери. Потом толкает ее от двери. И снова. Малютка Дэйзи катаит мячи по двум ступенькам. Поднимаит и катаит. Я вытираю пыль со всех рамочек с фоток которые на стене. Эти фотки Лапушка рядом с деревом Лапушка на диване Лапушка посылаит воздушный поцелуй у Лапушка испуганый вид и топорщит пальцы. Дети и душой и телом в игре. Мне такбы тоже хотелось когда я вытирала рамки. Сколько я ище здесь останусь? Большой дом и хороший дом. Но одна комната будет больше дома если она твоя.

Мама говорила мы всево лишь женщины што уж тут поделать. Если бы она

рядом была я знаю штобы она сказала очень хорошо знаю. Но я не такая как она. Не хочу ждать. Не хочу страдать. Она неправа. Много разных дорог. Она зделала коешто только в конце. Она которая думала што все пути для нее закрыты. Она выбрала запретный.

Прости меня сестричка я должна тебе расказатъ тайну которую так долго держала внутри.

Ты помнишь в нашем доме кладовку у которой была жестяная крыша и стены из бамбука таково сплюснутово какбутто ево стиснули в об'ятъях? Конечно, как же ты забудишь? Вот там ие и нашла тетя Мамтаз. Я вижу тот день как сичас. Небо красное с лиловым бутто нам на плечи легло. Мы тогда в тот год очень долго дождя ждали. У меня были туфли черные кожаные они сияли как бляшка на ремне. Я те туфли обожала. Мама сказала што они выходные но я из них не вылезала. Я везде в них ходила и постоя-но на них вниз смотрела. Каждый шаг и я наклонялась и вытирала с них пыль. Потом я начала играть с курами и забыла про

туфли. Я хотела, штобы курицы взлетели но им было так жарко они растолстели и разленились. Легче заставить кастрюлю расправить крылья. Потом тогда я начала их пинать и увидела потом што мои туфли все в царапинах. Я присела и поплевала на кожу. Потом я увидела ее. На маме было ее сари из Дакки. Я хотела к ней подбежать и крикнуть мама привет куда ты идеш? Но я испугалась за туфли. Если она их увидит, то у меня ззади появятся красные полосочки.

Я пошла за ней но штобы она меня не видела. Она шла очень быстро и не смотрела по сторонам только гледела перед собой. Мы прошли мимо дома Мамтаз. Я ище помню што потерла туфлем об стенку. Я хотела штобы на бок налипла глина. Я думала што так не будет слишком страшно выгледеть носок. Мама прошла мимо кухни. Там никово не было. Она пошла в кладовую. Одну две секунды я стояла снаружи.

Потом я пошла внутрь и стала за калши они такие высокие почти до потолка.

Помниш эти калши[88] какие они красивые на каждом по цветочку?

И я как разбойница пришла туда украсть ее секрет.

Она взяла гарпун и попробовала ево пальцем. Она взяла ище один и поставила на место. И потом третий и осталась довольна. Отодвинула саки с рисом и всхлипнула но по сторонам не посмотрела. А там ище сак с нутом но может я не разгледела потому што был слабый свет и я туда больше не ходила.

Мне кажетса што может мама не собиралась никуда может ктото собиралса в тот день в гости к нам и поэтому она нарядилась. Я не знаю почему но я тогда убежала. Потому што она не огледелась по сторонам? Потому што мне стало скушно? Я пошла обратно к курам или искать тебя. Я не помню. Но я тогда от нее убежала.

Да простит ие Аллах. Она ушла сама.

---

[88] Примечания: 88

Калши — трехступенчатая система очистки воды в деревнях в Бангладеш, в верхнем чане железная стружка и крупный песок, в среднем древесный уголь и мелкий песок, нижний для профильтрованной воды.

Да будет Аллах к ней милостив. Она не видела другово выхода.

Сестричка я сижу в своей комнате с электрическим светом пишу тебе и прошу Ево осветить мое серце штобы я увидела куда мне можно пойти.

Глава двадцатая

Бумага бледно-голубая, легкая, как дыхание ребенка. Силуэтом под письмом проступают пальцы. Назнин выпрямила ладонь. Края письма приподнялись, лист слегка свернулся. Она, не дыша, смотрела, как колышется письмо. Так с замиранием сердца смотрят на невесомую бабочку, прилетевшую в этот мир ниоткуда и исчезающую в никуда.

Назнин сложила лист. Деваться некуда. Сложила еще раз, потом еще и еще, плотно проводя пальцами по сгибам. И затолкала в кулиску для шнурка на нижней юбке, в то место, где закладываются складки сари.

Самолет завтра, но она не полетит. Открыла ящик, вытащила стопку жилеток и трусиков Биби, положила в чемодан. Из комода достала охапку салвар камизов и положила сверху. Так не пойдет. Стала на колени и начала извлекать металлические вешалки. Заглянула под письменные столы на полки. Книги попадали, лежат неровно, корешки у них обтрепались от ног. Посмотрела на обои, стыдливо отпрянувшие от стены. Их невозможно приклеить на место.

Их надо отодрать и оклеить стены заново. Три, четыре, пять, шесть свернутых камизов. Что еще надо уложить?

Назнин встала к столу Шаханы. Треснутая кружка с картинкой: дом с соломенной крышей, мышка в штанишках прислонилась к стойке у ворот. Такой рисуют Англию. Возле двери розы. Назнин не видела этой Англии, и ей пришла в голову праздная мысль: теперь увидит.

В кружке ручки, обглоданная линейка, заколки и два тюбика помады. Назнин открыла один, и помада вылезла, довольно хлюпнув. Цвет ее на запястье выглядит как запекшаяся кровь. Назнин представила себе, как розовые губки Шаханы превращаются в черные.

Закрыла помаду, положила обратно в кружку. Как много дел. Лучше всего большую часть упаковать уже сегодня вечером. А то Шану еще скажет что-нибудь такое, что она передумает. Девочки от волнения сходят с ума, но Назнин ничем не может им помочь. Пока. Сегодня они пошли в школу в последний раз (как было объявлено), и Шахана наступила матери на ногу.

— Осторожно, — подавила вопль Назнин.

— Вот бы раздавить тебе ее, — сказала Шахана. И хрустнула суставом.

Биби уворачивалась и не давала себя поцеловать. Она сама заплела волосы, когда Назнин еще не встала. Косички получились тугие и ровные, так что маме не надо было их поправлять.

Назнин справилась быстро. Одежда в чемодане, но место еще есть. Эта пустота еще сильнее раздражает, и Назнин переложила все заново, чтобы места не осталось. Выудила книги из-под письменных столов и сложила их в коробки. Как все быстро. Назнин вышла из комнаты, не оборачиваясь.

Остальные вещи подождут. Теперь надо закончить одно дело. В гостиной уже все наполовину уложено. Компьютер — в коробке из-под подгузников. Бело-розовый ребенок тянет кулачок куда-то в сторону. Бумагами Шану доверху набиты коричневые картонные коробки, их поставили на тележку. Дверца шкафчика в углу открыта, единственное, что осталось внутри, — пожелтевшая газета на полках. Что же там было раньше? Когда она в последний раз его открывала? В серванте глиняные тигры, львы и слоники разгуливают так же свободно, но мешает им теперь пыль и лень. На полках уже нет книг. Только на самом верху на своем месте лежит Коран. Назнин подошла к тележке и открыла одну из коробок.

Начала искать адресную книгу Шану. Название улицы, где живет миссис Ислам, она помнит. И дом найдет, но не знает квартиру.

Она не сможет выполнить задуманное, если не вооружится адресом. Хорошо бы еще какое оружие иметь. Лист бумаги, письмо с официальными штампами, внушительно неразборчивыми подписями, амулет на шею. Вспомнила письмо сестры на поясе, вытащила, положила на стол. Подняла металлическую крышку швейной машинки и придавила его.

В дверь постучали. Назнин коснулась волос, провела рукой по вискам, лбу, макушке и затылку. Вышла в прихожую и почувствовала душный запах лекарств и прохладцу ментола.

— А я к вам собиралась, — поздоровалась Назнин с миссис Ислам.

На лице миссис Ислам никогда не заметно удивления. Приподняла брови, но ничего, кроме «не одобряю», выразить ей не удалось.

— Неужели?

Миссис Ислам вкатилась в прихожую, потирая бедро. Следом показались две массивные фигуры и заполонили собой дверной проем, как две разрозненные половинки раздвижных дверей.

— Долго вы там будете дурака валять? Идите

сюда, господи боже мой.

Миссис Ислам даже не обернулась. Сыновья зашли следом, один из них тащил черную сумку, второй спрей от растяжений.

Назнин отправилась готовить чай. Все кружки упакованы, остались только две. Пока чайник закипал, она лопала шарики в мягкой полиэтиленовой упаковке.

Когда она вернулась с чаем в гостиную, миссис Ислам лежала на диване, положив ноги на одну ручку, голову на вторую.

— Уже недолго ждать.

Голос жалостливый, но от него веет холодом.

— Завтра, — ответила Назнин.

— Завтра? — резко спросила миссис Ислам. — Осталось мне не так уж много, но, поверь мне, я проживу еще и этот день и завтрашний. — Она фыркнула и добавила: — Так Богу угодно.

— Я подумала, что вы хотите…

— Да, да. Ты подумала, что я хочу. Я знаю. Как же так, скажи мне, почему в наши дни молодежь совсем не слушает старших?

Сын Номер Один и Сын Номер Два стали за диваном. На первом — персиковый джемпер с круглым вырезом и с волосами на груди вместо воротника. Расстояние между носом и верхней

губой непривычно маленькое. В результате лицо у него вечно насупленное, как будто он на каждом шагу ждет, что обидят. И ошибается. Брат его, наоборот, похож на гения. Лицо как у политика: внимательное, напряженное, скрытное, хитрое. В глазах теплится любовь к брату, губы благодушно сложены. Сколько, должно быть, горечи испытывает миссис Ислам. Как часто она, наверное, смотрит на Сына Номер Два, как часто надежда побеждает опыт, как ждет она от сына того, что так откровенно обещает его лицо.

Миссис Ислам оглядела сыновей. Закрыла глаза.

Назнин налила чай.

Наверху заработал телевизор. Зааплодировала аудитория. Два неясных стука, какое-то бормотание, снова аплодисменты.

— Я принесла кое-что для девочек, — сказала миссис Ислам.

Она открыла глаза и махнула рукой Сыну Номер Один.

Сын Номер Один открыл большую черную сумку.

— Они здесь.

Закрыл сумку.

Мать беззвучно и крепко выругалась. Прижала

руку ко лбу.

— Пусть сначала деньги отдаст.

У Сына Номер Один губы вытираются о нос.

— Идиот! Дубина! Придурок!

Слова у миссис Ислам вылетели как отравленные дротики.

— Сначала обзаведись мозгами, а *потом* будешь ими пользоваться.

Закашляла. При каждом кашле ноги у нее поднимались с ручки дивана.

Сын Номер Один смотрел прямо перед собой, лицо такое же пустое, как голова.

Сын Номер Два схватил сумку с лекарствами. Выудил оттуда две маленькие коричневые склянки с белыми ярлыками предписаний. Миссис Ислам отсыпала себе пилюль и медленно их разжевала. Зубы у нее клацали. Горький порошок запила глотком сиропа от кашля.

— Девочки, — скомандовала она Сыну Номер Два.

Из материнской сумки Сын Номер Два вытащил два набора колокольчиков на щиколотки. Позвенел ими у одного уха, у другого.

Миссис Ислам выразительно на него посмотрела.

— Так, безделица. Небольшой подарок от ста-

рой знакомой.

Слова вырвались короткими вздохами, она прижала руку к груди, словно так их можно остановить.

— Как у них дела? Можешь мне не рассказывать. Они не хотят уезжать. Только и знай волнуйся за них за всех. И так всю жизнь.

И она глубоко вздохнула.

— Поверь мне, так — всю жизнь.

— Я собиралась навестить вас, — сказала Назнин.

Но миссис Ислам продолжала думать о своем. Вся прическа у нее сбилась оттого, что головой она лежала на диване. Волосы превратились в седой распущенный пук. Какие сухие, как они вообще на голове держатся.

— Раз ты сегодня уезжаешь, значит, на марш не успеешь, — сказал Сын Номер Два и свое умное лицо обратил к Назнин.

— Да, рейс позже, но я все равно не пойду на марш, — Назнин огляделась, — слишком много дел.

— А мы пойдем, — сказал Сын Номер Один, — там будет классно.

— Хорошо бы, — ответил Сын Номер Два. Он погрозил пальцем, на лице появилось уверенное

выражение, чтобы окружающие поразились его необыкновенной проницательности. — Повеселимся.

— Повеселимся? Я сейчас тебе расскажу, что такое веселье.

Миссис Ислам подняла голову и облокотилась на диване:

— Все у нас теперь ходят по округе, маршируют, маршируют, маршируют. Занятия себе получше найти не могут. Кто, интересно, выйдет маршировать против них? Пара-тройка смутьянов, которые кидают свои грязные листовки нам под дверь. И почему никто их не отловит и не надает хорошенько по шее один раз? Зачем ходить на эти сборища, марши, марши, марши. Вот что я вам скажу. — И она помедлила. — Вот что я вам скажу. Завтра там будет с десяток белых, не больше. Не больше десятка.

И снова положила голову на ручку дивана. Назнин слышала ее дыхание. Каждый вздох вырывался неохотно. Сколько еще будет таких вздохов? Сколько же надо смелости, чтобы пререкословить этой умирающей женщине.

— Вот что я вам скажу, — сказала миссис Ислам, глядя в потолок. — Остальные не придут, потому что у них и так дел полно. Они деньги зарабаты-

вают, их больше ничего не волнует. Нет, не будет никого. Они не придут, потому что не боятся. Они нас не уважают. С чего бы им нас бояться?

Миссис Ислам принялась тереть бедро, и Сын Номер Два, не сгибаясь, подал ей спрей от растяжений. Миссис Ислам обрызгала им все сари без разбора.

— Так вот, если бы у нас были деньги, — продолжала она, — сразу бы все заметили разницу. Вот квартал на Альдер-стрит, районный совет его продал. Знаете, сколько там теперь квартир? Восемь! И каждая, как поле для крикета. В каждой по одному, по два человека. За что нас уважать, нас по десять человек в комнате. Не пойдут они на марш. Одна головная боль. А если захотят, чтобы мы отсюда убрались, то с помощью денег нас выселят.

— Только не нас с тобой, да? — сказал Сын Номер Один. — Это мы сперва их без шиша оставим.

Миссис Ислам вытащила носовой платок из рукава и сплюнула в него.

— Сказала же тебе мать, чтобы ты молчал, — сказал Сын Номер Два.

Назнин посмотрела на братьев. Ходят слухи, что у них паб на Степни-Грин. И по слухам, по

воскресеньям с утра в пабе танцует женщина и снимает с себя одежду. Говорили еще, что у англичан такая традиция. И мужчины идут в паб с утра в воскресенье, потому что их туда отправляют жены, которые хотят приготовить обед и убраться в квартире. Чтобы муж не мешался под ногами, его отправляют полюбоваться титьками другой женщины. У Сына Номер Один еще выше поднялась губа, словно он еще сильней обиделся. Еще есть слухи, что у Сына Номер Один белая подружка и двое сливочно-белых детей. А Сын Номер Два сидел в тюрьме то ли за разбой, то ли за жульничество, то ли и за то, и за другое.

Слухи окружают их со всех сторон, но лицом к лицу они со слухами никогда не сталкивались.

— Двести фунтов, и закончим разговор, — сказала миссис Ислам, все еще глядя в потолок.

Наверху кто-то шагами мерил комнату.

Разговоров не слышно только об одном: об этих денежных займах.

Сын Номер Два вышел из-за дивана. Он стал рядом с сервантом, заложив руки за спину.

— Сколько у вас занимал мой муж?

— Что? — переспросила миссис Ислам. — Да, двух сотен будет достаточно.

Назнин посмотрела на свои руки:

— Я ведь все посчитала. И если я не ошибаюсь, мы выплатили вам все.

От кашля миссис Ислам затряслись окна. Она начала кашлять так, что и плечи, и ноги у нее поднимались: она чуть не сложилась пополам.

— Господу осталось назвать только час, а я уже готова.

— Мы все выплатили, даже сверх того.

— Я уже старуха. Делай как хочешь. Эти деньги пойдут на медресе, но тебе какое до этого дело? Я уже старуха.

Из своих закромов миссис Ислам вытащила грязный носовой платок и промокнула им лицо.

По позвоночнику потоком ледяной воды хлестнул звук разбивающегося стекла.

— Ты расстроила мою мать, — сказал Сын Номер Два. — Когда она расстраивается, расстраиваюсь и я. И могу что-нибудь разбить.

В серванте теперь яма. Мелкие осколки стекла обрызгали глиняные фигурки.

— И я иногда могу что-нибудь разбить, — сказал Сын Номер Один.

Миссис Ислам начала задыхаться. Она махнула Назнин рукой, чтобы та шевелилась:

— Быстрей. Двести фунтов, и разговор окончен.

Кровь сгустилась. Сердце изо всех сил толкает

ее по венам.

— Не дам.

Сын Номер Два откуда-то извлек биту для крикета. Поднял ее над головой, и Назнин подумала, уж не из черной ли сумки он ее достал.

Бита опустилась на сервант и проломила две полки. Шум был ужасный. Сын Номер Два развернулся. На щеках у него веснушками высыпала кровь из-за мелких осколков. В глазах одновременно анализ и интерес, а выражение лица в целом очень довольное.

— Уууу! — воскликнул Сын Номер Один. Он погладил волосы на груди и попытался затолкать их под джемпер.

— Мы выплатили долг, — сказала Назнин. Собственный голос звенит в ушах. — Мы заплатили еще, по крайней мере, триста фунтов сверх того. Я не собираюсь выплачивать… — она помедлила, — проценты.

— Ах ты сука, — сказал Сын Номер Один. — Давай я заставлю ее заплатить.

И он с большой надеждой в маленьких глазах посмотрел на мать.

— Проценты, — прошептала миссис Ислам, — она говорит «проценты».

Голова у нее начала кататься, словно от этого

слова ее залихорадило.

— Значит, ты, Бога не стесняясь, говоришь, что я беру еще интерес? Я что, зарабатываю на процентах? Я что, ростовщица? Значит, вот какова моя награда за то, что я выручила друга из беды?

— А разве нет? — спросила Назнин. Ей показалось, что она вот-вот сорвется на крик, но ничего не могла с собой поделать. — Вы не берете интерес? Вы не ростовщица? Давайте выясним. Поклянитесь.

И Назнин кинулась к Книге. Под ее сандалиями хрустнуло стекло.

— Поклянитесь на Коране. И я дам вам две сотни.

Миссис Ислам не шевелилась. Назнин вслушивалась в ее дыхание, но слышала только свое.

Сын Номер Один двинулся с места:

— Я сейчас разобью…

— Руку, — крикнула Назнин, — разбей мне руку. Обе разбей.

Она вытянула руки и держала их, пока не почувствовала себя глупо.

Миссис Ислам медленно спустила ноги на пол и села на диване. Волосы у нее разметались и бинтами свисали на шею. Она посмотрела на Назнин своими раскаленными угольками глаз.

Назнин выдержала ее взгляд. Прошла минута. В телевизоре с приглушенным энтузиазмом аплодировала публика. То раздавалась, то смолкала музыка; как ненормальная, орала реклама. Миссис Ислам встала:

— Некоторым женам не поздоровилось бы, если бы их мужья кое о чем узнали.

Назнин вспыхнула. Взгляд не отвела.

— А так с самого начала, — продолжала миссис Ислам. — Новая жизнь, на родине. Ты же не хочешь себе все испортить.

— Мой муж, — медленно сказала Назнин, — знает все. Он скоро придет домой. Хотите у него поинтересоваться?

Случилось невозможное. На лице миссис Ислам отразилось удивление.

Назнин, воодушевившись, добавила:

— Поклянитесь на Коране. Больше от вас ничего не требуется.

Миссис Ислам взяла колокольчики на щиколотки со спинки дивана. Положила их на кофейный столик.

— Твоим дочкам, — сказала она.

Она подошла к Сыну Номер Два и взяла у него сумку. Сын Номер Два кивнул, словно как ожидал, так и получилось.

— Пошли, — сказал он, — они в любом случае и так много заплатили.

И добродушно рассмеялся.

Миссис Ислам взвыла — так сдавленно, отчаянно ревет животное. Двумя руками подняла свою сумку с лекарствами и треснула сына по плечу. Сумка отскочила от удара. Она хотела дать ему по голове, но промахнулась. И снова взвыла, на этот раз пронзительно, как от удара. Сын Номер Два лениво направился к двери. Прикрыл голову руками. Миссис Ислам пошла за ним. Назнин увидела, что глаза ее полны слез и что слезы текут по щекам. Она снова взмахнула сумкой и огрела Сына Номер Два по спине. Из горла у нее вырвался звук, который Назнин долго не могла забыть.

Сын Номер Два все еще стоял за диваном. Он смотрел по сторонам, силясь принять решение. Потом подошел к расколоченному серванту и ударил ногой по уцелевшей дверце. Дверца звякнула, задрожала и осталась невредимой. Сын Номер Один пожал плечами. Носком туфель перевернул несколько коробок и тоже ушел.

Назнин принесла мусорное ведро и щетку. Завернула большие осколки стекла в газету и замела остатки. В голове — ни единой мысли. Абсолютно спокойная, присела на корточки

над остатками серванта. Она помедлила, чтобы насладиться этой секундой, как горячей ванной. Постепенно вырисовалась мысль. Господь указывает путь. Назнин улыбнулась. Господь указывает путь, и я его вижу.

Она шла по Брик-лейн к станции метро Уайтчепел. В витрине ресторана «Радж» новая статуя: на фоне восходящего солнца сидит Ганеша, игриво свернув хобот на груди. На витрине «Бенгальского воина» Радха-Кришна, в «Попадум» Сарасвати, а в «Суит Ласси» во всю витрину Кали Ма с черным языком и злыми глазами и изваяние Будды из мыльного камня.

— Здесь теперь индусы? — спросила Назнин, когда этот бум только начался.

— Здесь? — Шану похлопал себя по животу. — Нет, не индусы. Законы рынка. Самые почитаемые боги. — Белые любят смотреть на богов. — Так ресторан больше похож на настоящий индийский, — пояснил Шану.

Возле входа на станцию околачивается мальчуган лет десяти-двенадцати. На шее наушники, в ногах пружинки. По лестнице взлетел паренек и врезался прямо в мальчугана.

— Поосторожней, — сказал мальчуган.

— Не больно? Извини, не заметил. — Паренек,

наверное, себя уже видит мужчиной.

— Исчезни, — велел ему малой, — а не то…

— А не то что? — удивился старший. — А не то что, братишка?

— Ты вонючий сукин сын, мать твою, — спокойно ответил мальчик.

Парень поднял руки и улыбнулся. Покачал головой:

— Ты почему не в школе?

Ответа не последовало. Братишка надел наушники на голову.

Парень пошел своей дорогой, покачивая головой.

— Чтобы я тебя здесь больше не видел, — крикнул ему вслед мальчуган, — еще раз появишься, и ты покойник.

Назнин подошла ко входу в метро. Она стала перед братишкой и сняла с него наушники:

— Фану Рахман! А мама знает, где ты? А ну бегом в школу!

Покупая билет, Назнин подумала, стоит ли рассказывать Назме об ее пятом, самом драгоценном сыне. Потом вспомнила, что Назма с ней не разговаривает.

На платформе было всего два человека. Назнин подошла к самому краю. Наблюдала, как между

рельсами снуют мыши, и высматривала сверкающий глаз поезда в черном тоннеле. Скорей бы уж подошел. Когда два часа назад она позвонила Кариму, от одного звука его голоса защипало кожу. И вот уже два часа ей хочется проломить стены, уничтожить расстояния и отменить время, чтобы поскорей оказаться с ним. Надо немедленно сказать ему все, что решила. Электрическое табло показывает четыре минуты до прибытия поезда. Потом, мигнув, прибавило еще две.

За спиной кто-то прошел. Она обернулась. Молодая женщина на высоких каблуках и в джинсах, повесив джинсовый пиджачок на палец и закинув его через плечо, гордым шагом подошла к свободной скамейке. Каждый шаг ее похож на заявление.

Назнин пошла следом. Походка у этой женщины завораживает. Назнин подстроилась под ее шаг. О чем он говорит? Шаг, еще шаг — вперед. Говорит ли он: *Я такая* или *Я не такая?* Может ли походка врать? Может ли она изменить тебя?

Женщина подошла к скамейке. Назнин чуть не налетела на нее.

— Простите, — сказала женщина.

— Простите, — сказала Назнин.

Обе сели.

На поезде доехала до Кингс-Кросс. «Здесь надо пересесть на ветку Пиккадилли», — объяснил Карим. Она заблудилась и пробежала пару миль по переходам, лестницам, вниз по эскалаторам, через залы с билетами, мимо магазинчиков, заграждений и снова по переходам. Пару раз она готова была дать волю слезам. Но как только разрешала себе расплакаться, слезы отступали. Наконец нашла нужную платформу и села в поезд. К этому времени успела вспотеть. Надо обдумать, что сказать Кариму. Разговор уже не кажется таким срочным. Осталось всего три станции. Времени совсем мало.

Перед глазами — его образ. Карим в джинсах и кроссовках, сидит у нее за столом, стучит ногой. Карим с журналом, отламывает ей от мира по кусочку. Карим в белой рубашке, трет свою гладкую щеку, рассказывает о заоконных тайнах. Он знал о мире все и знал, где в этом мире его место. Таким ей нравится его вспоминать.

Но Назнин ошибалась. Такой он только в ее воображении. На самом деле он такой, какой есть. Вопрос — ответ. Такой же, как она. Может, и того меньше. Карим ни разу не был в Бангладеш. Назнин вдруг почувствовала жалость. Карим родился иностранцем. Говоря на бенгальском, он

заикается. Почему ее это озадачило? Она видела в нем только то, что хотела увидеть. На самом деле у Карима никогда не было своего места в мире. Поэтому он так яростно его защищает.

На Ковент-Гарден вагон опустел. Назнин поднялась наверх. Карима увидела сразу же, как только вышла на улицу. Он ждал ее возле магазина одежды, как и договаривались. Назнин не вышла из-за ограждения, стала к стене, начала за ним наблюдать. По воздуху расползались жирные запахи от фургончика с бутербродами. Машины заполонили дорогу, и люди лавировали между ними. У дома неподвижно застыл человек, которого, кажется, опустили в ведро с белой краской, а какой-то ребенок бил его по ноге, пока мама не оттащила. Стайкой гуляют девушки, сложив руки на груди, клацая кошелечками и перекидываясь словечками. Касаются друг друга плечами, как положено подружкам. Двое мужчин вышли из паба и на людях начали заправлять рубашки в штаны, чтобы привести себя в порядок после продолжительного обеда. Назнин наблюдает, как Карим наблюдает за народом. Он прислонился к стене между двумя витринами, упершись ногой в кирпичную кладку стены. За зеркальным стеклом белый свет лампочек нагревает безликие

манекены. Идет дождь. Свет мокрым отпечатком ложится на гладкие коричневые тротуары и стекает в водостоки.

Мимо Карима идут люди. Улица гудит. Целый день люди идут друг мимо друга. И никто даже не взглянет на парня в пенджабских штанах и в дорогой коричневой овчине. Карим застучал ногой. Посмотрел на часы. Она увидела то, что хотела. Его возможности она знала и раньше. А теперь видит, что все разочарования, которые его сформируют, еще впереди. Это причинило ей боль. Она чуть не передумала.

— Что случилось? — спросил Карим, когда она подошла. — У меня куча дел.

— Давай прогуляемся.

От него по-прежнему пахнет лаймом. От этого запаха потекла слюна. Назнин словно бы спала до этого момента и только теперь проснулась.

Они направились к торговому центру и вышли на площадь. Жонглер собирал с земли палочки, ему вполсилы хлопала небольшая кучка японцев.

— Давай посмотрим, — предложила Назнин.

И почему они так раньше не гуляли?

— Ты мне скажешь или нет?

— Да.

Но продолжала смотреть на жонглера и молчать. Услышав, что Назнин хочет с ним встретиться, Карим предложил встретиться здесь. Шану вот-вот должен был прийти.

— Значит, встретимся подальше от этой деревни, — сказал Карим.

Сказал совсем как муж.

— Ну. — Он посмотрел на часы. Вытащил мобильный из кармана, проверил. — Мне надо идти.

И повернулся, чтобы уходить. Назнин схватила его за руку. Он не высвободился, но напряжение в мышцах чувствовалось.

— Муж купил билеты. Рейс завтра.

Рука его сразу обмякла. Отпустила.

— Ладно, — сказал Карим.

Он смотрел на жонглера. Жонглер кидал вверх золотые колечки. Каждые несколько секунд он ловил кольцо на шею, и его помощник кидал ему следующее.

— Но я не полечу, — сказала Назнин.

И почему она раньше этого не сделала? Что держало ее в углу комнаты своей?

— И девочки тоже.

— Хорошо. Тогда поговорим после марша. У меня сейчас десять тысяч дел.

— Я знаю. Мне надо было тебе это сказать.

Жонглер поймал три последних кольца на шею и вскинул руки навстречу овациям — худенький человек с огромным ртом. Рот его без устали улыбался.

— Позвони мне на мобильный, — сказал Карим, — нам нельзя до свадьбы встречаться.

Жонглер все улыбался. Кончики почти доставали до ушей. Никакого пиджака, только тоненькая рубашечка и вельветовые штаны сливового цвета на подтяжках. Жонглер разговаривал с помощником и дрожал. Интересно, подумала Назнин, улыбается ли он после окончания выступления? Она представила его дома, в темноте перед телевизором — с улыбкой на лице.

— Мы не можем пожениться.

— Сразу мы и не поженимся, — ответил Карим.

Он тоже дрожит. А может, зевает.

— И потом тоже.

— Что ты имеешь в виду «и потом тоже»?

В голосе его послышалось раздражение. Он пнул землю.

— Я не хочу выходить за тебя замуж, — сказала Назнин, глядя на жонглера, — это я и имею в виду.

Он стал перед ней и взял за руки:

— Посмотри на меня. Посмотри же на меня.

Посмотрела. Хохолок на лбу, красивые глаза с длинными ресницами, ровный нос, борода, под которой схоронилась маленькая родинка на подбородке.

— Если ты и вправду так решила, скажи это еще раз, глядя мне в лицо.

— Я не хочу выходить за тебя замуж.

Задавить в себе боль, сделать ее своей, и только. Чтобы ему ни капельки не досталось.

Он отпустил ее руки.

— Карим…

— И вправду не хочешь?

— Нет, я не…

Он положил руки на бедра и запрокинул голову, как будто у него из носа внезапно пошла кровь. Это было невыносимо. За всю жизнь ничего хуже она не сделала.

Карим опустил голову. Выдохнул, глубоко, медленно.

— Отлично, — сказал он, — отлично, отлично, отлично.

И потер руки.

На губах действительно мелькнула улыбка или ей показалось?

— Почему ты повторяешь «отлично»? Ты еще

долго будешь это повторять?

— Ты не *хочешь* выходить за меня замуж?

— Ты же сказал, что у тебя десять тысяч дел. Я же тебе ответила на вопрос.

Она одернула себя. Не забывай, что причинила ему боль.

— Отлично, — сказал Карим. Выдохнул.

Жонглер взял три горящие булавы у помощника.

Карим начал неистово хлопать, словно жонглер вдруг стал его героем.

— Нам было бы сложно, — сказала Назнин, — было бы сложно вместе. И мне кажется, нам надо прекратить.

Карим чуть снова не сказал «отлично», но сдержался.

— Я тебя понял. Дети, все такое.

— Мне надо думать о них в первую очередь.

— Точно, — сказал Карим. Вздохнул.

И Назнин вдруг поняла, какой огромный груз сняла с его плеч.

Они еще немного посмотрели выступление. Назнин подумала, не болят ли у жонглера щеки. Интересно, какое у него лицо, когда он не улыбается, или когда он грустный, или безразличный, как все.

— Здесь в торговом центре есть кафе, — сказал Карим, — давай зайдем, посидим.

Назнин захотелось печеной картошки, хотя она обычно не ела в середине дня. Картошка была огромная, вся в расплавленном сыре.

— Никогда раньше не видел, как ты ешь, — сказал Карим.

Он облокотился на стол, наклонился к ней.

— Сядь ровно, — сказала она, — не путай меня с жонглером.

Она съела половину и подумала, что остальное придется выбросить.

— Съешь ты, — сказала она и подвинула ему остаток.

— Завтра будет настоящая демонстрация. Приходи, если сможешь. И детей приводи.

Он говорил о марше, о том, сколько придет народу, что он скажет в своей речи, по какому маршруту они пойдут. Назнин вдруг обратила внимание, что Карим говорит по-бенгальски, но не заикается. Заикался ли он на последнем свидании или на предпоследнем? Нет, не помнит. Разве Карим перестал заикаться? Он теперь прекрасно владеет речью, а вот она нет. И выпалила:

— А ты что, больше не заикаешься?

Глаза у него стали шире, он не ожидал, что она

так грубо его перебьет.

— Когда я был маленьким, я заикался. Теперь я заикаюсь, только когда нервничаю.

— Нервничаешь?

— Ну да, *нервы*, понимаешь? — И он затряс руками. — Например, когда первый раз тебя увидел, ужасно занервничал.

Она засмеялась:

— Меня? Ты тогда занервничал?

— Что тут смешного? Да, я при тебе занервничал.

Назнин раскачивалась на стуле. Хотела подавить смешок, но он полез отовсюду. Она зажала рот рукой, но хохот брызнул из носа, из ушей, глаз и пор.

— Господи, как же смешно. — Она попыталась успокоиться. — А нервничаешь ты только по-бенгальски? Почему ты не заикаешься, когда говоришь по-английски?

Он поднял брови. Погладил бороду:

— Заикаюсь. Просто когда я перехожу на английский, ты не замечешь заикания.

Назнин вытерла глаза салфеткой. Пригладила волосы, проверила, все ли у нее в порядке с прической. Неужели это правда — в английском она не замечает заикания? Ну а с чего бы ему обма-

нывать? Она выровняла солонку и перечницу. Люди говорят столько неправды. Нет, похоже, так оно и есть, она просто не заметила, а может, не хотела замечать.

Карим снова наклонился к ней:

— А что на самом деле случилось? Почему ты меня не хочешь?

Подошла официантка убрать со стола. Она поставила чашки друг на друга и на поднос. Потом она несколько раз плавно и медленно взмахнула тряпкой, вытирая со стола, и каждый взмах шел в точности следом за предыдущим. Ни по одному дюйму стола она не прошлась тряпкой дважды. Зелено-голубые вены гордо выступают у нее на запястье, кожа на костяшках грубая. На правой руке кольцо в форме жука. Ногти на безымянном пальце и на мизинце безупречной формы, валик кожи отогнут вниз, так что у самого основания розового ногтя виднеется белый полумесяц. Остальные ногти неровные. На указательном прямо под ногтем большая твердая шишка. Когда Шану изучал историю искусств, он писал дни и ночи напролет, Назнин даже решила, что он переписывает учебники, так вот у него на пальце была точно такая же шишка. Официантка перешла к следующему столу.

Карим ждал, что она ответит.

Что он в ней нашел? Как-то сказал, что она настоящая. Она в его глазах настоящая. Бенгальская жена. Бенгальская мать. Так он представляет себе свой дом. Так он представляет самого себя, такого человека он в себе ищет. Официантка стоит возле прилавка. В правой руке у нее ручка. Перекатывает ее двумя пальцами. Разговаривает с посетителем. И вертит ручкой.

Из чего она сделала Карима? Сложный вопрос. Сшила его в темноте из лоскутков. Получилось стеганое одеяло из обрывков шелка и бархата, а теперь, когда вынесла его на свет, увидела, какие грубые и крупные стежки и как все перекошено.

— Кажется, я понял. — Карим посмотрел на нее с сочувствием, как будто перед ним — внезапно осиротевший ребенок. — Если бы ты осталась со мной, ты бы никогда не забыла, чем мы с самого начала занимались. С технической стороны, да, это был *грех*. И меня это тоже беспокоило. Так что все к лучшему. Серьезно. Теперь я должен молиться как ненормальный. Этим и займусь. Аллах простит. О вы, служители мои, кто преступил против самих себя! Надежду на Господню милость в отчаянии не теряйте. Прощает все грехи Аллах, поистине Он милосерд и всепро-

щающ! — Он кивнул. Кажется, он ждал, что она присоединится к молитве. — В этом причина? В грехе?

Она в последний раз прикоснулась к его руке:

— Ах, Карим, нагрешить мы уже нагрешили. У нас есть и другие трудности. Как тебе объяснить? Я не была собой, ты не был собой. С самого начала и до конца мы не понимали, что происходит. Мы просто выдумали друг друга.

В восемь часов, когда чемоданы были уже упакованы и в квартире повисло такое напряжение, что можно было протянуть руку и тренькнуть по нему, как по струне ситара, Назнин пошла вниз, к Разии. Она спустилась на два марша лестницы, постояла на нужном этаже и пошла вниз.

На лестнице не было мальчишек. Назнин испачкала руку краской, схватившись за металлические перила. Она наступала то на пустую пачку сигарет, то на осколок кирпича, то на шприц. Улица словно вымерла. Квадраты газона в центре дворика были пусты. Газон привезли летом, тогда он был яркий и ровненький, но очень скоро слился с окружающей средой. Сегодня на улице не играют дети. Назнин обошла весь двор и вышла к центру Догвуда. Куда же все подевались? Она, значит, приняла решение не уезжать,

а остальные что, упаковали чемоданы и уехали? В окнах свет, в воздухе — густой аромат карри, но на улице ни души. На стоянке никто не заводит машину. Куда делись парни, которые приезжают, уезжают и опять приезжают, где оглушительные ритмы их музыки? Как будто все куда-то сбежали, срочно эвакуировались, и только Назнин ничего не знает. Куда пропали мальчишки с бордюрчиков вокруг клумб, где раньше росли лаванда и розмарин, а теперь покоятся старые консервные банки и собачьи отходы, куда они все отправились курить, где они теперь кивают головами, как престарелые куры?

Назнин прошла мимо пустыря с залом, мимо заброшенной игровой площадки, через стоянку, мимо бордюрчиков. Когда с ней поздоровался доктор Азад, она вздрогнула.

— Я навещал Тарика, — быстро объяснил он, словно оправдываясь, — дела у него продвигаются, я бы сказал.

— Да, — ответила Назнин, — а я тут… прогуливаюсь.

— Хорошо, хорошо, — ответил доктор, — прекрасно, — добавил он, обдумав хорошенько ее слова.

Он стоял неподвижно: каждое лишнее его дви-

жение дороже всех денег на свете. Черные туфли сияют. Пальто длинное и тяжелое. Воротник рубашки упирается в подбородок.

У Назнин зачесались руки, так захотелось расстегнуть ему пуговку.

— Я хочу зайти к Разии.

— Ей нужна поддержка. Конечно, пока… — и он осторожно прокашлялся, словно вопрос был щекотливым, — пока вы не уехали.

Назнин закусила щеки зубами и пожевала их. Почему доктор Азад дал им денег? Рассчитывает ли он получить их обратно? Она вернет билеты девочек и свой собственный и отдаст ему все, что за них получит. Он думает, что они уезжают всей семьей. Почему он дал деньги? Может быть, на лекарство от болезни, которой заражены только в Тауэр-Хэмлетс, он сам ее открыл и дал название, которое никогда не попадет в учебники по медицине? Как он назвал ее? Синдром Возвращения Домой. У него самого брак развалился, может быть, он хочет спасти другую семью? Может, он просто хочет избавиться от Шану? Избавиться от смешного человека, который настаивает на родственности их душ?

— Доктор Азад, от вас ушла жена?

Лицо его помрачнело.

Давно ведь всем ясно, что ушла… Назнин прикусила язык.

— Нет, — мягко сказал он. — Она осталась. В некотором смысле.

— Да, — ответила Назнин, — конечно.

Поднялся ветер и бросил к ее ногам упаковку из-под печенья.

— Доктор Азад, почему вы дали моему мужу деньги?

На кончике его носа с возрастом появилась ямочка, сквозь щеки стали заметны скулы, вокруг глаз вспухли мешки, и, когда он улыбнулся, когда уголки рта поползли вниз, улыбка у него вышла широкая и щедрая.

— Очень просто. Потому что он мой друг. Мой очень близкий друг.

И день настал. Назнин сидела на кровати Биби. Девочки стояли возле стола Шаханы с таким видом, будто их скоро расстреляют. Назнин со вчерашнего утра не слышала от Шаханы ни слова. Все черточки ее лица собрались в центре, словно их шнурком стянули. Завязалась на узел. Закрылась поплотней. У Биби безысходное отчаяние сменилось безразличием. На широком холсте ее личика — ни единой строчки.

— Хотите, расскажу вам историю? Какую хоти-

те послушать?

Биби еле заметно дернула плечиками. Шахана не шевельнулась.

— Шахана, Биби, послушайте меня.

Назнин замолчала. Что им сказать? Если открыть секрет, они не смогут ничего скрыть.

Рейс в два часа ночи. Шану подсчитал, что нужно выйти в десять. Назнин решила, что все расскажет в девять. За час они успеют попрощаться и все обговорить.

— А вдруг ничего плохого не случится? Знаете, бывает иногда, ждешь-ждешь чего-нибудь плохого, а оно может и вовсе не случиться. Надо просто подождать.

Если Шану обо всем узнает сейчас, то сможет повлиять на нее.

Нет, не сможет.

Но рисковать не стоит.

— Все будет в порядке. От вас требуется только терпение. Не надо так расстраиваться.

Он уедет, а девочки останутся с ней.

Возможно и то, что *он сам* передумает: сдаст билеты и начнет распаковываться.

У Шану только эта мечта и осталась. Он от нее не откажется.

— Хотите, расскажу вам историю? Какую хо-

тите?

Если он останется, то они, муж и жена, вместе распакуют вещи и всю длинную-длинную ночь будут лежать в кровати, уставившись в потолок, чтобы не смотреть друг другу в глаза и не читать там собственные мысли, верные мысли: их время закончилось, уже слишком поздно, слишком поздно.

Назнин встала:

— И у меня тоже нет настроения рассказывать.

Когда она прошла мимо стола, Шахана ударила ее по щиколотке.

— Подожди, черт тебя дери, и послушай, — заорала она, — сколько ты ждала? Что ты видела? А что, если нашу маленькую мемсахиб от всего этого стошнит? Что ты тогда будешь делать?

Назнин отошла от нее подальше. Шахана пнула стул. Пнула стол. Потом развернулась и пнула сестру.

Шану в спальне. Он написал записку и засунул ее в дверь шкафа.

— Как хорошо, что доктор согласился все уладить. Я вот подумал, что лучше: продать этот шкаф или морем отправить? Как ты считаешь?

— Лучше продать. Надо от него избавиться.

Шану посмотрел на нее:

— Твоя сестра с ума сойдет от радости, когда тебя увидит! Представь себе, как она будет рада!

— Да, — ответила Назнин. Но у нее получилось слишком грустно. — Я столько раз себе это представляла. Столько лет подряд.

Он открыл дверцы и спрятался за ними.

Потом снова раздался его голос:

— Здесь все мои сертификаты.

Закрыл шкаф. Сделал веселое лицо:

— Их тоже продадим?

— Забери их с собой. Хотя бы пару возьми.

Внимательно посмотрел на жену. Брови сошлись на переносице. В руке сертификат в рамочке.

— Манго растут только на манговом дереве, — сказал он. Сел на кровать и обхватил колени.

Назнин подошла ближе. Часа может не хватить.

— Ха, — выдохнул он, — фу-у.

Сегодня ночью, когда они легли спать, он обнял ее рукой, прижался телом к ее спине, повторяя изгиб ее тела. Когда она проснулась, он лежал так же.

— Я не был, что называется, идеальным мужем, — сказал он в колени, — и идеальным отцом тоже.

Он ссохся. Весь, не только в щеках и животе. Усохли и слова, и голос, и пылкость, и проекты, и планы. Он ссохся. Теперь он слишком маленький, чтобы отправлять его одного домой.

— Но и плохим мужем я не был. Разве нет? Не был плохим.

Шану сощурился, глядя на нее, как будто лицо Назнин слишком яркое, чтобы открыто на него смотреть.

— Есть женщины, которые на улицу не выходят, — и он кивнул головой на потолок, — вот она никогда не выходит. Ты и не видела ее ни разу, правда? Многим не разрешают работать. Ты меня понимаешь. Деревенские взгляды. Когда женщина зарабатывает, она считает себя ровней с мужчиной и ведет себя как ей нравится, — он улыбнулся, и его маленькие глазки исчезли, — это они так думают. Они несовременные люди. Не такие, как я.

— Мне повезло, — и ее сердце вдруг перестало биться, — что отец выбрал мне в мужья образованного человека.

Шану стал немного больше:

— Все это разговоры. А у нас есть дела. Пошли в гостиную, посмотрим, что у нас еще осталось.

Назнин скатывала коврики. Шану стоял и на-

блюдал за ней. Потом задрал рубашку и посмотрел на свой живот. Встал в профиль к Назнин, чтобы она оценила.

— Смотри, как тебе? По-моему, очень стройный, а?

Живот уже не как на девятом месяце беременности. Теперь он — как на шестом. Шану ласково его погладил.

— Сила воли, — сказал он и добавил: — И язва.

— Ха.

Он с силой выдохнул и втянул живот. Снова посмотрел на него, на этот раз более трезво.

— Нет, слишком толстый. Похож я с ним на уважаемого человека? На кого я похож, на менеджера мыльной фабрики или на рикшу?

— Да, большой он у тебя, — ответила Назнин.

Выбросить коврики или с собой забрать?

— Я схожу за самосами. Поедим в самолете. И еще мне надо встретиться с доктором по административным вопросам, пока он еще с работы не ушел.

Шану опустил рубашку. Ему и в голову не пришло заправить ее снова в штаны. Возле обломков серванта он остановился:

— А зачем ты пыталась взгромоздить на него компьютер?

— На полу было слишком много коробок. Я пыталась прибраться.

Шану подмигнул ей:

— Прибраться! Получилось только хуже. Ну ладно, не расстраивайся. И в следующий раз меня проси, когда надо будет поднять что-нибудь тяжелое.

И ушел покупать самосы, решать административные вопросы и так далее.

С ковриками Назнин закончила. Еще раз внимательно осмотрела гостиную. Обошла ее. На коробках с бумагами Шану стояло: «Отправить морем». На кофейном столике значилось: «На аукцион». Сзади дивана висело: «В благотворительный фонд».

Осталось упаковать только швейную машинку. Назнин посидела за ней чуть-чуть. Письмо там же, под машинкой. Назнин встала и подошла к окну.

Во дворе сколотили примитивную сцену. Вокруг сцены стояли парни, разговаривали по мобильным. С обоих концов района тек, не прерываясь, ручеек молодых ребят. Они тоже собирались возле сцены. Все смотрели, что происходит. Но ничего не происходило. Наблюдение продолжалось. Кое-кто стал бегать и подпрыги-

вать. Парень с красно-зеленым шарфом на голове принес нечто вроде старой простыни, положил на землю и развернул. Это оказался нарисованный вручную флаг «Бенгальских тигров».

— Мама! — В двери стояла Биби.

— Биби, — ответила Назнин, не оборачиваясь. — Биби? — Она обернулась.

Биби жевала кончик косички.

— Ты голодная? Разогреть тебе обед?

— Нет.

— Что случилось?

— Ничего. Я просто хотела тебя увидеть.

Назнин протянула руку:

— Иди сюда.

— Не пойду, — отстранилась Биби, — я тебя уже увидела.

Люди широким потоком повалили во двор. Шли быстрым шагом. Как будто пару домов опрокинули набок, и оттуда на улицу, прямо в середину Догвуда, беспорядочно хлынули люди. В толпе были женщины, девушки. Над ними развевался белый флаг с чернозолотым тиснением «Объединение исламских девушек с Бетнал-Грин».

Назнин увидела Сорупу, Джорину, Назму и Хануфу. Пора немилости для Хануфы миновала. Поискала глазами Карима.

Парней больше, чем девушек и женщин, но больше всего пожилых мужчин. На них пальто в елочку, мешковатые штаны. Они шли группками по три-четыре человека, не обращая друг на друга внимания, кричали кому-то в толпу. На белых бородах пятна никотина, на головах тюбетейки, дырки на месте зубов. Темные отполированные лица, внимательные глаза. Одни надели лунги, другие опирались на тросточки; в руках несли полиэтиленовые пакеты. Двигались они, как пациенты в больнице. Интересно, подумала Назнин, отец Карима тоже среди них?

Еще одна группа — белые. Их меньше всего, но они самые активные. Снуют между пожилыми, раздают картонные плакаты на деревянных палках. Белые одеты в штаны с карманами. Карманы везде: на бедрах, на коленях, на щиколотках. По всей одежде у них петелечки, пуговицы бочонком, замочки, молнии и складки. Они словно надели на себя палатки, чтобы вечером осталось только воткнуть пару колышков и заночевать. Они ходили в толпе и раздавали что-то (значки? наклейки? конфетки?) молодым людям. Получая отказы, перекидывались к людям постарше. У патриархов Бангладеш плакаты болтались где-то на уровне полиэтиленовых пакетов. Белая де-

вушка в крохотных очках в серебряной оправе подняла плакат и потрясла им. Она зажала его между коленями и что-то произнесла одними губами. Похлопала в ладоши. Показала на небо. Показала ладони патриархам. Похлопала по плакату. ПОДНИМИТЕ. ВВЕРХ. СВОИ. ПЛАКАТЫ.

Патриархи вежливо ее «послушали». Обсудили между собой.

Назнин всматривалась в лица возле сцены. Там должен быть Карим. Сейчас он заберется на сцену и произнесет речь. Сегодня у него большой день.

И у нее сегодня большой день.

Где-то там внизу он готовит свою речь. Добавляет последние штришки.

Она над своей и не начинала думать.

В толпе демонстрантов начали скандировать. Назнин не могла разобрать, что они кричат. Открыла окно. Белые ходят вокруг патриархов. Это они скандируют, две небольшие группки. Девушка в очках и ее друзья машут руками, как поршнем: *давайте, давайте, давайте.* Патриархи надели пакеты на ноги, подняли воротники, застегнули бороды в пальто. Они тоже начали скандировать со своими новыми друзьями.

— Что это там за бред творится?

Она и не заметила, как вошел Шану.

— Меня сейчас там чуть не убили. Мне на пальцы наступили сразу триста пятьдесят человек. Я им говорю: «Аккуратней. У меня мозоли. И болезненные опухоли». Но меня никто не слушал.

Он подошел к окну.

— Что там скандируют? — спросила Назнин. — Камбоджи? Раджи?

— Рабочие. Такой у них лозунг. «Рабочие! Все вместе!» Все это миф, конечно. Эти люди из Объединенного рабочего фронта. Когда я проходил мимо, они пытались придумать лозунг подлиннее. «Рабочие! Вместе мы непобедимы». Но он им не понравился.

Шану снял туфли. Поднял ногу, положил ее на колено и начал массировать через носок.

— Ахм. Кхм, — прочистил он горло. — Понимаешь, чем они занимаются? Они вербуют иммигрантов в свои политические группировки, в которые объединяются все подавляемые меньшинства, чтобы свергнуть государственный строй и жить припеваючи в раю из коммун. Такая теория, к сожалению, не учитывает ни желаний иммигрантов-буржуа, ни столкновения культур, ни взаимной ненависти индусов и мусульман, бенгальцев и пакистанцев и так далее и тому подобное. Поэтому в реальной жизни теория

терпит крах.

Он переменил ногу:

— Посмотри, как они там внизу скандируют. По скольку им лет? От сорока пяти до шестидесяти пяти. «Рабочие, вместе»? Да они даже не рабочие! Девяносто девять процентов из них — безработные.

— А другой марш?

— «Львиные сердца»? Я не видел. Может, они его отменили.

Назнин вспомнила слова миссис Ислам. *Будет не больше десятка белых.*

На сцену забрался Карим. Он поднес ко рту мегафон.

Шану закрыл окно.

— Что здесь будет с нашими людьми?

Он взял ее за руку и отвел от окна. Карим говорил что-то непонятное, где-то невпопад играло радио.

— Молодые, — продолжал Шану, — им решать. Знаешь, сколько здесь до нас выросло поколений иммигрантов? В восемнадцатом веке сюда от травли католиков бежали французские протестанты. Они ткали шелк. И преуспели. Через сто лет пришли евреи. И у них дела шли хорошо. В то же время сюда ринулись китайские купцы. И у

них все получилось. — Шану все еще не отпускал ее руки. — А теперь куда?

— Шефали в университет. Племянник Сорупы собрался в Оксфорд.

— А куда Тарик? Чем он занимается? Назнин освободила руку.

Шану кивнул головой на окно:

— Чем они там занимаются? Зачем они устроили этот марш?

— Затем, что другие, у кого о нашей религии неправильные представления, хотят устроить марш против ислама.

— Ислам, — Шану осторожно произнес это слово, — может, дело и в исламе. Но я так не думаю. Я не думаю, что все дело в исламе.

И погрузился в собственный мир теории, опровержений, поисков и затруднений.

От слов и надежд его слегка раздуло.

— Зато когда мы вернемся домой, нам не надо будет об этом думать. Там, дома, мы сразу поймем, что есть что.

Когда двор опустел, Шану снова вышел на улицу. Он отправился в магазин «Либерти» за мылом. Его портфель превратился в чемоданчик с образцами. Там уже была представлена продукция «Люкс», «Фэри», «Дав», «Палмолив», «Империал

лэзер», «Пиэрс», «Ньютроджина», «Зест», «Кутикура» и «Кэмей Классик».

— Первое правило менеджера, — сказал Шану, — знать конкурентов.

В «Либерти» Шану хотел пополнить свои мыльные запасы. Он строил планы на фабрику. Когда планы его принесут плоды, они переедут в район Гулшан, в Дакке, поселятся в бунгало, где в саду будет еще домик для гостей. А для начала обойдутся двумя комнатками над его конторой.

— Второе правило менеджера: думать глобально, действовать локально. И тогда будет результат.

Назнин пошла в спальню и легла на голый матрас. Ей ничего не снилось. Когда она проснулась, за окном было уже темно. Посмотрела на часы. Уже шесть. Перед глазами картинка. Шану сидит в самолете и хочет выглянуть в окно. Но как ни пытается, не может дотянуться. Он слишком маленький. Не больше младенца, ноги не достают до конца сиденья. Назнин берет его на руки и сажает на колени. Она выглядывает из окна и видит огни под самолетом. Но это не взлетная полоса! Огни — это фонари и окна в административных и жилых домах. Самолет тянет вниз.

— Мама.

К стене прислонилась Биби, заложив руки за спину.

— Что, Биби? Ты меня ждала? Могла бы разбудить.

Биби сползла по стене и выпрямилась, снова сползла.

— Пойдем на кухню. Чего-нибудь поедим.

— Мама.

— Иди позови сестру. Возьмете меня за руки, и пойдем на кухню.

Биби снова сползла и села на пол.

Назнин подошла к ней и приложила руку ко лбу.

— Ты не заболела? Давай я врача вызову?

— Ее нет, — сказала Биби. И заплакала. — Она сбежала.

Глава двадцать первая

Биби поклялась не рассказывать. Она, всхлипывая, объяснила это матери, а потом и все остальное. Шахана отправилась встретиться с Ниши в кафе «Шалимар». Там они хотели поесть кебаба, бананового ласси, может, еще желаби, а потом сесть на поезд до Пейтона. В Пейтоне, сказала Ниши, бенгальцы не живут, и они с Шаханой смогут делать все, что захотят. Шестнадцатилетнюю сестру Ниши отправили на «каникулы» в Силхет, откуда она приехала через полгода с мужем и округлившимся животом. Ниши, быстро просчитав все наперед, решила подстраховаться: она сама устроит себе каникулы и вернется, когда ей исполнится двадцать пять. В столь пожилом возрасте опасности выйти замуж уже нет.

— Есть два кафе «Шалимар», которое из них? — спросила Назнин.

— Которое на Кэннон-стрит, — ответила Биби, — нет, которое на Брик-лейн.

— Точно? На Брик-лейн?

Биби кивнула. Потом помотала головой:

— Нет. Не на Брик-лейн. На Кэннон-стрит..

— Вспомни, Биби! Вспомни!

— На Кэннон-стрит.

Так на вопросы отвечают в телевизионных шоу, подпрыгивая от волнения и ожидая утвердительного кивка ведущего.

— Жди здесь, — приказала Назнин, — никуда не уходи. Что бы тебе в голову ни пришло, не шевелись.

И Назнин побежала. По Бетнал-Грин-роуд. Свернула на Вэлленс-роуд. Трусцой по Нью-роуд. На Кэннон-стрит заколoло в боку.

Дверь в кафе «Шалимар» на пружине. Она захлопнулась и ударила Назнин в плечо. На Назнин посмотрел единственный посетитель. Нитки у него на джемпере распустились и беспорядочно торчат в разные стороны, как борода у подростка. Посетитель снова принялся за чапатти.

— Девочку здесь не видели? — Назнин держалась за ноющий ушиб. — Двенадцати лет. В голубом камизе. Здесь и здесь желтое. Она была с еще одной девочкой.

Человек за стойкой чистил морковку. Обрезки складывал в стальную миску, морковку в пластиковый тазик с водой.

— Сколько девочке лет?

— Тринадцать, — ответила Назнин, — но на вид ей больше, можно четырнадцать дать, пят-

надцать.

Человек положил морковку на стол. Что-то вытащил из носа. Утекали секунды, и Назнин свирепела.

Человек вытер палец о фартук.

— Во что она была одета?

— Я не знаю.

Она оглянулась на столы, посмотрела под ними. Что она ищет? Они ведь после себя следов не оставили.

— Послушайте, вы видели девочек или нет?

— Сегодня? — спросил человек. — Нет. Сегодня посетителей не было. Только вот этот.

И он указал морковкой.

Район Джордж весь в лесах. Между стойками лесов плотная зеленая сеть. Дом будто выследили и взяли в плен со всеми жителями. Назнин перешла через Кейбл-стрит, потом под железнодорожным мостом. Паб «Фальстаф» заколочен досками, дворик перед ним задыхается от сорняков, рядом в кучу свалены дорожные конусы, булыжники и кусочки мха. Надо пройтись, восстановить дыхание. Из магазина вышел хозяин, вылил в сточную канаву ведро вонючей воды. Назнин заглянула внутрь. Через открытую дверь на один бетонный лестничный марш вниз ви-

ден ряд швейных машинок под низким желтым потолком. Одна женщина встала потянуться и дотронулась ладонями до потолка. Назнин поспешила дальше, мимо «Кэш энд кэрри» с товарами из Силхета, мимо Международного пункта переговоров по сниженному тарифу, мимо распахнутых челюстей мясной лавки, мимо здания на углу, которое вот-вот упадет, и при входе на нем полузабытая легенда о стародавних временах: «Знаменитая соленая говядина от Шульца».

Она свернула в район Бернерс. Здесь у каждого есть надежда на дешевое жилье, дома здесь — один большой памятник призрачной экономии. Вдоль бетонных спусков сгорбились, как подбитые чудовища, пологие дороги. В овражках за твердую почву отчаянно держатся подделки под пляжные бунгало, побитые и изношенные неведомыми штормами. Унылое здание с выпученными белками объявлений в окнах: «Сдаются квартиры». Назнин посмотрела вверх на балконы. Женщина в темно-синей бурке повесила коврик для молитвы на поручни и ушла. Ребенок катает по балкону красный пластмассовый грузовик, взад-вперед, взад-вперед. На том конце дома в болезненно-оранжевом свете фонаря за балконной решеткой сидят два чернокожих

малыша, смотрят на свой новый мир. Откуда они приехали? От чего они сбежали? Назнин научилась узнавать детей-беженцев по искаженным, застывшим лицам; им нужно снова учиться играть.

Вышла на Коммершал-роуд, мимо оптовых магазинов одежды поднялась по Адлер-стрит, свернула влево в маленькую зеленую передышку Альтаб-Али парка, где стоит аккуратный бледный многоэтажный дом с венецианскими окнами и воротами у входа, откуда, наверное, столичный люд отправляется на работу. Назнин сбежала по склону и на перекрестке Уайтчепел сразу попала на зеленый.

Самое начало Брик-лейн загородили полицейские фургоны. Сразу за ними отряд полицейских: руки на груди, ноги широко. Обе стороны улицы склеены этой мандариново-белой лентой.

— Пустите меня.

— Мадам, улица закрыта. Возвращайтесь назад, — ответил полицейский дружелюбно, но решительно. Наверное, он решил, что разговор на этом окончен.

— Мне нужно в кафе «Шалимар», там моя дочь.

Полицейский смотрел прямо, как будто она ничего сейчас не сказала. Ряд одетых в черное

людей, обхвативших друг друга перед невидимой угрозой. Что происходит на Брик-лейн? Они что, перекрыли улицу только из-за марша «Бенгальских тигров»? Кажется, их предполагаемый маршрут заканчивается здесь. Но уже темно, поздно. Какие марши в это время?

— Почему я не могу пройти? — спросила Назнин. Она заглянула полицейскому прямо в лицо. *А так вы меня видите? Так вы меня слышите?*

— Беспорядки, — ответил полицейский.

Она почувствовала тепло его дыхания и отстранилась:

— Там моя дочь.

Полицейский покачал головой:

— Нет, мадам, там ее нет. Мы вывели отсюда всех, кто захотел уйти. Остались только официанты и владельцы ресторанов. Они не пожелали уходить. Ваша дочь наверняка уже ушла, если только сама не принимает участия в беспорядках. Предлагаю вам поискать ее дома.

Он не пошевелился, но Назнин невольно отступила.

Нет, домой Шахана не пошла. Что она первым делом подумала, когда увидела полицейского, идущего к ней и ко второй беглянке? Что сделала?

Назнин заглянула через кордон на Брик-лейн. Ничего не видно. Магазины электротехники закрыты, на витрине магазина бутербродов только пустые подносы и голый стеклянный прилавок, свет горит только на ступеньках гостиницы «Капитал сити» под навесом.

Поток мыслей в голове то спадал, то возобновлялся. Шаханы давно уже здесь нет. Она сейчас на вокзале, покупает билет до Пейтона. Шахана сейчас в кафе, ее держит какой-нибудь вор или собственный страх, и она с Ниши съежилась где-нибудь в туалете. Если она сейчас на вокзале, то уже поздно. Но если она на Брик-лейн…

Паника накрыла Назнин, как приступ астмы. Вот-вот она испустит дух и упадет полицейскому на сложенные руки.

К кордону подошла белая пара и что-то спросила. На лицах у них разочарование. Они хотели поесть карри. Подошли еще люди, они тоже хотели лагера и карри. Полицейский, говоривший с Назнин, теперь отвечает женщине с морщинистой шеей и резким голосом:

— Мадам, могу предложить вам заглянуть в ресторанный справочник.

Назнин проскользнула у него за спиной. Подоткнула сари повыше, перебралась через оранже-

во-рыжую ленту. Кто-то похлопал ее по спине. Она обернулась, но никого не увидела. Сердце шалит. Держась поближе к стенам, проскочила вену переулка, и — в главную артерию Брик-лейн.

Через дорогу — полукруг щитов из плексигласа, за щитами дугой — полицейские в дутых куртках. На тротуаре и на самой улице — парни с поднятыми капюшонами, шарфы на лицах, как мужская паранджа. Тихо.

Назнин прошла мимо парней. На нее никто не обратил внимания. В освещенных ресторанах стоят официанты, прислонившись лбом к стеклу. Рядом — неподвижные хозяева ресторанов, от переживания их важные лица дергаются. Все кипучее смешение кровей на перекрестках этой улицы пересохло. По артерии теперь плывет один большой пузырь.

Полицейская машина под сумасшедшим углом, передние двери распахнуты, внутри никого нет. Машина раскачивается. Хлопает дверца. Снова раскачивается. Ее толкают парни. Они работают быстро и тихо, словно им задали это сделать и они хотят справиться с заданием как можно лучше. Машина перевернулась, вдруг отовсюду вспыхнул крик и лизнул улицу язычками пламени.

— «Бенгальские тигры», *зиндабад!*

Да здравствуют «Бенгальские тигры».

Назнин бросилась бежать. Темная высокая фигура палкой выбила окна полицейской машины. Другая что-то швырнула. Это что-то засвистело и с приглушенным хлопком взорвалось. После этого простого слабительного из-за черных муниципальных мусорных контейнеров, из дверей, из-за углов и капотов повалили люди. Назнин пробежала мимо машины. Возле заднего колеса на земле согнулась фигура в белом. Назнин обернулась. Фигура с большой и тяжелой головой выпрямилась и снова согнулась. Это Главный по межкультурным связям, он молился. Назнин бросилась к машине. Схватила его за широкий белый рукав и потянула на себя:

— Пожалуйста, вставайте.

Он поднял на нее лицо, белки глаз сияли в темноте ярче, чем белая рубашка.

— Скажите, сестра, сколько молитв читается вечером?

— Вы что, с ума сошли? Вставайте. Бегите отсюда.

— Что? Я молюсь Аллаху, чтобы он спас всех этих мальчиков. Я не могу встать.

— Аллаху, — и Назнин потянула его за воротник, — сейчас не нужны ваши молитвы. Ему

сейчас важна ваша жизнь.

Ткань треснула, и рука у нее резко ушла вверх.

— Черт, — сказал Главный по межкультурным связям и поднялся с колен. — Вот дерьмо. Из-за вас я выругался.

— Помолитесь позже. Бегите отсюда. Немедленно. Бегите.

Небо разорвал вопль сирены. Они бросились бежать. Назнин бежала так быстро, что топот отдавался в зубах. На углу Хэнбери-стрит она остановилась и обернулась. Полицейская машина изрыгнула клубочек черного дыма и превратилась в огненный шар.

— *Если я пойду и долиною смертной тени…*

До «Шалимар» оставалось три квартала.

— Бежим, — крикнула Назнин, — скорее.

Главный по межкультурным связям поднял руки:

— *…неубоюсь зла. Потому что Ты со мной.*

— Я не могу вас ждать.

— *Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня*[89], — он посмотрел на Назнин, — в такой ситуации не до сожалений, живым бы остаться.

И посмотрел на небо.

---

[89] Примечания: 89
Отрывок из псалма 22.

Назнин бросила его и кинулась ближе к магазинам, вытирая стены плечом. Впереди возле мусорного контейнера человек восемь-десять парней. Большой черный бак им по плечо. Двое выскочили из-за него и что-то кинули. Снова спрятались за контейнер, все остальные пригнулись. Назнин остановилась. Сзади вспыхнуло окно. Оказаться бы сейчас где-нибудь в другом месте, а не участвовать в этих безумных прятках. Ни одного белого здесь нет. Эти парни дерутся друг с другом. У нее закружилась голова, она прислонилась к стеклу. Сколько, сколько времени я уже здесь.

На дорогу посыпались снаряды. Пустые бутылки, полные банки, кирпич, стул, просвистела палка. По ноге Назнин ударило бутылкой. Она снова решилась бежать. Но куда? К «Шалимар», откуда летят эти снаряды? Или обратно, чтобы спрятаться? Она повернулась на сто восемьдесят градусов, и еще раз и еще и вдруг поняла, что не знает, в какой стороне кафе. Ничего не узнает. Чьи-то очертания на дороге, они не толще тени, но твердые — разбивают окна. Сгорбленные силуэты, вращаются руки, бледная жилка кроссовок на черной земле, размякшей под ногами. Здания вьются куда-то вдаль, сжимаются на озлоблен-

ном тротуаре. Красные огни со свистом вертятся в воздухе, распарывая темноту, но не освещая ее, как будто дьявол танцует по улице с горящим фонарем в руках. Назнин смотрит на окно, хочет успокоить глаза на белом чистом свете, но они тут же начинают болеть. Посреди дороги извивается в приступе злобы змея из горящих шин и скидывает вверх кожу, черную, толстую, удушающую. *Взжи-взжи-взжи.* Сигнализация в магазинах визжит скорее от страха, чем для предупреждения. Вдалеке упрямо крадется «скорая», бешено скачущий голубой ее глаз издает жуткие, резкие стоны.

Назнин заставила себя сдвинуться с места. Она шла, вытянув перед собой руки, словно не верила своим глазам. Постепенно пришла в себя. Такое ощущение, что она упала в обморок, а теперь мир постепенно обретает формы. Свет перестал прыгать. Назнин поняла, что за очертания ее окружают, поняла, что тени в темноте — это людские силуэты. В асфальт врезался машинный двигатель. Она пошла мимо горящих шин, и на несколько секунд глаза ее снова перестали видеть. Когда дымовая завеса осталась позади, она увидела посреди дороги человека. Лицо его закрыто мегафоном, но даже в этом мерцающем

свете он бросает сдержанные взгляды вокруг себя. И ни одного бессмысленного. Пиджак висит на нем, как на вешалке, вместо плеч — одни кости, ни грамма ненужной плоти.

— Братья, — взывал он знакомым голосом. — Братья, зачем вы деретесь друг с другом, мусульманин против мусульманина?

Еще одна палка просвистела над головой и стукнулась в асфальт рядом с Назнин. Наклонилась, подняла. К палке прибит плакат: ОСТАНОВИТЕ ВОЙНУ.

— Неужели марш в защиту ислама должен так заканчиваться? — спрашивал Вопрошатель.

Назнин кинулась дальше. Мегафон пытался перекричать визги тормозов, хлопанье дверей, магазинную сигнализацию, пронзительный свист парня в капюшоне, который проехал на велосипеде.

— Друзья мои, полиция над вами смеется. Они ждут, когда вы все друг друга перебьете.

Пробежал парень, размахивая руками: *давайте, быстрее.* Тут же к нему подскочили пятеро и повалили его на землю. Сверху еще трое. Официанты в черных штанах, белых рубашках машут шампурами и ножами для разделки мяса, грудь у них раздувается от ярости.

— Чертовы ублюдки, — орут они. — Какого черта вы гадите нам на порог? Валите на Оксфорд-стрит! На Пиккадилли-Серкус! Валите отсюда к чертям собачьим!

Кучка парней бросилась в разные стороны и рассыпалась по кишечнику Брик-лейн.

— Знайте, ребята, что на вас сейчас смотрит весь мир. — Вопрошатель медленно поворачивался вокруг своей оси с мегафоном, чтобы на все триста шестьдесят градусов вокруг разносились его слова. — Знайте, что прямо сейчас Джордж Буш смотрит на вас и смеется.

Из темноты вырвалась женщина и подбежала к нему с микрофоном в руках. Вопрошатель опустил мегафон. Белый мужчина поставил на плечо камеру и направил ее на Вопрошателя. Женщина задавала ему вопросы, и он на них отвечал, но Назнин не слышала что.

Впереди загорелась машина, человек десять засверкали оттуда пятками. Только бы Шаханы здесь не оказалось, только бы она уже в поезде, только бы она уже в Пейтоне. Назнин решила бежать вместе с толпой, но все время отставала. Тут кто-то обхватил ее поперек туловища, и она заболтала ногами в воздухе.

— Иди сюда, — крикнул Карим и втащил ее в

подъезд.

Назнин хотела что-то сказать, но не могла справиться с дыханием.

— Что ты здесь делаешь?

— Шахана, — только и смогла произнести она.

— Иди домой. Здесь тебе не место.

— Шахана. Она где-то здесь.

Карим схватил ее за плечи. В глазах молнии. Еще чуть-чуть, и он начнет ее трясти. Успокоился.

— Хорошо. Я тебя слушаю.

Она как можно быстрее ему все рассказала. Карим глянул по сторонам, жестом приказал ей замолчать и следовать за ним.

— Что происходит? — спросила она, когда они проходили мимо разбитого входа в магазин. Вспомнила его слова. *Клянусь Аллахом, мы все выступим, как один.*

— Джамал Заман сегодня вышел из больницы. Помнишь парня по прозвищу Нонни?

Назнин прибавила шагу, чтобы поспевать за ним.

— И что же здесь творится?

Хотя сама ответ видела на последнем собрании.

— Месть. И месть за месть. — Он обернулся. —

Господи, здесь творится полный беспредел! Здесь даже *повода* не нужно. Сунь им что-нибудь под нос, и они разорвут это на части. Полицейскую машину, витрину магазина, все что угодно.

— А как же марш?

Он пожал плечами:

— Ну, промаршировали мы. И что?

— А «Львиные сердца»? Они пришли?

— Человек двадцать-тридцать было. Они ничего не решают.

На тротуаре лежала куча награбленного добра, никому не нужного, поэтому в спешке брошенного. Они побежали через дорогу.

— Ничего не решают?

— Не здесь. Не сейчас. Когда лидеры не предпринимают никаких действий, люди начинают действовать сами. Понимаешь?

Они дошли до «Шалимар». Свет в кафе не горел. Столики накрыты, на каждом горшочек с искусственными цветами и три жестяные тарелки с чатни, нарезанным луком и райтой[90]. Назнин посмотрела на Карима.

— Идем домой, — сказал он.

Назнин прислонилась лицом к стеклу и прижа-

---

[90] Примечания: 90
Райта — луковая приправа.

ла по бокам ладони.

— Утром она вернется.

Назнин посмотрела на двери в туалет в конце зала возле витрины, на них кебаб, курица-тандури[91], бхази, пури[92], рис с овощами, молочные конфеты, ладду, сияющие от сахара и тускло мерцающие желаби.

— Я провожу тебя до угла. Оттуда сама спокойно доберешься.

И тут Назнин их увидела. Три официанта спиной к стене, руки за спину, а за ними две маленькие фигурки держатся за руки.

Назнин замолотила по стеклу и закричала:

— Шахана! Шахана! Это я. Я здесь. Мама тебя нашла.

Шану знал, что она ему собирается сказать. Поэтому он говорил и не мог остановиться. Говорил вместе с телевизором. Назнин уставилась на экран. На экране только два цвета: красный и черный, даже лицо Вопрошателя все в красно-черных тонах. И слов его не слышно. Шану сидел на подлокотнике дивана и слегка раскачивался,

---

[91] Примечания: 91

Курица-тандури — курица, маринованная со специями и запеченная в глиняной печи.

[92] Примечания: 92

Пури — оладьи из ржаной муки.

словно мог в любую секунду полететь в какую угодно сторону. Не умолкали ни его глаза, ни руки, ни брови, ни щеки, ни нос, ни рот. Все ходило ходуном. Периодически он раскачивал ногами, показать, сколько в нем жизни, возможностей и будущего.

— Это чтобы мы не забывали, — и он выразительно показал на экран, — откуда мы сегодня уезжаем. Сейчас, конечно, вместо Шаханы у нас клубок нервов, она вся напряжена, конечно, неудивительно, что она решила бежать, ну и посмотри, к чему это ее привело, и там, куда мы едем…

Шахана лежит в ванной, рядом сидит Биби и не спускает с сестры глаз.

Назнин посмотрела на мужа. Он улыбнулся в ответ, но поток слов не иссяк.

— За нами заедет мой коллега из «Кемптон карс». Я когда его впервые увидел, подумал, что он, что называется, невежа, ну вообще так оно и есть, в большей или меньшей степени, но он все-таки добрый малый. Англичане про таких говорят «соль земли». Ты знаешь, что это означает?

— Уже скоро…

Лицо его пошло ямочками.

— Я понимаю, момент волнующий! Давай про-

верим билеты и паспорта. В аэропорту снова проверим, там, насколько я помню, понаставят нам штампов и…

— Надо было раньше тебе сказать.

Назнин посмотрела на свои руки.

Шану встал. Отряхнул пыль с брюк, это его лучшие брюки, ткань голубая, хлопок с полиэстером, в тон им бледно-голубой с бежевым ремень. Шану подошел к телевизору. Мелким и легким шагом. Скорее подскочил, чем подошел.

— Давай его выключим. По большому счету сейчас его смотреть все равно что оглядываться назад. С сегодняшнего дня будем смотреть только вперед. Когда переедем в бунгало, твоя сестра будет жить с нами. Ты довольна?

И снова прикрепил к телевизору пометку «На аукцион». Прошелся по комнате. Еще чуть-чуть, и он начнет приплясывать.

— Еще бы недовольна! Только подумай! Снова вместе с Хасиной, девочки вместе с тетей, выходные на Кокс Базар, девочек обязательно свозим в Сундарбан. Там они увидят настоящего бенгальского тигра. Ха! Ха, ха. Назнин! Ха!

Она подошла к мужу. Они стояли близко-близко друг к другу между диваном и креслом. Назнин рукой коснулась его щеки. Он уткнулся лицом в

ее ладонь и поцеловал в порыве грустной нежности. Из шеи потихоньку уходило напряжение, голова оседала на грудь. Назнин крепко сжимала его лицо, словно пыталась остановить кровь из раны. Другой рукой обняла его.

— Понимаешь, — забормотал он ей в ладонь, — все эти годы я мечтал вернуться домой Большим человеком. Только сейчас, когда для меня все уже позади, я понял, что по-настоящему важно. Покуда со мной моя семья, моя жена и мои дочери, я сильнее всех на свете.

Уткнулся ей в плечо. Через все тело прокатился вздох. Она прижалась к нему еще сильнее.

— Что это значит, «Большой человек»? — шепнула она ему на ухо.

Грудь ее разрывало от грусти. Внутри ничего, кроме грусти, она везде, даже в костях.

— Что это значит, твой «Большой человек»? Разве я из-за твоего Большого человека тебя люблю? Разве можно в человеке любить другого человека?

Его слезы обожгли ей руки.

— Значит, ты поедешь со мной? Поедешь?

— Нет, — выдохнула она.

Подняла его голову, заглянула в лицо. Оно заострилось и осунулось, стало почти неузнаваемым.

— Я не могу поехать с тобой.

— Я не могу здесь остаться.

Они прижались друг к другу. Их окутала грусть, с которой не справиться ни слезами, ни словами, над которой не властны ни место, ни причины, ни следствия, которая разлилась в воздухе, проникла в позвоночник и которая теперь всегда будет с ними, куда бы они ни отправились.

Она не могла заснуть. Встала среди ночи, пошла на кухню. В коробке с пометкой «Доктор Азад» лежат все продукты, которые они не съели. Назнин порылась в поисках разделочной доски. Отыскала сковородку, кастрюлю, ножи, специи, лук и красную чечевицу. Вымыла чечевицу, перебрала от камушков, залила водой и поставила на огонь. Черпак куда-то пропал, но она достала большую ложку и сняла пенку с навара, смыла ее в раковине. Нарезала лук, чеснок, имбирь, часть кинула в чечевицу, часть на сковородку с маслом. Чайная ложка тмина, щепотка куркумы, немного чили в кастрюлю. Когда лук начал поджариваться, раскусила восемь зернышек кардамона, извлекла черные семечки и кинула на сковородку. Посыпала гвоздикой, кинула три лавровых листочка и немного семян кориандра. От специй повалил чарующий и плотный аромат.

Остальные запахи в сравнении с этим — болезненно-худые; этот похож на облако, остальные — на чахлые кружочки. Назнин наклонила сковороду. Семена кориандра начали подпрыгивать. Она уменьшила огонь. Отодвинула коробку в сторону, чтобы освободить на столе побольше места, и увидела фотографию.

У Шану из-под непомерных красных шорт торчат жилистые икры, сверху необъятный живот. Под руки втиснулись девочки. Шахана в темно-зеленом камизе, Биби в розовом, на лицах — выражение, среднее между «послушная дочка» и «заложница».

Назнин поставила фотографию обратно к плитке. Посмотрела на часы. Выглянула в окно.

Шану позвал дочерей:

— Наши планы изменились.

Он потер лицо ладонями, чтобы к щекам снова прилила кровь.

— Я предложил маме, что трое из нас поедут домой попозже, она согласилась.

Он взвесил свой живот и слегка его похлопал. Прочистил горло, на этот раз там действительно что-то оказалось, на глазах у него выступили слезы.

— Я поеду вперед, так сказать, кхм, расчистить

дорогу.

Девочки посмотрели на Назнин. Поняли, что это правда. Биби зажевала обе косички. Шахана подошла к отцу и обняла его за шею:

— Папочка, а кто же тебе будет готовить?

— Кто тебе будет вырезать мозоли? — спросила Биби.

Шану пощекотал Шахану:

— Как? Неужели вы не знали? Я готовлю намного лучше вашей мамы. Биби, посмотри, живот у меня теперь плоский, как паратха. Я теперь и сам могу дотянуться до ступней.

И он в доказательство наклонился. Потом начал перекладывать сумки, деньги, билеты и паспорта. Щелкнул кошельком на ремне, проверил застежку.

— Ведите себя хорошо, слушайтесь маму, каждый вечер делайте уроки, не теряйте время на телевизор и прочую чушь, читайте Тагора (советую вам «Гитанджали»). Тогда все у вас обязательно получится. И помните, что… — он помолчал. — Ну ладно. На сегодня хватит.

Назнин помешала дал.

— Мы тоже голодные, — сказала Шахана.

Девочки пришли на кухню, взяли еды на тарелки, унесли их в комнату и освободили место

на столе.

— Когда мы поедем в Дакку? — спросила Биби.

— *Если* поедем, — поправила Шахана. — Нам туда не обязательно ехать. Правда, мама?

— А как же папа? — быстро спросила Биби. — Мы ведь не можем просто так его оставить.

— Он вернется, — объяснила Шахана, — спорим, что вернется. И когда вернется, он будет гораздо счастливее.

— Почему ты так решила?

Шахана пожала плечами:

— Будет, и все. Говорю тебе.

— Значит, мы не поедем, мама?

— Подождем…

Назнин одернула себя. Положила себе еще риса. И еще дала. Предложила добавки девочкам.

— Завтра об этом поговорим или еще когда-нибудь. Останемся мы или поедем, решать нам.

Март 2002 года

Разия сняла очки и поднесла рисунок близко к лицу, почти коснувшись его своим длинным носом.

— Справимся, — сказала она, — это очень просто.

Снова надела очки.

— Но денег возьмем больше. Видите, здесь вы-

шивка бисером.

И передала рисунок Хануфе:

— За каждый по пять фунтов сверху. А не хотят — как хотят.

Хануфа передала рисунок Назнин. Брюки очень мелкие, без пояса, топ заканчивается высоко над пупком. Вышивка золотом; на концах шарфа бисером вышита паутинка. В качестве образца прилагался кусочек бледно-голубого шелка.

— А что, если добавить белый шарфик из органзы? — спросила Назнин. — Красивое будет сочетание.

— Нам за дизайн дополнительно не платят, — ответила Разия.

Она встала и надавила на поясницу:

— Это не софа, а старая ведьма. Разбита еще больше, чем я.

Софу купили в комиссионке. Обивка из искусственной кожи неопределенно-лилового цвета, такой цвет у голубиного помета. В ней столько искусственных материалов, что от малейшего соприкосновения с ней статический разряд пробегает по телу до самых зубов.

— А почему нет? — спросила Назнин.

Разия, прищурившись, покосилась на нее:

— Тогда еще и за него возьмем.

— Давай так и сделаем. Ты нарисуешь. Я продам.

Дело организовала Разия. Она зашла как-то в «Модные мотивы», смелая, как птичка майна, и спросила насчет работы. Ей предложили кабальные условия, и она пулей оттуда вылетела. Села на автобус и отправилась по пригородам, в Тутинг, Илинг, Саутхол, Уэмбли. Вернулась с заказами, образцами, шаблонами, выкройками, бисером, шнурочками, украшениями из перьев, кожи, искусственного меха и хрусталиков.

— Эти молодые девушки, — Разия втянула воздух через сомкнутые зубы, и слова у нее полетели, как свинцовые пульки, — натянут на себя кусочек тряпочки и величают его нарядом. Они себе скоро на трусы чайники начнут пришивать, и оглянуться не успеешь — готово платье!

И смех ее прогремел по комнате, как будто с большой высоты уронили пару кастрюль.

Хануфа вздохнула:

— Бедная, бедная миссис Ислам. Слышали? Она очень больна. Она даже из дому не выходит. Постоянно молюсь за нее.

— Старая притворщица, — сказала Разия. — Она еще всех нас переживет.

— Врачи не могут понять, что с ней. Она всех по-

ставила в тупик. К ней даже вызывали человека из Манчестера. Еще один приезжал из Шотландии. Третий прилетел из Индии. Ужасно, ужасно.

— Да, ужасно. Говоришь, не могут понять, что с ней?

Разия легла на пол. Она привыкла лежать на полу и считает, что это полезно для спины.

Хануфа шире раскрыла глаза:

— В Швейцарии есть специальная клиника. Наверное, ее отвезут туда на лечение. Вообще-то она подумывает, не поехать ли туда всей семьей.

— Со всей семьей, — усмехнулась Разия, — и со всеми банковскими счетами.

Открылась дверь в спальню, на цыпочках вошла Джорина. На ней костюм из шифона с розовой аппликацией оттенка цветущей вишни, с тонкими лямочками на плечах и разрезанными до бедра штанишками, из-под которых виднелся полупрозрачный розовый шелковый чуридар[93].

— О господи, — Разия повалилась на бок, — что с нашей Джориной сделали эти «Боливудские красотки»?

Джорина все так же на цыпочках покружилась:

---

[93] Примечания: 93

Чуридар — обтягивающие штанишки.

— Вы только посмотрите! Как он на мне сидит! Как вы думаете, может, мне его себе оставить? Он как будто на меня пошит.

— Мы с тебя снимали мерки для выкройки, — сказала Разия, — ты у нас миссис Стандартная фигура. Поэтому и не мечтай. Ты где в нем будешь дефилировать, перед сковородками? Слушай, сначала давайте наладим торговлю, а потом сами будем одеваться, как звезды.

Она потянулась к тетради с расчетами и, глядя на цифры, пожевала колпачок.

— Хануфа, тебе я сегодня заплачу. Назнин и Джорина, подождите до завтра, у меня завтра клиент расплачивается. О'кей?

— О'кей.

Разия каждой дала поручение. Быстро обсудила с Джориной вопрос об эластичности шерстяного джерси на салвар камиз. Подсчитала и выдала Хануфе деньги. Подруга Назнин теперь бизнесвумен. Надо обдумать новый дизайн.

— Как твой сын? — спросила Хануфа. — Как учеба и все остальное?

— Учеба о'кей-ма. Все у него о'кей-ма.

Разия взяла Хануфу за запястье. Наклонилась к ней:

— Я думала, что потеряла Тарика. Я думала, что

он не захочет жить жизнью, которую я для него придумала.

— В этом вся наша беда — мы придумываем жизнь за наших детей. А они сами хотят ее прожить, — сказала Хануфа.

— Да, — ответила Разия, — и проживут. Даже если она их поубивает.

Назнин закончила работу. Взяла сумку и отправилась по магазинам за кружевом. Перейдя через двор, остановилась и посмотрела, как отсюда выглядят ящички на окнах. Над ободками высоких белых горшочков виднелось несколько темно-зеленых листьев. Она купила зимний сорт анютиных глазок, скоро зацветут. Белье у Разии сушится на веревке между водосточной трубой и железным крючком. В двойные оконные рамы бьется фуфайка с британским флагом.

Назнин свернула налево, пошла окольными улицами за Коламбиа-роуд. Надо поторопиться, чтобы успеть домой до прихода девочек из школы. С тех пор как Шану уехал, Биби превратилась в совушку. Назнин просыпалась посреди ночи и видела, что дочь сидит на краю кровати, прижав коленки к груди под белой ночной рубашкой. Иногда Назнин заходила к девочкам, Биби сидела на стуле и следила за сестрой. Днем молчала,

ходила сонная, с черными кругами под глазами. К ночи просыпалась и вздрагивала от малейшего движения.

Лишь недавно Биби начала успокаиваться. Назнин находила ее то у двери в спальню, спящую, свернувшуюся калачиком, то на полу рядом с кроватью Шаханы.

— Без тебя я никуда не уеду, — говорила ей Назнин.

— Я знаю. Не уедешь ведь, правда?

Биби постоянно просила, чтобы мать рассказала историю. Ей хотелось слышать слова, потому что слова сшивали ее с мамой.

— Расскажи про то, как ты была предоставлена своей Судьбе.

— Нет, только не эту, — застонала Шахана, — эта скучная.

— Это точно, — ответила Назнин, — я вам расскажу историю поинтересней.

Назнин прошла парк, игровую площадку и возвышенность, за которой начинался пустырь. Проверила кошелек: почти двадцать фунтов. Еще, может, и на шоколад девочкам хватит. Назнин мысленно сказала спасибо. Если бы не Разия, денег не было бы вообще, потому что Карим как в воду канул. Она осталась без контактов с фаб-

рикой, без материала для работы и без средств к существованию. Она молилась, но Господь уже давно дал ей то, в чем она нуждалась: Разию.

Пара рабочих пыталась протащить через дверь в местный зал обитый зеленым сукном стол из орехового дерева. Еще один толстым слоем кремовой краски закрашивал граффити на скучной кирпичной стене. Длинную покатую крышу заменили, и теперь она черная, как полночь, растворившаяся под прозрачно-голубым небом. Над дверью повесили вывеску на английском и бенгальском: «Молодежный клуб района Догвуд».

Стол с трудом втиснули в двери, и на бледное весеннее солнце вышел тощий молодой человек.

После погрома здесь начались перемены.

В район приходили и уходили политики с руками за спиной: мол, мы здесь ни при чем, мол, мы возлагаем надежды на будущее. К Назнин приходил советник в вельветовом пиджаке и в рубашке с круглым вырезом, посмотрел на отваливающуюся штукатурку в прихожей. Вместе с ним пришли репортер и фотограф. Фотограф сфотографировал советника, положившего руку на кирпичи.

— Сколько лет вы здесь живете? — спросил советник, раздельно произнеся каждое слово.

— Семь или восемь лет, — ответила Назнин.

— Вам приходится трудно?

— Нет.

— Сколько у вас детей?

— Двое.

Советник был разочарован.

В полдень пришли телерепортеры. Снимать им было нечего, и они поснимали друг друга. Они вернулись, когда стемнело, и сняли рассекающих на машинах парней. Обнаружили пустующие квартиры, где собирались наркоманы, дабы насладиться своей наркотой, сняли жуткие матрасы и кусочки серебряной фольги. Материал получился сенсационным. Его показали по местному каналу.

Арестовали трех дилеров. Их вакансии остались открыты.

Учредили «Специальное подразделение Тауэр-Хэмлетс» для изучения «проблем молодежи» и «социальной сплоченности». Через два года подразделение должно было вынести свой вердикт.

Тем временем репортеры, вооружившись блокнотами и диктофонами, слонялись по району и искали членов банд. Пристали как-то к Тарику:

— Где здесь банды? Вы являетесь членом?

— Нет, — ответил он, — банд здесь нет.

— Тогда где фундаменталисты? Вы один из них?

Раны Брик-лейн быстро затягивались. Их перебинтовали штукатуркой. Не оставили без внимания ни единой царапинки, и через несколько недель, когда сняли бинты и деревянные шины, все было, как раньше. Ни единого шрама.

Назнин спустилась ко входу в зал. Худощавый молодой человек шел в противоположную от нее сторону. Она прибавила шагу.

— Садам алейкум.

— Ваалейкум асалам, — обернулся он.

— Вы не знаете, что сейчас с «Бенгальскими тиграми»?

Он с жадным интересом посмотрел на нее. Его большой нос, похожий на пестик от ступки, чрезвычайно ею заинтересовался:

— Распустили их. Председатель уехал.

— Да? — Назнин отвела взгляд. — Куда же он поехал?

— Карим? В Бангладеш.

— Понятно.

— Говорят еще, что он путешествует в фургоне.

И Назнин представила: Карим в джинсах и белой рубашке, на шее золотая цепочка, через плечо связка одежды, в пещере в горах, вокруг

него мужчины в тюрбанах с пулеметами.

— Но по-моему, он уехал в Бангладеш.

— Да, — ответила Назнин.

— На его месте, — продолжал парень, — я бы не отправился на джихад куда-нибудь за тридевять земель. И здесь полно работы.

Назнин посмотрела на вывеску молодежного клуба.

— Да, вы правильно поняли. Сюда требуются организаторы. У меня будет своя группа. Знаете, я всегда с неодобрением относился к женщинам среди «Бенгальских тигров». Ведь это исламская организация! Не я это придумал. — В его взгляде читалось: знаем, кто это придумал. — Моя группа не будет религиозной. Мы будем заниматься политикой. Местной политикой. И вы приходите.

Раз группа его, значит, он будет Председателем. Вопрошателя подвинули. Его место теперь свободно.

— Приду. Мне бы хотелось, хоть я и была всего на паре-тройке собраний, — ответила Назнин.

В небе пролетел самолет. Она посмотрела вверх. Самолет постепенно набирал высоту, устремлялся все выше в небо. Свернул. И полетел прямо. Назнин опустила голову:

— Но в то время я и не представляла, на что

способна.

Назнин положила шоколад в холодильник, пошла в гостиную и включила радио. Настраивала его Шахана. Какой-то мужчина пел о любви и расставании, о дожде и слезах. Он пел о потере и (здесь она не расслышала как следует) о смерти. От ритма барабанов и мелодии его голос прыгал безжалостно-счастливо. Назнин взяла ручку и бумагу и села за стол. Начала рисовать наряд. Солнце согревает руки. Оно нырнуло в стакан с водой и брызжет золотыми колечками на темную поверхность стола.

Разия заплатит завтра. Завтра она пойдет в банк «Сонали» и отправит Хасине деньги. Письма от Хасины нет уже два месяца.

Шану пишет каждую неделю. Иногда случается перерыв в три недели, после которого приходят три письма подряд. В таких случаях особенно заметно, что он пишет всегда одно и то же. То-то и то-то о погоде. Жарко. Сейчас прохладней. А сейчас просто ужасно жарко. Он потеет очень сильно или не очень сильно. Скорей бы дождь. Подробно описывает, что ест: на завтрак, на обед и на ужин. Как никогда подробно Назнин осведомлена о содержании его желудка. Пишет о мыле, об управлении, о значительных шагах вперед, о

маленьких назад. Большой Босс либо «очень приветлив», либо «приветлив, но осторожен». Между строчками ничего нельзя прочесть. Как будто над письмом поработала рука цензора и вычеркнула все конкретные факты. Другие стороны своей новой жизни Шану описывает подробнейшим образом. Разработал режим упражнений и честно описал всю свою недельную программу. В понедельник двадцать пять приседаний и тридцать отжиманий, сорок отжиманий и пятьдесят поднятий тяжестей из положения сидя во вторник и так далее. Из недели в неделю Назнин читает подробное описание будущего дома. Жилое пространство двадцать на десять футов, кухня шесть на четыре, до ближайшей парикмахерской двести пятьдесят ярдов, до ближайшей мясной лавки шестьсот, до ближайшего банка около мили. Из недели в неделю посылает одну и ту же информацию. Всем остальным не делится. Письма на плотной желтой бумаге с одной стороны листа, точно до конца страницы. Письмо никогда не заканчивается чуть ниже середины. Иногда Шану дважды описывал погоду, чтобы заполнить место. Раз или два в месяц он звонил.

— Как у тебя дела? Выслать тебе денег?

— Нет, у нас все в порядке.

— Девочки учатся?

— Да, получают пятерки. У Шаханы начался французский.

— Хорошо. Значит, все в прядке.

На линии, не переставая, что-то щелкало. Голоса фонят. Разговаривать сложно.

Спросила его однажды:

— Там все, как ты и ожидал? Как ты и хотел?

В телефон будто шторм залетел — от шума заболело ухо. Потом все успокоилось.

— У англичан есть такая поговорка: в одну реку дважды не зайдешь. Понимаешь, что она означает?

Она знала.

Позвонил снова:

— Я ее видел.

— Хасину!

— Она в семье уважаемых людей. Но ей бы лучше отдельно жить.

— Как она выглядит?

— Она выглядит… — Шану подумал, — несломленной.

— Что она говорит? Как она там вообще?

— Мы ей должны послать денег. Ты сможешь выслать?

Первая зарплата от Разии была небольшой.

Весь месяц они ели рис и дал, дал и рис. В конце месяца осталось еще пять фунтов, которые отправились к Хасине. В следующем месяце получилось больше.

Назнин положила ручку. Ручка не пишет. И Назнин не готова рисовать. Она-то думала, что это просто вопрос усидчивости. Теперь поняла, что рисовать надо потом. Сейчас надо придумать.

По радио началась новая песня.

Даааааааааааа…

Женский голос наполовину поет, наполовину визжит.

С тобой из сердца рвется крик…

Назнин подошла к радио и сделала громче. И певица, взобравшись на скалу над морем исступления, что есть мочи полетела вниз.

В такт песне Назнин покачала головой. Бедрами. Застучала правой ногой, левой. Подняла руки, качнула телом. Волны песни разбиваются об нее.

Замахала руками, уронила голову на грудь, закружила вокруг стола. *Крик!* Запела, наполняя легкие воздухом до отказа, выдыхая его до конца, чувствовала, как падают волосы на шею и на плечи, как в танце уже не слушаются ноги, как тело иглой прошивает воздух. Подпрыгнула, по-

доткнула сари в шнурок на нижней юбке. *Крик!*

Назнин положила руки на талию и начала махать ногами. Повернулась и махнула, повернулась и махнула, подпрыгнула и махнула ногой выше головы.

Зазвонил телефон. Назнин подбежала к радио и выключила его.

— Алло. — Она задыхалась.

— Что случилось? — спросил Шану.

— Ничего, я бежала к телефону.

— Твоя сестра исчезла.

Закололо в груди.

— О господи, что случилось?

— Приходил ее хозяин. Повар тоже исчез. Они сбежали вместе.

— Господи, я думала, что-то страшное…

— Что-то страшное *уже* произошло. Повар — совсем молодой парень. Как быстро она ему надоест? Помнишь, что случилось с ней в прошлый раз?

Линия не перегружена, но Шану кричал то ли из-за эмоций, то ли в силу привычки.

— Когда она сбежала?

— С неделю-две назад. Не знаю. Хозяину это влетело в копеечку. Он все повторял, что хорошие повара на дороге не валяются.

— Ты не видел этого повара? Какой он из себя?

— Еще не хватало, чтобы я за ним гонялся. С мылом дел невпроворот. Я не могу носиться по городу как угорелый.

Назнин представила, как он сейчас гладит себя по животу.

— Понимаю.

— Почему она это сделала? Почему она вообще такие вещи делает?

Назнин посмотрела вниз и удивилась, увидев свои ноги.

— Потому что она не собирается сдаваться.

Шану помолчал.

— Я тут подумал, — сказал Шану, — может быть, ты приедешь на праздники с девочками?

— А как же школа?

— Да, точно, школа, — беспечно сказал он, — тогда при первой возможности обязательно приезжайте.

— Да, — ответила она, — с удовольствием.

А расстояние — чепуха. Сейчас он, наверное, просиял. Глаза исчезли в морщинках. А щеки вот-вот взорвутся. Через пару секунд он дрожащим голосом сказал:

— Очень хочу вас увидеть. Больше всего на свете.

— Куда мы едем? — снова спросила Назнин. — Хоть бы подсказали.

Они сели в автобус до Ливерпуль-стрит. И больше она ничего не знает.

— Подсказку, подсказку, — просила Разия, озираясь по сторонам.

— Нет! — крикнула Шахана. — Не надо подсказывать.

— Это сюрприз, — объяснила Биби с ангельским терпением.

— Тогда попробую отгадать. Мы едем в зоопарк.

— Нет.

— В кино.

— Нет.

— На выставку. В цирк. На край света.

— Хватит отгадывать, — сказала Шахана.

Она достала из сумки коробочку для еды и открыла крышку. Она сама приготовила бутерброды: маринованное манго со сливочным сыром.

— По два каждому. Кто хочет?

Шахана и Биби съели по полбутерброда.

На второй этаж поднялся кондуктор и сказал, что им на следующей выходить.

Когда они вышли из автобуса, девочки взяли

Назнин за руки.

— Закрой глаза.

Она повиновалась.

Они потащили ее за собой:

— Пошли.

Назнин открыла глаза.

— Нет, иди с закрытыми глазами.

Ветер обдувает кожу, солнце согревает веки, волосок щекочет щеку. Назнин шла и чувствовала каждый свой шаг и каждое сокращение мускул в ногах.

— Пришли, — сказала Биби.

— Тихо, — приказала Шахана.

Она ручкой прикрыла матери глаза.

— Повяжи ей свой шарфик, Биби, а то еще будет подсматривать.

— Я надеюсь, от меня вы многого не ждете, — сказала Разия, — не забывайте, что я совсем старая тетка с артритом.

— Тихо, — приказала Шахана, — а то все выдадите.

Девочки вели Назнин, с двух сторон обхватив ее руками. Назнин слышала голоса, одни пролетали рядом, другие таяли вдалеке. Слышала, как вверху играют на струнных и духовых инструментах. Слышала хлопки, как будто с обуви стряхивают

грязь. И еле слышный свист, который подлетал и исчезал, как ветер в туннеле.

— Где мы?

— Посиди здесь с Разией. Мы сейчас все сделаем.

— Можно я одним глазком? — спросила Назнин, когда по звуку поняла, что девочки уже далеко.

— Попробуй. Только я тебе твой глазок тут же выколю к черту.

Назнин положила руки на столик. В воздухе запах жареной пищи, старой кожи, теплый использованный воздух из бесчисленных носов, еле уловимый намек на запах талька, полироли для мебели и снятой кожуры лайма. Это полироль с запахом лайма.

— Мы готовы. Мы готовы, — кричала Биби.

Ее подняли и повернули. Шахана развязала шарф:

— Ну же. Открывай.

Открыла глаза.

Впереди огромный белый круг, окруженный четырехфутовыми заграждениями. Яркий, ослепительный, завораживающий лед. Он медленно открывался ей навстречу. На поверхности крест-накрест сотни тысяч царапин и скользящие пятна цвета. Проехала женщина на одной ноге.

Ни блесток, ни короткой юбки. В джинсах. Опустила вторую ногу и заскользила дальше, теперь на двух ногах.

— Вот твои коньки, мам.

Назнин повернулась. Как встать на лед, ее не интересовало. Мыслями она давно уже была там.

— Разве можно кататься в сари?

Разия уже зашнуровывала коньки.

Ты в Англии. И можешь делать все, что хочешь.